Лидия Чуковская

Записки об Анне Ахматовой

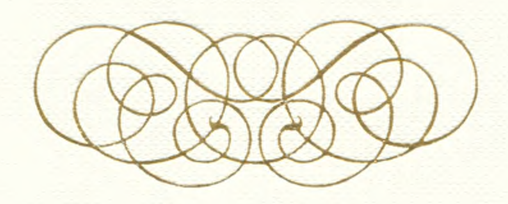

1938—1941

Лидия Чуковская

Записки об Анне Ахматовой

1938—1941

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПРОГРАММА
КНИГОИЗДАНИЯ
РОССИИ

Лидия Чуковская

Записки об *Анне Ахматовой*

В ТРЕХ ТОМАХ

Лидия Чуковская

Записки об *Анне Ахматовой*

1938—1941

ТОМ ПЕРВЫЙ

Москва
«СОГЛАСИЕ»
1997

Лидия Чуковская

Записки об Анне Ахматовой

Том первый

1938—1941

Издание пятое,
исправленное и дополненное

Первое издание—Paris: YMCA-Press, 1976
Второе издание—Paris: YMCA-Press, 1984
Журнал «НЕВА», 1989, №6 и №7
Третье издание—Москва: КНИГА, 1989
Четвёртое издание—Спб: НЕВА;
Харьков: ФОЛИО, 1996

Впервые печатается ПРИЛОЖЕНИЕ
«Из Ташкентских тетрадей» Лидии Чуковской
(ноябрь 1941—декабрь 1942)
Публикация *Е.Ц.Чуковской*
Краткие примечания
Е.Б.Ефимова, Ж.О.Хавкиной, Е.Ц.Чуковской

В ПРИЛОЖЕНИИ впервые воспроизводится автограф
Анны Ахматовой—«Поэма без героя».
Один из ранних вариантов

Художественное оформление *Александра Юликова*
Руководитель программы «СОГЛАСИЕ»
Вацлав Михальский

ISBN 5-86884-050-X
ISBN 5-86884-051-8 (т.1)
ББК 84.3Р7
Ч 88

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 9

1938 15

1939 20

1940 65

В промежутке 228

1941 233

Стихотворения Анны Ахматовой 241

«...Но крепки тюремные затворы» 279

За сценой 283

1938. (1–2) 285

1939. (3–40) 287

1940. (41–102) 308

1941. (103–105) 338

Без заглавия 339

ПРИЛОЖЕНИЕ
341

Из Ташкентских тетрадей
343

Ранний автограф:
«Поэма без героя» Анны Ахматовой
Между 480 *и* 481

«Так бывает в жизни...» Елена Чуковская
516

Список сокращенных названий
522

Список иллюстраций
524

Указатель имён
526

Из-под каких развалин говорю!
Из-под какого я кричу обвала!
. . . .
И всё-таки узнают голос мой.
И всё-таки ему опять поверят.

Анна Ахматова
Черновой набросок

Вместо предисловия

Бежать из Ленинграда мне на моем веку довелось дважды: в феврале 1938 и в мае 1941 года.

Первое бегство спасло меня от лагеря. Спасаясь, я знала, почему, зачем и от чего бегу. Второе бегство, как оказалось впоследствии, спасло меня от двух смертей сразу: лагерной и той, которая тогда еще никому не была ведома, еще не родилась, — ленинградской, блокадной.

...Февраль 1938. Деревянное окошко на Шпалерной, куда я, согнувшись в три погибели, сказала: «Бронштейн, Матвей Петрович» и протянула деньги, — ответило мне сверху густым голосом: «Выбыл!», и человек, чье лицо помещалось на недоступной для посетителя высоте, локтем и животом отодвинул мою руку с деньгами.

«Выбыл!» Я сразу пошла занимать очередь в прокуратуру на Литейный. Каких-нибудь двое-трое суток на лестнице, и вот я уже в кабинете у прокурора. На мой вопрос он ответил, что узнать решение я могу в Военной прокуратуре в Москве. В ту же ночь «Стрелою» я выехала в Москву. На следующее утро один из моих ленинградских друзей известил меня по телефону, что Люшу и няню Иду сегодня переводят на Кирочную, к Корнею Ивановичу... Я поняла это сообщение так: на квартиру у Пяти Углов, нашу, Митину, где мы с Люшей и няней Идой остались жить после Митиного ареста, — за мной приходили. Я не ошиблась: пришли, оказывается, в час ночи, когда мимо меня, стоявшей в коридоре у вагонного окна, только-только успел проплыть ленинградский перрон.

В Военной прокуратуре в Москве, на Пушкинской, я услышала приговор, по тем временам совершенно стандартный: «Бронштейн, Матвей Петрович? Десять

лет без права переписки с полной конфискацией имущества».

В ту пору нам уже было известно, что подобный приговор мужу означает арест и лагерь для жены. Вот почему утренний дружеский телефонный звонок с сообщением о Люше и настоятельным советом не возвращаться в Ленинград — не удивил меня. Убедились мы также к тому времени на многочисленных примерах и в том, что если жены сразу после приговора мужьям уезжают — их не преследуют. Но вот о чем мы тогда не догадывались: «10 лет без права переписки» — это был псевдоним расстрела. Я не поняла, выслушав в Военной прокуратуре приговор, что Матвея Петровича уже нет на свете. Мне казалось, я обязана оставаться живой, избегать ареста, не только ради Люши, но и ради Мити, потому что если я окажусь в тюрьме, то кто же станет организатором спасательных работ?*

Из Москвы я все-таки вернулась в Ленинград, но на квартиру к себе не пошла, на Кирочную — тоже. Два дня жила у друзей, а с Люшей, Идой и Корнеем Ивановичем виделась в скверике. Простилась, взяла у Корнея Ивановича деньги и уехала.

Таковы были обстоятельства моего первого бегства.

Поселилась я сначала у Митиных родителей в Киеве. Потом в Ворзеле под Киевом. Потом в Ялте. Никто меня не искал. Получив от Корнея Ивановича известие, что Петр Иваныч (условное наименование НКВД) остепенился, вошел в ум и более не зарится на чужих жен, — я вернулась в Ленинград, домой. Квартира была разграблена: Митина библиотека в полторы тысячи томов перевезена в подвалы Петропавловской крепости, крупная мебель и зимние вещи вывезены в неизвестном направлении, а мелкие вещички вроде простынь, детских игрушек, ботиков и часов распроданы кому-то по дешевке в пользу конфискующих. В Митиной комнате

* О физике-теоретике Матвее Петровиче Бронштейне, о его книгах, его судьбе и наших попытках спасти его — см. в отделе под названием «...Но крепки тюремные затворы».

поселен некто Катышев, Вася, человек «оттуда», получивший в наследство от репрессированного врага народа не только комнату, но и этажерку, и письменный стол, и часы. Некоторое время я не брала Люшеньку домой, опасаясь, что меня все-таки арестуют, но недели шли за неделями, а меня не трогали. И, перестав еженощно ждать звонка, я перевезла Люшу и няню Иду к себе и снова занялась хлопотами о Мите.

Ко времени моего возвращения в Ленинград после первого бегства и относятся первые записи в моем дневнике. В эту пору я и начала встречаться с Анной Андреевной Ахматовой.

15 мая 1941 года, то есть за месяц до войны, я вынуждена была покинуть Ленинград вторично. На этот раз потому, что до Петра Иваныча дошли слухи о существовании какого-то «документа о тридцать седьмом», как называли неизвестный документ следователи, допрашивавшие Иду. (На самом деле это была «Софья Петровна», повесть о 37-м, написанная мною зимой 1939/40 года.)

Но о вторичном побеге речь впереди. Так же, как и о последнем, окончательном моем отъезде из Ленинграда в 1944 году, который тоже был совершен мной не по собственной воле.

Мои записи эпохи террора примечательны, между прочим, тем, что в них воспроизводятся полностью одни только сны. Реальность моему описанию не поддавалась; больше того — в дневнике я и не делала попыток ее описывать. Дневником ее было не взять, да и мыслимо ли было в ту пору вести настоящий дневник? Содержание наших тогдашних разговоров, шепотов, догадок, умолчаний в этих записях аккуратно отсутствует. Содержание моих дней, которые я проводила изредка за какой-нибудь случайной работой (с постоянной меня выгнали еще в 1937-м), а чаще всего — в очередях к разнообразным представителям Петра Иваныча, ленинградским и московским, или в составлении писем и просьб, или во встречах с Митиными товарищами, уче-

ными и литераторами, которые пробовали за него заступаться, — словом, реальная жизнь, моя ежедневность, в записях опущена, или почти опущена; так, мерцает кое-где еле-еле. Главное содержание моих разговоров со старыми друзьями и с Анной Андреевной опущено тоже. Иногда какой-нибудь знак, намек, какие-нибудь инициалы для будущего, которого никогда не будет, — и только. В те годы Анна Андреевна жила, завороженная застенком, требующая от себя и других неотступной памяти о нем, презирающая тех, кто вел себя так, будто его и нету. Записывать наши разговоры? Не значит ли это рисковать ее жизнью? Не писать о ней ничего? Это тоже было бы преступно. В смятении я писала то откровеннее, то скрытнее, хранила свои записи то дома, то у друзей, где мне казалось надежнее. Но неизменно, воспроизводя со всей возможной точностью наши беседы, опускала или затемняла главное их содержание: мои хлопоты о Мите, ее — о Леве; новости с этих двух фронтов; известия «о тех, кто в ночь погиб».

Литературные разговоры в моем дневнике незаконно вылезли на первый план: в действительности имена Ежова, Сталина, Вышинского, такие слова, как умер, расстрелян, выслан, очередь, обыск и пр., встречались в наших беседах не менее часто, чем рассуждения о книгах и картинах. Но имена великих деятелей застенка я старательно опускала, а рассказы Анны Андреевны о Розанове или Модильяни, или даже всего лишь о Ларисе Рейснер или Зинаиде Гиппиус — записывала. Застенок, поглотивший материально целые кварталы города, а духовно — наши помыслы во сне и наяву, застенок, выкрикивавший собственную ремесленно сработанную ложь с каждой газетной полосы, из каждого радиорупора, требовал от нас в то же время, чтобы мы не поминали имени его всуе даже в четырех стенах, один на один. Мы были ослушниками, мы постоянно его поминали, смутно подозревая при этом, что и тогда, когда мы одни, — мы не одни, что кто-то не спускает с нас глаз или, точнее, ушей. Окруженный немóтою, застенок

желал оставаться и всевластным и несуществующим заraз; он не хотел допустить, чтобы чье бы то ни было слово вызывало его из всемогущего небытия; он был рядом, рукой подать, а в то же время его как бы и не было; в очередях женщины стояли молча или, шепчась, употребляли лишь неопределенные формы речи: «пришли», «взяли»; Анна Андреевна, навещая меня, читала мне стихи из «Реквиема» тоже шепотом, а у себя в Фонтанном Доме не решалась даже на шепот; внезапно, посреди разговора, она умолкала и, показав мне глазами на потолок и стены, брала клочок бумаги и карандаш; потом громко произносила что-нибудь светское: «хотите чаю?» или: «вы очень загорели», потом исписывала клочок быстрым почерком и протягивала мне. Я прочитывала стихи и, запомнив, молча возвращала их ей. «Нынче такая ранняя осень», — громко говорила Анна Андреевна и, чиркнув спичкой, сжигала бумагу над пепельницей.

Это был обряд: руки, спичка, пепельница, — обряд прекрасный и горестный.

С каждым днем, с каждым месяцем мои обрывочные записи становились все в меньшей степени воспроизведением моей собственной жизни, превращаясь в эпизоды из жизни Анны Ахматовой. Среди окружавшего меня призрачного, фантастического, смутного мира она одна казалась не сном, а явью, хотя она в это время и писала о призраках. Она была несомненна, достоверна среди всех колеблющихся недостоверностей. В том душевном состоянии, в каком я находилась в те годы, — оглушенном, омертвелом, — я сама все меньше казалась себе взаправду живою, а моя недожизнь — заслуживающей описания. («И то хорошо, что прошла».) К 1940 году записей о себе я уже не делала почти никогда, об Анне же Андреевне писала все чаще и чаще. О ней тянуло писать, потому что сама она, ее слова и поступки, ее голова, плечи и движения рук обладали той завершенностью, какая обычно принадлежит в этом мире одним лишь великим произведениям искусства. Судьба Ахма-

товой — нечто большее, чем даже ее собственная личность, — лепила тогда у меня на глазах из этой знаменитой и заброшенной, сильной и беспомощной женщины изваяние скорби, сиротства, гордыни, мужества. Прежние стихи Ахматовой я знала наизусть с детства, а новые, вместе с движениями рук, сжигающих бумагу над пепельницей, вместе с горбоносым профилем, четко вычерченным синей тенью на белой стене пересыльной тюрьмы, входили теперь в мою жизнь с такою же непреложной естественностью, с какой давно уже вошли мосты, Исаакий, Летний сад или набережная.

Июнь — июль 1966
Москва

1938

10 ноября 38

Вчера я была у Анны Андреевны по делу.

Никогда я не думала, что, с детства зная наизусть ее стихи, собирая ее портреты, когда-нибудь пойду к ней «по делу».

Когда мне было лет тринадцать, Корней Иванович однажды повел меня к ней и она надписала мне «У самого моря». Я не могла поднять на нее глаз, потому что К. И., войдя, сказал: «Лида говорит — по сравнению с журнальным вариантом тут не хватает строки». Это «Лида говорит» меня убило.

Потом — или раньше? — я видела ее в Доме литераторов на вечере памяти Блока. Она прочитала: «А Смоленская нынче именинница»* и сразу ушла. Меня поразили осанка, лазурная шаль, поступь, рассеянный взгляд, голос. Невозможно было поверить, что она такой же человек, как мы все. После ее ухода я очень остро испытала «тайную боль разлуки». Но никто не мог бы заставить меня идти знакомиться с ней.

Потом, в Ольгине, я встретила ее на прямой аллее от вокзала к морю. (А может быть, это было на Лахте?) Она шла с какой-то пышноволосой дамой (я только потом догадалась, что это Судейкина**). Я поздоровалась с Анной Андреевной, еще более обычного стыдясь себя: своей нескладности, своей сутулости. Аллея была пряма, как струна, и, поглядев им вслед, я подумала, что их стройное явление на этой аллее легче было бы выразить какой-нибудь музыкальной, не словесной, фразой.

---

* См.: Anno Domini MCMXXI. Пг.: Petropolis, 1922.

** Об Ольге Афанасьевне Глебовой-Судейкиной см. в отделе «За сценой»: [6].

Вчера я была у Анны Андреевны по делу*.

Сквозь Дом Занимательной Науки (какое дурацкое название!) я прошла в сад. Сучья деревьев росли будто из ее стихов или пушкинских. Я поднялась по черной, трудной, не нашего века лестнице, где каждая ступенька за три. Лестница еще имела некоторое касательство к ней, но дальше! На звонок мне открыла женщина, отирая пену с рук. Этой пены и ободранности передней, где обои висели клочьями, я как-то совсем не ждала. Женщина шла впереди. Кухня; на веревках белье, шлепающее мокрым по лицу. Мокрое белье словно завершение какой-то скверной истории — из Достоевского, может быть. Коридорчик после кухни и дверь налево — к ней.

Она в черном шелковом халате с серебряным драконом на спине.

Я спросила. Я думала, она будет искать черновик или копию. Нет. Ровным голосом, глядя на меня светло и прямо, она прочла мне все наизусть целиком.

Я запомнила одну фразу:

«Все мы живем для будущего, и я не хочу, чтобы на мне осталось такое грязное пятно»**.

---

* В городе распространились слухи, будто, когда Н.Н.Пунин и Лева были арестованы, А. А. написала письмо Сталину, передала его в башню Кутафью в Кремле и обоих выпустили.

Я пошла узнать, что она написала. Лева в это время был уже арестован опять, а Николай Николаевич на свободе.

Лева — сын Анны Андреевны и Николая Степановича Гумилева; о нем и его судьбе см. в отделе под названием «...Но крепки тюремные затворы».

Николай Николаевич Пунин — искусствовед, муж Анны Андреевны. О нем см. в отделе «За сценой»: [1].

** Среди обвинений, предъявленных Леве, было и такое: мать будто бы подговаривала его убить Жданова — мстить за расстрелянного отца. Но запомненная мною фраза свидетельствует, что Анна Андреевна процитировала мне уже второе свое письмо к Сталину, письмо

Общий вид комнаты — запустение, развал. У печки кресло без ноги, ободранное, с торчащими пружинами. Пол не метен. Красивые вещи — резной стул, зеркало в гладкой бронзовой раме, лубки на стенах — не красят, наоборот, еще более подчеркивают убожество.

Единственное, что в самом деле красиво, — это окно в сад и дерево, глядящее прямо в окно. Черные ветви.

И она сама, конечно.

Меня поразили ее руки: молодые, нежные, с крошечной, как у Анны Карениной, кистью.

— Думаю: вешать на стену картины или уже не стоит?

— 19 сентября я ушла от Николая Николаевича. Мы шестнадцать лет прожили вместе. Но я даже не заметила на *этом* фоне.

— Одно хорошо: я так сильно больна, что, наверное, скоро умру.

— Князев умер. Святополк-Мирский собирает корки.[2]

— Женщина в очереди, стоявшая позади меня, заплакала, услыхав мою фамилию.

Я попросила ее почитать мне стихи. Тем же ровным, словно бы обесцвеченным голосом она прочитала:

не 35-го, а 38-го года, то, которое уже не оказало действия. Слухи же о башне Кутафьей и магическом спасении заключенных были запоздалыми вестями о ее письме 35-го года.

Письмо Ахматовой к Сталину в 35 году было действительно передано ею через башню Кутафью, но дело отнюдь не в том, в какое окошечко она его передала, а в том, через кого и как. Помогли ей доставить письмо по назначению и с чрезвычайною скоростью —знаменитые в то время писатели — Лидия Сейфуллина и приятель Ахматовой Борис Пильняк. (Пильняк был лично знаком со всемогущим секретарем Сталина — Поскребышевым.) Подробнее об этом эпизоде см.: Дневник Елены Булгаковой. М., 1990, с. 108 и 364; воспоминания Э.Г. Герштейн «Лишняя любовь», НМ, 1993, № 11, с. 165–166. См. также мои «Записки», т. 2, с. 417 и «За сценой»: [241].

Одни глядятся в ласковые взоры,
Другие пьют до солнечных лучей,
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью моей.

«Взоры» — «переговоры» почему-то звучат здесь так же пронзительно, как «странен» — «ранен» у Пушкина.

Недвижим он лежал, и странен
Был томный мир его чела.
Под грудь он был навылет ранен;
Дымясь из раны кровь текла.

Мне от этого «странен — ранен» всегда было больнее, чем от струи крови... И вот так же ударяют по сердцу невесть чем «взоры — переговоры»*.

Потом она рассказала, что Борис Леонидович в ее стихотворении, посвященном ему, был недоволен строкой:

Чтоб не спугнуть лягушки чуткий сон.

Лягушка ему не понравилась**.

Я ушла от нее поздно. Шла в темноте, вспоминая стихи. Мне необходимо было вспомнить их сейчас же, от начала до конца, потому что я уже не могла с ними ни на секунду расстаться. В ускользнувших от памяти местах я подставляла для сохранения ритма собственные слова — и в ответ откуда-то из глубины памяти эти негодные слова выманивали ее настоящие. Я вспомнила всё, от слова до слова. Но зато, умываясь и раздеваясь перед сном, я не могла вспом-

---

* «Одни глядятся в ласковые взоры» — см. БВ, Тростник. БВ — сокращенное название стихотворного сборника Анны Ахматовой, вышедшего в 1965 году.

** См. «Поэт» — БВ, Тростник. (Настоящее заглавие «Борис Пастернак».)

Отсылаю читателя к отделу «Стихотворения» в конце книги, на с. 243, *№ 1*. Там собраны те стихи, без которых мои записи могут оказаться не вполне ясными. О стихотворении «Борис Пастернак» сказано также в «Записках», т. 2 на с. 456—457.

нить ни одного своего шага на улице. Как я прошла сквозь «Занимательную Науку»? Как пересекла Невский? Я шла сомнамбулой, меня, вместо луны, вели стихи, а мир отсутствовал.

1939

*22 февраля 39**

Пришла — в старом пальто, в вылинявшей, расплющенной шляпе, в грубых чулках.

Сидит у меня на диване и курит. Статная, прекрасная, как всегда.

— Я не могу видеть этих глаз. Вы заметили? Они как бы отдельно существуют, отдельно от лиц**.

— Мальчика своего моя соседка не любит***. Бьет его. Когда она берет веревку и принимается за него, я ухожу в ванную. Попробовала я один раз с ней говорить — она меня оттолкнула.

— Прошлую зиму я читала «Улисса». Прочла четыре раза, прежде чем одолела. Очень замечательная книга. Правда, на мой вкус там слишком много порнографии.

— Лева уже писал собственные научные работы, овладел языками. Он спросил однажды у своего профессора: верно ли то-то и то-то? Профессор ответил: раз вы так думаете, значит верно... Он очень вынослив, потому что всегда привык жить в плохих условиях, не избалован. Привык спать на полу, мало есть.

Потом она оглядела мои книги — то есть Митины английские**** — выбрала E. Browning, и я отправилась ее провожать. Сухо, бесснежно, холодно. Ветер. Она идет легкой, быстрой походкой, но улицу переходить боится и на середине Невского вцепляется мне в рукав.

---

* За это время — с 10.XI.38 по 22.II.39 г. — я встречалась с А. А. несколько раз, но записи мои пропали — навсегда или на время, не знаю.

** Глаза у женщин в тюремных очередях.

*** Таня Смирнова — своего старшего сына, Валю.

**** При конфискации нашего имущества — в том числе и книг — все английские книги были почему-то оставлены мне.

Долго стоит посреди, не позволяя мне идти дальше, пугаясь моих попыток. Стоим посреди улицы, она все сильнее и сильнее вцепляется пальцами мне в плечо. Говорит:

— Я не умею переводить. Осип* однажды мне так жалобно сказал: «Меня все заставляют переводить. Все говорят: переводите, переводите! А я не умею». Вот и я не умею.

Мы долго стояли посреди улицы. Я ее уверяла тихонько: уже можно, уже можно.

— Нет, нет, еще нельзя!

26 февраля 39

Была у Анны Андреевны — заносила билет**. Сидит на диване, повязанная розовым линючим платком, поджав ноги в стоптанных туфлях.

— Знаете, я перечла m-me Browning. Что-то не понравилась она мне. Муж всегда тянул одну-единственную ноту, но виртуозно... А она... может быть, тем она и плоха, что очень уж на него похожа.

Сняла откуда-то с верхней полки, став ногами на диван, зеленую тетрадь. Я хотела помочь — «Что вы, я прыгаю, как коза!»

Перелистала ее.

— Много он сделал, особенно после 28 года***.

Прочитала мне два стихотворения: одно о могучей нищете, которое я уже слышала раньше, а другое, неизвестное мне, о Киеве-Вие.[3]

— Прочтите ваши.

— У меня нет ничего нового.

Вдруг показала мне на свой лоб — там какая-то с краю темно-коричневая ранка.

— Это — рак, — сказала она. — Очень хорошо, что я скоро умру.[4]

---

* Осип Эмильевич Мандельштам.

** По-видимому, Анна Андреевна просила меня купить ей билет в Москву.

*** Речь идет об Осипе Мандельштаме.

3 марта 39, Москва

— Что у вас? — спросила Анна Андреевна, вскочив с дивана и приблизив к моему лицу расширенные глаза.

Это в крошечной комнате Харджиева, где-то у черта на куличках, я ехала туда часа два.[5] Анна Андреевна любит и знает Москву, а я только раздражаюсь нескладицей. Ленинград своею стройностью приводит и душу в строй, а Москва выводит из равновесия.

У Николая Ивановича холодно. Анна Андреевна сидит на диване, накинув пальто на плечи. Пьем из каких-то кружек чай, а потом из них же вино. Николай Иванович, небритый, желтый, прислушивается к шагам за стеной — к шагам соседей.

Анна Андреевна говорит о литераторах, которые боятся с ней видеться.

— Сегодня Зина уже не пустила его ко мне, — говорит она о Борисе Леонидовиче*.

Разговор о Герцене. Я долго и глупо ломлюсь в открытую дверь, доказывая, что Герцен — великий писатель, великий художник. Анна Андреевна горячо соглашается.

— Конечно, он гораздо крупнее, чем Тургенев, например. Но в «Былом и Думах» не люблю тех глав, где откровенности о Наташе.

Я пытаюсь спорить. Я понимаю так: в обращении Герцена к мировой демократии «по семейному делу» сказалась прекрасная наивность революционера, ощущавшего единство революции, морали, эстетики.

— Нет, не в единстве и не в наивности тут дело, — сказала Анна Андреевна. — Это время было тогда такое. В пушкинское время ничего о себе не рассказывали, а они выговаривали всё, до дна.

2 мая 39, Ленинград

Утром, гуляя с Люшей, я зашла к Анне Андреевне и уговорила ее выйти погулять**.

---

* Зина — Зинаида Николаевна — жена Б.Л. Пастернака. О ней см.[54].

** Люша (Елена) — моя дочь от первого брака.

Она слегка хромает: сломан каблук.

Идем по Фонтанке, мимо цирка, мимо Инженерного замка.

— Вам не приелся Петербург? — спрашивает она после долгого молчания.

— Мне? Нет.

— А мне очень. Даль, дома — образы застывшего страдания. И я так долго, слишком долго отсюда не уезжала.

Проходя мимо цирка:

— Тут, несколько лет назад, белыми ночами кричал тюлень...

Мимо Инженерного:

— Видите два окна с другими — цветными — стеклами? В этой комнате убили Павла.

Присели ненадолго в садике. Она говорила — восторженно — о фресках в Софийском соборе. (Видела фотографии.) И добавила:

— Новгородская София тоже очень хороша.

Мы пошли ее провожать.

— Я всю Фонтанку обжила, — сказала Анна Андреевна. — Тут жила, в доме капитула, с Олей.

(Это дом с колоннами недалеко от Симеоньевского моста.)[6]

— Вам надо почаще ходить гулять, — сказала я, прощаясь.

Она махнула на меня ручкой.

— Что вы! Разве сейчас можно гулять!

18 мая 39

Вечером телефонный звонок: Анна Андреевна просит придти. Но я не могла — у Люшеньки грипп, надо быть дома.

Она пришла сама.

Сидит у меня на диване — великолепная, профиль, как на медали, и курит.

Пришла посоветоваться.. В каждом слове — удивительное сочетание твердости, достоинства и детской беспомощности.

— Вот получила письмо. Мне говорят: посоветуйтесь с Михаилом Леонидовичем*. А я решила лучше с вами. Вы вскормлены Госиздатом.

(И выгнана им же!)

Текст письма: «Мы охотно напечатаем... Но пришлите больше, чтобы облегчить отбор».

— Вот уже двадцать лет так. Они ничего не помнят и не знают. «Облегчить отбор»! Каждый раз опять и опять удивляются моим новым стихам: они надеялись, что на этот раз, наконец, у меня окажется про колхозы. Однажды здесь, в Ленинграде, меня попросили принести стихи. Я принесла. Потом попросили зайти поговорить. Я пришла: «Отчего же стихи такие грустные? Ведь это уже *после...*» Я ответила: по-видимому, такая несуразица объясняется особенностями моей биографии.

Мы начинаем вместе, по памяти, перебирать стихи. Я кое-как пытаюсь слепить цикл. Она, хоть и пришла «посоветоваться», слушает меня вяло, без всякого интереса.

— Не хочу я искать, рыться... Бог с ними... Дам «Мне от бабушки-татарки», и будет с них. Да и остались одни безумно-любовные**.

Прячет издательское письмо и, увидев у меня на столе томики маленького оксмановского Пушкина, начинает говорить о Пушкине***:

— Как «Пиковая дама» сложна! Слой на слое. Я это поняла впервые, когда читал Журавлев. Он изумительно читает. Своим чтением он открыл мне эту сложность.[8]

---

* Михаил Леонидович — Лозинский. О нем см. [7].

** «Мне от бабушки-татарки» — первая строка «Сказки о черном кольце» — БВ, Anno Domini.

*** «Оксмановским Пушкиным» в этом разговоре я произвольно обозначила «Полное собрание сочинений в девяти томах» под общей редакцией Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского (при участии Г. О. Винокура, Д. П. Якубовича, М. К. Азадовского и С. М. Бонди). Собрание сочинений А. С. Пушкина, осуществленное издательствами «Academia» и ГИХЛ'ом, было приурочено к столетию со дня гибели поэта. Выходило оно с 1935-го по 1938-й.

Обе мы дружно ругаем Яхонтова.

— Просто неинтересно, — говорит Анна Андреевна.

Разговор о прозе Пушкина приводит нас к Толстому. Анна Андреевна отзывается о нем несколько иронически. А потом произносит грозную речь против «Анны Карениной»:

— Неужели вы не заметили, что главная мысль этого великого произведения такова: если женщина разошлась с законным мужем и сошлась с другим мужчиной, она неизбежно становится проституткой. Не спорьте! Именно так! И подумайте только: кого же «мусорный старик» избрал орудием Бога? Кто же совершает обещанное в эпиграфе отмщение? Высший свет: графиня Лидия Ивановна и шарлатан-проповедник. Ведь именно они доводят Анну до самоубийства.

А как сам он гнусно относится к Анне! Сначала он просто в нее влюблен, любуется ею, черными завитками на затылке... А потом начинает ненавидеть — даже над мертвым телом издевается... Помните: «бесстыдно растянутое»?*

Я не спорю. Мне слишком интересно слушать, чтобы говорить самой. Ну да, она женофилка. Когда она умолкает, я говорю только: какие великолепные страницы перед самоубийством.

— Да, да, конечно, множество гениальных страниц. Бормотание мужичка под колесами — великолепная заумь.

А в общем не любит она, видно, Толстого.

— Я очень дружна с его внучкой Соней. Она дала мне альбом, чтобы я написала. В этом альбоме спертый дух — ханжеский дух Ясной Поляны.

Лозинский принес ей «Ад».

— Перевод замечательный, — говорит она. — Я читаю с наслаждением. Есть места натянутые, но их мало. Я сижу и сверяю.

Я, со свойственной мне способностью ляпать не подумавши, осведомляюсь, знает ли она итальянский.

* О происхождении прозвища «мусорный старик» см. примеч. на с. 143.

Она, величаво и скромно:

— Я всю жизнь читаю Данта.

Мельком жалуется:

— Шумят у нас. У Пуниных пиршества, патефон до поздней ночи... Николай Николаевич очень настаивает, чтобы я выехала.

— Обменяли бы комнату?

— Нет, просто выехала... Знаете, за последние два года я стала дурно думать о мужчинах. Вы заметили, *там* их почти нет...*

И, не принимая моих попыток объяснить это**, выпуская дым в сторону, цитирует чьи-то слова:

— «Низшая раса»...[9]

Поздно. Люшенька спит, но сильно кашляет во сне. Прошу Иду лечь не на кухне, а в детской, и иду провожать Анну Андреевну. На улице теплый вечер, глубокое небо. В этой глубине — колокольня Владимирской церкви.

По дороге Анна Андреевна рассказывает мне о черепе Ярослава, привезенном сюда для исследования («все зубы целы»), и о Киеве («испорчен XIX веком»).

Кругом множество пьяных. Кажется, что вся мужская часть улицы не стоит на ногах. Анна Андреевна рассказывает, как недавно вечером к ней по очереди пристали трое мужчин, и когда она прикрикнула на одного, он ответил:

— Я тебе не муж, ты на меня не ори!

Идем по ее темному двору. Споткнувшись, она говорит: «Не правда ли, какой занимательный двор?» Потом по лестнице, в полной тьме: ни одной лампочки. Она идет легко, легче меня, не задыхаясь, но слегка прихрамывая: каблук. У своей двери, прощаясь, она говорит мне:

— Вы знаете, что такое пытка надеждой? После отчаяния наступает покой, а от надежды сходят с ума.

---

* *Там* — то есть в тюремных очередях.

** Я сказала, что в тюрьме гораздо больше мужчин, чем женщин, поэтому в очередях больше женщин, чем мужчин.

29 мая 39

Вчера вечером Анна Андреевна позвонила и вызвала меня. Я выбралась поздно. Застала ее лежащей.

— Ничего не случилось. Это я после ванны. Я здорова.

Толстое одеяло без простыни. Грубая рубаха. Мокрые волосы на подушке. Лицо маленькое, сухое, темное. Рот запал. «Вот такой она будет в гробу», — подумала я.

Но впечатление это скоро рассеялось. Она вскочила, накинула черный шелковый халат с драконом («китайское мужское пальто», — пояснила она) и принесла из кухни чай. К чаю был черный хлеб и какие-то соевые конфеты. Выпив чашку, она снова легла под одеяло и заговорила. У нее какая-то новая беда, и позвала она меня, видно, чтобы не быть одной. О беде не говорила, а обо всем на свете.

— Перечитываю Салтыкова. Замечательный писатель. «Современная идиллия» — перечтите. Вот, говорят, бедняга, вынужден был эзоповым языком писать. А ему эзопов язык шел на пользу, создавая его стиль.

И опять о Герцене:

— Да, вот это писатель... Вы не помните, между прочим, где он называл Николая — Дадоном? Мне для работы надо.

— А бывают и дутые репутации, например, Тургенев.

(Я в восторге от такого совпадения нелюбви.)

— Как он плохо писал! Как плохо! Помните «Стук, стук!..» Прав был Достоевский: сплошное merci! И как по-барски он людей описывал: внешне, пренебрежительно.

Я сказала, что понятие «русский литературный язык» совершенно условное, что у каждого свой: у Гоголя, у Лермонтова, у Пушкина, у Толстого, у Герцена. Каждый из них писал на своем, а не на русском литературном. Вспомнила, что Корней Иванович, прочитав лермонтовское «Меж тем как Франция среди рукоплесканий», воскликнул: «Разве это по-русски? Это на каком-то другом, может быть и прекрасном, но на другом, особом языке. Звук другой».

— Корней Иванович ошибается, — сказала Анна Андреевна. — Это ни на каком особенном, а все дело в том, что в XVI и XVII веке во Франции существовал для начал и концов прочный канон. Например, оды должны были начинаться со слова «aussi». Пушкин часто переводил этот зачин. То же и «меж тем как». Это было просто нечто обязательное для торжественного начала. Уже Вольтер пародировал подобные зачины и использовал их в сатирических стихах. У меня об этом много написано — вон, все в тех ящиках лежит. Я уже и вообразить себе не могу, как воспринимается Пушкин без этого фона*.

Я — о «Полтаве».

Она на минуту прижала руки к лицу.

— Откуда он знал? Откуда он все знал?

Потом:

— Никогда больше не буду это читать!**

В коридоре топал и быстрым говорком тараторил Николай Николаевич.

Чтобы отвлечь Анну Андреевну от «Полтавы», я рассказала ей, как видела ее впервые на вечере памяти Блока в лазурной шали.

— Это мне Марина подарила, — сказала Анна Андреевна. — И шкатулку***.

Я спросила о Мережковских.

---

* Наблюдения Ахматовой над «этим фоном» ныне опубликованы. См. «Пестрые заметки» — ОП, с. 234, а также: Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой: По материалам архива П.Лукницкого / Коммент. В.Непомнящего и С.Великовского // ВЛ, 1978, № 1.

** Я рассказала Анне Андреевне, как, вернувшись из тюрьмы, А.И.Любарская прочитала мне две пушкинские строки:

И первый клад мой честь была,
Клад этот пытка отняла, —

сказав, что только в тюрьме по-настоящему поняла «Полтаву».

Об А.И.Любарской см. [10].

*** Марина — Марина Ивановна Цветаева.

— Недоброжелательные были люди, злые. И ничего не делали спроста. Мне в семнадцатом году Зинаида Николаевна вдруг начала звонить, звала к себе, но я не пошла. Зачем-то я ей нужна была...

— А Розанов? — спросила я. — Я так его люблю, кроме...

— Кроме антисемитизма и половой проблемы, — закончила Анна Андреевна.

31 мая 39

Вечером у меня сидел Геша.[11] Вдруг, без предупреждения, пришла Анна Андреевна. Ей позвонили, оказывается, из «Московского альманаха», просят стихи. Значит, все сомнения были напрасны. Она хочет, чтобы я отвезла*. Я обещала перед отъездом непременно к ней забежать. Она выпила чаю и быстро ушла — по-видимому, Геша стеснял ее.

1 июня 39

Сегодня я зашла к Анне Андреевне за стихами. Она лежит, лицо сухое, желтое, руки закинуты за голову. Я принесла ей котлеты, вареные яйца, торт и сирень. Да, и сирень, чтобы больше было похоже на подарок...

Скоро пришел Владимир Георгиевич**.

---

* Стихотворения Ахматовой в «Московском альманахе» (1939) опубликованы не были. Много лет спустя, в декабре 1977 года, К.Симонов в письме к Виленкину ссылался на запрет Фадеева: Фадеев «считал, что некоторые вещи, в том числе эти стихи Ахматовой, печатать в этом первом номере этого альманаха не следует. И соответственно и было поступлено». В примечании к письму Симонова редакция поместила и тот циркуляр, в котором Фадеев подробно излагал причину своего нежелания печатать в альманахе стихи Ахматовой и Асеева, а также прозу Зощенко. (См.: К.Симонов. Собр. соч. в 10 т. Т. 12 (дополнительный). М.: Худож. лит., 1987, с. 468–469.)

** Гаршин (1887—1956) — патологоанатом, профессор Военно-медицинской академии, много лет проработавший в больнице им. Эрисмана; племянник писателя Всеволода Гаршина. Подробнее о нем см. «Записки», т. 2, «За сценой»: [95].

Она попросила его переписать стихи:

— Вы ведь знаете, где.

Он долго перелистывал тетрадь, искал, не находил. Она объясняла где и что очень терпеливо, стараясь не раздражаться, и все-таки где-то в глубине голоса жило раздражение.

Владимир Георгиевич переписывал медленно. Я подала ей в постель котлету на хлебе и чашку чаю. Она ела и пила лежа, не поднимаясь.

Он спрашивал ее о знаках.

ОНА: Это совершенно все равно.

Я: Вы к знакам равнодушны?..

ОНА: В стихах — вполне. Такова футуристическая традиция.[12]

ОН: Нужно тут многоточие?

ОНА (*не глядя*): Как хотите. (*Мне*): К. Г.* говорил, что у меня каждая вторая строка завершается многоточием.

Владимир Георгиевич кончил переписывать и просил ее посмотреть, но она отмахнулась:

— Все равно... Не важно...

Взяв в руки тетрадь и взглянув на оригинал, я спросила:

— Тут что? Черточка? или пробел?

— Нет, но там, к сожалению, строфа... Всю жизнь я мечтала писать без строф, сплошь. Не удается **.

4 июля 39

Вчера я с утра позвонила Анне Андреевне. «Можно придти вечером?» — «Можно, только приходите раньше, я хочу скорее увидеть вас».

Я пришла раньше.

Лежит — опять лежит, закинув руки за голову. Отворено окно в сад. Тихо и пусто. Около окна на полу стоит картина: портрет Анны Андреевны в белом платье.

---

* Коля Гумилев.

** О каком стихотворении идет речь, я вспомнить не могу.

— Хорошо написал меня Осмеркин. Он 29-го кончил. По-моему, лицо очень похоже.

Я не разглядела лица в темноте угла.

После того, как я рассказала ей, а она мне*, она взяла в руки и прочитала вслух какое-то совершенно дурацкое читательское письмо.

«Вы не увлекаетесь формой, вы пишете просто. А Пастернак увлекается формальными исканиями, создает комбинации слов...»

— Просто! — с сердцем сказала Анна Андреевна. — Они воображают, что и Пушкин писал просто и что они всё понимают в его стихах.

А я подумала о Пастернаке. Сам он лучше всех сказал о своих судьях и о своей поэзии: «...развращенные пустотою шаблонов, мы именно неслыханную содержательность, являющуюся к нам после долгой отвычки, принимаем за претензии формы».[13]

Так обстоит дело со сложностью. Что же касается простоты, то она тоже только тогда прекрасна, когда содержательна — то есть сложна. И я не верю, что человек, не понимающий Пастернака, действительно понимает Ахматову. А уж о Пушкине и речи быть не может.

6 июля 39

Пришла и прочитала:

И легких рифм сигнальные звоночки...**

14 июля 39

Днем сегодня я была у Анны Андреевны. Она куда-то торопилась, так что я даже не поняла, почему по телефону она позволила мне придти. Впрочем, она боится улиц и любит, чтобы кто-нибудь ее провожал.

Чуть я пришла, мы отправились.

---

* Мы рассказали друг другу о своих хлопотах за арестованных — она о Леве, я о Мите.

** Строка из стихотворения «Бывает так: какая-то истома» («Творчество») — БВ, Седьмая книга; *№ 2*.

— Пунины взяли мой чайник, — сказала мне Анна Андреевна, — ушли и заперли свои комнаты. Так я чаю и не пила. Ну Бог с ним.

Мы вышли в коридорчик, и она начала запирать свои двери. Это оказалось длинной, сложной процедурой. Замкнув дверь своей комнаты, она, когда мы уже вышли в переднюю, вернулась и дополнительно заперла кухню.

Мы шли через Занимательный вход.

— Посмотрите на эту дверь, — сказала мне Анна Андреевна и прикрыла ее. Там оказалась надпись: «Мужская уборная». — Вечером, когда эта дверь прикрыта так, что надпись видна, — к нам никто не приходит.

По Невскому я проводила ее до угла Садовой. Мы молчали — жара мешала говорить. Улицу Анна Андреевна перешла, держась за мой рукав, вздрагивая и озираясь, хотя было пустовато. Подошел ее трамвай. Я стояла и смотрела, как она поднялась по ступенькам, вошла, схватилась за ремень, открыла сумку... В старом макинтоше, в нелепой старой шляпе, похожей на детский колпачок, в стоптанных туфлях — статная, с прекрасным лицом и спутанной серой челкой.

Трамвай как трамвай. Люди как люди. И никто не видит, что это она.

20 июля 39

Вчера весь вечер я провела у Анны Андреевны.

Она лежит. Но уверяет, что здорова.

Меня уговорила сесть в кресло, куда до сих пор садиться я остерегалась.

— У него, правда, ножки нет, — сказала Анна Андреевна, — но вы не обращайте внимания, это не беда, стоит только подставить вон тот сундучок.

Я подставила сундучок, села, и после обычных — «что у вас?» — «а у вас что?» — началась, как всегда, «Тысяча и одна ночь».

Я призналась, что не люблю Мопассана. И была осчастливлена ответом, что и она его терпеть не может.

— Особенно мерзки большие вещи. Да и рассказы. Я только один рассказ люблю — тот, где человек сходит с ума.[14] Противно, что он на всех портретах подает себя мускулистым, а сам издавна паралитик. Так и в рассказах.

Потом мы заговорили о Прусте, и она час целый излагала мне содержание романа «Альбертина скрылась».

Покончив с Альбертиной, Анна Андреевна вскочила и накинула черный халат. (Он порван по шву, от подмышки до колена, но это ей, видимо, не мешает.) Пили крепкий чай с хлебом — больше нет ничего, даже сахару, и я обругала себя, что не принесла его.

На серебряных чайных ложечках выгравировано маленькое перечеркнутое А. «Это я так пишу», — объяснила Анна Андреевна.

Мне захотелось поближе рассмотреть шкатулку, которая издали меня всегда занимала. Она сняла ее с этажерки. Шкатулка дорожная, серебряная, ручка входит внутрь крышки. Рядом со шкатулкой стоит маленькая трехстворчатая иконка, а рядом с иконкой — камень и колокольчик. Под колокольчиком оказалась чернильница, очаровательная, тридцатых годов прошлого века. (Колокольчик — это ее крышка.) Тут же пустой флакон из-под духов.

— Понюхайте, правда, нежный запах? Это — «Идеал», духи моей молодости.

Посмотрев на Анну Андреевну сбоку, я спросила:

— Вас никто не лепил?

— Есть статуэтка работы Данько, но она не у меня. Один скульптор собирался было лепить меня, но потом не пожелал: «Неинтересно. Природа уже все сделала».[15]

Она снова легла. Начала рассказывать всякие истории, перескакивая с предмета на предмет, с имени на имя. Спросила, слышала ли я о Палладе?

— Нет.

— Даже не слышали? Это можно объяснить только вашей сверхъестественной молодостью. Она была знаменита. Браслеты на ногах, гомерический блуд. Один

раз при мне она сказала своей приятельнице: «У меня была дивная квартира на Моховой. Ты не помнишь, с кем я тогда жила?»[16]

Я ее стала расспрашивать о Ларисе Рейснер — правда ли, что она была замечательная?

— Нет, о нет! Она была слабая, смутная. Однажды я пришла к ней в Адмиралтейство — она жила там, когда была замужем за Раскольниковым. Матрос с ружьем загородил мне дорогу. Я послала сказать ей. Она выбежала очень сконфуженная... Поразительно она умерла: ведь одновременно умерли ее мать и брат, тоже от брюшного тифа. Мне кажется, тут что-то неладное в этих смертях.

Я спросила: была ли Лариса так красива, как о ней вспоминают?

Анна Андреевна ответила с аккуратной методической бесстрастностью, словно делала канцелярскую опись:

— Она была очень большая, плечи широкие, бока широкие. Похожа на подавальщицу в немецком кабачке. Лицо припухшее, серое, большие глаза и крашеные волосы. Всё.

Почему-то разговор коснулся Ольги Берггольц.

— Она раньше часто ко мне бегала. Очаровательно хорошенькая была. Джокондовская безбровость ей очень шла. А потом она вдруг изменилась. Наклеила брови. И стала жандармом в юбке. И сразу подурнела — вы заметили?

Я упомянула о хорошей фотографии с альтмановского ее портрета, которую я видела у одной своей знакомой.

Она об Альтмане не подхватила, но, помолчав, произнесла:

— У меня всегда была мечта, чтобы муж повесил над столом мой портрет. Но никто не повесил — ни Коля, ни Володя, ни Николай Николаевич. Он только теперь повесил, когда мы разошлись. То есть положил на стол под стекло мою карточку и дочери.[17]

Ушла я поздно. Анна Андреевна попросила меня непременно придти завтра с утра. Глаза умоляющие.

Я приду*.

21 июля 39

Я пришла с утра, как обещала.

Анна Андреевна сидит на диване, молчаливая и прямая. Молчит — тяжело, внятно. Мы ждали какую-то даму, с которой должны отправиться вместе**.

Напряжение передалось и мне. Я тоже смолкла. Не зная, чем заняться, я начала перелистывать Байрона, лежавшего сверху, — толстый, растрепанный английский том.

— Не смотрите, пожалуйста, картинки, — с раздражением сказала мне Анна Андреевна. — Они ужасные. Одну я даже выдрала, видите?

— Да, они сильно оглупляют текст, — согласилась я.

— А у Байрона и без того ума не слишком много.

Пришла ожидаемая дама. Тоненькая, старенькая, все лицо в мелких морщинках. Углы узкого рта опущены. Не поздоровавшись со мною и даже, видимо, не заметив меня, она сразу сообщила Анне Андреевне о Г.***

Анна Андреевна закрыла лицо ладонями. Маленькие детские ладони.

Нам пора было идти.

— Познакомьтесь: Ольга Николаевна — Лидия Корнеевна, — вдруг сказала Анна Андреевна на лестнице.[18]

Как только мы ступили на крыльцо, мы едва не были убиты досками, которые кто-то вышвыривал из окна лестницы. Они пролетели мимо наших голов и с грохо-

---

* Назавтра ей предстояло идти в тюремную очередь с передачей.

** Отправлялись мы в «Кресты». Это одна из старейших и огромнейших тюрем Петербурга: пятиэтажное здание, построенное в форме креста (Арсенальная набережная, 5).

*** О чьем-то аресте — чьем, не помню.

том упали у ног. Мы вернулись внутрь и долго там стояли. Грохочущая гора досок перед дверью росла.

Наконец швырянье кончилось. Мы перешли через гору, помогая друг другу. Вышли на Фонтанку.

А дальше все такое знакомое, как узор на обоях. С той только разницей, что с каждым разом «змея» все короче*.

И вот уже все позади. Но мы еще там. Мы сидим с Анной Андреевной на скамейке, более похожей на жердочку. Ольга Николаевна встретила знакомую и отошла. И Анна Андреевна вдруг зашептала, наклоняясь ко мне:

— Ее сын — Левин брат... Он только на год моложе Левы. У него совсем Колины руки.[19]

29 июля 39

Вчера днем я забегала к Анне Андреевне, у нее Владимир Георгиевич и Ольга Николаевна. Пьют чай с хлебом. Я не раздевалась, присела на минутку. Они стали меня расспрашивать — и я рассказала.** Если я не говорю, если я одна, я плачу редко. Но говорить мне нельзя: голос обрывается в плач.

Все сделали вид, что ничего не заметили. Но Анна Андреевна, провожая меня до дверей и прощаясь, спросила:

— Когда можно к вам придти? Можно, я приду завтра?

(Я до сих пор не знаю: она непосредственно, от природы, добра, или это благородный ум, высокоразвитый эстетический вкус заставляют ее совершать добрые поступки?)

Сегодня она пришла вечером. У меня была Зоечка***. Мы пили чай. Анна Андреевна разговаривала легко, сво-

---

* Тюремные очереди в 1939 г. были несравненно короче, чем в 1937—1938 гг. Не сутками мы в них стояли, а лишь часами.

** Я рассказала об очередной неудаче в наших хлопотах о Матвее Петровиче. Мы продолжали хлопотать, не зная, что он уже расстрелян.

*** Зоя Моисеевна Задунайская. О ней см. [20].

бодно, светски. Я спросила у нее, где и как она училась.

— В гимназии в Царском, потом несколько месяцев в Смольном, потом в Киеве... Нет, гимназию я не любила и институт тоже. И меня не очень-то любили.

— В гимназии, в Царском, был со мной случай, который я запомнила на всю жизнь. Тамошняя начальница меня терпеть не могла — кажется, за то, что я однажды на катке интриговала ее сына. Если она заходила к нам в класс, я уж знала — мне будет выговор: не так сижу или платье не так застегнуто. Мне это было неприятно, а впрочем, я не думала об этом много, «мы ленивы и нелюбопытны». И вот настало расставание: начальница покидала гимназию, ее куда-то переводили. Прощальный вечер, цветы, речи, слезы. И я была. Вечер кончился, и я уже бежала вниз по лестнице. Вдруг меня окликнули. Я поднялась, вижу — это начальница меня зовет. Я не сомневалась, что опять получу выговор. И вдруг она говорит:

— Прости меня, Горенко, я всегда была к тебе несправедлива.

Скоро Зоечка ушла; Анна Андреевна, вскочив со стула, рассказала о Коле. Она была ужасно возбуждена*.

Я начала ей рассказывать о нашей детгизовской эпопее, о провокациях Мишкевича, о его штуках с моим Маяковским.

Она замахала на меня рукой:

— Не надо, не надо, не терзайте меня.[21]

Потом предложила почитать мне стихи. Прочитала «И упало каменное слово» и «Годовщину веселую празднуй»**. Спросила: какое мне больше нравится?

---

* А. А. рассказала мне, что Левин приятель, студент Ленинградского университета, Коля Давиденков — арестованный в одно время с Левой — выпущен из тюрьмы. О Николае Сергеевиче Давиденкове см. с. 42—44 этого тома, а также [25].

** «И упало каменное слово» — «Реквием» — начальная строка стихотворения «Приговор» — БВ, Тростник; *№ 3*. В советских изданиях до 1987 г. «Приговор» печатался без заглавия и без ссылки на «Реквием». Впер-

Я не была в состоянии ответить на этот вопрос: я была слишком счастлива. Что я дожила до этого. Что я это слышу. И слишком несчастна.

Не добившись от меня никакого толку, Анна Андреевна сказала:

— Про свои старые я знаю все сама, словно они чужие, а про новые никогда ничего, пока и они не станут старыми.

Потом все было, как повелось: я иду ее провожать, на улице пьяные, при переходе она вцепляется мне в рукав и боится сделать шаг, Занимательный вход и кромешная тьма на лестнице.

— Ем я теперь только тогда, когда меня кормит Ольга Николаевна, — сказала Анна Андреевна. — Она както меня заставляет.

9 августа 39

Сегодня, когда я была у Анны Андреевны, я заметила на стене маленькую картинку. Очаровательный рисунок карандашом — ее портрет. Она позволила мне снять его со стены и рассмотреть.

Модильяни.

— Вы понимаете, его не интересовало сходство. Его занимала поза. Он раз двадцать рисовал меня.

Он был итальянский еврей, маленького роста, с золотыми глазами, очень бедный. Я сразу поняла, что ему предстоит большое. Это было в Париже. Потом, уже в России, я спрашивала о нем у всех приезжих — они да-

---

вые в качестве стихотворения из «Реквиема» «Приговор» был напечатан сначала в журнале «Октябрь» (1987, № 3), а позднее, в более точном варианте, в журнале «Нева» (1987, № 6). «Годовщину веселую празднуй» — в окончательном варианте «Годовщину *последнюю* празднуй» — БВ, Тростник; *№ 4*.

Стихотворение «Приговор» в то время, когда я его впервые услышала от Анны Андреевны, кончалось не так, как впоследствии:

Я давно предчувствовала это:
День последний и последний дом.

же и фамилии такой никогда не слыхали. Но потом появились монографии, статьи. И теперь уже все у меня спрашивают: неужели вы его видели?

Об Олдингтоне:

— Он какой-то первый ученик.

Я призналась, что меня раздражает фрейдизм, что я во Фрейда не верю.

— Не скажите. Я многого не понимала бы и до сих пор в Николае Николаевиче, если бы не Фрейд. Николай Николаевич всегда стремится воспроизвести ту же сексуальную обстановку, какая была в его детстве: мачеха, угнетающая ребенка. Я должна была угнетать Иру. Но я ее не угнетала. Я научила ее французскому языку. Все было не то — при ней была обожающая мать, вообще все было не то. Но он полагал, что я ее угнетала. «Вы никуда не ходили с ней». Но я и сама никуда не ходила... Какие нежные письма девочка писала мне!

Я осведомилась, как обстоят дела с ее переездом.

— Вы думаете, они мне мешают? Нисколько.

Я спросила о хозяйстве.

— Домработница иногда приходит. Раз в пять дней. Варит мне курицу. А когда ее нет, я варю себе картошку. Если Владимир Георгиевич должен зайти ко мне после работы — тогда я стряпаю что-нибудь основательное, бифштекс например.

Анна Андреевна взяла из кучи книг, лежавших в кресле, толстую тетрадь, переплетенную в черное, и протянула мне, пояснив:

— Это то, что мне вернули. Друзья отдали ее в переплет. И я теперь пишу на пустых страницах*.

Я раскрыла. Два перечеркнутых штампа: один — 1928, другой — 1931 (кажется). Стихи переписаны на машинке. Чьи-то пометки красным и черным карандашом. Подчеркнуто: «закрыв лицо, я умоляла Бога». Подчеркнуто слово «поминальный». Перечеркнуты стихотворения: «Чем хуже этот век предшествующих», «Все расхищено, предано, продано», «Ты — от-

---

* Вернули — по-видимому, из какой-то редакции.

ступник: за остров зеленый»*. Пока я перелистывала тетрадь, Анна Андреевна стояла у меня за стулом. Мне это было неприятно, я смотрела кое-как. Успела увидеть мне неизвестное стихотворение, кончающееся строкой:

Бессмертного любовника Тамары**

— но тут Анна Андреевна захлопнула тетрадь и снова сунула ее в кучу книг в кресле.

Не помню как, разговор коснулся стихов Николая Степановича.

— Самая лучшая его книга — «Огненный Столп». Славы он не дождался. Она была у порога, вот-вот. Но он не успел узнать ее. Блок знал ее. Целых десять лет знал.

— Кстати, из дневников Блока сделалось ясно, что он очень холодно, недоброжелательно относился к людям. Там еще многое вычеркнуто — о Менделеевых, о Любе.

На прощание она сказала:

— Я прочитала книжку вашего мужа. Какая благородная книга. Я таких вещей не читаю, а тут прочла, не отрываясь. Прекрасная книга..[22] Можно, я дам ее Владимиру Георгиевичу?

---

* Все пометки носят явно цензурный характер. «Закрыв лицо, я умоляла *Бога*» — строка из стихотворения «Памяти 19 июля 1914» — БВ, Белая стая; «Так что сделался каждый день *поминальным днем*» — строка из стихотворения «Думали: нищие мы» — *№ 22*; «Чем хуже этот век предшествующих? Разве» — *№ 5*. Последние два стихотворения, а также «Ты — отступник: за остров зеленый» не перепечатывались в Советском Союзе около пятидесяти лет и появились снова лишь в 1976 году в книге, подготовленной к печати академиком В.М. Жирмунским. См.: ББП, с. 84, 143 и 133.

«Все расхищено, предано, продано» — БВ, Anno Domini; *№ 40*.

** «Здесь Пушкина изгнанье началось» — БВ, Тростник.

10 августа 39

В 11 часов утра я пришла к ней, как обещала. Она была готова и ждала меня*. Я взяла чемодан с бельем, она — сумку с башмаками. Я спросила, почему она не сошьет мешок.

— Я не умею шить.

Мы пошли к цирку. На залитой солнцем площади ждали трамвая. Лошадь везла дрова.

— Дрова, которых у меня нет, — сказала Анна Андреевна. — Их некуда положить. Весь сарай доверху занят дровами Николая Николаевича.

Я спросила, как она думает, нарочно ли Николай Николаевич делает ей неприятности.

— Нет, не нарочно. Он даже был сконфужен, когда сообщил мне, что для моих дров места нет. «Понимаете, Аня, оказывается, наши дрова занимают сарай до самого верха!»

Подошел наш трамвай. Повезло: мы обе сидели, пристроив вещи на коленях.

— Я уверена, что плавать нельзя разучиться, —сказала Анна Андреевна. (Я не сразу поняла, почему она заговорила о плаванье, но скоро догадалась.) — Я однажды приехала в Разлив и заплыла далеко-далеко. Николай Николаевич испугался, звал меня, а потом сказал мне: «Вы плаваете, как птица».

Мы в эту минуту ехали по Жуковской.

— Вот там, напротив, была лепная конская головка, — указала мне подбородком в окно Анна Андреевна. — Это единственный памятник Ленинграда, воспетый Маяковским. Тут он расхаживал, ожидал и страдал. В день его смерти я пришла сюда. На моих глазах скалывали лепную головку.[23]

Чем ближе подъезжали мы к месту нашего назначения, тем она становилась мрачнее и молчаливее. Выйдя из трамвая, сразу вцепилась мне в рукав.

Все было, как всегда.

---

* Я провожала Анну Андреевну на Константиноградскую, 6, в пересыльную тюрьму: разрешена была вещевая передача.

28 августа 39

В последние десять дней многое надо было записать, но в спешке я не записывала. Постараюсь припомнить теперь.

Кажется, это было 14-го, днем — раздался телефонный звонок. Пока Анна Андреевна не назвала себя, я не понимала, кто говорит — так у нее изменился голос. — «Приходите». — Я пошла сразу. Анна Андреевна объявила мне свою новость еще в передней. «Хорошо, что я так и думала», — добавила она*.

Мы побыли минутку у нее в комнате. Я соображала, куда и кому звонить. Анна Андреевна была такая, как всегда, только все разыскивала в сумочке чей-то адрес, и видно было, что она все равно не найдет его. По телефону мне удалось довольно быстро условиться о шапке, шарфе, свитере. Все, кому я звонила, сразу, без расспросов, понимали всё. «Шапка? Шапки нет, но не нужны ли рукавицы?» Сапоги, сказала Анна Андреевна, в сущности, есть: они гостят у кого-то из друзей. Мы отправились за сапогами вместе (Анна Андреевна не могла объяснить мне, куда ехать). Долго ехали в троллейбусе. Разговоров по дороге я не помню. Дверь открыл нам высокий носатый молодой человек**; она сообщила ему свою новость; он кинулся куда-то вглубь по коридору, и оттуда раздался женский вскрик: «Что ты говоришь!» Маленькая женщина провела нас в комнату, мещански убранную, потом в столовую. Анна Андреевна пыталась выпить чаю, но не могла. Оказалось — сапоги в починке. Молодой человек — Коля — обещал «выбить их из сапожника мигом», потом объявил мне, что завтра зайдет за мной в 8 часов утра.

Я увела Анну Андреевну. По дороге я читала ей стихи Мирона Павловича. Они ей понравились.[24]

Судьба послала нам троллейбус мгновенно. Мы сошли у цирка. На мосту Анна Андреевна сказала мне:

* Новость — известие о предстоящей отправке Левы на север и о свидании с ним... А. А. просила меня срочно раздобыть теплые вещи для сына.

** Коля Давиденков.

— Август у меня всегда страшный месяц... Всю жизнь...

Я проводила ее до дому. Обычно, прощаясь, она говорит, наклоняя голову: «Спасибо вам», а тут сказала:

— Я вас не благодарю. За это не благодарят.

Вечером того же дня, забежав в разные места, я снова приехала к ней — и не одна, а с Шурой*. Мы привезли всё-всё! так счастливо! И сапоги уже тоже стояли на месте. У окна шила какая-то мне незнакомая дама. Шура тоже принялась шить. Анна Андреевна была тихая, отсутствующая, уже погруженная в свое завтра. Делать она ничего не делала и плохо слышала то, что мы ей толковали. Вопросы задавала по нескольку раз одни и те же. Я скоро ушла — торопилась к Люше, а Шура осталась. (Я же все равно шить не умею.) Провожая меня, Анна Андреевна сказала у двери:

— А завтра мне еще надо хорошо выглядеть.

— Вы это можете?

— Я всю жизнь могла выглядеть по желанию: от красавицы до урода.

На следующее утро, ровно в восемь, ко мне вбежал запыхавшийся Коля. Мы решили по дороге зайти к Анне Андреевне, чтобы сговориться точнее. Коля шагал так быстро, что я задыхалась. У Анны Андреевны был Владимир Георгиевич. Мы условились с ней о встрече там, во дворе пересылки, и отправились. Началась жара. Коля тащил мешок. С трамваем повезло, мы добрались быстро. Во дворе, где в прошлый раз были только я да Анна Андреевна, сейчас толпою клубилась очередь. Главный вопрос здесь: что можно? Вещи принимала заляпанная веснушками злая девка с недокрашенными рыжими волосами. Когда пришел наш черед, я спросила: «Нужно ли писать имя и адрес того, кто передает? Или только того, кому передают?» — «Нам нужен адрес, кто передает; адрес "кому" — мы и без вас знаем», — злорадно ответила рыжая.

Получив квитанцию, мы решили пойти на Невский, выпить воды и на всякий случай купить для Анны Андреевны в аптеке какие-нибудь сердечные капли. У выхо-

---

* То есть с Александрой Иосифовной Любарской.

да со двора мы ее встретили. Она была в аккуратно выглаженном белом платье, с чуть подкрашенными губами.

— Ухóдите? — спросила она с испугом.

Мы объяснили, что сейчас вернемся, и вложили ей в сумочку квитанцию.

Без конца длился этот окаянно-жаркий день в пыльном дворе. Пытка стоянием. Одному из нас удавалось иногда увести Анну Андреевну из очереди куда-нибудь прочь, посидеть хоть на тумбе; другой в это время стоял на ее месте. Но она из очереди уходила неохотно, боялась: вдруг что-нибудь... Молча стояла. Мы с Колей иногда оставляли ее одну и уходили посидеть на бревнах, сваленных возле самых железнодорожных путей. Коля на моих глазах с ног до головы покрылся сажей. По лицу у него текли черные ручьи; их он оттирал, как прачка, локтем. Наверное, и я сделалась такая же. Он, видно, славный человек, думающий, смелый и немного смешной.[25] Рассказал мне все о себе, о Леве, а начался наш разговор с таких его слов: «Главное, что я понял: никому нельзя верить и никому ничего нельзя рассказывать». Плохо, значит, понял? Или сразу почувствовал ко мне доверие, как и я к нему? Что поделаешь, мы люди, а тягу людей друг другу верить нельзя, по-видимому, разрушить ничем... Я нашла возле бревен чурбан, и Коля, отдуваясь, притащил его Анне Андреевне. Она согласилась ненадолго присесть. Я смотрела на ее четкий профиль среди неопределенных лиц без фаса и профиля. Рядом с ее лицом все лица кажутся неопределенными.

К четырем часам я непременно должна была спешить домой, к Люше, чтобы отпустить Иду, и я ушла со смятенным сердцем, оставив Анну Андреевну на Колином попечении, утешая себя мыслью, что он, видно, надежный друг*.

---

* Люше было в то время уже семь лет. Причина, почему я не могла оставлять ее дома одну ни на минуту, была в том, что в Митиной комнате сначала жил Катышев, работник НКВД, в дни отдыха от своих работ всегда пьяный, а после поселилась его сестра — профессиональная проститутка.

В последующие дни она дважды заходила ко мне без звонка и не заставала дома. (Я была впопыхах, в бегах: тысяча дел перед отъездом в Москву.)

Наконец, накануне отъезда я вырвалась к ней — это было 17.VIII, а может быть, 18-го.

Она лежала. У нее болит спина и омертвели три пальца на левой ноге. (Со мной это случалось — полтора года назад — и не один раз.)

— Сейчас уже ничего, — сказала мне Анна Андреевна, — а когда я вернулась оттуда в тот день, ноги отекли так сильно, что я сняла туфли и по Занимательному двору шла в чулках.

Я осмелилась сказать:

— Надо будет вам собой заняться.

Она поморщилась.

— Только, пожалуйста, сейчас об этом не говорите.

Она поднялась, села за стол между двумя подсвечниками (свечи не горели, был ясный день) и принялась переписывать стихи*.

— Теперь прочтите, — сказала она, окончив, — и расставьте, пожалуйста, запятые.

Запятые оказались в полном порядке, но в двух местах пропущены слоги.

Желая отрезать от листка лишнюю бумагу, Анна Андреевна принялась искать разрезательный нож. Подняла крышку большой шкатулки, стоящей на столике у окна. Я подошла поближе. В шкатулке лежал гребень — тот, знаменитый, с анненковского портрета, который был на ней, когда она читала стихи памяти Блока и я видела ее в первый раз. И множество фотографий — детских. На одной рядами стоят дети; в первом ряду — девочка в коротких штанишках.

— Это я на гимнастике. В Гунгербурге. Я так хорошо помню этот день.

Потом прелестная десятилетняя наголо остриженная девочка. Удивительные очертания головы, и овал лица уже совершенно ахматовский.

---

* Кажется, я везла в Москву «Музу» — «Когда я ночью жду ее прихода»; БВ, Тростник; *№ 6*.

Зато вот ей шестнадцать-семнадцать лет — и ничего ахматовского. Совсем не она. Что-то неопределенно-девическое.

Она развязала розовую марлю. Там лежали яйца, расписанные черной тушью. Три. И четвертое — розовое с какими-то восточными буквами.

— Это мне Володя подарил. Тут нарисованы земля, небо, море. А это Левушка подарил на Пасху.

Она нашла разрезательный нож, снова увязала яйца в марлю и захлопнула шкатулку.

Потом надписала конверт.

18 августа вечером я уехала в Москву.

26-го я вернулась. Времени не было ей позвонить. Но вчера, возвращаясь из библиотеки, я, нос к носу, столкнулась с Колей.

— Анна Андреевна в больнице!

— Что случилось?

— У нее воспаление челюсти.

В какой больнице — он не знал. К счастью, вечером мне позвонил Владимир Георгиевич. Мы условились, что завтра я пойду ее навещать. Но не пришлось: сегодня, пока я была в библиотеке, позвонил кто-то от ее имени и просил передать, что она уже дома.

Днем мы пошли к ней с Люшенькой. Накупили сластей, а еще взяли с собой детские книжки и игры, которыми она уже давно просила меня снабдить Валю и Шакалика*. Я покричала под окном — она жаловалась, что звонка иногда не слышит. Из-за Люшеньки мы довольно долго поднимались по лестнице. Она ждала нас на верхней площадке у своих дверей.

---

* Мальчики соседей, Смирновых: лет шести-семи Валя и полуторагодовалый Вова, которого почему-то называли Шакаликом. А. А. их очень любила.

Когда во время войны, в эвакуации, в Ташкенте, до Анны Андреевны дошли слухи, будто один из них — Вова — умер, она посвятила его памяти стихотворение «Постучи кулачком, я открою» — БВ, Седьмая книга. (На самом деле умер от голода не Вова, а Валя.)

— Какие милые гости к нам идут! — сказала она, увидев Люшу.

В черном халате и почему-то с помолодевшим лицом. (Я вспомнила блоковское:

Оно от мук помолодело,
Вернув бывалую красу.)

У нее в комнате — Ольга Николаевна. Какая-то веселая, пополневшая — видно, появилась надежда*. Анна Андреевна привела мальчиков, и они, под Люшиным руководством, занялись кубиками, расположившись на стуле у окошка. Анна Андреевна была очень приветлива и ровна, но я видела, что она еле держится. Сидя очень прямо на диване, она рассказывала:

— Когда меня привезли в больницу, я была как из-под грузовика вынутая: подбородок опух, спина не гнется, ноги опухли...

— Мне говорил потом Владимир Георгиевич, что доктор удивлялся моему терпению. А когда же мне было кричать? До — не больно; во время операции — щипцы во рту, не крикнешь; после — уже не сто́ит.

Встала, наклонилась к ребятам. Терпеливо помогла им сложить из кубиков картинку «Князь Гвидон и лебедь» (игра «Сказки Пушкина»). Я опять увидела, с каким напряжением она держится на ногах.

Мы простились, условившись, что на днях она приведет мальчиков к Люше смотреть волшебный фонарь.

У двери она сказала мне своим ровным, душераздирающим голосом:

— Спасибо вам.

5 сентября 39

Я опять пошла к Анне Андреевне с Люшей, но решила Люшу оставить в саду на скамеечке — пусть подышит! — и подняться одной. У Люши с собою был «Том Сойер». Она обещала спокойно ждать меня ровно полчаса. «А дольше не надо. Ладно, мам? Дольше не надо».

На лестнице я нагнала Ольгу Николаевну с корзиночкой: она несла Анне Андреевне обед.

* Действительно, сына её скоро выпустили.

Мы пошли вместе.

— Вот, несу ей еду. Сама она ничего себе не готовит, а домработница является только в выходной день.

Анна Андреевна лежала на своем дырявом диване, укрытая ватным одеялом.

— Вот так, когда лежу на спине, — сказала она, —чувствую себя хорошо. А чуть повернусь или встану —голова кружится.

Ольга Николаевна налила уже бульон в чашку. Но для рыбок и помидоров нужны были вилки.

— Знаете, Анна Андреевна, я нигде не могу найти вилок.

Анна Андреевна встала, поискала где-то в горке среди ваз и красивых чашек.

— Нет, тут их не может быть, я сама видела их в кухне.

Пошла в кухню, вернулась — нет.

— Пропали! Вот так у нас всё, все предметы. Их надо пасти, а чуть перестанешь пасти — сейчас же исчезнут. Недавно у нас мыльница пропала. Ее все видели, Анна Евгеньевна видела ее утром до ухода на службу. Я хотела передать ее Левушке, но она исчезла. Вот так у нас всё.[26]

Мои полчаса истекли, и я ушла.

9 сентября 39

У меня грипп. Вчера меня навестила Анна Андреевна. Нарядная! На руках перстни, на груди брошь, на шее — ожерелье.

Прочитала о смерти*.

— У меня, кроме каверн во всех легких, еще, наверное, и миньерова болезнь, — сказала Анна Андреевна. — Когда-то специалисты мечтали наблюдать хоть одного больного. Теперь таких больных много. Стоит мне двинуться, повернуть голову — головокружение и тошнота. Когда я иду по лестнице, передо мною бездна.

Я спросила, что она сейчас читает.

— Болотова.

* «К смерти» — «Реквием», 8; № 7.

Потом рассказала очень смешно, как чьи-то малыши, которым «Осип»* подарил свою детскую книжку, попросили его:

— Дядя Ося, а нельзя ли эту книжечку перерисовать на «Муху-Цокотуху»?

Почему-то, не помню почему, мы заговорили о человеческой бестактности. Анна Андреевна рассказала: на днях пришла телеграмма Анне Евгеньевне от Николая Николаевича. Анны Евгеньевны нет, она в отъезде.

— Я, — говорит Анна Андреевна, — позвонила брату Николая Николаевича. Тот пришел, прочитал телеграмму: Николай Николаевич, через Анну Евгеньевну, просит у брата 200 рублей. А денег у брата нет. Я ему предложила свои. Он взял и послал их от собственного имени. На другой день пришла телеграмма, адресованная мне: «Поблагодарите Сашу».

Она рассказала это, смеясь.

— И со мной переписывается человек, который на прощание сказал мне: «Выдайте мне расписку, что я отдал вам все ваши вещи»**.

Она поднялась. Я хотела одеться и проводить ее, но она не позволила: «У вас жар».

Остановилась у двери:

— Вы заметили? Я сегодня при всех регалиях. Вот это розовый коралл. А это перстень двадцатых годов прошлого века, его мне Оленька подарила. А это — древний перстень из Индии, тут мужское имя и надпись: «Сохрани его Господь». А это (указала на брошь) — подписной Рикэ, головка Клеопатры.

16 сентября 39

Вечером я была у Анны Андреевны.

Она лежала на диване, одетая, но под одеялом.

Оказывается, Владимир Георгиевич водил ее к доктору — по поводу пальцев ноги, — и доктор велел ей лежать.

---

* Осип Мандельштам.

** См. примеч. на с. 188 и отдел «За сценой»: [1].

— Это не гангрена, как опасался Владимир Георгиевич, это — травмоневрит.

Возле нее на стуле — томик Бенедиктова, подаренный Лидией Яковлевной Гинзбург.[27]

— Знаете, у него, оказывается, были и хорошие стихи, под конец, под старость... Безо всяких Матильд.

И она прочла мне вслух «Бессонницу» и еще кусочек из какого-то стихотворения о елке: начало банальнейшее, а потом хорошо.

На электрической плитке кипел суп.

— Ольга Николаевна ушла и поручила мне за ним смотреть, — сказала Анна Андреевна. Встала, долила в суп воды и попробовала включить чайник.

— Он у нас не всегда действует, а только иногда... Ну, включись, включись, ну, пожалуйста, — сказала она шепотом чайнику, наклонившись над ним.

Я тоже очень хотела, чтобы чайник включился, потому что на этот раз, как умная, принесла с собой печенье, сахар, пирожные.

— Теперь вы ведите здесь культурный образ жизни, — сказала мне Анна Андреевна, — а я пойду на кухню хозяйничать.

Пока ее не было, я перелистывала Бенедиктова. За одной стеной женщина рычала на ребенка, ребенок плакал. За другой слышался оживленный голос новой жены Николая Николаевича.

— Ольга Николаевна ушла в гости, и я боюсь, что мы не услышим звонка. Он у нас тоже так: то действует, то не действует.

Мы сели пить чай.

Анну Андреевну позвали к телефону: Ольга Николаевна извещала, что вернулась ночевать к знакомым, потому что, поднявшись к Анне Андреевне, не дозвонилась —звонок не производил никакого звука.

Провожая меня, Анна Андреевна вышла на площадку, чтобы проверить звонок: он звонил вовсю.

— Вот что значит жить в Доме Занимательной Науки, — сказала она.

27 сентября 39

Я лежу. Чем-то больна — не разбери-пойми.

Анна Андреевна звонила несколько раз, хотела придти. Я ее все не пускала: еще заразится. Да и сама она не совсем здорова. Но сегодня она все-таки пришла. Плохая, темная, глаза ввалились, морщины вокруг рта обозначились резче.

Николай Николаевич вернулся:

— Ходит раздраженный, злой. Всё от безденежья. Он всегда плохо переносил безденежье. Он скуп. Слышно, как кричит в коридоре: «Слишком много людей у нас обедает». А это всё родные — его и Анны Евгеньевны. Когда-то за столом он произнес такую фразу: «Масло только для Иры». Это было при моем Левушке. Мальчик не знал куда глаза девать.

— Как же вы всё это выдерживали? — спросила я.

— Я все могу выдержать.

(«А хорошо ли это?» — подумала я.)

Пришла Рахиль Ароновна.[28] Анна Андреевна оживилась и заговорила о другом.

— Меня приглашают на брюсовский юбилей. Выступить с воспоминаниями.

— Но ведь вы — как и я — его не любите, кажется? — спросила я.

— Лично с ним я не была знакома, а стихов его не люблю и прозы тоже.[29] В стихах и Гелиоглобал, и Дионис — и притом никакого образа, ничего. Ни образа поэта, ни образа героя. Стихи о разном, а все похожи одно на другое. И какое высокое мнение о себе: культуртрегер, европейская образованность... В действительности никакой образованности, перевел эпиграф к пушкинскому «Пажу»: «Это возраст херувима» — вместо Керубино! Писал статьи о теории поэзии и вдруг в письме проговорился: «собираюсь прочесть “L'art poétique” Буало»... Да как же смел писать, не прочитав? Образованность! А письма какие скучные. Я читала его письма к Коле в Париж. В них, между прочим, он настойчиво рекомендует Коле не встречаться с Вячеславом Ивановым:

хотел, видно, сохранить за собой подающих надежды из молодых. А Вячеслав Иванов умница, великолепно образованный человек, тончайший, мудрейший. Через некоторое время Коля написал Брюсову: «Познакомился с Вячеславом Ивановым и только теперь понимаю, что такое стихи...»[30] По дневнику видно, какой дурной был человек. Одна запись: «Под видом массажа крутил руки брату». А брат был болен. Гадость какая! И зачем это записывать? Он полагал, что он гений, и потому личное поведение несущественно. А гениальности не оказалось, и судиться пришлось на общих основаниях.[31] Административные способности действительно были большие. Но и только. Для русской культуры он человек несомненно вредный, потому что все эти рецепты стихосложения — вредны.

Она произнесла эту речь оживленно, энергично, из вежливости обращаясь главным образом к застенчивой и упорно молчавшей Рахили Ароновне.

Потом рассказала, что отбирает стихи для издательства, но нехотя, медленно...

— Я не в силах. Ставим с Люсей крестики. Пока что я перечеркнула все ранние. Я их терпеть не могу*.

Я машинально побарабанила рукой по стене. Она сказала:

— Моя мама, когда ей случалось сильно огорчаться, начинала стучать по столу. Стучала упорно, часами. У меня был брат студент. Мы жили на даче. Один раз соседи спрашивают: «Это ваш брат печатает?» — имея в виду прокламации.[32]

Я рассказала, что читаю Люшеньке «Русских женщин» и она плачет.

— Я в детстве их сама нашла, — отозвалась Анна Андреевна. — Мне никто никогда ничего не читал, не до меня было. Некрасов — единственная в доме книга, больше ни одной.

Заговорили о том, что на улицах сейчас мокро, темно, мрачно.

---

* «с Люсей» — с Лидией Яковлевной Гинзбург.

— Ленинград вообще необыкновенно приспособлен для катастроф, — сказала Анна Андреевна. — Эта холодная река, над которой всегда тяжелые тучи, эти угрожающие закаты, эта оперная, страшная луна... Черная вода с желтыми отблесками света... Все страшно. Я не представляю себе, как выглядят катастрофы и беды в Москве: там ведь нет всего этого.

Я сказала, что Киев — вот веселый, ясный город и старина его не страшная.

— Да, это так. Но я не любила дореволюционного Киева. Город вульгарных женщин. Там ведь много было богачей и сахарозаводчиков. Они тысячи бросали на последние моды, они и их жены... Моя семипудовая кузина, ожидая примерки нового платья в приемной у знаменитого портного Швейцера, целовала образок Николая-угодника: «Сделай, чтоб хорошо сидело»...

Рахиль Ароновна пошла ее провожать.

15 октября 39

За это время я была у Анны Андреевны раза три, но не записывала. А сейчас уже поздно вспоминать ее речи, того и гляди переврешь что-нибудь.

Впрочем, один эпизод запишу. Вечером на днях она и Ольга Николаевна сговаривались при мне с утра отправиться в очередь*. Анна Андреевна просила всех соседей, чтобы ее разбудили ровно в семь — ни минутой позже. «Ольга Николаевна жалеет меня будить». Затем — дружеские препирательства о пальто, кто в чем пойдет: Анна Андреевна настаивала, чтобы Ольга Николаевна надела ее осеннее (у Ольги Николаевны с собою только летнее), а сама она наденет шубу.

— В шубе вам будет тяжело стоять, — говорила Ольга Николаевна, — лучше я надену шубу, а вы осеннее.

Но Анна Андреевна не соглашалась.

— Нет, шубу надену я. Вам с ней не справиться. Она особенная. На ней давно нет пуговиц ни одной. Новые

* В прокуратуру.

найти и пришить мы уже не успеем. Я ее умею и без пуговиц носить, а вы не умеете. Шубу надену я.

Сегодня днем я зашла к Анне Андреевне, чтобы проводить ее в амбулаторию, к доктору, по назначению Литфонда. Зашла прямо из библиотеки, где достала для нее «Литературный современник» 1937 года с новыми материалами о дуэли Пушкина.[33] Кроме того, я принесла ей масло.

— Теперь я обеспечена на много дней, — сказала мне Анна Андреевна. — У меня есть четыре селедки, шесть кило картошки, а вы еще и масло принесли. Пир!

Отправились. Минуты две стояли перед совершенно пустым Литейным: она боялась ступить на асфальт.

По дороге заговорили о щитовидной железе, которая у нее увеличена еще сильнее, чем у меня.

— Мне одна докторша сказала: «Все ваши стихи вот тут», — Анна Андреевна похлопала себя ладошкой по шее спереди. — Мне предлагали сделать операцию, но предупредили, что через месяц я буду не менее восьми пудов. Это я-то!

Опять почему-то вернулись к Киеву, и я спросила, любит ли она Шевченко.

— Нет. У меня в Киеве была очень тяжелая жизнь, и я страну ту не полюбила и язык... «Мамо», «ходимо», — она поморщилась, — не люблю.

Меня взорвало это пренебрежение.

— Но Шевченко ведь поэт ростом с Мицкевича! — сказала я.

Она не ответила.

Мы дошли. Разделись. Белоснежный коридор — и очередь. Анна Андреевна назначена на 5 часов 45 минут, но, как разъяснили в очереди, это «ничего не значит». Мы сели. Перед нами пять человек. Очередь движется медленно, по полчаса на человека.

Анна Андреевна начала меня расспрашивать о Николае Ивановиче: что рассказывает о его житье-бытье Цезарь, вернувшийся из Москвы.[34]

— Странно ко мне относится Николай Иванович, — сказала она вдруг.

— Чем же странно? Вы же знаете, что он к вам замечательно относится.

— Ко мне — да, но не к моим стихам. Ведь Николай Иванович человек фанатический, и мои стихи нравиться ему не могут.

— А вы не спрашивали?

— Ну нет, не мой черед об этом спрашивать!

Наконец Анна Андреевна вошла в кабинет. Я осталась ждать ее. Появилась она скорее других — минут через 15. Мы оделись и вышли на улицу. Тут только я заметила, что она сильно возбуждена.

— Он нашел меня совершенно здоровой. Так я и знала. Я говорила Владимиру Георгиевичу, что так и будет. Теперь на вопрос Литфонда он ответит, что я симулянтка. Уверяю вас, так и будет. Наверное, его разозлило, что я показала ему записки от двух профессоров с очень серьезными диагнозами. Он три раза спросил меня: вы служите? Верно, думал, что я хочу бюллетень получить. Он так понимает свою задачу: осаживать и разоблачать. Назначил мне солено-хвойные ванны, а электризации и ножных ванн, которые рекомендовали Давиденков и Баранов, не назначил: «совершенно лишнее».[35]

Мы шли пешком: в гневе Анна Андреевна не пожелала ждать трамвая. Мне было ее до слез жаль: я близко вижу ее жизнь и понимаю, как она больна... И зачем судьбе понадобилось подвергать ее еще и этому унижению?

Мы шли молча. Я не могла изобрести, чем бы ее утешить.

Довела ее до самых дверей ее квартиры — так уж у нас заведено. На прощание она вдруг меня поцеловала.

18 октября 39

Собираюсь в Долосы*.

В последние дни сижу над стихами Анны Андреевны. Она просила меня прочесть то, что отобрала вместе с Лидией Яковлевной**.

---

* Санаторий в горах над Ялтой, где от туберкулеза горла лечился — и вскоре умер — Мирон Левин.

** О Лидии Яковлевне Гинзбург см. [39].

Я просидела несколько дней, обложенная разными изданиями книг Анны Андреевны. Вдумывалась в пунктуацию, хронологию, варианты.

Мы условились, что я приду к ней сегодня утром. «Пораньше», — настаивала Анна Андреевна.

Я пришла в двенадцать. Стучу, стучу в ее дверь — нет ответа.

— Анна Андреевна дома? — спросила я на кухне у какой-то растрепанной девочки. — Она не отзывается.

— А вы не так стучите, — ответила мне девочка. И лихо застучала в дверь к Анне Андреевне сначала кулаками, а потом, обернувшись спиною, и каблуками.

— Аня, к вам пришли!

— Войдите.

Анна Андреевна лежала на диване серая, с больным, будто отекшим лицом, с седыми растрепанными волосами. Я была в отчаянии. Оказывается, она не спала всю ночь и только недавно уснула! А растрепанная девочка, объяснила мне Анна Андреевна, это вовсе не девочка, а сама уже мама, Ира Пунина.

Я разложила на столе стихи, книги, свои записи и начала задавать приготовленные вопросы.

Анна Андреевна отвечала, слушала, соглашалась на мои советы, но как-то без интереса. Может быть, попросту сон еще не вполне покинул ее.

Я пожаловалась, что не понимаю одного стихотворения: «Я пришла тебя сменить, сестра».

— И я его не понимаю, — ответила Анна Андреевна. — Вы попали в точку. Это единственное мое стихотворение, которого я и сама никогда не могла понять*.

Я переворачивала страницы, задавала свои вопросы и мучительно чувствовала, что все это ей в тягость.

— Пожалуйста, запишите все ваши соображения на каком-нибудь отдельном листке, — попросила наконец Анна Андреевна, — а то я все равно все забуду.

Я умолкла, нашла листок, принялась переписывать свои заметки: даты, отделы, варианты, прежние и теперешние циклы.

---

* «Я пришла тебя сменить, сестра» — ББП, с. 76; *№ 8*.

— Видели ли вы когда-нибудь поэта, который так равнодушно относился бы к своим стихам? — спросила Анна Андреевна. — Да и все равно из этой затеи ничего не выйдет... Никто ничего не напечатает... Да и не до того мне.

Я простилась.

— Возвращайтесь скорее, — сказала она мне на прощание. — Я буду вас очень ждать.

15 ноября 39.

Вчера, впервые после приезда, я была у Анны Андреевны.

Лежит. Опять лежит. По ее словам, не спала уже ночей пятнадцать.

Мечется головой по подушке. Рука горячая.

— У вас жар?

— Я не мерила.

Собирается в Москву. Ей уже достали билет.

Прочитала книгу, которую я принесла ей в прошлый раз, — «Смерть после полудня» Хемингуэя. Я рассказала ей, что Митя случайно раскрыл эту книгу на прилавке у букиниста, зачитался, пришел в восторг и купил, — никогда прежде не слыша даже имени автора.

— Да, большой писатель, — сказала Анна Андреевна. — Я только рыбную ловлю у него ненавижу. Эти крючки, эти рыбы, черви... Нет, спасибо!

Скоро пришла Вера Николаевна, принесла еду.[36] Анна Андреевна ни до чего не дотронулась.

— Я ничего не ем и раздаю. Бессонница — и не могу есть. Все раздаю, а то портится.

Она начала тяжело дышать. Попросила Веру Николаевну пойти к Пунину за камфарой.

Пунин вошел в комнату, напевая. Начал расспрашивать Анну Андреевну, но петь не перестал. Вопросы вставлял в пение.

— Ти-рам-бум-бум! Что с вами, Аничка? Ти-рам-бум-бум!..

— Дайте, пожалуйста, камфару.

Он принес пузырек — ти-рам-бум-бум! — накапал в воду — ти-рам-бум-бум! — и она приняла.

Оказывается, Вера Николаевна пришла за какой-то картиной Бориса Григорьева, которую Анна Андреевна решила продать. Я вышла с ней вместе, чтобы помочь нести. Картина была тяжелая, даже вдвоем мы еле ее тащили. Какая-то малоприличная баба. Тащить было далеко, по Фурштадтской, по Потемкинской.

Вера Николаевна уже продала для Анны Андреевны несколько рисунков Бориса Григорьева по 75 рублей штука.

4 декабря 39

Вчера утром забежал ко мне на минутку Владимир Георгиевич, попросил вместо него встретить Анну Андреевну, возвращающуюся из Москвы. Телеграмма: «Выезжаю 10.50». Сам он не может уйти утром с работы.

— Я был у нее на квартире, протопил печку, прибрал немного...

Сегодня с утра, в указанное им время, я отправилась на вокзал. Но — не встретила Анну Андреевну. Нет такого поезда — 10.50 из Москвы... Вернувшись домой, я на всякий случай позвонила ей. Оказалось, она уже дома. Приехала «стрелой». И попросила придти сейчас же.

Села на диван, рассказала свою эпопею*.

— Константин Александрович позвонил Александру Николаевичу**. Тот пил. Константин Александрович говорит: «Приходи, тут тебя одна дама ждет». Тот обрадовался, думал, дама действительно! А это оказалась я... Но он все-таки был очень любезен.

И дальше — все по порядку. Потом:

— Борису Леонидовичу очень понравились мои стихи. Он так все преувеличивает! Он сказал: «Теперь и умереть не страшно»... Но что за прелестный человек! И бо-

---

* Московские хлопоты о Леве.

** Константин Александрович Федин — Александру Николаевичу Тихонову. Об А.Н.Тихонове см. [37].

лее всего ему понравилось то же, что и вы любите: «И упало каменное слово»*.

Про Николая Ивановича сказала:

— Мы с ним всегда друг другу что-нибудь дарим... этот раз я уж совсем не знала, что ему повезти. Но в альбоме Бориса Григорьева вижу вдруг набросок и подпись: В. Хлебников. Николай Иванович был счастлив. Подарок удался, я рада**.

Мы начали вместе топить печку. Она долго не разгоралась, но все же в конце концов огонь затрещал.

— А знаете, — грустно сказала Анна Андреевна, — Шакалик не узнал меня, когда я вернулась. За две недели позабыл.

6 декабря 39

Сегодня Анна Андреевна позвонила мне с утра: «Приходите сейчас». Я пошла. На мой стук в ее дверь она не ответила, как обычно, «войдите!», а сама вышла в коридорчик, ко мне, и тут энергичным шепотом сделала то сообщение, ради которого меня вызвала: насчет Корнея Ивановича и Жабы.

— Предупредите отца, — сказала она***.

---

* По-видимому, А. А. прочла Борису Леонидовичу некоторые стихи из «Реквиема», а также и другие на ту же тему.

** Надпись Ахматовой на обороте рисунка гласит: «Н.И.Харджиеву от Ахматовой. Скоро 10 лет, как мы дружны. 2 дек. 1939.» (Надпись опубликована Э.Г.Бабаевым во втором выпуске «Ахматовских чтений», с. 205.)

*** Жабой в разговорах со мной А. А. называла Анну Дмитриевну Радлову. 25 ноября 1939 года К.Чуковский выступил в «Правде» со статьей «Искалеченный Шекспир» по поводу радловского перевода «Отелло». Эта статья и встревожила Анну Андреевну: у нее были сильные подозрения насчет связей Анны Радловой с Большим Домом. (Мне неизвестно, откуда возникли такие подозрения, и я не имею возможности установить, в какой мере они основательны.) Статья Корнея Ивановича не вызвала, однако, никаких бед, а всего лишь полемику:

Потом перестала шептать и уже вслух попросила меня зайти. В комнате ожидала ее Лидия Яковлевна. Я села у окошка, а Лидия Яковлевна и Анна Андреевна, ходя друг против друга по комнате, продолжали давно, по-видимому, начавшийся между ними спор о новых гипотезах какой-то Эммы насчет убийства Лермонтова: будто это убийство было подстроено и организовано властью. Анна Андреевна настаивала на исторической и психологической невозможности такого предположения.

— Что за венецианские подосланные убийцы или отравители в России в тридцатых годах прошлого века! — говорила она*.

Говоря, она ходила по комнате, протягивала руки к огню в печке, а один раз даже опустилась перед печкой на колени и так и осталась. «Оказывается, так очень удобно стоять, а я не думала», — сказала она.

Потом вскочила и расставила на столе обильную, против обыкновения, еду: сыр, консервы и водку в графине. Но, как всегда, без конца искала повсюду вилки, ложки, блюдца и обнаруживала их в самых неподходящих местах... Водку мы пили из каких-то крошечных фарфоровых штучек, похожих на солонки.

---

19 января 1940 года «Правда» опубликовала статью А.Остужева в защиту перевода Радловой («О правилах грамматики и законах театра».) Полемика продолжалась. К.Чуковский напечатал новую статью «Астма у Дездемоны» (см. журнал «Театр», 1940, № 2). Позднее он включил в переработанном виде обе статьи в свою книгу «Высокое искусство».

О поэтессе и переводчице Анне Радловой см. [81].

* «Эмма» — Эмма Григорьевна Герштейн. Разговор между Лидией Яковлевной и Анной Андреевной шел о статье Э.Г.Герштейн «К вопросу о дуэли Лермонтова», опубликованной в 1939 году, в шестнадцатом альманахе «Год XXII». В последующих работах о Лермонтове Э.Г.Герштейн не высказывала более свое предположение с прежней категоричностью.

Об Э.Г.Герштейн см. [38].

Анна Андреевна сказала, что может пить много и никогда не пьянеет.

Потом Анна Андреевна вдруг вытащила откуда-то тетрадку переписанных от руки стихов, очень аккуратную на вид, но первый лист отодран так грубо, что клочья торчат.

— Это я отодрала... — сказала она. — Ко мне явился недавно один молодой человек, белокурый, стройный, красивый, сказал, что хочет прочесть мне свои стихи. Я ему посоветовала обратиться лучше в Союз. Я очень быстро его выгнала... И вот — приезжаю из Москвы, а на столе — тетрадка. И на первой странице надпись: «Великому поэту России». Я кинулась на тетрадь зверем и выдрала страницу.

Я осведомилась, хорошие ли стихи, но Анна Андреевна не пожелала ответить. Она уверена, что это — меценат!*

Напрасно мы с Лидией Яковлевной пытались ее разуверить. «Он молод, — говорила я, — он может просто быть не осведомлен об особенностях вашего положения...» Анна Андреевна отвергала такую возможность, а Лидия Яковлевна меня поддерживала.

— Да и в надписи я не вижу ничего предосудительного, — рискнула я.

— Но я не желаю рядиться в чужое платье! — сердито ответила Анна Андреевна.

Скоро Лидия Яковлевна ушла, а меня Анна Андреевна удержала: «ну еще полчасика». Она снова стала рассказывать о Жабе, о ее интригах против нее самой, Анны Андреевны. Говорила она возбужденнее и громче обычного; исчезли глубокие, долгие паузы, столь свойственные ее речи; повидимому, водка все-таки и на нее действует. О Лидии Яковлевне отозвалась она так:

— Человек она внеэмоциональный, холодноватый, но я очень ценю ее голову.[39]

Я спросила, нет ли новых стихов.

— Нет. С тех пор я ничего не могу.

---

* «Меценаты» — зашифрованное наименование стукачей.

Я рассказала ей о «Записной книжке» Марка Твена, появившейся в «Интернациональной литературе». Она ее не читала. Но о «Томе Сойере» отозвалась так:

— Бессмертная книга. Вроде «Дон Кихота».

Заплакал Шакалик. Анна Андреевна поспешила к нему: оказывается, родители ушли в кино, и он один.

Я простилась.

14 декабря 39

Вчера днем, не находя, куда девать себя до вечера, когда должен был придти К. и назвать словами все, что я знаю и так, я отправилась на набережную*.

С помощью туч и мостов я привела себя несколько в порядок и зашла к Анне Андреевне.

На кухне мне сказали, что она дома.

Я постучала в ее дверь, — ответа нет.

На кухне объяснили: «Спит, наверное!» — и вызвались разбудить, но я не позволила. И ушла.

Было 5 часов дня. И какого! «Светало, но не рассвело».

Вечером — звонок; Анна Андреевна что-то объясняет мне насчет себя и моего неудачного посещения. Но разговора толком я не помню, потому что это было уже после записки, когда я, Тамара и Шура (они пришли ко мне, они уже знали) молча сидели у меня на постели и даже Тусины попытки — не утешения, конечно, а ла́скового прикосновения к боли — не удавались, и даже ее щедрая материнская улыбка не могла отогреть**. Из те-

* Должен был ко мне придти юрист Яков Семенович Киселев[40]. И Корней Иванович и Яков Семенович примерно с апреля 1939 года уже знали, что Митя погиб, я же об этом только догадывалась.

Киселев привез записку от Корнея Ивановича: «...Мне больно писать тебе об этом, но я теперь узнал наверняка, что Матвея Петровича нет в живых. Значит, хлопотать уже не о чем. У меня дрожат руки, и больше ничего я писать не могу».

** Тамара (Туся) — Тамара Григорьевна Габбе. О ней см.[59].

лефонного разговора с Анной Андреевной я запомнила только, что она просила меня зайти, и вот сегодня, вымывшись холодной водой, я машинально, в полном оледенении, пошла к ней.

Болело все: лицо, ноги, сердце, даже кожа на голове.

Комната ее сейчас имеет еще более странный вид, чем обычно: стекло залеплено газетой, а с потолка, с верхней лампы, спускается какой-то скрученный обрывок шали. Рассказала мне свои хорошие новости: многозначительные слова. Потом про управдома: нужно заверить ее подпись на новой пенсионной книжке, и она ходила к управдому 16 раз и все не заставала его... 16 раз!

Я, наверное, очень плохо поддерживала разговор, потому что минут через десять она спросила:

— Вы, кажется, чем-то расстроены?

Я выговорила — не заплакав.

— Боже мой. Боже мой, — повторяла Анна Андреевна, — а я не знала... Боже мой!

Мне было пора за Люшей к учительнице. Я ушла.

15 декабря 39

Сегодня днем, когда я собиралась в библиотеку, вдруг звонок — и пришла Анна Андреевна.

— Ходила сюда поблизости получать пенсию и вот забрела, — объяснила она. — Сегодня утром я застала наконец управдома. Я ему протягиваю пенсионную книжку и прошу заверить мою подпись, а он мне говорит: «Распишитесь, пожалуйста, сначала на отдельном листке». Почему? Зачем? Что же, он думает, в книжке моя подпись поддельная? Я пришла в бешенство. Я вообще хорошо отношусь к людям, но тут я очень обиделась. Я ему написала свое имя на бумажке и сказала: «Вы, по-видимому, хотите продать мой автограф в Литературный музей? Вы правы: вам дадут за него 15 рублей». Он смутился, разорвал бумагу. Потом спрашивает: «Вы, кажется, были когда-то писательницей?»

Я послала Иду за папиросами, потом Ида подала нам чай. Анна Андреевна много курила, рассказывала про

мальчиков Смирновых. Шакалик уже говорит «спасибо». Валя (она называет его «мой Валя») любит слушать, когда ему читают. Она читала ему вслух Вальтера Скотта и, окончив, сказала: «Это был замечательный писатель». Он сразу начал крутить перед собою руками и дудеть: «Значит, у него была машина?»

— А я хочу не Вальтера Скотта, — сказала я. — И не буду крутить руками и дудеть.

Она прочитала мне еще раз о смерти, а потом никогда мною не слыханное «Водою пахнет резеда»*.

И опять у меня от этого настоя горя ощущение такого счастья, что нету сил перенести. Я понимаю Бориса Леонидовича: если это существует, можно и умереть.

---

* «Водою пахнет резеда» — строка из стихотворения «Привольем пахнет дикий мед». См. ББП, с. 191; *№ 25*.

1940

13 января 40

Сегодня, только что, была у Анны Андреевны впервые после своего возвращения из Детского*. Слухи о почестях, ей оказываемых, достигали моих ушей и там**.

— Ну, что вы слышали обо мне? — был ее первый вопрос.

Говорит, что чувствует себя плохо, еще хуже, чем раньше: бессонница, и по ночам немеют то ноги, то голова. Но выглядит, по-моему, чуть получше. Сидела на диване, в пальто, причесанная, и в волосах — ее знаменитый гребень.

Все слухи оказались справедливыми. Действительно, ей уже прислали из Москвы три тысячи единовременно, и ежемесячная пенсия повышена до 750 рублей. Зощенко с каким-то листом, присланным из Москвы и уже подписанным кое-кем (Лебедев-Кумач, Асеев), ходит в Ленсовет просить для нее квартиру***. В Союз принимали ее очень торжественно****. За ней заехали секретарша и член правления Союза — Лозинский. Председательствовал Слонимский.

— Я его по привычке все еще называю Мишей. Он как-то очень долго был маленьким... Миша сказал, что я — среди собравшихся, и предложил приветствовать меня. Все захлопали. Я встала и поклонилась. Потом говорил Михаил Леонидович. Он ужасные вещи говорил. Представьте себе: дружишь с человеком 30 лет — и вдруг он встает и говорит, что мои стихи будут жить,

* Я уезжала в Детское, в Дом творчества, чтобы написать «Софью Петровну».

** После какого-то звонка «сверху».

*** Подробнее см. с. 168 настоящего тома.

**** Это было 5 января 1940 года.

пока существует русский язык, а потом их будут собирать по крупицам, как строки Катулла. Ну что это, правда! Ну можно ли так! Народу было много, и все незнакомые. Потом Брыкин доложил про малую серию поэтов. И еще про другое мое издание.

Я заговорила о квартире. Я так хочу ей человеческого жилья! Без этих шагов и пластинок за стеной, без ежеминутных унижений! Но она, оказывается, совсем по-другому чувствует: она хочет остаться здесь, с тем чтобы Смирновы переехали в новую комнату, а ей отдали бы свою. Хочет жить тут же, но в двух комнатах.

— Право же, известная коммунальная квартира лучше неизвестной. Я тут привыкла. И потом: когда Лева вернется — ему будет комната. Ведь вернется же он когда-нибудь...

Меня обрадовала эта надежда.

Она налила мне и себе чай-не чай, а просто горячую воду, и придвинула клюквенное варенье.

— У меня уже недели три нету чая, — объяснила она.

Рассказала о Шакалике. Он вдруг заговорил и говорит все. Вчера, когда погас свет, закричал: «Боюсь, где моя мама?!»

— И меня уже называет «Андреевна». А раньше звал «Кани». Понимаете? Направление, куда: «К Ане». Это для него было мое имя. Сейчас он простужен, сидит в кровати и теребит «Басни» Крылова. Это его любимая книга. Я ему читаю. Он понимает — а ведь ему всего полтора годика.

— А сейчас ко мне придут из «Ленинграда». Я приготовила для них «Художнику» и «Тот город, мной любимый с детства»*. Целые дни теперь приходят и приходят изо всех редакций. Вчера пришел Друзин с секре-

* А. А. дала журналу «Ленинград» не два стихотворения, а пять. В № 2 за 1940 год появились: «Одни глядятся в ласковые взоры», «От тебя я сердце скрыла», «Художнику», «Воронеж» и «Здесь Пушкина изгнанье началось» (БВ, Тростник). Стихотворение «Тот город, мной любимый с детства» (БВ, Тростник) в этом номере журнала не появилось.

таршей и каким-то военным. У меня в эту минуту на руках был Шакалик. Я отдала его Тане и в шутку сказала ей шепотом: «......»* Она поверила. Правда, было очень похоже... Впрочем, я клевещу. Друзин был само великодушие и поощрение. Оказывается, он пострадал когда-то за акмеизм. Вы не знали? Я тоже. Он прибавил, что у акмеистов есть заслуги: они хорошо изображали русскую природу. Какая любезность, не правда ли?[41]

Рассказ ее был прерван приходом барышни из журнала «Ленинград». Барышня всеми порами источала мед и патоку. Анна Андреевна вручила ей приготовленные стихотворения. А когда та ушла — вдруг смолкла и надела очки:

«Звезды неба».

Не могу видеть. Словно соучаствуешь в убийстве**.

Когда я несколько очухалась, мы с огорчением поговорили о предстоящем изъятии электрических приборов.

— А у меня как раз появился новый, — сказала Анна Андреевна, — электрическая зажигалка-пепельница. Это мне Владимир Георгиевич подарил. И вот еще, смотрите, какую коробочку. Из ляпис-лазури. Это пудреница. Мне приятно, что это новые, теперешние вещи. А то мы все живем среди вещей каких-то давних эпох.

Я сказала ей, что ей следовало бы поехать отдохнуть в Дом творчества, в Детское.

— Нет, я там не отдохну. Царское для меня такой источник слез...

---

* «За мной пришли». В оригинале пропуск: я не решилась написать эти слова.

** А. А. записала на листке стихотворение «С Новым Годом! С новым горем!» — дала мне прочесть и потом, по своему обыкновению, сожгла над пепельницей; *№ 9*.

Напоминаю читателю, что 30 ноября 1939 года началась война с Финляндией. Стихотворение опубликовано через 35 лет за границей в сборнике «Памяти А. А.». В Советском Союзе напечатано впервые в журнале «Даугава», 1987, № 9. Публикация Р.Д.Тименчика.

17 января 40

Луна.

От этого город и его беда еще страшнее.

Но спасибо луне.

Сегодня Анна Андреевна позвонила мне и попросила придти к ней. По правде сказать, просьба довольно безжалостная, ибо мороз — 35°. Но я надела валенки, обмоталась платком и пошла. И луна благополучно привела меня к ней сквозь тьму*.

Я принесла ей полпачки чая. Она обрадовалась и сразу включила чайник.

Она сильно обеспокоена тем, что Гослитиздат прислал ей договор на четыре тысячи строк, в то время как и «Издательство писателей» взяло у нее сборник стихов.

Начала искать повсюду договор: на кресле и под креслом с бумагами.

— Приезжала ко мне директорша Гослитиздата, Кр. По-моему, стерва.

Я громко рассмеялась. Я очень люблю слушать такие слова из ее уст.

— Да, да, не смейтесь, стерва. Я ей говорю: «Стихи мои уже отданы в "Издательство писателей"». А она: «Это не беда, лишь бы материал был другой». Какой же материал, Господи!

— Судя по этой реплике, она скорее дура, — сказала я.

— Целые дни теперь звонит телефон, — продолжала Анна Андреевна. — Звонят изо всех журналов. Звонил один человек, назвал свою фамилию, но я не расслышала, кто и откуда. Просит стихи. Отвечаю: я уже все раздала. Молчание. И потом: «Знаете что? Поищите *там*!»

Я посоветовала ей поговорить по поводу «Издательства писателей» и Гослита с Юрием Николаевичем Тыняновым.

Договор вдруг нашелся. Я глянула: самый обыкновенный.

Анна Андреевна заговорила о Льве Пушкине:

* Город, по случаю войны с Финляндией, был затемнен.

— Знаете, сын Модзалевского выяснил, что многие непристойные эпиграммы Пушкина в действительности принадлежат Льву. А если они и пушкинские — я бы все равно их в однотомниках не печатала. И «Гавриилиаду». Раньше эта поэма имела антирелигиозный смысл, а теперь — один только непристойный. Ее надо печатать в академическом издании, и нигде более.

Затем — о мемуарах Смирновой.

— Очень бабья книга... Эта дама, оказывается, была совсем не такая, какой они все ее себе представляли... Последняя глава — нечто ужасное; она писала ее уже душевнобольная. Это эротический бред.[42]

Мы заговорили о воспоминаниях Крандиевской, напечатанных нынче в «Звезде».[43] Я сказала, что они мне очень нравятся.

— Нет, нет, я не согласна. Барские воспоминания. Она всегда была изнеженной, избалованной барыней — такой и осталась: пяти тысяч в месяц ей мало... Помните то место у нее в воспоминаниях, где она пишет о голодном мальчике, которого они приютили? Он садился за стол за 20 минут до обеда! Какая гадость так писать о голодном ребенке! Они все смеялись над ним, потому она этот эпизод и запомнила. Сразу видно, что ее дети никогда не голодали...*

«Дневник» С. — вот это замечательная книга. Умный человек и правдивый. Все, что он пишет, — правда. И пишет старый уже человек, ото всего отрешившийся**.

Я спросила, знала ли она Розанова.

— Нет, к сожалению, нет. Это был человек гениальный. Мне недавно Надя, дочь его, говорила, что они все любили мои стихи и спрашивали у отца, знал ли он меня. Он не знал меня и, кажется, стихов моих не любил,

---

* «Сергунька поправился, порозовел. Обычно минут за двадцать до обеда, когда еще накрывали на стол, он уже усаживался на свое место с ложкой в руке и терпеливо ждал еды» (Н.Крандиевская-Толстая. Гранатный переулок // Звезда, 1939, № 9, с. 171).

** Думаю — «Дневник» Суворина, но уверенной быть не могу.

зато очень любил Мариэтту Шагинян: «Девы нет меня благоуханней».[44] А я у него все люблю, кроме антисемитизма и половой теории.

Я опять подивилась совпадению наших нелюбвей. И пересказала один розановский рассказ в «Опавших листьях», который всегда возмущал меня: как пожилая дама, мать, посоветовала студенту, влюбленному в ее младшую дочь, жениться лучше на старшей, ибо была озабочена «зрелостью» старшей дочери. Студент послушался (экая скотина!), женился на старшей, и теперь дама нянчит внука-здоровяка...[45]

Анна Андреевна махнула рукой.

— Ничего этого не было. Ни дамы, ни дочерей, ни внука. Все это он сам, конечно, выдумал, от слова и до слова... Гениальный был человек и слабый. Мне жаль было его, когда он потом голодал в Сергиеве. Мне рассказывали: ходил по платформе и собирал окурки. Я ничем не могла ему помочь, потому что сама голодала клинически.

Ее сильно беспокоит, кому дадут написать предисловие к книжке «Издательства писателей». Боится, не Волкову ли, какому-то специалисту по акмеизму.

— Он всегда громил нас. Я ему сама в лицо скажу: писать надо только о том, что любишь.[46]

«Кубок горя»*.

23 января 40

Вчера мне позвонил Владимир Георгиевич, сказал, что Анна Андреевна совсем расклеилась, не ест, не пьет, что на днях к ней должны прислать из издательства за рукописью, а рукопись не готова. Я взялась устроить срочную допечатку на машинке. Вечером пошла к ней. Луна на этот раз не исполняла своих обязанностей, и я силь-

---

* Название, придуманное Анной Андреевной для какого-то из ее стихотворных циклов. Для какого — не помню. Как утверждает Э.Г.Герштейн в своей работе «Лишняя любовь», это цитата из стихотворения Льва Гумилева, обращенного к ней.

но разбила себе голову в Занимательном входе: там ни одной лампочки.

Анна Андреевна дурно выглядит, желтая, серая. На секунду улыбнулась, когда я протянула ей пакетик с сахарным песком: «теперь сахар есть — а чай зато кончился».

— Я совсем не сплю. И все ночи напролет пишу. Все уже отмерло — не могу ни ходить, ни спать, ни есть, а это почему-то осталось.

И прочитала: об иве, о стихах, о портрете, об изумрудах*. Читала она спокойно, своим ровным, глубоким голосом, не задыхаясь.

Я совсем потеряла дар речи. Наверно, у Анны Андреевны никогда не было такого бестолкового слушателя. О стихах — чудо.

— Я давно к этому подбиралась, — сказала Анна Андреевна, — да все было не подойти.

Я стала уговаривать Анну Андреевну дать мне для перепечатки и эти стихи, новые, чтобы они успели войти в ее книгу.

Она согласилась на три**.

Кто-то постучался в дверь.

— Это Александр Николаевич, — сказала Анна Андреевна, — накинем на лампу абажур. Я сегодня не в авантаже.

Вошел высокий молодой человек. Анна Андреевна усадила его рядом с собой на диван. Они разговаривали о каких-то эрмитажных делах.[47] Я вломилась в раз-

---

* Думаю, этот перечень расшифровывается следующим образом: «Ива»; «Мне ни к чему одические рати»; «Когда человек умирает»; «Подвал памяти» — то есть: БВ, Тростник; БВ, Седьмая книга; БВ, Тростник и ББП, с. 196 (№ *10; № 11; № 12; № 24*). О том, как впоследствии А. А. восстанавливала «Подвал памяти» вместе со мною, см. том второй моих «Записок».

Когда я слышала впервые стихотворение «Мне ни к чему одические рати», последнюю строку А. А. прочла так: «На радость вам и *на мученье* мне».

** Не согласилась предложить редакции «Подвал памяти».

говор и попросила Анну Андреевну устроить меня пока переписывать. Она долго искала свою тетрадь на кресле и под креслом, потом искала бумагу. Указала мне в тетради страницы с новыми стихами и попросила переписать заодно несколько старых, давних, «которых когда-то нельзя было»: «Песенку», «Я и плакала и каялась», «Я не любви твоей прошу», «Небо бело страшной белизною»*.

— Только поставьте, пожалуйста, знаки сами, я не умею... Даты? О датах, пожалуйста, не спрашивайте. О датах со мной всегда говорят, как с опасно больной, которой нельзя прямо сказать о ее болезни.

Переписав, я простилась. Она объявила, что хочет выйти из своей берлоги, и завтра, когда машинистка мне все перепишет, сама придет ко мне за стихами.

Сегодня, получив все у машинистки и вычитав, я звонила Анне Андреевне и в два и в три — спит. В пять часов мы с Люшей сами отнесли ей стихи и передали их на кухне Владимиру Георгиевичу: он сказал, что Анна Андреевна нездорова и только что уснула.

— Что с ней?

— Она совершенно не умеет бороться со своей неврастенией. Обратила ночь в день, и ей, конечно, от этого плохо. К тому же ничего не ест. Да и ничего не налажено. Может быть, удастся уговорить Смирновых давать ей обед.

(Все так; но спрашивается: почему, если каждую ночь человек совершает самую нужную и самую трудную работу в мире — и после этого, естественно, разбит и истерзан, — это состояние надо называть: «не умеет бороться со своей неврастенией»?)

31 января 40

Сегодня Анна Андреевна позвонила мне с утра: «Приходите!» Она была причесана, одета, на шее ожерелье (темно-синее, почти черное).

---

* «Песенка» («Бывало я с утра молчу») — БВ, Anno Domini; «Я и плакала и каялась» — ББП, с. 53; «Я не любви твоей прошу» — БВ, Четки; «Небо бело страшной белизною» («Белая ночь») — ББП, с. 281.

Топится печка.

Я спросила — встала ли она рано или совсем не спала?

— Совсем не спала.

Длинный разговор о Пушкине: о Реквиеме в «Моцарте и Сальери»*.

Потом о пушкинских темах: Европа, во-первых, и Петербург, во-вторых**.

Объяснила мне, как пушкинистка, кого он имел в виду, когда писал о Европе***.

---

* Пушкин ни при чем, это шифр. В действительности А. А. показала мне в этот день свой, на минуту записанный, «Реквием», чтобы проверить, все ли я запомнила наизусть. Тогда в цикл входили следующие стихи: «Уводили тебя на рассвете», «Тихо льется тихий Дон», «Показать бы тебе, насмешнице», «Семнадцать месяцев кричу», «Легкие летят недели», «Приговор», «К смерти», «Хор ангелов великий час восславил», «Узнала я, как опадают лица...» Входило ли уже «Нет, это не я, это кто-то другой страдает» — я припомнить не могу; и в «Тихом Доне» не вполне уверена.

** Прочитала мне, кроме «Реквиема», два стихотворения: «Не столицею европейской» и, по-видимому, «Это было, когда улыбался»; *№ 13*. (Тогда второе в «Реквием» не входило; А. А. включила его в цикл только в 1962 году. Строки: «Это было, когда улыбался / Только мертвый, спокойствию рад» — я запомнила иначе: «*бесчувствию* рад»).

*** Объяснила, что ее стихотворение «Не столицею европейской» посвящено Осипу Мандельштаму. В 1974 году оно было опубликовано в Париже в сб. «Памяти А. А.» не совсем в том виде, в каком я его в свое время запомнила. Привожу тогдашний вариант:

Не столицею европейской
С первым призом за красоту —
Душной полночью енисейской,
Пересадкою на Читу,
На Ишим, на Иргиз безводный,
На прославленный Атбасар,

Потом наступило молчание. Мирно и уютно потрескивала печка*.

Идти прямо домой у меня не было сил. Через некоторое время я обнаружила себя на Марсовом поле.

4 февраля 40

Сегодня у меня большой день. Я читала Анне Андреевне свои исторические изыскания о Михайлове**.

Ранним вечером ее проводил ко мне Владимир Георгиевич. Проводил и ушел.

Пересадкою в лагерь Свободный,
С трупным запахом грязных нар, —
Показался мне город этот
Тою полночью голубой,
Он, воспетый первым поэтом,
Нами грешными — и тобой.

В парижском сборнике стихотворение озаглавлено «Немного географии». Когда это заглавие возникло, не знаю; во всяком случае, гораздо позднее, чем были написаны стихи; неожиданно я столкнулась с этим же названием в книге П.Лукницкого «Путешествие по Памиру» (М., 1955). Так названа одна из подглавок.

А. А. и писатель Павел Николаевич Лукницкий (1900—1973) были знакомы с 1924 года. О нем и об их общей работе см. подробнее т. 2 и т. 3 моих «Записок». В настоящее время опубликована книга: П.Н.Лукницкий. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Том 1. 1924—25 г.г. Paris: YMCA-Press, 1991.

Стихотворение «Немного географии» впервые напечатано в России в 1987 году М.Кралиным в журнале «Знамя», № 12. Вариант избран парижский.

* Когда я запомнила все стихи, А. А. сожгла их в печке.

** Шифр. Читала «Софью Петровну».

Повесть об М. Михайлове была мною задумана в 37-м году. Толчком для этого замысла послужила заметка Герцена под названием «Убили» — о гибели поэта на каторге. Я начала собирать материал. Но о Михайлове я так и не написала, а написала «Софью Петровну» — повесть о 1937 годе «впрямую». О ней и идет речь...[48]

Я читала долго и, читая, все время чувствовала стыд за плохость своей прозы. Читать — ей! Зачем я это затеяла? Но податься было уже некуда, я читала.

Первую половину, мне кажется, она слушала со скукой.

Я сделала перерыв, мы попили чайку.

Вторую половину она слушала внимательно, не отрываясь и, как мне казалось, с большим волнением. В одном месте, мне кажется, она даже отерла слезы. Но я не была в этом уверена, я читала, не поднимая глаз.

Все это длилось вечность. Длинная, оказывается, история!

Когда я кончила, она сказала: «Это очень хорошо. Каждое слово — правда».

В половине третьего ночи я отправилась ее провожать.

Путешествие на этот раз было трудное, словно по кругам ада.

Сначала Анна Андреевна не могла спуститься с нашей лестницы. Ей почему-то представилось, что ступеньки начинаются от самых дверей квартиры, и я никак не могла убедить ее пересечь лестничную площадку. Наконец я свела ее с лестницы.

Когда мы пересекали Невский, совершенно в эту пору пустой, и только что ступили на мостовую, Анна Андреевна спросила у меня, как всегда: «Теперь можно идти?» — «Можно», — сказала я, и мы сделали еще два шага к середине. «А теперь?!» — вдруг закричала она таким высоким, страшным, нечеловеческим голосом, что я чуть не упала и не сразу могла ей ответить.

Наконец, по Фонтанке, мы дошли до ее ворот. Они оказались запертыми. Я тщетно толкалась в них плечом. Вглядывались сквозь ограду в темноту двора, отыскивая дворника. Никого. И вдруг оказалось, что калитка ворот отперта.

Мы благополучно миновали Занимательный вход, а у нее на лестнице — снова мученье. На площадках она

не верит, что это площадки, хочет идти не как по ровному месту, а как по ступенькам, и пугается.

Наконец, дверь ее квартиры. Она вставила ключик в скважину, и тогда оказалось, что дверь не заперта. Это ее тоже испугало. Мы вошли вместе. Она шла по коридору, на ходу зажигая свет — в ванной, в кухне. Я доставила ее до дверей комнаты.

— Спасибо, что вы терпеливо все выслушали, —сказала я ей на прощание.

— Как вам не стыдно! Я плакала, а вы говорите — терпеливо.

Я ушла.

8 февраля 40

Снова я получила подарок из тетради с замочком.

Вчера, открыв свою тетрадь, Анна Андреевна прочитала мне «Клеопатру»*. Прочитала, с трудом разбирая карандаш.

«Это хорошо?» — «Да! Очень!» — «А я еще не знаю. Я не сразу, только через некоторое время пойму... Хотите вина?»

Мы пили вино из хрустальных рюмок со смешными ручками и ели пирожные на тарелках времен Директории, и я про себя сквозь все повторяла только что услышанные строки. Мне даже разговор с самой Анной Андреевной был помехой, хотелось остаться со стихами наедине. «Вот, говорят, что на этих тарелках не надо есть, надо их беречь, но я не люблю беречь вещи... Правда, прелестные? Рисунки в стиле Давида».

Она предложила почитать мне стихи — не свои, чужие. Обыкновенно я люблю слушать из ее уст чужие строки: произнесенные с ее интонацией, они звучат поновому. На этот раз, правда, чужих стихов мне не хотелось —хотелось «Клеопатру», — но я, конечно, не спорила. Она прочитала наизусть Федора Кузьмича (великолепен)**, Цветаеву (нет, мне не понравилось, слиш-

* БВ, Тростник; *№ 14*.

** Федор Кузьмич — поэт Федор Сологуб.

ком уж все до конца выговорено — а, может быть, я просто не привыкла); Кузмин хорош, но для меня слишком затейлив.

Я сказала, что поэты очень похожи на свои стихи. Например, Борис Леонидович. Когда слышишь, как он говорит, понимаешь совершенную естественность, непридуманность его стихов. Они — естественное продолжение его мысли и речи.

— Борис Леонидович в самом деле очень похож, — согласилась Анна Андреевна. — А я? Неужели и я похожа?

— Вы? Очень.

— Это нехорошо, если так. Препротивно, если так. Но вот Блок был совсем не похож на свои стихи, и Федор Кузьмич тоже. Я хорошо знала Федора Кузьмича и очень дружила с ним. Он был человек замечательный, но трудный.

Я сказала, что помню его только стариком.

— Он всегда выглядел стариком, начиная с сорока лет, — объяснила Анна Андреевна.

Я начала расспрашивать о Вячеславе Иванове, о Башне.

— Это был единственный настоящий салон, который мне довелось видеть, — сказала Анна Андреевна. — Влияние Вячеслава было огромно, хотя его стихи издатели вовсе не стремились приобретать. Вячеслав умел оказывать влияние на людей, и верным его учеником в этом смысле был Макс.* В Москве ко мне как-то зашла одна девица. Из породы «архивных девушек» — слышали этот термин? Это я его ввела... Она с восторгом, захлебываясь, рассказывала мне о Максе: «Он был в Москве... мы все собрались... и он говорил...» — «Он говорил одной, — перебила ее я: „Вы — Муза этого места“, другой: „Вы — Сафо“...» — «Откуда вы знаете?» — закричала девица, ошеломленная моей догадливостью... «Я это сейчас придумала», — ответила я. Дело в том, что Макс, как и Вячеслав, обожал обольщать людей. Это была его

* Максимилиан Волошин.

вторая профессия. Приезжала в Коктебель какая-нибудь девица, он ходил с нею по вечерам гулять по берегу. «Вы слышите шум волн? Это они *вам* поют». И девица потом всем рассказывала, что Макс объяснил ей ее самое. Она поклонялась ему всю жизнь, потому что ни до, ни после с ней никто так не говорил по той весьма уважительной причине, что она глупа, бездарна, некрасива и пр.

Вячеслав, конечно, был тоньше. Но ему тоже нужны были свои обольщенные. Он тоже умел завлекать. Он и на мне пробовал свои чары. Придешь к нему, он уведет в кабинет: «Читайте!» Ну что я тогда могла читать? Двадцать один год, косы до пят и выдуманная несчастная любовь... Читаю что-нибудь вроде: «Стройный мальчик, пастушок»*. Вячеслав восхищен: со времен Катулла и пр. Потом выведет в гостиную — «читайте!» Прочтешь то же самое. А Вячеслав обругает. Я быстро перестала бывать там, потому что поняла его. Я тогда уже была очень избалована, и обольщения на меня мало действовали.

Видя, что Анна Андреевна в повествовательном духе, я спросила ее о Зинаиде Николаевне. Была ли та красива?

— Не знаю. Я видела ее уже поздно, когда она была уже вся сделана. На вечер «Утра России» была приглашена я и они трое. Я там оскандалилась: прочитала первую строфу «Отступника»**, а вторую забыла. В артистической, конечно, сразу всё припомнила. Ушла и не стала читать***. У меня в те дни были неприятности, мне было плохо... Зинаида Николаевна в рыжем парике, ли-

* «Над водой» — ББП, с. 49.

** «Ты — отступник: за остров зеленый / Отдал, отдал родную страну» — ББП, с. 133.

*** Ахматова имеет в виду свое выступление (вместе с Мережковскими) в зале Тенишевского училища в начале 1918 года. Там она прочла два стихотворения: «Молитва» (БВ, Белая стая), «Высокомерьем дух твой помрачен» (ББП, с. 114), а споткнулась, повидимому, на третьем: «Ты — отступник: за остров зеленый / Отдал, отдал родную страну» — см. альманах «Минувшее», 3 (М., 1991,

цо будто эмалированное, в парижском платье... Они меня очень зазывали к себе, но я уклонилась, потому что они были злые — в самом простом, элементарном смысле слова.

Я спросила про Ларису*.

— Я была как-то в «Привале»** — единственный раз — и уже уходила. Иду к дверям через пустую комнату —там сидит Лариса. Я сказала ей: «До свидания!» — и пожала руку. Не помню, кто меня одевал, — кажется, Николай Эрнестыч***, — одеваюсь, вдруг входит Лариса, две дежурные слезы на щеках: «Благодарю вас! Вы так великодушны! Я никогда не забуду, что вы первая протянули мне руку!» — что такое? Молодая, красивая девушка, что за уничижение? Откуда я могла знать тогда, что у нее был роман с Николаем Степановичем? Да и знала бы — отчего же мне не подать ей руки?

В другое время, уже гораздо позже, она приходила ко мне исповедоваться. Я была тогда нища, голодна, спала на досках — совсем Иов... Потом я была у нее однажды по делу. Она жила тогда в Адмиралтействе: три окна на Медного всадника, три — на Неву. Домой она отвезла меня на своей лошади. По дороге сказала: «Я отдала бы все, все, чтобы быть Анной Ахматовой». Глупые слова, правда? Что — все? Три окна на Неву?

— И подумать только, что, когда мы все умрем, —закончила Анна Андреевна, — и я, и Лили Юрьевна, и Ан-

с. 160—161) в статье Дм.Сегала «“Сумерки свободы”: О некоторых темах русской ежедневной печати 1917—1918 гг.». Вечер, при участии других знаменитых писателей, устроен был в пользу Политического Красного Креста. Об этом вечере см. «Петербургский дневник...» Зинаиды Гиппиус (сб. «Память». Вып. 4. Paris, 1981, с. 365) или «“Черные тетради” Зинаиды Гиппиус» (сб. «Звенья». Вып. 2. М.-Спб., 1992, с. 61).

* Лариса — Лариса Михайловна Рейснер.

** О ночном артистическом кабаре «Привал комедиантов» — см. «Записки», т. 2, «За сценой»: [180].

*** Радлов.

на Дмитриевна, — историки во всех нас найдут что-то общее, и мы все — и Лариса, и Зинаида Николаевна — будем называться: «женщины времени...» В нас непременно найдут общий стиль.

Я простилась.

— А знаете, — сказала мне Анна Андреевна уже у дверей, — в тот вечер, когда вы провожали меня и вошли вместе со мной в квартиру, Николай Николаевич вообразил, что у меня было сильно романтическое приключение.

— Вы его разуверили?

— Я сказала, что это были вы.

— Он поверил?

— Ну, это уж мне все равно.

15 февраля 40

Вчера вечером, когда я уже была одета, чтобы ехать к Шуре, позвонила Анна Андреевна и попросила придти. «Я могу только на часок», — сказала я, растерявшись. «Ну, приходите хоть на часок».

Я пришла. Она сидела в шубе у топящейся печки. Перешла, хромая, — все тот же сломанный каблук! — на диван и усадила меня рядом.

По моей просьбе прочитала вторично «Клеопатру». Я не расслышала в прошлый раз — «шалость» или «жалость»: жалость. Ну, конечно, жалость!* (Она не совсем ясно произносит *ш* и *ж*: не все зубы целы.)

Потом — жалобы на Ксению Григорьевну**.

— Она разговаривает со мной, как с душевнобольной или самоубийцей. Вечный припев: «возьмите себя в руки». Когда я тут хворала: «Что это вы лежите одна?» С

---

* «И черную змейку, как будто прощальную жалость,/ На смуглую грудь равнодушной рукой положить».

** Давиденкову, мать Левиного товарища, Коли... Ксения Григорьевна очень любила Ахматову, но, ничего не понимая в ее труде и в ее характере, постоянно вызывала гнев Анны Андреевны попытками бесцеремонной опеки.

кем же мне лежать? С командующим флотом? Велит мне непременно обзавестись домработницей. Но где же я ее поселю? «Она может ночевать у вас в комнате». Так она понимает мою бессонницу! Она не учитывает, что мой быт такой, а не другой, такой потому, что тесно связан с моей психикой. Владимир Георгиевич правильно сказал: «Она не понимает, что воли у вас в сто раз больше, чем у нее».

— Видите, комната моя сегодня вымыта, вычищена. Я ушла к Рыбаковым, а тут Таня, по просьбе Владимира Георгиевича, вымыла, вычистила и даже постлала половик. А на столе скатерть: Коля Гумилев когда-то привез из К.*

Владимир Георгиевич зашел за мной к Рыбаковым и по дороге проговорился про комнату. Я очень испугалась и сказала: тогда я туда не пойду**.

Провожая меня по коридору, Анна Андреевна бормотала стихи. Услышав, я боялась слово сказать, даже «до свидания». Но она сама перебила себя:

— Так ничего, если я плохо буду обращаться с Ксеньей Григорьевной?

— Валяйте! — сказала я. — Долой! К собачьим чертям!

3 марта 40

За это время я виделась с Анной Андреевной четыре раза. То, что не записано вовремя, можно считать утраченным. Восстанавливаю лишь кое-что.

Недели две у Анны Андреевны было очень холодно, дрова кончились, она жила в пальто. Но спать стала, по-видимому, лучше.

Сильно беспокоилась о Шакалике — он болел воспалением легких. «Он такой трогательный», — говорила Анна Андреевна.

Перечитывала «Старую записную книжку» Вяземского.

---

* Каира? Не помню.

** О Рыбаковых см. [76].

Вчера вечером долго сидела у меня. Мне позвонил Владимир Георгиевич, зашедший за ней к Рыбаковым, где она обедала, и привел ее ко мне.

Она уселась глубоко на диван, и мы пили чай.

— Вы знаете, — начала она озабоченно, — уже двое людей мне сказали, что «пошутить» — нехорошо. Как думаете вы?

— Чепуха, — сказала я. — Ведь это «Клеопатра» не ложноклассическая, а настоящая. Читали бы тогда Майкова, что ли...

— Да, да, именно Майкова. Так я им и скажу! Все забыли Шекспира. А моя «Клеопатра» очень близка к шекспировскому тексту. Я прочитаю Лозинскому, он мне скажет правду. Он отлично знает Шекспира.

— Я читала «Клеопатру» Борису Михайловичу* — он не возражал против «пошутить». Но он сказал такое, что я шла домой, как убитая: «последний классик». Я очень боюсь, когда так говорят...

— Бухштаб прислал мне Добролюбова. Я прочла весь том, от доски до доски. Какие стихи плохие! Слова точно слипаются в строчке. А каков Дневник! Ничего и никого не видно. Еще вначале чувствуется быт, брезжит кое-что. А уж дальше — скука и женщины. И более ничего... Я никогда не читала Белинского, ни одной строчки, — что, он тоже так плохо писал?

Я ответила по правде, как думаю, хотя и понимала, отвечая, что спорить с ней о литературе — неумно и не нужно: — Дневник Добролюбова и по-моему мерзок и пуст, — сказала я, — и стихи какие-то не стихи. Из статей же видно, что, если бы Добролюбов не умер рано, он стал бы настоящим критиком. Белинский же писатель замечательный, иногда по силе равный Герцену. Интенсивность его духовной жизни поражает. Я люблю многие его статьи и очень люблю письма.

Анна Андреевна выслушала эту речь без гнева, но без большого доверия. Не думаю, чтобы она принялась читать Белинского после моих слов.

---

* Эйхенбауму.

— А примечания Бухштаба хороши, добросовестны? — спросила я.

— Да, очень. Слишком даже добросовестны... Подумайте только — ну зачем приводить разночтения таких плохих стихов?..[49]

Рассказала о своей библиотеке, которую продала в 1933 году.

— В большой комнате на полу стопками лежали книги. Все редкие, и все с надписями. Теперь Николай Николаевич, конечно, говорит: «Этого никогда не было». Он умеет не помнить того, чего не хочет помнить... Теперь книг у меня нет.

— Я никогда не любила видеть свои стихи в печати. Если на столе лежала книжка «Русской Мысли» или «Аполлона» с моими стихами, я ее хватала и прятала. Мне это казалось неприличным, как если бы я забыла на столе чулок или бюстгальтер... А уж чтобы при мне читали мои стихи — просто терпеть не могла. Если Николай Николаевич или Левушка произносили при мне какую-нибудь мою строчку — я бросала в них тяжелым предметом.

Потом она прочитала мне новонайденные пушкинские строки — из его Реквиема. «Лунный круг»*.

В первом часу ночи я пошла ее провожать. Невский мы долго не могли перейти. Она еле решилась ступить на мостовую. «Теперь можно?» — «Можно». — «А теперь?» — вдруг закричала она на середине высоким голосом, будто тонула и звала на помощь. Опять!

---

* Это снова шифр. Пушкин тут ни при чем. «Лунный круг» — слова из «Реквиема» Анны Ахматовой, из «Посвящения»: «Что мерещится им в лунном круге?». Пользуюсь случаем указать, что в отличие от текста, опубликованного сначала за границей (Мюнхен, 1963), а в 1987 году на родине (см. журнал «Нева», № 6), эпитеты в первых пяти строках «Посвящения» запомнились мне по-другому: «Не течет *могучая* река» вместо «великая» и «*великая* тоска» вместо «смертельная». Замены ли это, сделанные Ахматовой позднее, или ошибка моей памяти — утверждать не берусь. *№ 15*.

Когда мы шли по набережной, я спросила ее о реке*.

— А вот Николай Иванович догадался, — вместо объяснения ответила она. — Он удивительно понимает стихи. Он так же хорошо слышит стихи, как видит картины.

6 марта 40

Вчера днем — вдруг звонок в передней, и на пороге Анна Андреевна. Была здесь поблизости в сберкассе, зашла спросить о Люшином здоровье и прочитать новые стихи.

Мы сидели в Люшенькиной комнате, потому что Люша лежит у меня — там теплее. Анна Андреевна осталась в пальто, только шляпу сняла. Горло обмотано каким-то некрасивым шарфом — я не поручусь, впрочем, что это шарф.

Прочла стихи Маяковскому, слегка сбиваясь, неуверенно. Чудо энергии — строка: «То, что разрушал ты, — разрушалось». Я попросила прочитать еще раз и, когда она задумалась, подсказала первые две строчки.

— Как? уже? — воскликнула Анна Андреевна. — У меня такое впечатление, что вы знаете мои стихи наизусть за 5 минут до того, как я их напишу. За 10, может быть и нет, но за 5 — безусловно.

— Правда, это непохоже на мои стихи Пастернаку? Нисколько? Я рада, если так**.

Потом я рассказала ей о нашей с Шурой статье[50]; отсюда мы перешли почему-то к фольклору, а от фольклора к Гомеру. Я призналась, что всякий эпос воспринимаю со скукой. Понимаю, что стихи замечательны, могу объяснить, *чем* замечательны, но не тянет меня их читать. Ложась в постель, не вынимаю из-под подушки «Илиаду». «Я список кораблей прочел до середины» — это не про меня***.

---

* Я спросила, что означает строка: «Тихо льется тихий Дон». Почему Дон? («Реквием», 2); *№ 16*.

** «Маяковский в 1913 году» — БВ, Тростник; *№ 17*.

*** «Я список кораблей прочел до середины» — строка из стихотворения О.Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...», см. ББП-М, с. 92.

— Я думаю, — сказала Анна Андреевна, — что так, в постели, «Илиаду» никто теперь и не читает... А вы знаете «Гильгамеша»? Нет? Это великолепно. Это еще сильнее «Илиады». Николай Степанович переводил по подстрочнику, но В.* переводил мне прямо с подлинника — и потому я могу судить**.

Потом она рассказала о конфликте «Резец» — «Звезда» и о разрешении, которое ей дала Кр.***

Мне надо было непременно сбегать в аптеку — Люша спала, а чуть проснется, надо было устроить ей полоскание. Ида — на рынке. Я спросила у Анны Андреевны, может ли она посторожить Люшу и что ей дать почитать пока. Стеречь она легко согласилась, а насчет книги ответила:

— Дайте Маяковского, но только непременно комментированное издание. Мне нужно проверить, действительно ли «Владимир Маяковский» шел в Луна-парке.

Когда я вернулась, Ида была уже дома. Люшенька проснулась веселая, хотя *t*° оказалась 38,5. Я дала ей полоскание, а потом Ида соорудила компресс на горло. И я пошла провожать Анну Андреевну.

Я сказала ей, что сегодня она хорошо выглядит — розовая, большие глаза — и что я приписываю это Таниным заботам.

— Нет, просто полнею... Это возраст — пора... А вы заметили, как я сегодня хорошо перехожу?

В самом деле, она без запинки пересекла Невский и даже почти не держалась за меня.

По дороге:

— Я познакомилась с Маяковским в двенадцатом году... Мне нужно было видеть кого-то по делу в Луна-парке, и я отправилась туда. Там мне и представили Влади-

---

* Думаю, В. — В.К.Шилейко.

** Об обоих переводах «Гильгамеша», исполненных Н.Гумилевым и В.Шилейко, — см. статью Вяч.Вс.Иванова «"Гильгамеш" в переводе Гумилева» — сб. «Ново-Басманная, 19» (М., 1990).

*** «Конфликт» — вероятно, спор из-за ее стихов. О разрешении, которое ей дала Кр., — см. дальше на с. 109.

мира Владимировича. Молодой, беззубый. Он очень настойчиво упрашивал меня придти на премьеру, но я не могла — не помню теперь, почему.

Я спросила у нее, с какого возраста она пишет.

— С одиннадцати лет. Боже, какие позорно плохие стихи я писала! Я недавно перечитывала, хотела что-нибудь оставить на память. Нет, ничего нельзя. Все позор. Все — не мое, а чужое, общее — то, что писали тогда третьестепенные, четверостепенные авторы. Я уверена, что и у Маяковского было много такого же — раннего, плохого, — но, когда Бурлюк открыл ему, кто он, — он все уничтожил. И правильно сделал.

Когда мы уже свернули к ней во двор — на этот раз с Литейного, — я сказала, что читаю Люше «Руслана и Людмилу» и на этот раз не нравится мне поэма.

— Да, конечно, это очень блестяще и очень холодно. Он был молод тогда и использовал все, что успел узнать у своих учителей — Ариосто, Вольтера. Учителя же были весьма холодные люди...* Но какие блестящие стихи, какая смелость! Я недавно читала Вале и дивилась каждому эпитету.

— Вы ясно представляете себе Пушкина как человека? — спросила я.

— Да, вполне... «Арап, бросавшийся на русских женщин», — как говорил С.** Вы не знали этого? Да, он Пушкина не выносил. Ненавидел. Быть может, завидовал ему: соперник! С. был человеком таким причудливым, что мог и завидовать Пушкину. Оленька, которая знала С. гораздо ближе, чем я, говорит, что оно так и было... А если вы хотите представить себе Пушкина по-человече-

---

* О связях пушкинского творчества с традициями классической западноевропейской поэзии, о наблюдениях, сделанных Анной Ахматовой, см. примеч. на с. 28.

** По-видимому, Федор Сологуб. Это явствует из дальнейшего текста: О.А.Глебова-Судейкина, о которой дальше говорит А. А., дружила с Сологубом. О неприязни Ф.Сологуба к Пушкину см. также воспоминания Е.Данько, опубликованные в альманахе «Лица».

ски —прочтите его пометки на полях стихотворений Батюшкова. В своих статьях Пушкин себя одергивал — как всегда все себя одергивают в искусстве, нельзя же подавать себя au naturel*, — а тут, на полях книги, он писал безоглядно, для себя самого. Батюшков к тому времени уже умер или был уже сумасшедшим, во всяком случае, как живой поэт, сброшен со счетов. Против «Умирающего Тасса» Пушкин писал: «Разве это умирающий Тасс? Это умирающий Василий Львович». Правда, прелесть?

Мы вошли в ее маленький дворик через Занимательный вход.

— Как жаль, что садик ваш огородили, — сказала я.

— Да, очень. Николаю Николаевичу дали билет туда, а мне нет.

— Это почему же?

— Все потому же. Он — человек, профессор, а я кто? Падаль.

«Все равно это ваши деревья, ваш дом и сад», — подумала я, но сказать не успела. Навстречу нам шла Таня. Она сообщила Анне Андреевне, что наверху ее ждет Владимир Георгиевич. Анна Андреевна быстро со мной простилась и пошла вверх по лестнице. А я пошла рядом с Таней. Я ей сказала, что, на мой взгляд, Анна Андреевна очень поправилась и все — благодаря ее, Таниным, трудам. «Да уж я стараюсь для ей всё», — ответила польщенная Таня. Я спросила, чем она будет сейчас кормить Анну Андреевну. «А вот щец дам, потом буду себе блинчики печь и ей напеку из своего. Мы с этим не считаемся — когда ейное нам перейдет, когда наше ей».

9 марта 40

Сегодня вечером Анна Андреевна пришла меня навестить. Я усадила ее в Люшиной комнате — Люша в это время лежала у меня в постели и ее смотрел врач. Когда доктор ушел, Ида перенесла Люшеньку в ее кровать. Анна Андреевна ласково возле нее посидела, а я пока застлала у себя постель и привела комнату в порядок.

---

* Как есть в действительности (*франц.*).

У меня Анна Андреевна закурила и заговорила, сидя глубоко на диване.

— Я так устала... Каждую ночь пишу... Клин*.

— Николай Николаевич отыскал теперь новый повод, чтобы на меня обижаться: почему я, когда мы были вместе, не писала, а теперь пишу очень много. Шесть лет я не могла писать**. Меня так тяготила вся обстановка — больше, чем горе. Я теперь наконец поняла, в чем дело: идеалом жены для Николая Николаевича всегда была Анна Евгеньевна: служит, получает 400 рублей жалованья в месяц и отличная хозяйка. И меня он упорно укладывал на это прокрустово ложе, а я и не хозяйка, и без жалованья... Если бы я дольше прожила с Владимиром Казимировичем, я тоже разучилась бы писать стихи.

— А там вы кем должны были быть? — спросила я.

— Там — никем, но просто человек был невозможный для совместного обитания.

Я спросила, любит ли Николай Николаевич ее стихи.

— Этого разобрать нельзя — любит или не любит. Он ведь человек бессознательный.

Я сказала ей, что «клин» хоть и непонятен мне, но понятно, что автор говорит о чем-то ему известном, в самом деле бывшем: так очень часто случается в стихах у Пастернака. Прямой смысл неясен, но ясно, что речь идет о подлинно состоявшемся.

— Да, у него так бывает, вы правы. И часто. Но случается и по-другому. Вот, например, — она вскочила с дивана и взяла с полки стихотворения Пастернака, — вот, например, «Баллада». Как ни старайся, а ничего понять нельзя. Тут еще какой-то сюжет мельтешит...[51]

— Мне он подарил эту книгу с надписью: «Анне Андреевне, в звуке долгой. После ссоры». А ссора была такая: приехав в Ленинград, Борис Леонидович передал

---

* Прочитала мне стихотворение «Все это разгадаешь ты один» (посвященное Борису Пильняку), где есть строчка «Тот солнечный, тот ландышевый клин». Она не сказала тогда, кому посвящены эти стихи, и я почему-то плохо поняла их, особенно слово «клин». *№ 18.*

** См. примеч. на с. 187.

для меня одному общему знакомому 500 рублей. Я была в это время больна и с ним не видалась. Выздоровев, я поехала в Москву, продала свой архив Бончу*. Приношу Борису Леонидовичу деньги. Он — ни за что, шумит, не принимает. «Я от вас никак не ожидал. Я вам их с таким чистым чувством принес». — «Я тоже с таким чистым чувством продавала свой архив». Он так сердился, что даже хватал меня за коленки, сам того не замечая.

Я спросила:

— А вы не находите — странно устроена душа человеческая: стихи, даже самые великие, не делают автора счастливым? Ведь вот Пушкин: он ведь знал, что это он написал «Медного всадника», — и все-таки не был счастлив.

— Не был. Но можно сказать с уверенностью, что больше всего на свете он хотел писать еще и еще...

За нею зашел Владимир Георгиевич. Она сразу переменилась. Не то он мешал ей и мне, не то я ей и ему. Они скоро ушли.

11 марта 40

Сегодня Анна Андреевна позвонила днем — не могу ли я придти. Я пошла.

В том же черном халате, но из-под халата большой белый воротник новой ночной рубашки. Она стала похожа не то на Байрона, не то на Марию Стюарт.

— Вот, взгляните, — и протянула мне рецензию. — Это вчера Ж. принес мне собственноручно**.

Я прочла. Сначала — дубовые похвалы, потом — отверженье стихов одного за другим, совершенно произвольное. Например, такая мотивировка: «бледно».

---

* То есть в Государственный литературный музей, основанный в 1933 году одним из старейших деятелей РСДРП-ВКП(б)-КПСС — Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем (1873—1955). О нем см. биографический словарь «Русские писатели», т. 1 (М., 1989).

** Не могу вспомнить, кто это. По-видимому, Анне Андреевне показана была чья-то «внутренняя» рецензия на сборник «Из шести книг».

Она отложила рецензию в сторону. И прочла новые стихи. Какие-то дивные и не вполне уловимые*. Я попросила прочесть еще раз: не совсем поняла. Она отказалась: «Не кончено».

— Этого вы понимать и не обязаны... Так вот и сижу целыми ночами в кресле. Спать ложусь, когда уже все встают и уходят за сахаром.

Разговор о квартире.

— На новостройку я не поеду. Ни в Стрельну, ни в Лесной. Здесь ко мне все мои друзья близко, я до всех могу сама дойти пешком, а там я буду отрезана. И Владимир Георгиевич сможет навещать меня не чаще раза в неделю.

Не помню каким путем, но разговор привел нас к ее уходу от Николая Степановича.

— Три года голода. Я ушла от Гумилевых, ничего с собой не взяв. Владимир Казимирович был болен. Он безо всего мог обходиться, но только не без чая и не без курева. Еду мы варили редко — нечего было и не в чем. За каждой кастрюлькой надо было обращаться к соседям: у меня ни вилки, ни ложки, ни кастрюли.

Я рассказала ей, что в голодные годы меня больше всего унижала обувь, или, точнее, отсутствие ее. Когда мне было лет двенадцать, я зимою, чтобы выйти на улицу, должна была надевать огромные калоши Корнея Ивановича поверх тапочек. Так и шла по улице — в шлепающих, падающих калошах.

— А для меня самым унизительным были спички. Их не было, и я с утра выбегала на улицу у кого-нибудь прикурить.

Оказалось, она любит Гончарова — «Обломова», а «Обрыв» — не любит.

— В «Обломове» есть поток жизни, сплошной, глубокий, плотный, которого у Тургенева никогда не бывало. У Тургенева всегда поверхность, фельетон. А «Обрыв» — неудача: этот роман написан слишком уж прямо в лоб времени. Очевидно, так в искусстве нельзя.

---

* Она прочла мне «Так отлетают темные души»; *№ 19*. Первую половину.

Вошла в комнату — не постучав — Таня, принесла завернутого в одеяло, похудевшего, хмурого Шакалика.

— Хочешь к Ане?

— Не хочу! — и отвернулся.

— Анна Андреевна, подержите его, — сказала Таня. — Я с утра не жрамши.

20 марта 40

Я не была у Анны Андреевны довольно давно. Она звонила несколько раз, но я все не могла вырваться. Наконец сегодня я пошла, и не очень-то удачно: там были люди.

Анна Андреевна сама мне открыла. Губы слегка подкрашены, поверх халата — шаль.

— У меня Осмеркин[52] и Верочка*.

Анна Андреевна была молчалива и рассеянна, все больше сидела в кресле, раскинув руки. Скоро пришел И., Анна Андреевна без конца ходила в кухню, искала ложки, чашки — на кухне и у себя в шкапу. Наконец все кое-как уселись чай пить. Разговор вертелся вокруг Эрмитажа и Русского музея, развески картин, прочности красок и т. д. Анна Андреевна вытащила из-за шкапа какой-то холст, и все (кроме меня) угадывали: Судейкин это или Григорьев? Осмеркин прочел целую лекцию о манере письма того и другого.

Анна Андреевна снова уселась в кресло, раскинув руки, и совсем смолкла. Общий разговор шел без нее. И., сидевший на диване, два раза упал (диван, оказывается, тоже сломан); я каждый раз подскакивала чуть не до потолка; И. ушибался, — но на Анну Андреевну эти происшествия не производили никакого впечатления. Наконец И. и Осмеркин попросили ее почитать. Она заупрямилась было: «Я уже три ночи читаю их вслух, у меня от них горло болит». Но все-таки прочитала «Клеопатру» (с переменой в строфе о детях), «Мне ни к чему одические рати» (с переменой в последней строке). Она читала усталым голосом, иногда задыхаясь. И прочитала до конца то, которое я в прошлый раз не поняла: «Со-

---

* «Верочка» — Вера Николаевна Аникиева.

тый». Какая там усталость — уже даже не предсмертная, а посмертная. И освобождение:

Мне ничего на земле не надо...

Скоро я выйду на берег счастливый...

И та мечта, которая гложет и меня, и не одну меня, конечно: если бы не случилось то, что случилось, — проснуться утром:

...И Троя не пала, и жив Эабани...*

В половине второго все поднялись. Во дворе И. и Осмеркин решили идти пить к Вере Николаевне и усиленно приглашали меня. Я отказалась, сославшись на раннее вставание. Осмеркин предложил проводить меня до дому. Я и от этого отказалась, чтобы не расстраивать их компании, а главное потому, что мне было не страшно и хорошо идти одной.

...И Троя не пала, и жив Эабани.
И всё потонуло в душистом тумане...

Мне ничего на земле не надо, —

Ни громов Гомера, ни Дантова дива.
Скоро я выйду на берег счастливый...

21 марта 40

Захватив свои тетрадки, я отправилась в библиотеку, но вместо этого свернула к Анне Андреевне. Она пила чай в прибранной, чисто выметенной комнате.

Я предложила ей погулять по солнышку. «Я знала, что вы придете», — сказала она и согласилась. «Подождем только, пока прогорит печка». Она села перед печкой в кресло, я возле нее на сундучке. Лицо ее, мгновениями озарявшееся беглым блеском печного огня, сегодня по-

* Речь идет о стихотворении «Так отлетают темные души» — см. ББП, с. 196; *№ 19*.

Эабани — один из героев древнего вавилонского эпоса. Главный герой поэмы Гильгамеш спускается в преисподнюю в тщетной надежде вернуть жизнь своему другу, Эабани. (Более точная транскрипция имени Эабани — «Энкиду». См. ББП, с. 479.)

казалось мне сухим и темным, как на монете или на иконе. Я спросила, кто придумал ей псевдоним.

— Никто, конечно. Никто мной тогда не занимался. Я была овца без пастуха. И только семнадцатилетняя шальная девчонка могла выбрать татарскую фамилию для русской поэтессы. Это фамилия последних татарских князей из Орды. Мне потому пришло на ум взять себе псевдоним, что папа, узнав о моих стихах, сказал: «Не срами мое имя». — «И не надо мне твоего имени!» — сказала я.

Она протянула мне корректуру из «Ленинграда». Я прочла и предложила перемены в знаках, которые должны были отчетливее выделить ритмическую фигуру. Она всё приняла.

— И дает же Бог такой талант! — сказала Анна Андреевна, глядя через мое плечо, когда я правила. — Мне бы ввек не научиться.

Это было очень смешно.

Вошла Таня:

— Анна Андреевна, идите мерить платье!

Анна Андреевна заколебалась было, но я ей объяснила, что мне все равно необходимо уйти по делу минут на 15.

Когда я вернулась, Анна Андреевна была уже у себя и ждала меня в пальто. Однако на улице солнце уже померкло. Мы отправились в сад возле Инженерного замка.

— Вы, я вижу, этот сад любите? — сказала я.

— Да, это моя постоянная резиденция... А платье макабристое. Знаете, кто его шьет? Водопроводчица. Жена водопроводчика.

Мы сели на скамеечку, залитую солнцем. Перед нами — две березы, и белые стволы освещены так ярко, что больно смотреть.

— Вы вчера с неодобрением отозвались о Есенине, — сказала мне Анна Андреевна. — А Осмеркин его любит. Он огорчился. Нет, я этого не понимаю. Я только что его перечла. Очень плохо, очень однообразно, и напомнило мне нэповскую квартиру: еще висят иконы, но уже

тесно, и кто-то пьет и изливает свои чувства в присутствии посторонних. Да, вы правы: все время — пьяная последняя правда, все переливается через край, хотя и переливаться-то, собственно, нечему. Тема одна-единственная — вот и у Браунинга была одна тема, но он ею виртуозно владел, а тут — какая же виртуозность? Впрочем, когда я читаю другие стихи, я думаю, что я к Есенину несправедлива. У них, бедных, и одной темы нет.

Мы пошли по Фонтанке к Летнему. Во дворе Инженерного замка учили солдат. От Марсова поля неслась музыка. С Пантелеймоновской нам стало видно — там развеваются знамена. Анна Андреевна пыталась разглядеть, что там делается, но на Пантелеймоновской густо толпились люди и машины. Ничего не видать. На лакированных боках и в стеклах машин вспыхивало, ослепляя, солнце. Мы повернули домой.

Долго не могли пересечь Фонтанку: она боялась.

— Как я завидую тем, кто не боится!

Она рассказала мне о своем брате, отравившемся, когда у него от малярии умер ребенок.

— Оставил нам письмо — замечательное. О смерти ни слова. Кончалось оно так: «Целую мамины руки, которые я помню такими прекрасными и нежными и которые теперь такие сморщенные». Жена его тоже приняла яд вместе с ним, но, когда взломали дверь и вошли в комнату, она еще дышала. Ее спасли. Она оказалась беременной и родила вполне здорового ребенка.

9 апреля 40

Анна Андреевна была у меня вечером 29-го, то есть в вечер моего отъезда в Москву. Нарядная, причесанная, в ожерелье — видно, шла куда-то или откуда-то. У меня была Шура. Анна Андреевна прочитала нам «Кто может плакать в этот страшный час»*.

---

* Прочитала стихотворение, посвященное Борису Пильняку, «Все это разгадаешь ты один». Когда я слушала его впервые, оно показалось мне не вполне понятным: «клин». —БВ, Тростник; *№ 18*.

Вчера я вернулась из Москвы и не успела чемодана разобрать — телефон. «Вы приехали? Приходите же! Приходите как можно скорее!»

Я пошла днем.

С наслаждением, со счастьем шла по своему городу.

Анна Андреевна сама мне открыла.

— Ну, как ваши успехи? — спросила я, когда мы уселись.

— Пока что одни неуспехи. Читала в Выборгском Доме культуры. Туда билеты дают, наверное, чуть не насильно. Я вышла и сразу почувствовала: Боже! как им хочется в кино или танцевать!

Она протянула мне «Ленинград», № 2.

— Вы уже видели это?

— Нет.

Я стала перелистывать. Океанский пароход, плавающий в пруде. Она вынула из моих рук журнал:

— Лучше я вам новое почитаю.

Прочла про плакальщиц*.

Рассказала о распределении стихов в обеих книгах.

Потом о своем визите к Тынянову.

— И я еще жаловалась вам — помните? — что он со мной как-то вяло говорил по телефону. Я перед ним виновата. Он просто болен. Очень болен. Шапка молодых каштановых волос, а под ними крошечное сморщенное старческое личико. Он вышел в переднюю меня проводить и вдруг упал на пол, и, представьте себе, я его сама подняла. Одна! О! какой он легонький — как тряпочка.

Потом рассказала, что была в издательстве — оформляла сберкнижку — и там ее упросили подняться в редакцию.

---

* По-видимому, кусок из поэмы «Путем всея земли»: «Я плакальщиц стаю веду за собой» — БВ, Тростник; *№ 20*. Пользуюсь случаем исправить опечатку и цензурные замены в БВ: на с. 288 следует — «Там ласточкой реет / Старая боль», а на с. 284 вместо «Из аквамарина / Пылает закат» — «O Salve Regina! — / Пылает закат»; на с. 287 вместо «За новой утратой / Иду я домой» — «Столицей распятой / Иду я домой».

— Были ли вам оказаны соответствующие почести?

— Да! Божеские! И надарено было книг. Я прочитала. Ужасно. После этого никаких стихов читать не хочется и писать невозможно. Все похожи друг на друга.

— Был у меня Цезарь Самойлович*. Послушайте, он же совсем болен. Посмотрите, как он надписал мне свою книгу — видите: «Анне Андреевой». Меня часто переименовывают. Один мой поклонник, заика, недавно в одном доме сказал: «Ееееё н-напечатали». — «Кого ее?» — «Астафьеву».

Много расспрашивала о Николае Ивановиче.

— Он обрадовался, узнав, что я приеду?

— Очень!

Помолчали. Потом:

— А знаете, — сказала Анна Андреевна, — Николай Николаевич сильно разгневался по поводу «От тебя я сердце скрыла». Ходит, как туча.

— Разве он раньше не знал?

— Знал, конечно, а теперь вот вдруг обиделся. Но мне это все равно**.

Пришел Владимир Георгиевич, поговорили о билете в Москву и о выступлении 11-го***. Я простилась.

— Я ведь еще увижусь с вами до своего отъезда, не правда ли? — сказала Анна Андреевна, провожая меня.

— Я приду к вам.

3 мая 40

1-го, по поручению Анны Андреевны, позвонил Владимир Георгиевич: Анна Андреевна приехала и просит зайти. Но мне не с кем было оставить Люшу: Ида празднует. Я попыталась мобилизовать кого-нибудь из друзей — не удалось.

---

* Вольпе.

** Напоминаю читателю, что это стихотворение в марте 1940 года появилось в печати (в журнале «Ленинград», № 2); *№ 21*.

*** Каком, где — не помню.

2-го, вчера, перед вечером, она пришла сама. Нарядная и почти румяная.

— Как вы хорошо выглядите! — сказала я.

— Ну что вы! Просто вымылась горячей водой и напудрилась. А чувствую себя очень плохо. Устала в Москве. Там, где я жила, паровое отопление, а моя базедова этого не переносит.

— Вы много бывали в гостях в Москве?

— Нет. Я только брала такси и ездила к Николаю Ивановичу. Что за голова у него! Как вы думаете — мне это важно знать — способен он с восхищением говорить о стихах, если они ему не нравятся?

— Нет. Конечно, нет. Он вообще не дает себе труда лгать. А уж о стихах!

— Знаете, что он сказал мне? «Я всегда любил вас, но раньше был равнодушен к вашим стихам. А теперь я понимаю, что ваши стихи даже лучше вас. Вы заставляете меня любить ненавидимое». Он так сказал, но все это на самом деле не так. Я сейчас прочитала верстку и ясно увидела: какая бездарная, какая мелкая, какая ничтожная книга.

Я не перечила, мне хотелось понять. И она объяснила мне*. Я ее не утешала. Чем же тут утешить. Я только напомнила ей: будет иначе.

Она устало махнула рукой.

Потом рассказала мне свой новый замысел — «Думали: нищие мы» *а*), «Страх, во тьме перебирая вещи» *б*), «Но сущий вздор, что я живу грустя» *в*), «Привольем пахнет дикий мед» *г*), и пр.** И добавила:

— Покойный Алигьери создал бы десятый круг ада.

---

* Ее мучило и угнетало, что в книгу не могли войти стихи, тогда самые для нее дорогие, — из поэмы «Реквием», «Венок мертвым» и еще многие.

** В качестве особого цикла перечисленные стихи так и не появились. Но в разные годы в разных изданиях были опубликованы: *а*) «Белая стая»; *№ 22*; *б*) ББП, с. 168; *№ 23*; *в*) журнал «Москва». 1966. № 6; *№ 24*; *г*) ББП, с. 191; *№ 25*.

Прочитала два новых: о башне. И впечатления от стихов*.

— А как понравилось в Москве «Путем всея земли»? — спросила я.

— Тишенька** в восторге от «времени назад», а Борису Леонидовичу не понравилось. Он не сказал этого, но я догадалась.

Потом:

— Если б вы знали, как меня встретил Вовочка! «Наша Аня приехала!» А когда я уходила, была уже в пальто и Таня вышла с ним в переднюю, он потянулся к дверям: «Надо Ане открыть дверь». Такой трогательный. Я решила взять для него дачу. Попрошу в Литфонде для себя и поеду с ним и с Таней. Валю отправят на лето в лагерь. А Шакалику воздух необходим.

Я спросила, как прошло ее выступление в Капелле.

— Все очень странно. По-моему, было самое обыкновенное выступление. Я ничего особенного не заметила. А Верочка и все другие знакомые уверяют, будто были овации.

6 мая 40

Вчера я сильно устала днем и, вернувшись из библиотеки, легла. Звонок. Говорит Владимир Георгиевич: «Анна Андреевна нездорова и умоляет вас придти».

Я отдохнула немного и пошла. Пошла, хотя и понимала, что ничего не случилось, что просто она не спала, ей тоскливо и она хочет, чтобы кто-нибудь сидел возле.

Действительно, она «просто не спала», — а я все-таки хорошо сделала, что явилась.

* «Впечатления от стихов» — по-видимому, «Про стихи» —БВ, Седьмая книга; *№ 26*. «О башне» — это, вероятно, «Мои молодые руки» со строками «Кто знает, как пусто небо / На месте упавшей башни, / Кто знает, как тихо в доме, / Куда не вернулся сын» — ББП, с. 195; *№ 27*.

** Александр Николаевич Тихонов.

Опять халат, диван, скомканное одеяло, спутанные, нечесаные волосы. Трудно поверить, что какие-нибудь два дня назад она была так моложава, нарядна, победительна. Желтое, осунувшееся старое лицо. Жалуется на боль в ноге.

7-го будет верстка. Гослитиздата? «Издательства писателей»? Не помню, перепутала. В общем — будет верстка. И Анна Андреевна хочет поручить мне читать и, главное, следить за тем, чтобы всё — и знаки — совпадало с версткой, только что прочитанной Лозинским.

Я присягнула.

— Имейте в виду, там одиннадцать листов, — сказала Анна Андреевна.

— Не боюсь! — ответила я.

— В Гослите на 150 строк меньше, чем в «Издательстве писателей». Из книги «Издательства писателей» пока что вынули, сверх программы, только «Последний тост»*. Я уже заказала себе, по пониженной цене, 40 экземпляров; друзьям буду дарить книгу «Издательства писателей», а Гослитиздата — никому.

Умолкла. Совершила обряд.

«И лип взволнованные тени»**.

И я сразу поняла все: желтизну, растрепанность, бессонность.

— Это вы сегодня ночью?

— Нет, вчера днем. Под непрерывные звонки из издательства.

---

* *№ 28.*

** А. А. записала — дала мне прочесть — сожгла над пепельницей «Уже безумие крылом» — стихотворение о тюремном свидании с сыном; *№ 29.*

Впервые напечатано с тяжелыми цензурными искажениями и под заглавием «Другу» в сб.: Анна Ахматова. Избранное. Ташкент: Сов. писатель, 1943. Затем, в 1974 г., с цензурными искажениями и с опечатками в сб.: Анна Ахматова. Избранное. М.: Худож. лит.

Текст, наиболее достоверный, см.: «Нева», 1987, № 6 («Requiem»).

Она надела очки и стала перелистывать свою тетрадь. Я увидела, что тетрадь исписана вся, до последней страницы. Она захлопнула ее, ничего не прочитав мне.

— Вам надо новую завести, — сказала я.

— Две новые заведены! Смотрите, какие.

Достала из комода два альбома, один старинный, чудесный, толстая бумага.

— Это мне Николай Иванович подарил. Пушкинского времени, видите?

Села на диван, поджав ноги, и взяла папиросу. Она сильно возбуждена — чем? — вероятно, скорым выходом книги, хотя и скрывает это. Показала мне свой портрет работы Тырсы, который будет приложен к книжке «Издательства писателей». Мне не понравился портрет — очень уж внешний. А ей нравится. (Конец двадцатых годов.)

Закурив, она сказала:

— И все это понапрасну: портрет, корректуры... Не хватит бумаги или еще чего-нибудь не хватит. Посмотрим. Знаете, я поняла, почему я терпеть не могу своих ранних стихов. Я теперь все про них знаю с совершенною точностью. Я их давно не видала, а теперь ясно увидела в верстке, когда смотрела с Лозинским, и могу точно сказать, какие они: недобрые по отношению к герою, неумные, простодушные и бесстыдные. Уверяю вас, это совершенно точно. И нельзя понять — чем они так нравились людям?

Я сказала, что могу согласиться, пожалуй, только с одним: недоброта к герою.

— Нет, нет, все так, как я говорю... Опасная вещь искусство. В молодости этого не сознаешь. Какая страшная судьба, с капканами, с волчьими ямами. Я теперь понимаю родителей, которые пытаются уберечь своих детей от поэзии, от театра... Подумайте только, какие страшные судьбы... В молодости этого не видишь, а если и видишь, то ведь «наплевать»...

Она была возбуждена и сосредоточена. Ей хотелось разговаривать.

— Вы ведь знаете Лотту? Самая острая женщина. Сплошное острие. Она очаровательна. Я ей на днях говорю: «Хочу вам прочесть, Лотта, я написала одно стихотворение...» А она мне: «Кто? Вы?» Правда, прелесть? Это очень смешно: «Кто? Вы?»[53]

Мы заговорили о Достоевском.

— Я недавно перечла Достоевского: «Идиот», «Подросток» и «Униженные и оскорбленные». Да, вы правы, «Идиот» лучше всех. Поразительный роман. И знаете, что я заметила? Вы никогда не думали о старичках у Достоевского? Об этих надушенных, учтивых, порхающих, шаркающих, французящих, влюбчивых, наивных старичках? Я поняла, что это всё — люди пушкинской поры, зажившиеся на свете, и он показывает их такими, какими они представлялись его поколению. Такими он и его сверстники видели людей пушкинской поры — таким был для них, например, князь Вяземский.

Я стала расспрашивать ее о Москве, о Борисе Леонидовиче.

— Он погибает дома... Своих стихов он уже не пишет, потому что переводит чужие — ведь ничто так не уничтожает собственные стихи, как переводы чужих. Вот Лозинский начал переводить и перестал писать... Но у Бориса Леонидовича главная беда другая: дом. Смертельно его жаль... Зина целыми днями дуется в карты, Ленечка заброшен. Он сам говорит: Ленечка в каких-то лохмотьях, а когда пытаешься ей объяснить — начинается визг. Все кругом с самого начала видели, что она груба и вульгарна, но он не видел, он был слепо влюблен. Так как восхищаться решительно нечем было, то он восхищался тем, что она сама моет полы...[54] А теперь он все видит, все понимает ясно и говорит о ней страшные вещи... Если бы он произносил их наедине со мною, я бы никому не повторила, конечно, но он говорил о Зине при Нине Антоновне, которую едва знает. Мы с Ниной друг на друга глаз поднять не смели — так было неловко.[55] «Это — паркетная буря, побывавшая у парикмахера и набравшаяся пошлости». Точно, не правда ли?

Потом: «Была бы, по крайней мере, чем-нибудь чрезвычайным, знаете, как тот сарай, который можно иностранцам показывать: вот какой у нас страшный сарай! — как было, например, у меня (она указала пальцем в стенку, за которой живет Николай Николаевич), — а то самая обыкновенная пошлячка». Он понимает все, но не уйдет, конечно. Из-за Ленечки. И, кроме того, он принадлежит к породе тех совестливых мужчин, которые не могут разводиться два раза. А в такой обстановке разве можно работать? Рядом с пошлостью? Нищета еще никогда никому не мешала. Горе тоже. Рембрандт все свои лучшие вещи написал в последние два года жизни, после того, как у него все умерли: жена, сын, мать... Нет, горе не мешает труду. А вот такая Зина может все уничтожить...

— Но если она такова, — сказала я, — то непонятно, зачем ей Борис Леонидович? Не только ему нужна другая жена, но и ей — другой муж. Ведь он для нее тоже должен быть неудобен.

— Видите ли, их роман начался в разгар его благополучия. Он был объявлен лучшим поэтом, денег было много, можно было кататься в Тифлис в спальном вагоне. Ах, если бы теперь можно было бы найти для нее какого-нибудь преуспевающего бухгалтера. Но, боюсь, это не удастся.

Я сказала, что мне очень понравился пастернаковский перевод «Гамлета».

— Да, да, и я его полюбила. Я так счастлива за Бориса Леонидовича: все хвалят, всем нравится, и Борис Леонидович доволен. Перевод действительно превосходен: могучая волна стиха. И, как это ни странно, ничего пастернаковского. Маршак сказал мне, что, по его мнению, Гамлет в пастернаковском переводе слишком школьник, упрощен, но я не согласна с этим. Жаль мне только, что пастернаковский перевод сейчас принято хвалить в ущерб переводу Лозинского. А он очень хорош, хотя и совсем другой. Перевод Лозинского лучше читать как книгу, а перевод Пастернака лучше слушать со

сцены. В сущности, незачем пренебрегать одним для другого, а надо просто радоваться такому празднику русской культуры.

Я заговорила о непонятных для меня вкусах Бориса Леонидовича в поэзии; я видела письмо его к нашему Коле*, в котором он с бурной похвалой отзывался о стихах Всеволода Рождественского.

— О, это он всегда так. И в этот мой последний приезд в Москву тоже так было. Он привел к Федину Спасского, который хотел послушать мои стихи. И тут же, при нем, повторял бесконечно: «Сергей Дмитриевич создал нечто грандиозное, я уже целых три дня живу его последними стихами». И все вздор. Стихи Рождественского — ведь это такое убожество, ни слова своего, и, конечно, Борису Леонидовичу они ни к чему. Он часто хвалит из самой наивной, грошовой политики. Уверяю вас. Ему мерещится, что так для чего-то кому-то надо. А иногда он и сам не понимает, что говорит. Вот ему не понравилось «Путем всея земли». А он гомерически хвалил, необузданно.

— Откуда же вы знаете, что ему не понравилось?

— Я догадалась. Во-первых, он сказал: похоже на Мандельштама. А Мандельштама он терпеть не может, он позабыл, что говорил мне об этом раньше. Потом он сказал: «Это так прекрасно, что не может существовать одно. Я уверен, где-то еще существует подобное». Я догадалась потом: подобное — это настоящие стихи, его собственные, которые он еще не написал, а я написала; но мое — это не настоящее, это случайное, а настоящее — подобное — это его, это то́, что должно быть и будет... Такова его подсознательная мысль, он сам ее еще не понял, а я догадалась.

Вскипел чайник. Анна Андреевна, как всегда, пустилась бродить по комнате, разыскивая необходимые для чаепития предметы: «Куда запропастился сахар? Таня достала мне сахар и очень гордилась этим, а теперь он исчез».

---

* «Наш Коля» — мой старший брат, Николай Корнеевич Чуковский. О нем см. мои «Записки», т. 2 и т. 3.

Сахар нашелся. Она села, разлила по чашкам чай и снова принялась говорить.

— А главная причина всех этих неистовых похвал Бориса Леонидовича — профессиональная болезнь, которой страдают все литераторы. Это как мозоль у пахаря. Писатель, поэт не способен спокойно относиться к своим вещам и к их судьбе. Вот сейчас Борис Леонидович страшно огорчен, что Корнею Ивановичу и Самуилу Яковлевичу не понравился его перевод. А что тут огорчительного? Одним нравится одно, другим — другое. И — хуже: он перестает любить людей, которым что-то из его вещей не понравилось. Меня он любит, главным образом, за то, что я посвятила ему стихи, и за то, что я люблю его поэзию.

— А вашу поэзию он любит?

— Вряд ли. Он когда-то читал мои стихи — очень давно — и позабыл их. Помнит, может быть, случайные строчки. А вообще-то стихи ему ни к чему. Вы разве не замечали, что поэты не любят стихи своих современников? Поэт носит в себе собственный огромный мир — зачем ему чужие стихи? В молодости, лет двадцати трех-двадцати четырех любят стихи поэтов своей группы. А потом уже ничьи не любят — только свои. Остальные не нужны, они ощущаются как лишние или даже враждебные.

Помолчав, она сказала:

— Во мне множество недостатков, пороков даже, но человеческих, а болезней профессиональных во мне нет. Мне нисколько не мешает, если человек не любит моих стихов. Что писал обо мне Мандельштам! «Столпник паркета»! Уж, кажется, куда обидней.[56]

— Но ведь вас он любил?

— Да, вероятно. А я его очень любила. Как я их обоих люблю, и Осипа, и Бориса Леонидовича.

— Кто же в силах не любить Бориса Леонидовича! — сказала я.

— Находятся такие, однако. Асеев, например... Но Осипа, уверяю вас, тоже нельзя было не любить, хотя он

совсем другой, чем Борис Леонидович... Трудно о нем рассказать, объяснить его. Вот умрет Борис Леонидович — и тоже нельзя будет объяснить, в чем было могущество его очарования. С Осипом я дружна была смолоду, но особенно подружилась в 37-м году. Да, в 37-м. Стихов моих он не любил[57], но, если бы я была его сестрой, он не мог бы относиться ко мне доверчивее. Он мне, потихоньку от Нади, рассказывал обо всех своих любвях*: он всю жизнь легко влюблялся и легко разлюблял... А один раз он сказал мне: «Я уже готов для смерти».

Я поднялась, прощаясь. Она встала.

— А профессиональных болезней во мне нет, уверяю вас. И знаете почему? Я не литератор.

Она проводила меня до самых дверей. Было два часа ночи. В дверях она сказала:

— Только не думайте, пожалуйста, что я говорила вам что-нибудь плохое о Борисе Леонидовиче.

10 мая 40

Третьего дня с утра мне позвонила Анна Андреевна: просит придти. Гослит сейчас пришлет ей корректуру. Я отправилась. Мы долго сидели, пили чай, смотрели на часы, ждали. Анна Андреевна жаловалась, что сборник Гослита гораздо хуже «Издательства писателей»: на 150 строк меньше, без эпиграфов, и вообще «Ахматова pour les pauvres»**.

Цветная книга. Ее оглавление***.

---

* «Надя» — жена Осипа Мандельштама, Надежда Яковлевна. О ней см.: Э.Г. Герштейн. Новое о Мандельштаме (Paris, 1986); мои «Записки», т. 2 и 3; Анна Ахматова. Мандельштам. (Листки из дневника), а также: Никита Струве. Восемь часов с Анной Ахматовой // «Сочинения». Т. 2, с. 176 и 327.

** pour les pauvres (*франц.*) — для бедных.

*** Эту строчку расшифровать не могу. По-видимому, речь идет о какой-то задуманной, но не состоявшейся книге.

Наконец принесли корректуру. Действительно, вид убогий, неряшливый. Анна Андреевна хотела, чтобы новые вещи были непременно сверены с корректурой «Издательства писателей» — с той, которую держал Михаил Леонидович. Я позвонила в издательство нашей милой Тане[58], но она сказала, что корректура уже ушла в типографию и ничего поделать нельзя. Анна Андреевна сердилась и заставляла меня звонить несколько раз: «Скажите ей, что дефективная старуха ничего не понимает и требует». Но я-то понимаю, и мне было неловко перед Таничкой, которая и без моих звонков все готова была сделать для Анны Андреевны. Таня позвонила через час сама и предложила вот что: пусть Анна Андреевна, пользуясь своим правом автора, задержит у себя корректуру Гослита — на четыре дня, как положено законом, — а к тому времени в редакцию подоспеют листы. Но Анна Андреевна сказала: «Я не в силах с ними препираться, Гослит торопит».

Я схватила корректуру и отправилась к Тусе*: она все сделает идеально, не хуже Лозинского. Мы работали запоем, почти не отрываясь, с четырех часов дня до часу ночи. Когда мы кончили, я позвонила Анне Андреевне — она просила, чтоб я принесла верстку не утром, а сейчас же.

Я принесла.

Вчера вечером она пришла ко мне с портфелем. Впервые я видела у нее в руках портфель! Вялая, раздражительная — по-видимому, суета вокруг книги утомляет ее, а тут еще из Москвы вести о безрезультатном походе Б.**

Она развернула свой список поправок — кое-где новые варианты, новая пунктуация и опечатки. Опечатка, которая привела ее в бешенство, — «иглой» вместо «стрелой» в строках:

И башенных часов большая стрелка
Смертельной мне не кажется иглой.

---

* К Тамаре Григорьевне Габбе. См. [59].

** Какая-то неудача в хлопотах о Леве.

— Что за бессмыслица! Смертельны стрелы, а не иглы. Как невнимательно люди читают стихи. Все читают, всем нравится, все пишут письма — и не замечают, что это полная чушь*.

Затем она указала мне новую пунктуацию в конце стихотворения «Как белый камень в глубине колодца»: строка «Чтоб вечно жили дивные печали» должна быть знаком оторвана от последующей («Ты превращен в мое воспоминанье»); к ней она не относится**.

Потом я принялась ее допрашивать по нашему с Тусей списку. И предлагать некоторые перемены в пунктуации. Она отвечала и соглашалась охотно. Только один раз, когда я предложила многоточие, ответила: «Не надо... Не люблю». Иногда она не могла ответить на вопрос — такой или другой поставить знак? Тогда я просила ее прочесть вслух две-три строчки и ставила знаки в соответствии с ее интонациями.

Она продиктовала мне строфу из стихотворения «Борис Пастернак», наличествующую в книге «Издательства писателей» и почему-то убранную в Гослите. И восстановила несколько эпитетов***.

Таничка прислала ей экземпляр, который вернул Юрий Николаевич из Детского, — тот самый, с поправками Анны Андреевны и Михаила Леонидовича. Я взглянула: в самом деле, совсем другой вид. Ю. Н. и Таня со скандалом добились старинного шрифта.

---

* Опечатка «иглой» вместо «стрелой» в стихотворении «Слаб голос мой, но воля не слабеет» возникла в сборнике «Белая стая» (1917); и, к моему удивлению, несмотря на поправку Анны Андреевны, та же опечатка повторена в сб. «Из шести книг», на с. 122. Во всех последующих изданиях, включая и «Бег времени», — «стрелой» (с. 93).

** Однако в обоих сборниках — и в «Из шести книг» и в «Беге времени» — пунктуация не соответствует моей записи.

*** Которая строфа — не помню; одна из трех: четвертая, пятая или шестая, а эпитеты, кажется: «смертельный» и «кладбищенский».

Все новые стихи в верстке Гослита я, строка за строкой, считала с экземпляром «Издательства писателей». Анна Андреевна не помогала мне, даже мешала, заговаривая, но смотрела с благоговением на корректурные значки и смешно радовалась моему умению их ставить.

Я кончила.

— Неужели все стихи кажутся вам плохими? — спросила я, вспомнив давешний разговор.

— Все, или почти все... Уверяю вас: плохие стихи, плохая книга. А вот «Он длится без конца — янтарный, тяжкий день» — это я люблю*.

Я сказала, что стихи «Где, высокая, твой цыганенок» меня всегда трогали чуть не до слез**.

— Это давние дела, — непонятно ответила Анна Андреевна. И, ничего не объяснив, продиктовала мне мелкие поправки к стихотворению «Не будем пить из одного стакана»***.

— Михаил Леонидович обиделся, увидав, что я переменила, сделала не так, как было в молодости. И вот, восстанавливаю по-старому,— объяснила она.

«Как? Значит, это ему!» — подумала я, но не произнесла.

Ида подала нам обед. Анна Андреевна старалась быть приветливой и любезной, но была суха и рассеянна. Впрочем, очень мило рассказала о нашем Данииле Ивановиче; она познакомилась с ним на днях, и он ей понравился.

— Он мне сказал, что, по его убеждению, гений должен обладать тремя свойствами: ясновидением, властностью и толковостью. Хлебников обладал ясновидением, но не обладал толковостью и властностью. Я прочитала ему «Путем всея земли». Он сказал: да, властность у вас, пожалуй, есть, но вот толковости мало.[60]

Она заторопилась домой: Владимир Георгиевич к шести часам должен привезти какого-то врача.

---

* БВ, Четки; *№ 30.*

** ББП, с. 109; *№ 31.*

*** БВ, Четки; *№ 32.*

Ушла. А из Гослита ко мне прислали за версткой. Я написала руководство для техредов и корректоров; приложила также фотографию, принесенную Анной Андреевной (1936, «хорошая фотография, тут я уже не моложусь»)*.

А вечером, вернувшись из редакции домой, позвонила мне Таня. Оказывается, вокруг книг Анны Андреевны целая интрига — и она была права, не желая подписывать договор с двумя издательствами сразу. Гослит ее обманул, уверив, будто располагает каким-то особым разрешением. Никакого у них нет и быть не может: напротив, выпускать одинаковые книги одновременно в двух местах запрещено категорически. И теперь каждое издательство торопится выпустить книгу первым, чтобы поставить под удар чужую.

И все это плетут вокруг человека, который так не хочет, изо всех сил не хочет оказаться в ложном, недостойном положении...

Я ей не расскажу. Она заболеет. Сделать же все равно уже ничего нельзя.

А что, если первой выйдет «Ахматова pour les pauvres»? А «писательская» не выйдет совсем?**

11 мая 40

Вчера вечером, когда у меня сидели Шура и Туся, позвонил Владимир Георгиевич и сказал, что Анна Андреев-

---

* Речь идет о фотографии Ахматовой, сделанной Л.Горнунгом в имении Старки у Шервинских в 1936 году. Пользуюсь случаем указать на свою ошибку в предыдущем издании первого тома моих «Записок». Снимком Л.Горнунга открывается том, а год указан мною неверно.

О Шервинских см. «Записки», т. 2, «За сценой»: [2]; о фотографиях, снятых Л.Горнунгом, — в сб. «Воспоминания», на с. 194, 196, 198, 202, 203 и 208.

** К счастью, случилось наоборот. «Из шести книг», сборник «Издательства писателей», составленный Ю.Н.Тыняновым и М.Л.Лозинским, — вышел; гослитовский же не вышел совсем. См. примеч. на с. 220.

на просит разрешения зайти и показать корректуру из «Звезды». Мне это было не особенно удобно (мы работали), но я, разумеется, сказала «жду».

Она появилась очень поздно, в двенадцатом часу, нарядная, вся в черном шелке, любезная, светская и даже веселая. Познакомившись с Тусей (Шуру-то она уже видела раньше), она сразу сообщила нам весьма оживленно, что потеряла брошку — египетскую, — целых два часа искала и так и не нашла. «Брошка лежала на комоде... Беда в том, что у Пуниных домработница новая».

— У меня сегодня две неприятности, — весело пояснила она, — во-первых, брошку потеряла, во-вторых, вот эту книгу приобрела.

И протянула Тамаре книгу, полученную ею сегодня в подарок от Шкловского. Туся огласила надпись... Кончается так: «...мне очень трудно».

Анна Андреевна отозвалась о книге крайне неодобрительно. Затем она вручила мне верстку своих стихов в «Звезде». Я прочитала. Опечаток уйма. Анна Андреевна проявила полную непоследовательность, разрешив мне вставить в «Бориса Пастернака» новое четверостишие, но не разрешив заменить эпитеты*. Затем, для верности, прочитали корректуру по очереди и Шура, и Тамара.

«Последний тост» решено выбросить, чтоб не дразнить гусей.

Шура ушла. Мы сели чай пить. Заговорили о деятельности Петра Иваныча.

— Это как бубонная чума, — сказала Анна Андреевна. — Ты еще жалеешь соседа по квартире, а уже сама катишь в М.**

Я попросила Анну Андреевну почитать стихи — попросила и сейчас же раскаялась: ей, видно, не хотелось, но она считала неловким отказать мне и Тусе после того, как мы возились с ее корректурами.

---

* В пятом четверостишии: «февральская» (вместо «московская»), «прозрачный» (вместо «смертельный»). См.: «Звезда», 1940, № 3—4; *№ 1*.

** В Магадан.

— Скажите, Лидия Корнеевна, что читать? — спросила она подчеркнуто покорным голосом.

Она прочла про память (с новыми первыми строчками), потом начала какую-то поэму 1924 года, но сбилась и бросила, потом «Путем всея земли»*.

Туся заговорила о «Путем». Сказала, что вещь очень современная, что вещь отозвалась на гул времени.

— Я все стараюсь обобщить, — ответила Анна Андреевна, — каким людям она нравится, каким — нет. Но обобщение не удается. Я думала: искушенным в литературе будет нравиться, людям попроще — нет. А все оказалось не так. Борису Леонидовичу она, например, совсем не понравилась. Хармс упрекнул ее в недостаточной толковости. А вот Александру Николаевичу** она так понравилась, что он обошел вокруг стола, чтобы поцеловать мне руку, и говорил всякие высокие слова... Ну, что вам еще прочесть? Никак не вспомню.

— Не читайте ничего, — сказала я.

— А можно? Тогда я не буду.

Но чуть только Тамара начала рассказывать о работе над исторической хрестоматией и перечислила несколько заглавий, — Анна Андреевна, наверно по ассоциации, сама предложила: «Я вам прочту “Клеопатру”».

Прочла. Потом смешно рассказала о своей беседе в Москве с одной молодой поэтессой.

— Я в Москве чувствовала себя плохо, уставала, мучилась от парового отопления и ждала звонка. А тут меня стали просить, очень настойчиво, чтобы я приняла одну молодую даму, пишущую стихи, мечтающую меня увидеть, и т. п. Просили люди, у которых я гостила, и я не могла отказать им. Назначили время. Она явилась, страшно извинялась, что по каким-то причинам не принесла мне в подарок свою книгу, прочитала стихи.

---

* «Про память» — «Подвал памяти»; поэма 1924 года — «Русский Трианон». Сохранившиеся отрывки из этой поэмы (и черновые наброски к ней) см. в сб. «Памяти А. А.», с. 12, а также в ББП, с. 326.

** Тихонову (Сереброву).

Я вообразила, будто она интересуется моим мнением, подробно разобрала одну ее вещь и сказала ей, между прочим, что вот у Пушкина в «Полководце» и Эрмитаж, и Барклай, и время, и он сам — и все это умещается на сравнительно небольшой площади, — а у нее вещь длинная, но незаполненная. Она ответила: «И у Пушкина не всегда так». Потом я читала ей свои стихи. Прочла несколько стихотворений, после одного она сказала: «Вот это хорошо». Когда она ушла, мне объяснили, что она очень важная шишка. Значит, я совершенно напрасно вела себя с ней, как мэтр.

— По-видимому, — сказала Туся, — она представляла себе это свидание иначе: встреча двух представительниц поэзии разных поколений. В ее мечтах вы на прощание подарили ей свой портрет с надписью: «Победителю ученику от побежденного учителя».

Разговор снова вернулся к книге Шкловского.

— Очень подлая книга, — сказала Анна Андреевна, — особенно страницы о Корнее Ивановиче. А обо мне написано смешно и глупо. Тут вот чего нельзя понять: если это разжижение мозга — то почему же о Корнее Ивановиче все так связно подло, рассчитано подло. Об акмеистах тоже, весьма осторожно и рассчитано. А вот обо мне — чистое разжижение. “В соседней комнате, не в той, где камин, сидела Ахматова. Всё это точно описано в ее стихотворении: “Все мы бражники здесь, блудницы” *.

— Очевидно, вы сидели не в той комнате, где камин, а в той, где блудницы, — сказала Туся.

Возвращаясь к страницам о Корнее Ивановиче, я сказала, что кто-нибудь из друзей Шкловского должен был бы объяснить ему, за какое оружие он хватается.[61]

— Шкловский дружит с Асеевым, — сказала Анна Андреевна. — Но тот уж совсем падший... Шкловского ненавидят в Москве до кровомщения. Он все обмусоливает, слюнявит, он стал такой слезливый...

---

* Цитата, почти дословная, из книги: Виктор Шкловский. О Маяковском. М., Сов.писатель,1940, с.69.

И Виктор Борисович и Николай Иванович по очереди рассказали Анне Андреевне о своем квартирном конфликте, и она стала вполне на сторону Николая Ивановича.

Когда Анна Андреевна и Туся собрались уходить, было два часа ночи. Мы вышли все втроем. На улице было тепло, полусветло и тихо. Изредка нам попадались пьяные. Один из них крикнул нам: «Ддевочки, пойдемте».

— Однажды я шла от вас, — припомнила Анна Андреевна, — был какой-то праздник — и ко мне не приставал только тот мужчина, который в эту минуту приставал к какой-нибудь другой женщине. Им ведь все равно: от пятнадцати до шестидесяти пяти лет все годятся.

Мы подошли к Невскому. Он был пуст. Анна Андреевна пересекла его вместе с нами свободно и легко.

— Когда уже нам удастся разлюбить этот город! — сказала я.

— Мне это уже вполне удалось, — отозвалась Туся.

— Я тоже увидала другой его лик, — сказала Анна Андреевна, сразу догадавшись, что имеет в виду Тамара*. — А вы заметили: в конце Литейного всегда, когда ни взглянешь, лежит туча. Она бывает разных цвето́в, но лежит там всегда.

Продолжая разговор о пьяных, Анна Андреевна рассказала, как, когда у нее однажды на улице подвернулся каблук и она топнула ногой, чтобы он стал на место, один прохожий сказал: «Ты мне еще топни, топни, посмей только!»

— А жаль, что из города почти исчезли лошади, — сказала Туся. — Я любила из-за окон цокающий стройный звук, или мягкий на торцах.

Анна Андреевна стала рассказывать о верховой езде, то есть о том, как ездил верхом Н. С.**

— Когда К. Г.*** был вольноопределяющимся, я навещала его под Новгородом, и он говорил мне, что учит-

* То есть, что речь идет о застенке.

** Николай Степанович Гумилев.

*** Коля Гумилев.

ся верховой езде заново. Я удивлялась — он отлично ездил на лошади, красиво и подолгу, по много верст. Оказалось, это не та езда, какая требуется в походе. Надо, чтобы рука непременно лежала так, а нога этак, иначе устанешь ты или устанет лошадь, и т. д. И без битья не обходится ученье. Он рассказывал, что великого князя берейторы стегали по ногам.

Мы дошли до ее ворот со стороны Литейного. Тут Туся простилась с нами. Анна Андреевна любезно пообещала прислать ей книгу в подарок. Я, как всегда, проводила Анну Андреевну через двор и вверх по лестнице до самых дверей. И, как всегда, идти от нее назад мне было почему-то совсем не страшно. Впрочем, ночи уже не черные, а серые.

14 мая 40

У Анны Андреевны беда — все то же. Из доброго ее колдовства ничего не прядется.

Сегодня она вызвала меня к себе днем, усадила на диван, сама села рядом и рассказала подробно о новой своей неудаче*. Она какая-то торжественная, тихая, аккуратно причесанная, с челкой и даже со знаменитым своим гребнем в волосах. Но торчит он как-то криво.

— Это мне Вовка так заколол, — сказала она, проследив мой взгляд и вынимая из волос гребень.

Вошли мальчики, Вовка и Валя, она поцеловала каждого в обе щеки и велела им идти к себе.

— Шакалик такой ласковый. Сегодня говорит: «Ня, голубка, доченька...»

Я сидела возле, не находя никаких слов, никаких утешений. Я не Шакалик и не могу сказать ей: «Ня, голубка, доченька». Но может быть, ей все-таки делалось легче оттого, что кто-то сидел рядом и слушал — короткие слова, длинные молчания...

15 мая 40

Вечером я была у Анны Андреевны. У нее — Лотта. Анна Андреевна, грустная, желтая, сидела в своем кресле,

* Очередная неудача в хлопотах о Леве.

раскинув руки, — а Лотта болтала без умолку, стараясь, видимо, ее развлечь. Болтала очень развязно, но иногда в самом деле остроумно. Анна Андреевна отвечала коротко, иногда не отвечала совсем, но остротам смеялась.

В комнате появился — на что обратила мое внимание Лотта — сундук. Большой, кованый. «XVI века, — пояснила нам Анна Андреевна. — Я держу в нем книги. У меня очень неинтеллигентная комната: книг не видно. Они в комоде — и вот в сундуке».

— И под креслом, — сказала Лотта.

Она нашла, что в этом сундуке очень бы хорошо держать шелковые платья и длинные свечи.

— Ах, как бы мне хотелось венчаться! — закончила Лотта. — В церкви, и чтобы все, как положено.

— Я венчалась, — сказала Анна Андреевна. — По всем правилам. И, уверяю вас, гораздо интереснее смотреть, как венчаются другие, чем венчаться самой.

Лотта стала рассказывать всякие анекдоты о неграмотных учителях. В самом деле, смешно и страшно. Анна Андреевна рассказала, как несколько лет тому назад Анна Евгеньевна уехала с Ириной на Кавказ и не вернулась к началу занятий.

— Из школы пришла грозная повестка. Николай Николаевич попросил меня пойти туда, поговорить. Я пошла. Вижу: «Учительская». Вхожу — там какая-то женщина. Протягиваю повестку ей. Она налилась красной кровью, даже похорошела. «Вы понимаете, что ей грозит исключение?» Она ждала просьбы. А я вдруг как заору: «Ну и валите! Исключайте! Мне-то что! Мне наплевать. Я просто соседка по квартире». (Анна Андреевна произнесла эти слова, столь необычные в ее устах, несколько раз — «валите! мне наплевать!» — видимо, радуясь их грубости.) Она как-то вся обмякла и сразу смолкла.

Оказывается, Анна Андреевна и Лотта поджидали Роз.*, который звонил из «Издательства писателей» и обещал в семь часов принести сигнальный экземп-

---

* ?

ляр. Было, однако, уже девять. Лотта принялась уговаривать Анну Андреевну не ждать его, а выйти с нами пройтись.

— Нет, я уж подожду его, — сказала Анна Андреевна.

— Не можете перенести лишней минуты разлуки с экземпляром? Признайтесь! — закричала Лотта.

— Нет, не то. Я ведь обещала ему быть дома.

— Свинство так опаздывать. Он говорил: в семь часов, а сейчас девять.

— Он воображает, — сказала Анна Андреевна, — что, если у него в руках такой предмет, он может придти, когда ему угодно. Попозже и с ночевкой!

— Ну, если он с ночевкой, — заявила Лотта, — то мы уходим. Идемте, Лидия Корнеевна!

И мы ушли.

20 мая 40

Сегодня, раздобыв для Анны Андреевны «Русскую Мысль» со статьей Недоброво, — о чем она давно просила, — я начала ей звонить. Звоню: раз, другой, третий, — занято. И чуть только я, досадуя, повесила трубку — звонок: звонит Анна Андреевна и просит придти.

Желтая, больная, лежит на диване под толстым одеялом, в халате, с неубранными волосами.

— Сердце шалит. Я сегодня устала — была во ВТЭКе. Мне дали вторую категорию, а раньше была третья. Я постепенно приближаюсь к идеалу инвалидности. У меня нашли перерождение клапана сердца.

Но сегодня она не такая грустная, как в последние разы. По-видимому, виною тому синенькая фототелеграмма, которую она дала мне прочесть*.

На кресле я увидела книгу — сигнальный экземпляр — и, конечно, с жадностью схватила его и принялась разглядывать.

— Пожалуйста, спрячьте книгу в ящик комода, — почти невежливо приказала Анна Андреевна. — Поглубже, поглубже. И задвиньте ящик. Я не люблю ее видеть.

* ?

— Это у вас профессиональная болезнь наоборот, — сказала я.

— Я прочитала «Путем всея земли» еще одному очень понимающему человеку, — начала рассказывать Анна Андреевна. — Он был ошеломлен.

— Как и я.

— Может быть, это потому, что там есть новая интонация. Совсем новая, какой еще никогда не было. Ведь ошеломляет только новое... А двое слушателей признались, что не поняли: Сандрик* и Ксения Григорьевна.

И, наверное, вспомнив, как интересно говорила об этой вещи Туся, прибавила вдруг:

— Приходите ко мне когда-нибудь вместе с Тамарой Григорьевной, хорошо?..

— Вот, посмотрите, Владимир Георгиевич принес мне целую кипу стихов из Лавки писателей. — Она изогнулась по-акробатски, достала со стула кипу маленьких книжечек и положила их ко мне на колени. — В Лавке всегда говорят ему: вышли стихи, это, наверное, Анне Андреевне будет интересно. Найдите Шефнера. Читайте.

Я прочитала маленькое стихотворение о любви, вялое, эклектическое.

— Подумайте, как холодно, как равнодушно, — говорила Анна Андреевна. — И о чем он пишет так! Самое главное в стихе — своя, новая интонация... А тут все интонации чужие. Как будто сам он никогда не любил.

Я спросила, как она относится к Остроумовой — я собираюсь повести на выставку Люшу.

— Да... люблю... но, пожалуй, средне. Меня тоже маленькую водили в Эрмитаж и в Русский музей, который тогда был совсем молодой. Мы жили в Царском, мама возила меня из Царского. Чего я терпеть не могла, так это выставок передвижников. Все лиловое. Я шла по лестнице и думала: насколько эти старые картины, развешанные на лестнице, лучше.

Анна Андреевна попросила меня дать ей с комода топаз и положила его себе на грудь, на сердце.

---

* А. Н. Болдырев.

— Холодный, — заметила она. — Хорошо.

Разговор набрел на Маяковского и Бриков — я рассказала о нашем детиздатском однотомнике и о поездке моей и Мирона Левина в Москву к Брикам. Общаться с ними было мне трудно: весь стиль дома — не по душе. Мне показалось к тому же, что Лили Юрьевна безо всякого интереса относится к стихам Маяковского. Не понравились мне и рябчики на столе, и анекдоты за столом... За столом сидели, кроме меня и Мирона, приехавших по делу, Примаков, Осип Максимович и «наша Женичка». Более всех невзлюбила я Осипа Максимовича: оттопыренная нижняя губа, торчащие уши и главное — тон не то литературного мэтра, не то пижона. Понравился мне за этим семейным столом один Примаков — молчаливый и какой-то чужой им.[62]

— Очень плохо представляю себе там, среди них, Маяковского, — сказала я.

— И напрасно, — ответила Анна Андреевна. — Литература была отменена, оставлен был один салон Бриков, где писатели встречались с чекистами... И вы, и не вы одни, неправильно делаете, что в своих представлениях отрываете Маяковского от Бриков. Это был его дом, его любовь, его дружба, ему там все нравилось. Это был уровень его образования, чувства товарищества и интересов во всем. Он ведь никогда от них не уходил, не порывал с ними, он до конца любил их.

Я сказала, что рассуждать об отношениях Маяковского с Бриками я не вправе, потому что про это не знаю, но была удивлена небрежностью их работы, полным равнодушием к тому, хорош ли, плох получится однотомник, за который они в ответе.

— Это дело другое. Но и сам он в своих отношениях к литераторам и литературе был на их, то есть на очень невысоком уровне. Однажды Николай Леонидович* спросил у него о Хлебникове. Он ответил: «А к чему сейчас Хлебникова издавать?» Так он отозвался о своем товарище, о своем учителе... В чем же тогда разница меж-

---

* Степанов. О нем см. [63].

ду ним и Бриками? Они равнодушны к изданию его стихов, он — к изданию стихов Хлебникова. Разница есть, и большая, но она в другом: в его великом таланте. В остальном — никакой. Он, так же как и они, бывал и темен, и двуязычен, и неискренен... Но это не помешало ему стать крупнейшим поэтом XX века в России.

Постучал и вошел Владимир Георгиевич. Она очень нежно усадила его у своих ног на диван. Он жаловался — устал безмерно: вскрытия, экзамены. Зашел узнать о результатах медицинского осмотра. Анна Андреевна, снова изогнувшись по-акробатски, достала с кресла заключение врачей. Он прочел, произнес: «Все вздор, полуграмотная чепуха» — и поднялся. Перед уходом наклонился к ней, близко заглянул ей в глаза и спросил инфантильным тоном, каким часто говорил с ней при мне:

— Вы хорошая сегодня?

— Хорошая, — ответила Анна Андреевна и передала ему синенькую телеграмму.

(В самом деле, она сегодня хоть и больна, но гораздо веселее, чем в недавние дни.)

Я хотела уйти вместе с В. Г., потому что нам по дороге, но Анна Андреевна положила мне руку на колено: «Посидите со мной еще немного» — и я осталась.

Анна Андреевна поднялась на минуту, нашла варенье и сахар, включила чайник и снова легла. Заговорили о собирателе материалов*.

— Он приходил ко мне и рассказывал все, что насобирал. Так я узнала, как дурно обо мне думают люди. Одна дама обещала ему к следующему разу припомнить: чей сын в действительности Лева — Блока или Лозинского? А я ни с Блоком, ни с Лозинским никогда не была близка. И Лева так похож на Колю, что люди пугаются. Моих черт в нем почти нет... Но чего только обо мне не говорили!

— А собрал ли он что-нибудь дельное? — спросила я. — Или одни только сплетни?

* О ком именно зашла речь — не знаю, не помню.

— Пустяки! Да ведь он и сам скоро сделался великим писателем земли русской.

Потом она рассказала мне о безобразном поступке «Ленинских искр». Без спроса газета напечатала стихотворение о Маяковском, которое Анна Андреевна дала не «Искрам», а «Литературной», да к тому же напечатала с ошибками: в 12 году вместо в 13-м, «до сих пор» вместо «до тех пор»...

— А заглавие! Пошлейшее: «Поэтесса — поэту». Какая гадость! Стыдно теперь и на улицу выйти.

Я ей рассказала о стихах Благининой, где, как и в знаменитых ахматовских, флаги развешены на деревьях осенью*. Впрочем, добавила я, стихотворение Благининой мне нравится**.

— Что ж, — сказала Анна Андреевна, — я ничего тут не вижу. И Пушкин так всегда делал. Всегда. Брал у всех все, что ему нравилось. И делал навеки своим***.

Она стала расспрашивать меня о Люше, я рассказала о Люшиных любимых книгах — Диккенсе, Пушкине, — отсюда мы перешли к Чарской, и я пересказала ей Тамарин рассказ о том, как Тамара и Зоя, по поручению Литфонда, относили Чарской деньги и как Лидия Алек-

---

* Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах...

строки из стихотворения Ахматовой «Мне с тобою пьяным весело» — БВ, Вечер.

** Ошибка моей записи: в стихах Елены Благининой подобных строк нет.

*** «Гений, — говорила А. А. Павлу Николаевичу Лукницкому, — захватчик. Он собирает, зыхватывает отовсюду слова, сравнения, образы и т. п. — самые простые и даже иногда никем не замечаемые, но — лучшие».

И еще:

«Творчество Пушкина — горн, переплавляющий весь материал, которым Пушкин пользуется. Например, когда он пользуется материалом иностранных авторов. После “переплавки” получается нечто совершенно новое — чисто пушкинское». (См. публикацию В.Лукницкой в журнале «Огонек», 1987, № 6, с. 10 — отрывки из дневника П. Н. Лукницкого.)

сеевна со скромной гордостью, весьма картинно, повествовала о девочках-школьницах, навещающих ее и задающих роковые вопросы. «Они приходят ко мне с самым своим задушевным», — говорила Лидия Алексеевна, прижимая обе руки к сердцу и слегка задыхаясь.

— Ко мне тоже приходят и тоже все с роковым и самым задушевным, — сказала Анна Андреевна. — Но кто пришел один раз, тот во второй не сунется, так я их встречаю.

Помолчали. Когда она долго молчит — я уже научилась понимать, — она готовится. И в самом деле: черный обряд. Замо́к и дверь*.

---

* Записала, дала мне запомнить и сожгла стихотворение:

И вот, наперекор тому,
Что смерть глядит в глаза, —
Опять по слову твоему
Я голосую *за*:

То́, чтоб дверью стала дверь,
Замок опять замком,
Чтоб сердцем стал угрюмый зверь
В груди... А дело в том,
Что суждено нам всем узнать,
Что значит третий год не спать,
Что значит утром узнавать,
О тех, кто в ночь погиб.

сб. «Памяти А. А.»

Читая мне это стихотворение, А. А. произнесла эпиграф, сказав: «В лесу голосуют деревья. Н.Заболоцкий». Сколько я ни искала впоследствии у Заболоцкого эту строку — я ее не нашла... Оказывается (на что обратил мое внимание Вяч.Вс.Иванов), А. А. вольно или невольно проредактировала для эпиграфа строки из стихотворения Заболоцкого «Ночной сад», из первоначального варианта:

И души лип вздымали кисти рук,
Все голосуя против преступлений.

«Литературный современник», 1937, № 3.

В Советском Союзе это стихотворение Ахматовой опубликовал впервые Р.Д.Тименчик в журнале «Даугава» (1987, № 9, с. 125).

— Какая жесткость, сила, — сказала я.

— Вы находите? Я так и хотела.

Опять помолчали. Я вспомнила об утреннем телефонном совпадении: я звонила ей — она мне. Одновременно. Я рассказала ей об этом.

— У меня всегда так, — объяснила она. — Со всеми так.

21 мая 40

Сегодня я вспомнила один незаписанный мною сразу рассказ Анны Андреевны — в ответ на мой вопрос. Вспомнила точно.

Я спросила у нее однажды, как это так бывает, что не понимаешь стихов, а любишь их? Почему нам с Женей Лунц[64] было — мне одиннадцать, а ей десять лет, когда мы влюбились в блоковскую «Незнакомку» и, после уроков, спрятавшись между двумя плотными дверьми — то есть, собственно, в шкафу, — упоенно читали в два голоса или по очереди:

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие, бездонные
Цветут на дальнем берегу.

Мы еще никогда не пили вина, не видывали пьяниц с глазами кроликов, не знали ресторана — не понимали и того, что стоит за этими стихами, но любили их до упоения.

— Они были для вас новой гармонией, вот чем, — сказала Анна Андреевна. — Таким был для меня Иннокентий Анненский. Я пришла один раз к К. Г.* Он кончал срочную корректуру. «Посмотрите пока эту книгу», — сказал он мне и подал только что вышедшую книгу Анненского. И я сразу перестала видеть и слышать, я не могла оторваться, я повторяла эти стихи днем и ночью... Они открыли мне новую гармонию**.

---

* Коле Гумилеву.

** Я только недавно заметила, что, говоря со мной о «новой гармонии», А. А. воспользовалась выражением Пуш-

24 мая 40

Вчера вечером, поздно, когда я около одиннадцати пришла к Шуре, она встретила меня словами: «Не застав тебя дома, Анна Андреевна звонила сюда».

У меня сердце остановилось от испуга. И, наверное, это было заметно.

— Да нет, ничего не случилось! — сказала Шура. — Напротив, хорошее! Анна Андреевна просила тебе передать, что ею получены авторские и ты можешь хоть сейчас идти к ней и получить экземпляр.

Надо было позвонить немедленно в ответ на такой добрый и поспешный зов, но Шурина мама спала там, где телефон, и мне неудобно было ее беспокоить.

Я позвонила сегодня утром и, когда Зоечка повела Люшу и Таню — по случаю их школьных успехов — в кафе «Норд», отправилась к Анне Андреевне.[65]

В комнате у нее на маленьком столике розы, а я не догадалась в такой день принести цветы!

Анна Андреевна лежит, а на стуле, рядом с диваном, столбики белых книг. Дожили мы, значит, все-таки до светлого дня. Мне хотелось сразу схватить книжечку и рассмотреть ее, но я не решилась.

Анна Андреевна выглядит дурно, лицо грустное, желтое, волосы заколоты кое-как.

Оказывается, завтра ее будут оперировать — опухоль на груди, нестрашная, незлокачественная; вечером она уже придет домой. Я спросила, под каким наркозом.

— Не знаю. И не интересуюсь знать. Мне это все равно. Хотя бы и совсем без наркоза. Я никогда не боялась физической боли. Однажды один мой знакомый мельком проговорился при мне, что боится удалить зуб без наркоза — и сразу перестал быть мне интересен. Я таких людей не умею уважать.

кина. Так, в письме к П. А. Вяземскому от 5 июля 1824 года Пушкин писал: «Ламартин хорош в Наполеоне, в Умирающем поэте — вообще хорош какой-то новой гармонией». А.С.Пушкин. Полн. собр. соч. В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, т. 10, 1949.

— Оперировать меня будут завтра, в три часа, но я так прочно позабыла об этом, что даже назначила одной даме придти завтра в три часа за книгой.

— Книга была, оказывается, запрещена Обллитом, — продолжала Анна Андреевна. — Вот почему несколько дней мне из издательства весьма туманно отвечали на вопрос, когда прибудут авторские. Оказывается, 16-го книгу запретили, а 22-го разрешили. Вчера она поступила в Лавку писателей, по записи роздали писателям 300 экземпляров, а на прилавок не положили ни одного...

Я сказала, что, стало быть, книгу получили одни только хорошие знакомые, которым — так или иначе — стихи эти все равно известны.

— То есть, вы хотите сказать, *нехорошие* знакомые, — поправила меня Анна Андреевна. — Члены Союза моих стихов никогда не знали и знать не хотели, они моих стихов не любили и сейчас берут книгу в Лавке потому, что вот, мол, достать ее простым смертным невозможно, а они — пожалуйста! — могут получить. Это укрепляет их чувство превосходства, привилегированности. Поэзию же мою они терпеть не могут. Они ведь всегда считали, все эти двадцать лет, что не к чему вытаскивать из нафталина это старье... А я бы хотела, чтобы моя книга дошла до широких кругов, до настоящих читателей, до молодежи...

Потом она спросила меня, прочитала ли я статью Недоброво в «Русской Мысли» и что я о ней думаю.

Я сказала: «Статья глубокая, умная, особенно интересно говорит он о героях стихов. Но...»

— Потрясающая статья, — перебила меня Анна Андреевна, — пророческая... Я читала ночью и жалела, что мне не с кем поделиться своим восхищением. Как он мог угадать жесткость и твердость впереди? Откуда он знал? Это чудо. Ведь в то время принято было считать, что все эти стишки — так себе, сентименты, слезливость, каприз. Паркетное ломанье. Статья Иванова-Разумника, кажется, так и называлась: «Капризники»...[66] Но

Недоброво понял мой путь, мое будущее, угадал и предсказал его потому, что хорошо знал меня*.

Мы снова заговорили о книге: она непременно разойдется за один день.

— В нашей стране очень любят стихи, — сказала я.

— Да, удивительно. Нигде в Европе этого нет. В Париже я рассказала одному поэту, сколько раз переиздаются у нас книги стихов — он едва верил. Публичные чтения у них не приняты. Если знаменитый художник сделает рисунки или виньетки к новой книжке стихотво-

* По-видимому, А. А. имела в виду такое место из статьи Недоброво: «Эти муки, жалобы и такое уж крайнее смирение — не слабость ли это духа, не простая ли сентиментальность? Конечно, нет: самое голосоведение Ахматовой, твердое и уж скорее самоуверенное, самое спокойствие в признании и болей и слабостей, самое, наконец, изобилие поэтически претворенных мук, — все свидетельствует не о плаксивости по случаю жизненных пустяков, но открывает лирическую душу, скорее жесткую, чем слишком мягкую, скорее жестокую, чем слезливую, и уж явно господствующую, а не угнетенную» (Н.В.Недоброво. Анна Ахматова // Рус. мысль, 1915. Кн. 7, с. 639).

Николай Валадимирович Недоброво (1882–1919) написал не только статью об Ахматовой, но и создал несколько стихотворений, обращеных к ней. См. сб. «Посвящается Ахматовой», с. 11–13 и «Шестые Тыняновские чтения» (Рига—Москва, 1992), с. 118. Тут же, на с. 82–152 помещены — с предисловием Р.Д.Тименчика — несколько статей, под общим заглавием «Биография и филологическая деятельность Н.В.Недоброво». Работа Ю.С.Сазоновой-Слонимской «Николай Владимирович Недоброво» опубликована Р.Д.Тименчиком и В.Я.Мордерер в книге «Анна Ахматова. Поэма без героя» (М.: Изд-во МПИ, 1989).

Что же касается стихов Ахматовой, посвященных Николаю Владимировичу, решаюсь высказать уверенность, что В.М.Жирмунский напрасно не упомянул в ББП на с. 461 стихотворения 1928 года «Если плещется лунная жуть» (БВ, Тростник), которое, на мой взгляд, обращено к памяти Недоброво.

рений — тогда она приобретает шанс быть распроданной. Из-за рисунков — вы подумайте! В России всегда любили стихи, а французы преимущественно заняты живописью.

Я поднялась. Анна Андреевна взяла два экземпляра своей книги и надписала один мне, другой Тамаре. Я обратила ее внимание на то, как странно сделан перенос на корешке книги: «Стихот-ворения».

Вошел Владимир Георгиевич с букетом ландышей. Анна Андреевна взяла их у него из рук, нашла стакан и, ставя ландыши в воду, сказала нам:

— Утром я здесь лежала на диване, а кругом цветы, цветы... Совсем как мертвая.

29 мая 40

Не записала вовремя. Теперь вспоминаю крохи.

Я пришла к Анне Андреевне 25-го вечером, в день ее операции. Она лежала, укрытая и забинтованная, со спокойным и, я сказала бы, просветленным лицом. Операция прошла благополучно и длилась 20 минут. Назад она шла пешком, так как машины Владимиру Георгиевичу достать не удалось; повязка от ходьбы сползла, дома ей сделала новую перевязку медицинская сестра, ее знакомая, которая и завтра придет перевязывать.

Кажется, ни о чем интересном мы на этот раз не говорили, только одно мне запомнилось: она мельком сообщила, что к одной ее приятельнице после двухлетнего разрыва вернулся муж.

— Странно мне всегда это слышать, — сказала я. — Вернулся, вернулась... Я думаю, любовь так же невоскрешаема, как мертвец.

— Да, конечно...— помедлив, сказала Анна Андреевна. — Возвращаются не к человеку, не к прежней любви, а к стенам, к комнате.

Вчера мы были у нее с Тамарой. Мы встретились с Тусей в скверике, купив цветы и пирожные, и посидели немного на скамеечке, пока Туся рассмотрела врученную ей мною книгу.

Анна Андреевна не лежит, бродит по комнате. Говорит, что был сердечный приступ: «Мой отец умер от первого», — сказала она. Лицо измученное. Все время была любезна, особенно с Тусей, только изредка впадала в рассеянность и молчание.

Туся осведомилась, нет ли в сборнике опечаток. Анна Андреевна, не ответив, вдруг произнесла:

— Всю жизнь меня мучает одна строка: «Где милому мужу детей родила». Вы слышите: му-му?! Неужели вы обе, уж такие любительницы стихов, этого мычания не заметили?*

Туся рассмеялась, а потом ответила очень серьезно:

— Во-первых, никакого му-му не слыхать. Долгие слоги, протяжные: *ми*лому *му*жу: тут нет столкновения двух *му*, тут *ми* в начале одного слова и *му* другого. Столкновение му-му чисто зрительное, а не слуховое, то есть для стиха безразличное. А во-вторых, ведь эти два *му* совершенно естественны, заложены в самом языке, существуют там — зачем же избегать их? Какая же тут возможность замены? Толстому мужу? Доброму? Глупому? Все будет *му* — таков уж закон склонения в нашем языке.

Анна Андреевна уселась в свое любимое кресло, драное, хромое, и, раскинув по-своему руки, прочитала нам пушкинский «Памятник»**.

Туся сказала:

— Есть такое выражение: нужно, как хлеб, как воздух. Я теперь буду говорить: нужно, как слово... Простите меня, Анна Андреевна, но даже вы, создавшая это, даже вы не знаете, как оно нужно. Потому что вы не были *там* — к великому всеобщему счастью... А я помню себя *там*, и помню лица и ночи... Если бы они, *там*, могли себе

---

* «Лотова жена» — БВ, Anno Domini.

** Шепотом; усадив нас возле; и не пушкинский, а свой —эпилог «Реквиема», где есть такие строки:

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне...

№ 33.

представить, что *это* есть... Но они уже никогда не узнают. Сколько уст смолкло, сколько глаз закрылось навсегда...

Помолчали. «Спасибо вам», — сказала Анна Андреевна. Потом заговорила о другом, спокойным голосом:

— 23-го у меня был особенный день. Курьер из издательства привез мне экземпляры, друзья приходили, приносили цветы. Я лежала, мне было нехорошо: сердце. Вошла ко мне в комнату Таня, поглядела на меня, поглядела на цветы, фыркнула:

— Беспокойная старость! — и вышла.

В тот же день высказался и Николай Николаевич. Он забежал на минутку, поглядел на цветы, поглядел на книжки: «Я вижу, Аничка, вы переживаете вторую молодость!» И выбежал очень сердито. Так поздравили меня мои соседи — и с той и с этой стороны.

Мы с Тусей поднялись. Было более часа ночи. Провожая нас до дверей, Анна Андреевна сказала Тусе:

— Так, значит, я могу не стыдиться му-му? И не переделывать строчку?

1 июня 40

Вчера Анна Андреевна позвонила мне утром и попросила непременно зайти. А у нас — гвозди, веревки, тюки, ящики, полный разгром; друзья раздобыли для меня внезапно бесплатный грузовичок, необходимо было такой удачей воспользоваться. Ида едет с большими вещами, а я должна накормить девочек, собрать их мелкие вещички и часа через три ехать поездом. Мы с Идой мечемся. Девочки в ажиотаже, укладывают кукольные чемоданчики и рвутся на вокзал, хотя поезд наш нескоро.

Я сказала Анне Андреевне, что непременно зайду к ней, но не сразу и ненадолго.

Отправив грузовик, я взяла чемодан с мелкими вещами, Люша и Таня — свои кукольные, заперла наши комнаты, и мы отправились на вокзал — но по дороге зашли к Анне Андреевне. Девочки обещали подождать ме-

ня внизу на досках, сторожа наше барахлишко, а я поднялась к Анне Андреевне.

Оказалось, она хотела познакомить меня со статьей, написанной каким-то молодым человеком для «Литературного критика», статьей, которую Катя* принесла показать ей. Я прочитала. Статья развязная и неверная. Автор, некто О., говорит, что Ахматова воскрешает в своей поэзии ложноклассическую традицию Расина, что героиня ахматовской поэзии — героиня расиновского театра.

— А я Расина совсем и не читала, когда начала писать стихи, и театр его был мне неизвестен, — сказала Анна Андреевна.

— Да ведь не в том дело, читали вы Расина или нет! — закричала я. (Крикливость моя вызывалась, по-видимому, глупостью статьи и еще тем, что меня ждали девочки и я торопилась.) — В ваших стихах ничего ложноклассического нет и ничего расиновского. Они растут из русской классики, преображая ее, в них нет ничего риторического, они начисто лишены пышности, они — сама естественность и тишина, они — живая, русская, и притом современная речь. Откуда же тут взяться Расину? И знаете что? — вдруг осенило меня — ведь это все он придумал из-за четырех мандельштамовских строчек:

Спадая с плеч, окаменела
Ложноклассическая шаль.

и

Так — негодующая Федра —
Стояла некогда Рашель.

Вот вам и вся причина его многоумных догадок о вашей поэзии!

— Осип имел здесь в виду вовсе не мою поэзию, — сказала Анна Андреевна. — Тогда мы чуть ли не каждый день встречались в Цехе, и он просто написал о женщине, которая ему нравилась.

Я спросила, как она себя чувствует.

---

* «Катя» — Екатерина Романовна Малкина. О ней см. [68].

— Очень плохо. Кажется, никогда еще не было хуже. Пять сердечных припадков за пять дней. Владимир Георгиевич перепугался и даже посоветовал мне лечь в больницу. Может быть, от этого я сразу выздоровела: вчера и сегодня приступов нет.

Мы снова заговорили о статье.

— Огорчила она меня, — сказала Анна Андреевна. — Вспомнился мне один вечер, на котором присутствовал величавый Бальмонт. О, он всегда был величав, ни на минуту не забывал, что он не простой смертный, а поэт. (Между прочим, как это ни странно, он и в самом деле поэт. Когда-то издан был сборник «Сирена». Там были поэты и маленькие, и большие, и средние, а лучшим оказался Бальмонт. Стихотворение о луне — прелестное.[67]) Да, так на этом пышном вечере сначала был ужин, потом одни уехали, другие остались, и начались танцы. Я не танцевала. Бальмонт сидел рядом со мной. Заглянув в гостиную, где танцевали вальс, он сказал мне нараспев: «Я такой нежный... Зачем мне это показывают»... Мне тоже хочется сказать про эту статью: «Я такая нежная, зачем мне это показывают». Статья Перцова, написавшего про меня когда-то: «Эта женщина забыла умереть вовремя», — задела меня гораздо менее*.

— Не понимаю, как может задевать вас такая чушь? — сказала я, но спорить уже было некогда. Выглянув в окно, я увидела Люшу и Таню. Они уныло сидели на досках, не спуская глаз с двери, из которой я должна была появиться. У Тани выражение лица скорбное, совершенный мальчик Пикассо с картины «Старик и мальчик». Кукольные чемоданчики лежали у них на коленях, а мой чемодан, полураскрытый, валялся на земле.

---

* В. Перцов. По литературным водоразделам. (Журнал «Жизнь искусства», 27 октября 1925.) Глумясь над Ахматовой и ее стихами, Перцов, между прочим, писал: «...у языка современности нет общих корней с тем, на котором говорит Ахматова, новые живые люди остаются и останутся холодными и бессердечными к стенаниям женщины, запоздавшей родиться или *не сумевшей вовремя умереть...*» (Курсив мой — *Л.Ч.).*

Пора было идти. Я поспешила к ним.

3 июня 40

Я приезжала в город за продуктами и по всяким делам. Освободилась поздно и позвонила Анне Андреевне вечером от Туси. Она попросила придти. Она все еще сильно расстроена статьей О., обдумывает, встретиться ли с ним самой или передать свои соображения через Катю.

— Посоветуйте, самой или через Катю?.. Конечно, мнений его я оспаривать не стану, но укажу на фактические ошибки.

Памятуя об изобилии сердечных припадков, я посоветовала ей говорить с О. не лично, а через Катю. А то скажет ей этот ложноклассический мудрец мельком какую-нибудь новую глупость, а она потом сутками внутри себя будет опровергать ее. (Между прочим, у меня мелькнула мысль: не из этой ли способности сосредоточенно полемизировать, опровергать, изобличать рождаются ее любовные стихи, такие раскаленно-драматические? Но это — мельком. Надо было дать совет о статье.)

Я настаивала на ее встрече с Катей.

— Вы правы, через Катю было бы лучше, но, как это ни странно, Кате статья нравится. Она так погрузилась в свою рабочую сутолоку, что ничего уже не понимает. Я давно заметила: женщины, если у них есть профессия, служба, превращают ее для себя в настоящие шоры.[68]

Пожаловалась, что ей звонит Каминская, которая собирается устроить вечер поэзии Блока и Ахматовой, и осведомляется, имеет ли Анна Андреевна что-нибудь против.[69]

— Разумеется, — все. Посоветуйте, что сказать ей, чтобы она не обиделась.

— Блок и Ахматова — очень уж неверное сочетание, — сказала я. — Да и вообще — никогда не следует в один вечер исполнять стихи двух больших поэтов зараз —

погружать слушателей в два разные мира. Да и кроме того, Блок умер, а вы-то живы и сами можете читать свои стихи. Для чего вообще это надо, чтобы кто-то вместо вас *исполнял* их? Терпеть не могу, когда актеры читают стихи.

Постучался и вошел Николай Николаевич. Анна Андреевна встретила его любезно, но сесть не предложила. Он сообщил последние известия с фронта и вышел.

Анна Андреевна рассказала мне, что была в Пушкинском Доме на панихиде по Якубовичу.

— Было хорошо, все говорили о нем очень сердечно. Особенно Томашевский. Якубович был бы так рад услышать эти слова, он всю жизнь обожал Томашевского прямо по-институтски.[70] И вот — не слышал... Когда гроб несли вниз по лестнице, на площадке зазвонили часы — там старинные часы с прелестным мелодическим звоном. А он уже их не слышал. Под ногами всех, кто нес гроб и провожающих, на ступеньках валялись цветы — хризантемы, случайно рассыпанные. Я обошла их, не могла наступить —живые. Он их уже не видел*.

Я поднялась, прощаясь. Но Анна Андреевна удержала меня.

— Вы домой? Разве уже ночь? В белые ночи никогда не поймешь, когда спать ложиться...

(Я-то, к сожалению, всегда слишком хорошо понимаю, когда мне следует спать ложиться — и без часов, и в белые ночи, и всегда.)

Анна Андреевна взяла тетрадь, надела очки, и я услышала:

«Царскосельский воздух», «Пятым действием драмы» и «В том доме было очень страшно жить» — ах, какое

---

* Не из этих ли хризантем выросли впоследствии строки в «Поэме без героя»:

> И была для меня та тема,
> Как раздавленная хризантема
> На полу, когда гроб несут.
>
> *«Решка»*

страшное, еще страшнее, чем: «Страх, во тьме перебирая вещи»*.

— Я никогда никому не читала этого... (Самой страшно...) А как вы думаете, это можно печатать? Если можно, то оно должно быть третьим: «Теперь не знаю, где художник милый», «Храм Ерусалимский» и вот это, о доме...**

Я решилась спросить у нее: сейчас, после стольких лет работы, когда она пишет новое, — чувствует она за собой свою вооруженность, свой опыт, свой уже пройденный путь? Или это каждый раз — шаг в неизвестность, риск?

— Голый человек на голой земле. Каждый раз.

Помолчав, она сказала еще:

— Лирический поэт идет страшным путем. У поэта такой трудный материал: слово. Помните, об этом еще Баратынский писал? Слово — материал гораздо более трудный, чем, например, краска.[71] Подумайте, в самом деле: ведь поэт работает теми же словами, какими люди зовут друг друга чай пить...

Потом она сказала еще:

— В молодости я была очень общительна, любила гостей, любила и сама бывать в гостях. Коля Гумилев объяснял мою общительность так: Аня, оставаясь одна, без перерыва пишет стихи. Люди ей нужны, чтобы от-

---

* Первые три стихотворения написаны в начале двадцатых годов и посвящены памяти Гумилева: «Все души милых на высоких звездах», «Пятым действием драмы» (БВ, Седьмая книга; *№ 34* и *№ 35*) и «В том доме было очень страшно жить»; *№ 36*. «В том доме...» А. А. собиралась ввести в «Эпические мотивы», а еще позже — в «Северные элегии» (сделав ее третьей). Но работа над элегией осталась незавершенной, и потому А. А. не хотела ее печатать. (В сб. «Памяти А. А.» элегия опубликована как неоконченный набросок.)

«Страх, во тьме перебирая вещи» — ББП, с. 168; *№ 23*.

** «Теперь не знаю, где художник милый» и «Храм Ерусалимский» — строки из «Эпических мотивов», из второго и третьего отрывка (БВ, Anno Domini).

дохнуть от стихов, а то она писала бы, никогда не отрываясь и не отдыхая.

Потом, безо всякого перехода, она прибавила:

— Второй брак его тоже не был удачен. Он вообразил, будто Анна Николаевна воск, а она оказалась — танк... Вы ее видели?

Я сказала, что видела: очень хорошенькая, с кротким нежным личиком и розовой ленточкой вокруг лба.

— Да, да, все верно: нежное личико, розовая ленточка, а сама — танк. Николай Степанович прожил с нею какие-нибудь три месяца и отправил к своим родным. Ей это не понравилось, она потребовала, чтобы он вернул ее. Он ее вернул — сам сразу уехал в Крым. Она очень недобрая, сварливая женщина, а он-то рассчитывал, наконец, на послушание и покорность*.

Идя домой и припоминая неумную статью О., всю — невпопад, всю — мимо, я думала о той, которую я напишу когда-нибудь сама. Это будет статья о мужестве, женственности, о воле, о постоянном ощущении себя и своей судьбы внутри русской культуры, внутри человеческой и русской истории: Пушкин, Дант, Шекспир, Петербург, Россия, война... Она не может ни любить, ни ссориться в стихах, не указав читателю с совершенной точностью момент происходящего на исторической карте...

8 июня 40

Вчера утром я позвонила Анне Андреевне и предложила ей поехать вместе со мной на несколько дней к девочкам на дачу. Я бы засунулась к Люше и Тане, а ей отдала бы свою комнату. Она ответила: «Не могу сегодня. Приходите ко мне скорее».

Часа в два я выбралась к ней. Выглядит она очень плохо, глаза усталые, лицо осунувшееся и словно потерявшее четкость, отчетливость очертаний.

— Что с вами? Вы хворали эти дни?

— Нет.

---

* Анна Николаевна Энгельгардт (1895 — 1942) —вторая жена Гумилева.

И рассказала мне свою очередную достоевщину, в самом деле и страшную и нудную. Хорошенький клубочек — эти дети, которых она нянчит, и этот Двор Чудес*.

Она собиралась на обед к Рыбаковым, но все не отпускала меня, и мы разговаривали долго. Я призналась, что сильно хочу есть, и Анна Андреевна, к моему удивлению, очень ловко разогрела мне котлету с картошкой на электрической плитке.

— Да вы, оказывается, отлично умеете стряпать, — сказала я.

— Я все умею. А если не делаю, то это так, из одного зловредства, — ответила Анна Андреевна.

Я сказала, что сегодня с раннего утра сидела у Туси и мы, вместо того чтобы делать свою работу, рассуждали о поэзии Анны Ахматовой, причем Туся высказала по этому поводу собственную теорию.

— Расскажите, пожалуйста, она умная женщина, и мне интересно, — попросила Анна Андреевна.

И я сразу пожалела, что проговорилась, Туся обладает замечательным даром слова, которого я лишена. Она сама развила бы свою мысль гораздо сильнее и богаче. А я могла передать только схему.

При первом восприятии поэзия Ахматовой не поражает новизной форм — как, скажем, поэзия Маяковского. Слышатся и Баратынский, и Тютчев, и Пушкин — иногда, реже, Блок. В ритмике, в движении стиха, в наполненности строки, в точности рифмовки. Сначала кажется, что это тропочка, идущая вдоль большой дороги русской классической поэзии. Маяковский оглушительно нов, но при этом не плодоносящ, не плодотворен: он поставил русскую поэзию на обрыв, еще

---

* А. А. подозревала, что Тане Смирновой, ее соседке, матери Вали и Вовы, поручено за нею следить, и обнаружила какие-то признаки этой слежки. «Всегда выходит так, —сказала она мне, — что я сама оплачиваю собственных стукачей».

Деятельностью Двора Чудес А. А. называла надзор, который постоянно чувствовала, — надзор за собой и своими рукописями.

шаг — и она распадется. Следовать за ним нельзя — придешь к обрыву, к полному распаду стиха. Тропочка же Ахматовой оказывается на деле большой дорогой, традиционность ее чисто внешняя, она смела и нова и, сохраняя обличье классического стиха, внутри него совершает землетрясения и перевороты. И, в отличие от стиха Маяковского, следом за стихом Ахматовой можно идти — не повторяя и не подражая, а продолжая, следуя ей, традицию великой русской поэзии.

Анна Андреевна слушала внимательно и как бы сочувственно, однако ничего не ответила мне.

Я спросила у нее: писала ли она в эти дни?

— Совсем немного. Я оканчиваю «Смеркается, и в небе темно-синем». Дописываю конец.

Рассказала мне, что некий книжник, увидав у нее на стуле стопочку экземпляров, предложил: «Дайте мне пять штук, я завтра же принесу вам 500 рублей».

— Значит, уже спекулируют. Какая гадость... И вы подумайте только: оказывается, писатели в Лавке уже подписываются на следующее издание, на Гослит. Ну зачем им? Какое безобразие. Снова, кроме них, книга никому не достанется.

Она сидела на диване, поджав ноги, и курила папиросу за папиросой. Я что-то спросила о ее прежних выступлениях, она рассказала об одном — а от него перешла к Сологубу. Она рассказала, что в десятых годах однажды у Сологуба — или устроен Сологубом? — был вечер в пользу ссыльных большевиков, где за билет брали 100 рублей.

— И я участвовала. Я была в белом платье с большими воланами, с широким стоячим воротником и в страшном туберкулезе... Сологуб несколько лет был знаменит чрезвычайно, самый знаменитый из поэтов. Настя любила пышность, а вкуса никакого, так что в доме царила роскошь, тяжелая, грубая*. Денег надо было

* «Настя» — Анастасия Николаевна Чеботаревская (1876—1921) — писательница, переводчица, жена поэта Федора Сологуба.

много, Сологуб печатал дрянные рассказики в ничтожных журнальчиках, и жили они пышно. Настя была некрасивая, но с живым, умным, привлекательным лицом. Я с ней дружила через Олю, скорее не с ней, а с ее сестрой. И с Федором Кузьмичом я дружила.

— С ним было трудно?

— Да... Впрочем, нет, не очень. А каким страшным я видела его году в 22-м у Блоха. Старый, в невыглаженных брюках, запущенный... Он пришел предложить к изданию одну свою книгу. Блоха не было, ему сказали: «Придется подождать, подождите немного...» И он сел ждать.[72]

— Я знаю, почему погибла Настя. Этого никто толком не знает, а я знаю, как все это было и почему. Она психически заболела из-за неудачной любви. Ей тогда было года сорок два, она влюбилась в человека холодного, равнодушного. Он сначала удивлялся, часто получая приглашения к Сологубам. Потом, когда он узнал о чувствах к нему Анастасии Николаевны, перестал там бывать. Она уводила меня к себе в комнату и говорила, говорила о нем без конца, часами. Иногда она надевала белое платье и шла к нему объясняться... вообще делала ужасные вещи, которые никогда не должна делать женщина. В последний раз я видела ее за несколько дней до смерти: она провожала меня, я шла в Мраморный дворец к Володе. Всю дорогу она говорила о своей любви — ни о чем другом она уже говорить не могла. Когда она бросилась в Неву, она шла к своей сестре. Это было точно установлено, что вышла она из дому, чтобы пойти к сестре, но, не дойдя два дома, бросилась в Неву... Федор Кузьмич потом переехал жить к Настиной сестре и жил там, не зная, что Настя утонула у него под окном.

У меня до сих пор где-то хранится газета с его объявлением о розысках. Она попала ко мне случайно. Кто-то незнакомый прислал цветы — так бывает со мной иногда, — и букет был завернут в газету с этим объявлением.

Чувствуя, что Анна Андреевна настроена сегодня мемуарно, я спросила — любил ли Николай Степанович ее стихи?

— Сначала терпеть не мог. Он выслушивал их внимательно, потому что это была я, но очень осуждал; советовал заняться каким-нибудь другим делом. Он был прав: действительно, стихи я писала тогда ужасающие. Знаете, вроде тех, какие печатались в маленьких журналах на затычку... А потом было так: мы поженились в апреле. (Перед этим очень долго были женихом и невестой.) А в сентябре он уехал в Африку и пробыл там несколько месяцев. За это время я много писала и пережила свою первую славу: все хвалили кругом — и Кузмин, и Сологуб, и у Вячеслава. (У Вячеслава Колю не любили и старались оторвать меня от него; говорили — «вот, вот, он не понимает ваших стихов».) Он вернулся. Я ему ничего не говорю. Потом он спрашивает: «Писала стихи?» — «Писала». И прочла ему. Это были стихи из книги «Вечер». Он ахнул. С тех пор он мои стихи всегда очень любил*.

И снова вернулась к Анне Николаевне.

— У меня в молодости был трудный характер, я очень отстаивала свою внутреннюю независимость и была очень избалована. Но даже свекровь моя ставила меня потом в пример Анне Николаевне. Это был поспешный брак. Коля был очень уязвлен, когда я его оставила, и женился как-то наспех, нарочно, назло. Он думал, что женится на простенькой девочке, что она воск, что из нее можно будет человека вылепить. А она железобетонная. Из нее не только нельзя лепить — на ней зарубки, царапины нельзя провести.

Я спросила — была ли у нее Каминская и удалось ли отговорить ее от выступления?

— Была. Нет, не удалось. Но вечер состоится только осенью. Авось до тех пор я умру, либо она умрет — знаете, как в анекдоте. Представьте, она спросила меня:

---

* Об отношении Н.Гумилева к стихам Анны Ахматовой см. ее собственную прозу в «Литературном обозрении», 1989, № 5, с. 11—12.

правда ли, что «Сероглазый король» — это о Блоке и что Лева — сын Блока? Как вам это нравится? Но «Сероглазый король» написан за четыре месяца до того мгновения, когда Александр Александрович поклонился и сказал: «Блок»... Подумайте, какая развязность! Ведь я-то ее ни о чем и ни о ком не спрашивала*.

Внезапно Анна Андреевна обратила внимание на мою новую шляпу, широкополую, белую, лежавшую на стуле. И примерила ее перед зеркалом. Ей пора было переодеваться, идти к Рыбаковым обедать, и я предложила, что подожду ее внизу во дворе.

— Нет, нет, не уходите никуда, я раскрываю дверцу шкафа — одеваюсь внутри, и тогда меня не видно.

Пока она переодевалась, я, по ее просьбе, читала ей вслух стихи (Шефнера и Лифшица из последнего номера «Литературного современника»). Ей не понравилось.

В новом шелковом платье она вышла из-за дверцы шкафа и начала перед зеркалом втирать в щеки крем, потом надела белое ожерелье, потом ярко накрасила губы. Сейчас она была уже совсем не такая, как час назад, а нарядная, величественная — даже отсутствие некоторых передних зубов сделалось как-то незаметно.

Она снова надела мою шляпу и пошла о ней с кем-то посоветоваться, кажется, с Анной Евгеньевной.

— Решено, я покупаю такую же. Это единственная шляпа, которая мне понравилась: мне ведь никакие шляпы не идут... А не знаете ли вы, где можно купить перчатки?

Я не знала.

Мы отправились. Во дворе я заметила, что на ней новое пальто и новые изящные туфли. Я порадовалась: деньги в действии.

Вошли в троллейбус. Анна Андреевна прошла вперед, а я застряла платить. И вдруг, на весь вагон, даже не поворачивая ко мне головы, она спросила свободным, звонким голосом:

— А сколько стоит эта шляпа?

---

* «Сероглазый король» — БВ, Вечер.

12 июня 40

Звонила вчера Анне Андреевне, чтобы поточнее условиться на сегодня: она обещала придти. Она сказала: «Приходите сейчас ко мне, и мы вместе пойдем к вам...» Было уже поздно, но я, как всегда, послушалась.

Она сама открыла мне дверь. Встретила словами:

— Я вас обманула: я не пойду к вам сегодня. Устала. Вы посидите у меня.

Она сообщила мне неприятную новость. Прежде всего, со слов Нади Р.: Ф. вызывали к директору по поводу книги. Это сильно не понравилось мне*.

— Борис Михайлович говорит, — продолжала Анна Андреевна очень серьезно, — что книга крупная, значительная.

(Будто бы без Бориса Михайловича нам это не было известно!)

— Уже посыпались письма. Сегодня получила два: одно женское, обычное, восторженное, а другое очень милое — от Крученыха. Прочитайте.

Я прочитала. Письмо показалось мне нисколько не милым, а очень глупым и ничем не интересным.

Крученых пишет, что стихи «прожгли» его, и в доказательство прилагает придуманные им самим «концы» некоторых стихотворений — например, «Когда человек умирает» — концы необыкновенно пустые и плоские. Шутка это, что ли? Если шутка, то несмешная. Приложено также его собственное стихотворение, посвященное Анне Андреевне: теперь она уже не «вечерняя дама», а нечто другое.

Видя, что меня письмо это не смешит и не радует, Анна Андреевна убрала его в сумку. И прочитала мне ко-

---

* Кто такой Ф. и почему «вызов Ф.» был дурным знаком для книги Ахматовой — я не помню.

Надя Р. — Надежда Январьевна Рыкова (р. 1901), литературовед, переводчица, специалистка по французской и английской литературе, — работала в то время редактором в Гослитиздате.

нец стихотворения «Смеркается, и в небе темно-синем»*.

— Правда, теперь это уже не отрывок, а оконченная вещь? — спросила она. И мы стали обдумывать —нельзя ли включить его в издание Гослита, которое так замешкалось. Это зависит от верстки — существует ли место на той же странице. А более всего — от желания редактора.

Заговорили об «Анне Карениной» во МХАТе. Ругая этот спектакль, я сказала, что публику в нем более всего привлекает возможность увидеть «роскошную жизнь высшего света».

— Исторически это совершенно неверно, — сказала Анна Андреевна. — Именно роскошь высшего света никогда и не существовала. Светские люди одевались весьма скромно: черные перчатки, черный закрытый воротник... Никогда не одевались по моде: отставание по крайней мере на пять лет было для них обязательно. Если все носили вот этакие шляпы, то светские дамы надевали маленькие, скромные. Я много их видела в Царском: роскошное ландо с гербами, кучер в мехах — а на сиденье дама, вся в черном, в митенках и с кислым выражением лица... Это и есть аристократка... А роскошно одевались, по последней моде, и ходили в золотых туфлях жены знаменитых адвокатов, артистки, кокотки. Светские люди держали себя в обществе очень спокойно, свободно, просто... Но тут уж театр не виноват: на сцене изобразить скромность и некоторую старомодность невозможно...

Потом она заговорила о том, что вообще не любит «Анну Каренину».

— Я вам не рассказывала, почему? Я не люблю повторяться.

Я соврала, что нет, — и не раскаиваюсь. На этот раз Анна Андреевна объяснила свою нелюбовь подробнее, полнее и по-другому.

---

* Стро́ки после строки́ «Что кувыркались в проруби чернильной»; *№ 37*.

— Весь роман построен на физиологической и психологической лжи. Пока Анна живет с пожилым, нелюбимым и неприятным ей мужем — она ни с кем не кокетничает, ведет себя скромно и нравственно. Когда же она живет с молодым, красивым, любимым — она кокетничает со всеми мужчинами вокруг, как-то особенно держит руки, ходит чуть не голая... Толстой хотел показать, что женщина, оставившая законного мужа, неизбежно становится проституткой. И он гнусно относится к ней... Даже после смерти описывает ее «бесстыдно-обнаженное» тело — какой-то морг на железной дороге устроил. И Сережу она любит, а девочку нет, потому что Сережа законный, а девочка нет... Уверяю вас... На такой точке зрения стояли окружавшие его люди: тетушки и Софья Андреевна. И скажите, пожалуйста, почему это ей примерещилось, будто Вронский ее разлюбил? Он потом из-за нее идет на смерть...

— Потом, — сказала я. — Да, потом идет.

На этот раз я не удержалась и стала спорить с ней. Ведь Вронский и в самом деле любит ее совсем не так, как прежде. Я предложила Анне Андреевне вспомнить их встречу на площадке вагона: «Зачем вы едете?» — спрашивает Анна у Вронского, внезапно появившегося рядом. «Чтобы быть там, где вы», — отвечает Вронский. А потом, когда она уже оставила мужа и сына и они — вместе, он скучает с ней, ищет для себя развлечений и однажды поздно застревает в клубе. Анна спрашивает: «Зачем же вы остались»? — «Хотел остаться и остался», — отвечает Вронский.

— Согласитесь, — сказала я, — что между первым диалогом и вторым в чувствах Вронского что-то изменилось, и притом кардинально. Любовь всегда зависимость («еду, чтобы быть там, где вы»), а уж когда речь зайдет об отстаивании своей независимости («хотел остаться и остался») — конец любви. А что он потом идет умирать, так это потому, что его совесть мучает: шутка ли? загнал под поезд женщину, которую любил.

Анна Андреевна ни в чем со мной не согласилась.

— Вздор, — сказала она. — Никаких у нее не было оснований думать, что он разлюбил ее. И сомневаться. Любовь всегда видна сто раз на день. И у Толстого эта ее чрезмерная подозрительность неспроста: Анна думает, что Вронский не может ее любить потому, что она сама про себя знает, что она проститутка... И не защищайте, пожалуйста, этого мусорного старика!*

Заговорили о Фрейде. Я сказала, что не люблю и не верю; единственно, что для меня привлекательно в его учении, это мысль о той огромной роли, какую играет в жизни каждого человека раннее детство. Чем дольше живешь, тем яснее это понимаешь.

— Да, разве что это, — вяло согласилась Анна Андреевна. — А во всем остальном... во всех этих сексуальных

---

* Когда мы говорили в те годы с А. А. об «Анне Карениной» — мне ее мысль казалась интересной, но неверной, придуманной... Года через два я случайно взяла в руки один из старых толстовских томов «Литературного наследства»: там напечатана глава, выброшенная впоследствии Толстым из окончательного текста. В один из отъездов Вронского Анна, скучая и сердясь, просит гвардейского офицера, о котором знает, что он был влюблен в нее, проводить ее на цветочную выставку; в полутьме кареты она ведет себя столь вызывающе, что, когда они доезжают до места и он открывает перед нею дверцы, — в этом жесте больше презрения, чем учтивости.

Прочитав эту главу, я поняла, что, хотя Толстой и вычеркнул эти страницы, — А. А. глубоко проникла в его замысел.

Об этом отношении Ахматовой к Толстому не раз будет говориться в томе втором моих «Записок» («полубог» — отзывалась она о нем иногда...). Шутливое же прозвище «мусорный старик» возникло так: Б.В.Томашевский, вскоре после кончины Толстого, посетил Ясную Поляну и пытался расспрашивать о нем местных крестьян. Они же в ответ на расспросы о Льве Николаевиче упорно рассказывали о Софье Андреевне. Когда же Б.В.Томашевский попытался перевести все-таки речь на Толстого, один крестьянин ответил: «Да что о нем вспоминать! Мусорный был старик».

рассуждениях и мифах так и видишь отражение той прокисшей, косной, провинциальной среды, в которой он жил... Я читала книгу пошляка Цвейга о Леонардо да Винчи. Там он цитирует Фрейда: у Леонардо был, конечно, комплекс Эдипа, и если он любил птиц, то это потому, что детей приносят аисты... Вы только подумайте, какая чушь: почему он воображает, будто и в те времена существовал обычай врать детям про аистов?*

Мы условились, что она придет ко мне завтра в четыре, и я ушла.

13 июня 1940

Сегодня в четыре полил дождь, и Анна Андреевна пришла ко мне с опозданием и ненадолго. Была усталая, грустная, жаловалась на озноб. Рассматривала разные издания Пастернака, стоявшие у меня на полке; выбранила «Второе рождение» («попытка быть понятным»), восторженно отозвалась и о моих любимых: «Детстве Люверс» и «Охранной грамоте».

— Тут каждому слову веришь.

Рано ушла.

18 июня 40

Вчера к Анне Андреевне я зашла на минутку днем, чтобы разузнать о ее новостях. Анна Андреевна рассказала мне все подробности своего похода... Она обнадежена и рада этому — но в то же время несколько унижена.

— «Уже на коленях пред Августом слезы лила», — сказала она посредине рассказа**.

---

* По-видимому, ошибка моей записи. У Стефана Цвейга нет книги о Леонардо да Винчи, но есть работа о Фрейде.

** Речь идет о каком-то эпизоде из истории хлопот о Леве, и поэтому зашифровано. Вспомнить теперь, о чем именно речь, — не могу.

«Уже на коленях пред Августом слезы лила» — строка из стихотворения «Клеопатра».

Потом протянула мне журнал «Ленинград» со статьей о Есенине, а в статье — высокий отзыв о ее поэзии. «Когда мне Верочка сказала, я не поверила»*.

Пришел Владимир Георгиевич. Я поднялась, но Анна Андреевна меня удержала.

— Вы очень плохо выглядите, — сказала она мне. — Что с вами делается? Вы с дачи приехали худая, белая...

И начала советоваться с Владимиром Георгиевичем, как бы поскорее показать меня Баранову**.

Я не спорила. Разумеется, затея эта не имеет никакого смысла. Но если ей так спокойнее, — пусть.

Обратившись к Владимиру Георгиевичу, сидевшему рядом с ней на диване, Анна Андреевна доложила ему подробный бюллетень о болезни Веры Николаевны. Потом:

— Подумайте, меня вчера поразил Осмеркин. Он был у меня. Я предложила ему пойти вместе навестить Веру. И вдруг вижу — он не хочет. Ни за что. Боится. Я была поражена. Во-первых, Верочка лежит по всей форме, завитая, одетая, без температуры, и зрелище кислородных подушек и холодного пота ему не угрожает. Во-вторых — как не стыдно! Пить с ней коньяк — это он может, а видеть ее больной — нет. Терпеть не могу.

Я сказала, что часто встречаются люди, которые рассуждают так: если я не могу помочь — зачем же мне мучиться, глядя?

— Да, да, это бывает, — сказала Анна Андреевна. — Какое убожество! Да ведь и неправда: если человек хочет помочь другому, сильно и бескорыстно хочет, то он всегда может. Но я знала одну даму, она уверяла, что не в силах навещать свою больную подругу: зрелище больницы, халатов, больных ей непереносимо. А есть и та-

---

* «Верочка» — Вера Николаевна Аникиева; «высокий отзыв» о поэзии Ахматовой — строки в рецензии Л.Рахмилевича на книгу Есенина, где имя Ахматовой названо среди «замечательных поэтов» (см. «Ленинград», 1940, № 5).

** У меня в это время в полном разгаре была базедова болезнь.

кие, которые мертвых не хотят видеть: им слишком тяжело.

— Ну, *своих* мертвых, любимых мертвых, они непременно хотели бы увидеть, — сказала я. (А про себя подумала: и могилы.)

— И я заметила, — продолжала Анна Андреевна, — что у таких боящихся людей всегда бывает самая страшная судьба: им-то и приходится видеть много мертвых.

20 июня 40

Я позвонила Анне Андреевне среди дня, сказала, что больна, лежу. Она сразу вызвалась навестить меня (не в пример Осмеркину!).

И пришла. Принесла мне ландыши в подарок. В черном шелку, в белом ожерелье. Сегодня лицо у нее спокойное, и, как на всяком спокойном лице, меньше видны щеки, рот, лоб — и ярче глаза. Сегодня они большие, серые. Расположившись у меня на диване, она была явно похожа на свой парижский портрет.

Мы заговорили о том, что книжка Гослита задерживается неспроста. Да, конечно, так.

Затем Анна Андреевна рассказала мне о внезапном приезде Ш. и о гадостях, которые та ей наговорила.

«Ты была такая эффектная женщина! Что же это ты так поседела?» «Ты ведь написала что-то советское, и теперь тебе отовсюду авансы, авансы». («Советское» — это о Маяковском, пояснила Анна Андреевна.) «Не послушался меня, вот и...»

— Ну, я сразу прекратила поток гадостей, которые были у нее в запасе, просьбой передать 1000 рублей. Насчет авансов же я ее нисколько не разубеждала*.

Я спросила, нет ли новых стихов.

---

* Думаю, что «Ш.» — это Шура, то есть Александра Степановна (в замужестве Сверчкова, 1875—1952), сводная сестра Николая Степановича Гумилева, дочь его отца от первого брака. «Не послушался меня...» —это упрек Леве. Деньги же А. А. просила, я думаю, передать своей свекрови, Анне Ивановне Гумилевой, которую очень любила.

— Нет... Хотите, я прочту вам одно маленькое, совсем старое? Оно нигде не было напечатано.

И прочитала

Подушка уже горяча
С обеих сторон...

— такое удивительно точное, что его мгновенно запомнит каждый, кто знает бессонницу. И какое изящество, какое совершенство. И какое — я бы сказала — девичество*.

— Это стихотворение должно было быть последним в книге «Вечер». «Вечер» я сначала хотела назвать «Лебеда», и тогда первым стихотворением было бы «Я на солнечном восходе / Про любовь пою, / На коленях в огороде / Лебеду полю»**. Но меня отговорили.

— Но почему же вы его не дали хоть в теперешнюю книгу «Из шести»?

— Вы будете смеяться, господин учитель. Не дала потому, что, начав переписывать, не знала, как расставить знаки.

(Со знаками у нее такая же мания, как с переходом через улицу; она их расставить *может* очень хорошо, но почему-то не верит себе и боится.)

Я сказала ей, что из стихов видно — она очень любит лебеду.

— Да, очень, очень, и крапиву, и лопухи. Это с детства. Когда я была маленькая, мы жили в Царском, в переулке, и там в канаве росли лопухи и лебеда. Я была маленькая, а они большие, широколистные, пахучие, нагретые солнцем, — я так их с тех пор люблю.

Я расхрабрилась — мы пили чай, она курила — и я решилась спросить, не были ли некоторые ее стихи — письмами.

— Нет... Это давно говорили: похоже на письма или на дневник. Нет. Однажды, правда, я переложила одно полученное мною письмо — в стихотворение. Когда я умру, письмо найдут.

---

* БВ, Вечер; *№ 38*.

** БВ, Вечер; *№ 39*.

Она заторопилась уходить: ей еще нужно было зайти к Давиденковым.

24 июня 40

Сегодня я позвонила ей, чтобы разузнать, что было 23-го. Она сказала: «Пожалуйста, зайдите, но только поскорей, потому что мне надо, к сожалению, уходить. Вера очень плоха, мы идем ее навещать».

У нее сидели двое: Владимир Георгиевич и незнакомый мне человек, молодой, но старообразный. Анна Андреевна была уже в шляпе: по-видимому, я ее задержала.

— У Тани гемоколит. Ее только что на скорой помощи отправили в больницу. Вовочка видел, как увозили маму.

Потом:

— Мне сегодня позвонила из издательства Софья Ивановна и спросила, когда я могу принять директора. Я сказала, что не сегодня: сегодня ведь день моего рождения.

Ах вот почему на столе розы!

Анна Андреевна спросила у меня, что я думаю о предстоящем визите директорши. «Я думаю, они хотят снять два-три стихотворения», — сказала я.

Анна Андреевна покачала головой.

Я стала расспрашивать о ее вчерашнем визите. Оказалось, разговор не состоялся; надо было не 23-го придти, а 25-го, чтобы записаться на 28-е.

Я предложила завтра, 25-го, пойти вместо нее: ведь ей идти невозможно, она должна быть дома с Вовочкой, раз Тани нет.

Она согласилась. Мы вышли вчетвером. На улице Анна Андреевна взяла меня под руку и увела вперед. Я заметила, что, опираясь на мою руку, она ступает как-то тяжело, неловко, болезненно. Анна Андреевна высказала мне свои мрачные предположения о книге и не о книге, не позволяя возражать. Мы простились на углу Пантелеймоновской и Литейного. Я повторила свое обещание.

25 июня 40

Утреннее поручение потребовало у меня не более трех часов. Исполнив, я сразу отправилась к Анне Андреевне. Она уже беспокоилась и ждала меня. Расспросила обо всем и осталась довольной.

Она сидела в кресле в старом выцветшем халатике. Я предложила пойти и купить наконец шляпу. (Выходить она может, потому что Вовочку взяла тетка.) Но ей не хотелось — жара. Она пожаловалась, что с тех пор, как Таня в больнице, совсем уж ничего не ест и «наконец голодна». Я предложила, что выйду купить чего-нибудь, мы позавтракаем, а часа через два пойдем в Дом писателей обедать.

— Если вы принесете масла, ветчины, хлеба, то зачем же тогда обедать? Это и будет *виход*.

Взяв сумку, я отправилась. С удивлением заметила, что даже в очереди для Анны Андреевны мне стоять приятно. А потом меня застигла гроза — великолепная, бурная, освежающая...

— Промокли? — вскрикнула Анна Андреевна, открыв мне дверь.

Но я была сухая. Только плечи.

Мы позавтракали.

Стоя у зеркала, она вдруг спросила:

— Вы любите «Спекторского»?

— В целом — нет. Зато отдельные места... куски... в высшей степени.

Я прочитала:

> Пространство спит, влюбленное в пространство,
> И город грезит, по уши в воде,
> И море просьб, забывшихся и страстных,
> Спросонья плещет неизвестно где.
> Стоит и за́ сердце хватает бормот
> Дворов, предместий, мокрой мостовой,
> Калиток, капель... Чудный гул без формы,
> Как обморок и разговор с собой.

— Это неудачная вещь, — сказала Анна Андреевна, — я не про то, что вы прочли, говорю, а про всю вещь. Я

ее всегда не любила. Но почему — догадалась только сегодня. Дело в том, что стихи Пастернака написаны еще до шестого дня, когда Бог создал человека. Вы заметили — в стихах у него нету человека. Все что угодно: грозы, леса, хаос, но не люди. Иногда, правда, показывается он сам, Борис Леонидович, и он-то сам себе удается... Он действительно мог крикнуть в форточку детям: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?». Но другие люди в его поэзию не входят, да он и не пробует их создавать. А в «Спекторском» попробовал. И сразу крах. Имя и фамилия Мария Ильина в его стихе звучит никчемно, дико...

Мы разговаривали очень долго, и я, заметив, что отняла у нее целый день, поднялась прощаться, но она так жалобно сказала: «Ну зачем вы уходите? посидите еще!» — что я осталась.

Я стала расспрашивать Анну Андреевну о ее семье. Она такой особенный человек и изнутри и снаружи, что мне очень хочется понять: есть ли в ней что-нибудь родовое, семейное, общее. Неужели она может быть на кого-то похожа?

Она рассказала мне о своих сестрах — Ии, Инне.

— Обе умерли от туберкулеза. Ия — когда ей было двадцать семь лет. Я, конечно, тоже умерла бы, но меня спасла моя болезнь щитовидной железы — базедова уничтожает туберкулез. У нас был страшный семейный tbc, хотя отец и мать были совершенно здоровы. (Отец умер от грудной жабы, мать — от воспаления легких в глубокой старости.) Ия была очень особенная, суровая, строгая...

— Она была такой, — продолжила, помолчав, Анна Андреевна, — какою читатели всегда представляли себе меня и какою я никогда не была.

Я спросила, нравились ли Ии Андреевне ее стихи?

— Нет, она находила их легкомысленными. Она не любила их. Всё одно и то же, всё про любовь и про любовь...

Анна Андреевна стояла у окна и грубым полотенцем протирала чашки.

— В доме у нас не было книг, ни одной книги. Только Некрасов, толстый том в переплете. Его мне мама давала читать по праздникам. Эту книгу подарил маме ее первый муж, застрелившийся... Гимназия в Царском, где я училась, была настоящая бурса... Потом в Киеве гимназия была немного лучше...

Стихи я любила с детства и доставала их уж не знаю откуда. В тринадцать лет я знала уже по-французски и Бодлера, и Верлена, и всех проклятых. Писать стихи я начала рано, но удивительно то, что, когда я еще не написала ни строчки, все кругом были уверены, что я стану поэтессой. А папа даже дразнил меня так: декадентская поэтесса...

Вошла, не постучав, старуха, вся в платках и морщинах, — Танина мать. Анна Андреевна подробно и очень толково объяснила ей Танину болезнь и большими буквами на листке написала адрес больницы. Чуть только старуха ушла, раздался громкий стук и в комнату вошел молодой человек в грязном белом халате — санитар, что ли. Он уселся и стал задавать Анне Андреевне вопросы о Таниной болезни, очень грубо и настойчиво. Он, может быть, и не хотел быть грубым, но просто не умел иначе. Настоящий допрос. Анна Андреевна отвечала терпеливо, спокойно, кротко, без тени обиды.

Наконец он ушел.

Анна Андреевна стала расспрашивать меня о моем детстве. И я вдруг рассказала ей многое, чего никогда и никому не рассказывала. Понимает она, угадывает, схватывает с удивительной тонкостью и верностью*. Она

---

* Прошу читателя сопоставить это мое наблюдение с несколькими строками из статьи Н.В.Банникова «Высокий дар» (т. е. из послесловия к кн.: Анна Ахматова. Избранное. М.: Худож. лит., 1974, с. 552).

«Понимает она, — записал один ее собеседник, — угадывает, схватывает с удивительной тонкостью и верностью», — цитирует мои «Записки» Банников. Схватывает и цитирует он с полной верностью, только ссылки на источник — нет, и я — собеседница — превращена в собеседника. Подобных цитат — то откро-

была так ласкова, так добра и осторожна со мною сегодня, — да благословит ее Бог! — что я даже почувствовала себя человеком.

Впрочем, ненадолго.

26 июня 40

Я позвонила Анне Андреевне часа в четыре, чтобы узнать о результатах посещения директора; по обыкновению, она не стала рассказывать, а попросила придти. Я пошла. На этот раз она нарядно одета, причесана, комната чисто выметена; вечером она ждет кого-то из МХАТа и Владимира Георгиевича.

венных, то полуприкрытых, то превратившихся в вольные пересказы моего дневника — в послесловии Банникова немало. (Наиболее разительные: см. с. 546, 551, 554). Зато ссылки на мою работу — ни одной.

Начав в 1966 году работать над своими «Записками», я не предназначала их для распространения. Я постоянно показывала их только исследователям творчества и биографии Анны Ахматовой — К. Чуковскому и академику В.М.Жирмунскому, а также тесному кругу ее близких друзей. Но случилось так, что один экземпляр «Записок» выскользнул из-под моего контроля и некоторое время вел самостоятельную жизнь. По-видимому, в ту пору он и сделался добычею Банникова; автор статьи «Высокий дар» не постеснялся использовать мой труд без моего ведома, вопреки моей воле, твердо ведая только одно: имя автора «Записок» на родине — запрещенное имя и возможности протестовать автор лишен.

Выход в свет моих «Записок» за рубежом (в 1976, 1980 и 1984 годах) нисколько не помешал желающим обворовывать меня дома. Напротив, хищников оказалось множество и им было раздолье.

О запрете на мое имя см. «Записки», т. 2, а также книгу «Процесс исключения» (1979 и 1990). Несмотря на снятие запрета, Банников снова в 1989 году забыл назвать мое имя в предисловии к сборнику: Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. М.: Молодая гвардия.

Оказалось, я была права: директор приезжал, чтобы снять всего два стихотворения, попросить Анну Андреевну заменить их и показать ей предисловие. Сняты: «Все расхищено, предано, продано» и «Не с теми я, кто бросил землю»*.

— В предисловии много похвал. Я сказала, что неудобно, по-моему, печатать похвалы себе в своей книжке. Он ответил — то ли еще будет! Насчет двух изъятых стихотворений мотивировка невнятная: в той книге они не будут заметны, а в этой будут... почему? Но я не стала настаивать и спорить, он даже удивился легкости, с какой я согласилась выкинуть и заменить. Он спросил, что значит «Мы ни единого удара / Не отклонили от себя»**. Я ответила: поэт не может объяснять свои слова десяткам тысяч читателей. Если что-нибудь непонятно, лучше не печатать.

Позвала она меня, по словам ее, затем, чтобы вместе выбрать стихи для замены. Она надела очки, достала тетради и начала перелистывать.

Глядя через ее плечо, я заметила, что «Воронеж» посвящен Н. X., а «Годовщину веселую празднуй» — В. Г.***

---

* БВ, Anno Domini; *№ 40* и *№ 41*.

** Строки из стихотворения: «Не с теми я, кто бросил землю» — БВ, Anno Domini; *№ 41*.

*** «Воронеж» — БВ, Тростник; *№ 42*.

Это стихотворение, в котором А. А. как бы рассказывает Н.Харджиеву о своей поездке к их общему другу, ссыльному поэту О.Мандельштаму, впоследствии обрело другое посвящение: вместо «Н. X.» — «О. М.» и в конце новые четыре строки. В 40-м же году, и в сборнике «Из шести книг» последних четырех строк еще не было. Впервые я услышала их от Анны Андреевны в марте 1958 года (см. «Записки», т. 2).

«Годовщину *последнюю* празднуй» — БВ, Тростник; *№ 4*. Через много лет, в Москве, увидев у меня в экземпляре сборника «Из шести книг» над стихотворением «годовщину веселую празднуй» инициалы «В. Г.», поставленные моей рукой карандашом по памяти, — А. А. рассердилась и велела немедленно стереть их: «Никакого отношения к В. Г.».

Я предложила дать взамен «Подушка уже горяча» (в тетради оно называется «Послесловие») и «Другу»*.

Анна Андреевна согласилась и попросила меня переписать их. (По-видимому, она никогда не дает в редакции ничего, написанного ее собственной рукой.)

Я переписала два, очень обдумывая знаки.

Анна Андреевна показала мне листок с мелкими переменами в стихотворении «Одни глядятся в ласковые взоры» (вместо «спокойный и двурогий» — «и зоркий, и двурогий») и затем — конец отрывка «Смеркается, и в небе темно-синем».

— Он хотел вписать мои поправки, но не мог найти стихотворений... А я балованная, я привыкла, что мои стихи все знают наизусть.

Затем она заговорила об эмигрантах — о том, с каким негодованием встречены были ими стихи «Не с теми я, кто бросил землю». Недавно ей показали строки Бунина, явно написанные про нее, хотя имя ее там не упомянуто. Она прочитала мне эти стихи наизусть. Там муфта, острые колени, принца ждет, беспутная, бесполая. Стихи вялые, бледные. Ее внешний образ составлен из альтмановского портрета и из «Почти доходит до бровей / Моя незавитая челка»**.

Мне было стыдно подтвердить на ее спрос: да, это про вас. Стыдно за Бунина.

— Северянину я тоже не нравилась, — сказала Анна Андреевна. — Он сильно меня бранил. Мои стихи — клевета. Клевета на женщин. Женщины — грезерки, они бутончатые, пышные, гордые, а у меня несчастные какие-то... Не то, не то...[73]

Потом она вдруг спросила:

— Скажите, вот вы так хорошо знаете Пастернака — не правда ли, у него нет никаких периодов? Я сегодня

---

* Не могу вспомнить, о каком именно стихотворении под названием «Другу» — быть может, названии условном — шла тогда речь. Во всяком случае, не о том (из «Реквиема»), о котором говорится в примечании на с. 99.

** Строки из стихотворения «На шее мелких четок ряд» — БВ, Подорожник; *№ 43*.

впервые задумалась об этом. Все стихи написаны словно в один день.

Я сказала только, что «Второе рождение» — книга, сильно отличающаяся от всех предыдущих.

— Не люблю эту книгу, — сказала Анна Андреевна. — Множество пренеприятных стихотворений. «Твой обморок мира не внес»... В этой книге только отдельные строчки замечательные... Не знаете ли вы, между прочим, что такое магнето? И вы не знаете? Никто не знает.

Я не умела ответить, что такое магнето, но спросила у нее в свою очередь, что плохого находит она в стихотворении — или строке — «Твой обморок мира не внес».

— Не знаю, не знаю, — ответила Анна Андреевна, слегка поморщившись. — Быть может, книга эта мне неприятна потому, что в ней присутствует Зина... А может быть, знаете, почему? Помните, вы сказали мне однажды, что у Маяковского не любите стихов «Я ученый малый, милая», что здесь слышен голос холостяка, старого, опытного, самодовольного? Так вот, «Второе рождение» — это стихи жениховские. Их писал растерявшийся жених... А какие неприятные стихи к бывшей жене! «Мы не жизнь, не душевный союз, — обоюдный обман обрубаем». Перед одной извиняется, к другой бежит с бутоньеркой — ну как же не растерянный жених? Знаете, какие стихи я люблю у него? Ирпень. «Откуда же эта печаль, Диотима?».

30 июня 40

А сегодня я узнала Анненского. Спасибо Анне Андреевне.

Я позвонила ей днем и пошла к ней. У нее Владимир Георгиевич. Кругом беспорядок, грязная посуда, сырные корки. Жалуется, что опухла нога. Жалуется, что простудилась — ночью было резкое похолодание. Действительно, говорит в нос.

Владимир Георгиевич распрощался, и я пошла закрывать за ним дверь. По дороге спросила — что с Анной Андреевной?

— Да ничего, — ответил он слегка раздраженно. — Ногу натерла, вот и все.

Уже переступив порог квартиры, он вдруг вернулся в переднюю:

— Только вы, пожалуйста, скажите ей, что ни о чем меня не спрашивали.

Я не нашлась, что ответить, и заперла за ним дверь.

Эта просьба меня и удивила, и обидела. Неужели я пойду сообщать Анне Андреевне свой вопрос, его ответ. Но у него был такой измученный, расстроенный вид, что рассердиться я не могла.

Я вернулась к Анне Андреевне. Новостей никаких. Таня еще в больнице. Вовочка у тетки. Я предложила пойти купить что-нибудь.

Когда я вернулась, Анна Андреевна была уже на ногах, в халате, причесанная, и стол расчищен. Она включила чайник, и мы принялись завтракать. Я спросила, ходит ли она обедать — ведь Тани нет и стряпать некому.

— Хожу иногда, но редко. Вот на днях отправилась и сразу же встретила всех, кого не хотела видеть. И теперь голод борется во мне с нежеланием идти туда.

Она заговорила об Анненском. Она уже не раз упоминала о нем как о замечательном поэте. Я вынуждена была признаться в своем полном невежестве.

Анна Андреевна оживилась.

— Хотите, я вам почитаю? — Вскочила. Сняла с комода (бюро) зеркало, открыла крышку и начала перебирать книги. Анненский не попадался. Она показала мне группу: гимназистки и среди них сестра ее, Ия. Красавица, лицо греческой императрицы. Похожа на Анну Андреевну. Потом фотографии отца, матери — никакого сходства с дочерьми. У матери лицо простоватое. Потом карточка молодого человека — тонкого, черноглазого, со ртом Анны Андреевны — брат. Потом вытащила рукопись — сочинение сестры Ии о протопопе Аввакуме и тут же похвальный отзыв профессора. Потом фотография Анны Андре-

Милой Лидии Корнеевне
Чуковской
в день, когда мы читали
Аннеского
Ахматова.
30 июня 1940.

Дарственная надпись, сделанная Ахматовой на обороте одной из своих фотографий 20-х годов: "Милой Лидии Корнеевне Чуковской в день, когда мы читали Анненского. Ахматова. 30 июня 1940".

евны, любительская: она полулежит в саду, в шезлонге, лицо молодое, спокойное, и очень милое — не патетическое, не роковое, не пронзительное, а именно милое.

— Хотите, подарю? — спросила Анна Андреевна, и я с радостью согласилась.

Анненский нашелся. Анна Андреевна села на диван и надела очки.

— Вот сейчас вы увидите, какой это поэт, — сказала она. — Какой огромный. Удивительно, что вы его не знаете. Ведь все поэты из него вышли: и Осип, и Пастернак, и я, и даже Маяковский.[74]

Она прочитала мне четыре стихотворения, действительно очень замечательные. Мне особенно понравились «Смычок и струны», «Старые эстонки» и «Лира часов». В самом деле, очень слышна она, и Пастернак слышен.

Перед моим уходом она надписала мне фотографию. На лестнице я прочла: «в день, когда мы читали Анненского».

В фамилии ошибка — пропущена буква.

5 июля 40

Сегодня, вернувшись с дачи, я позвонила Анне Андреевне и услышала обычное: «Приходите сейчас, пожалуйста». У нее я застала Осмеркина и неизвестного мне, чрезвычайно вежливого человека, оказавшегося Всеволодом Николаевичем Петровым.[75] Анна Андреевна была в новом, белом, очень красивом платье. В комнате вкусно пахло красками: Осмеркин переписывал или дописывал портрет. На столе три бутылки вина и бокалы. Усадив меня, Анна Андреевна заняла свое место на подоконнике. Было уже полутемно: портрет освещали наставленные на него яркие лампы без абажуров.

Общий разговор шел о Репине, о Пенатах (где Осмеркин побывал), о Татлине. Анна Андреевна упросила Осмеркина бросить на сегодня портрет и пересела на диван. О Татлине заявила, что он — клинический сумасшедший: однажды не допустил ее к себе в мастерскую, опасаясь — как выяснилось позднее — что она скалькирует его рисунки. Петров вскоре ушел. Осмеркин посидел немного и поднялся тоже. Меня Анна Андреевна оставила, очень настойчиво. Осмеркин обещал придти завтра и наверняка окончить портрет.

Проводив его, Анна Андреевна сказала мне:

— Я только для него позирую, я очень его люблю, он хорошо ко мне относится, а вообще-то писать меня не стоит, эта тема в живописи и графике уже исчерпана. Да и не до того мне. У меня ноги отекли опять, на этот раз обе. Вчера я еле доплелась в Дом писателей и там поняла, что до дому дойти не могу. Еле-еле добрела до Рыбаковых. Шла по улицам, как андерсеновская русалка. Хотела снять туфли и пойти босиком, но сколько было бы сплетен! Ведь в том районе у меня много знакомых... Рыбаковы позвонили Владимиру Георгиевичу, он меня и доставил домой.[76]

9 июля 40

Среди дня я позвонила Анне Андреевне и предложила вместе пообедать в Доме писателей.

Она согласилась, но, когда я пришла за ней, выяснилось, что никуда она не пойдет, потому что ожидает доктора Баранова.

— Я хочу с вами серьезно поговорить, — начала Анна Андреевна, усадив меня. (Я испугалась.) — О той книге, которую вы принесли мне в прошлый раз. (Отлегло; я ей приносила Мориака*.) — Я прочла ее единым духом, залпом, как я всегда читаю книги, а некоторые места даже и по два раза, чтобы быть вооруженнее в разговоре с вами. Это очень ложная книга. По-видимому, автор хотел создать нечто значительное, но ему не удалось. Героиня не возбуждает во мне никакого сочувствия. Вот вы говорили о необходимости воображения. Но где же было воображение Терезы, когда она каждый вечер травила своего мужа мышьяком? И никакой мотивировки! Она, видите ли, рвалась из дому! Но зачем? Чтобы окончить любовью к домработнице? И муж, и мать мужа, которых она так ненавидит, гораздо лучше, чем она сама. Простые, спокойные люди, делающие свое дело. Автор возмущается тем, что мамаша де ла Трав не пожелала жить в доме, где жила Тереза. Но скажите, пожалуйста, если бы какой-нибудь мерзавец каждый день отравлял вашу дочку, — вы согласились бы потом жить с ним в одном доме?.. Нет, нет, как ни поверни, — все это неправдиво и непонятно.

Я не нашла возражений, но спросила в ответ: почему же, когда читаешь книгу, — все кажется правдивым, естественным, вполне убедительным? Почему, без всяких размышлений, симпатизируешь героине, а не де ла Трав? Почему для меня таятся в этой книге какие-то чары — ведь не потому же, что я вообще имею обыкновение симпатизировать отравителям?

— А это все оттого, что книга — ваша современница, — помедлив, ответила Анна Андреевна. — От нее на вас веет современным искусством. У вас такое чувство, будто кто-то знакомый и долгожданный окликнул вас по телефону. И вы покоряетесь знакомому голосу, не размышляя.

* «Тереза Декейру».

Меня это ее замечание — о современном искусстве — сильно заинтересовало. (Более, чем замечания о книге Мориака.) Потому что я и сама в своих постоянных мыслях и в наших постоянных спорах о стихах утверждаю: если душа не тронута современной поэзией — она и на классическую не откликнется. Путь к пониманию классической поэзии лежит через современную, через ту, которая «про меня». Если не любишь, не слышишь Блока, Маяковского, Ахматову, Пастернака, Мандельштама — то и Пушкина не услышишь, не научишься его воспринимать *лично*. Он останется всего лишь примером, образцом холодного совершенства.

— Вот и держитесь этой мысли, — сказала Анна Андреевна. — Она правильна и плодотворна: только сквозь современное искусство можно понять искусство прошлого. Нет иного пути. И когда появляется нечто новое — знаете, какое чувство должно быть у современника? Будто это чистая случайность, что не он написал, будто он сам вот-вот написал бы, да выхватили из рук...

Явились Владимир Георгиевич и доктор Баранов. Я решила, пока Анну Андреевну будут осматривать, сбегать за едой. Отправилась на Невский. Было чудовищно жарко. Я купила сосиски и сладкую булку.

Когда я проходила по двору обратно, вдруг из садика меня кто-то позвал. Оказалось, сад случайно отперт и это В. Г. — он сидит на скамье и поджидает, пока от Анны Андреевны выйдет доктор. Я присела с ним рядом, и мы некоторое время молчали, наслаждаясь тенью. Потом я спросила В. Г., почему это у Анны Андреевны постоянно отекают ноги?

— А, ноги пустяки! — отозвался он. — Отекают слегка от жары. Надо носить более просторные туфли и на низком каблуке. Вот и все. Но она не хочет: ничего не поделаешь, Ewigweibliche!* Вы недовольны? Вам кажется, что я говорю зло? Право же, нет. Но, уверяю вас, у нее всё и всё нервы. Конечно, от этого ей не легче... Беда в том, что она ничего не хочет предпринять. Прежде всего ей необходимо уехать отсюда, из этой квартиры. Тут травмы идут с обеих сторон, от обоих соседей. А она ни

* Das Ewigweibliche (*немецк.*) — вечная женственность.

за что не уедет. Почему? Да потому, что боится нового. И бесконечные мысли о своем сумасшествии: видела больную Срезневскую и теперь выискивает в себе те же симптомы*. Вы заметили: она всегда берет за основу какой-нибудь факт, весьма сомнительный, и делает из него выводы с железной последовательностью, с неоспоримой логикой?.. А эта страшная интенсивность духовной и душевной жизни, сжигающая ее!

Доктор Баранов не выходил и не выходил, и мы решили подняться.

— Всякому человеку трудно помочь, — сказала я, переводя дыхание на площадке, — а ей в особенности.

— Да, — ответил Владимир Георгиевич каким-то рыдающим голосом и вдруг схватил меня за плечо, — но что бы кто ни говорил (он оттолкнул меня), — что бы кто ни говорил, а я эти два года ее на руках несу.

Мы застали Анну Андреевну и доктора Баранова в тихой беседе у окна. Едва мы вошли, Анна Андреевна стала просить доктора записать меня к себе на прием.

Доктор любезно согласился, написал что-то на листке блокнота и протянул мне.

Откланялся чинно. Ушел.

— Что же он предписал вам? — спросила я у Анны Андреевны.

— По-видимому, он считает меня безнадежной, — гневно ответила она, — потому что единственное его предписание: ехать на дачу, на воздух.

И она начала объяснять мне и В. Г., почему она ни в коем случае не может ехать на дачу. В. Г. сначала пробовал было спорить, потом умолк и, огорченный, простился. Анна Андреевна отправилась на кухню варить сосиски, а мне дала пока что стихи графа Комаровского, с поэзией которого я еле-еле знакома.

— Ну что? Распробовали? — весело спросила она, вернувшись. И добавила: — Это один из самых любимых моих поэтов.[77]

(Когда спор о даче окончился, она опять сделалась ровна и спокойна.)

---

* О Валерии Сергеевне Срезневской см. [93].

Я попросила ее дать мне Комаровского с собой, и она согласилась.

— Так я не убедила вас насчет Мориака? — спросила Анна Андреевна, провожая меня до дверей. — Нет? Ну, все равно, возвращайтесь скорее с дачи и звоните мне.

13 июля 40

Ах, с другой бы головой читать ее корректуры.

Голова болит, ноги не держат.

Приехала я в город вчера, с тем чтобы сегодня, после доктора, сразу ринуться обратно — привезти на дачу пораньше масло, керосин. Но в двенадцать ночи мне позвонила Анна Андреевна: сверка из Гослита, просит меня утром придти. И я не уехала, а сразу после доктора, который принял меня с утра, отправилась не на дачу, а к ней.

Доктор сказал мне, что необходимо делать операцию, и поскорее. Я выслушала это известие вполне спокойно, потому что сейчас я все равно не стану разводить всю эту канитель.

По дороге к Анне Андреевне я запаслась маслом, сосисками, хлебом.

Мечтала передохнуть в садике, но не тут-то было, калитка опять заперта.

Я через силу поднялась по лестнице.

Анна Андреевна очень серьезно выспрашивала меня, что и как сказал мне Баранов. По-видимому, дурное мое состояние она приписала страху перед операцией. Но это не так: меня попросту выматывает дача. Анна Андреевна предложила мне люминал с бромом и из деликатности сказала, что ей тоже надо принять. Мы выпили капли по очереди.

Я села читать верстку. Ах, нет, не с такой бы головой ее читать! Я заметила несколько грубых опечаток и, конечно, исправила их, но, в сущности, работала поверхностно, не вглубь, не так, как требует Самуил Яковлевич*, — «свежими глазами»... Анна Андреевна бродила по комнате и, заглядывая мне через плечо, опять и

* Маршак.

опять дивилась корректурным значкам. Напрасно я клялась ей, что это проще простого и я берусь обучить ее корректурным знакам за час.

— Я не только знаков этих, которые вы расставляете играючи, запомнить не могу, — отвечала она, — но одно свое стихотворение даже записать не в состоянии, потому что не понимаю, как.

Я отложила перо и попросила ее прочесть мне его.

Не знает — два «н» или одно, и вместе ли пишется слово «незваный» или отдельно?*

Читая корректуру, я удивилась, найдя новый вариант стихотворения «Ты для меня не женщина земная»**.

— Я ничем не могу вам помочь? — спросила Анна Андреевна. — Мне так стыдно быть паразитом.

— Можете, — сказала я, решившись. — Позвольте мне позвонить Тамаре Григорьевне — пусть она придет и читает сверку вместо меня, а я лягу.

Так и сделали.

Анна Андреевна сама позвонила Тусе, а я легла на диван. Туся, спасибо ей, пришла очень быстро. Сквозь туман полуобморока я слушала их голоса и смотрела на них.

Туся очень внимательно читала сверку и, в отличие от меня, одновременно разговаривала с Анной Андреевной свободно и светски.

---

* Думаю, речь шла о стихотворении «Заклинание», обращенном к Н.Гумилеву. Там есть такие строки:

> Незваный,
> Несуженый, —
> Приди ко мне ужинать.

Стихотворение опубликовано в БВ (Тростник) с цензурным искажением — «высоких ворот» вместо «тюремных»; без искажения — в «Памяти А. А.», а также в сб. «Узнают...»; вероятно, впрочем, что написано оно не в 1935 году, как указано в обоих сборниках, а в 1936-м — к 50-летию со дня рождения Николая Степановича.

** Теперь это стихотворение начинается так: «Сказал, что у меня соперниц нет» (БВ, Anno Domini); а в сборнике «Из шести книг» и в публикациях до 1957 года было: «Неправда, у тебя соперниц нет».

Анна Андреевна советовалась с ней о «Подвале памяти»: печатать или нет?

Потом Туся пересказала нам статью Перцова — того самого, который в своей статье 1925 года советовал Анне Андреевне умереть*.

— Но это пустяки, — сказала Анна Андреевна. — Вот Корнелий Зелинский когда-то написал обо мне: «Ахматова притворяется, что умерла, а на самом деле живет в Ленинграде».

Мне сделалось лучше. Я поднялась и, вопреки протестам Анны Андреевны, сама прочитала оглавление.

Окончив работу, мы ушли. Туся проводила меня до самого дома. По дороге она прочла мне тютчевскую «Весну» («Как ни гнетет рука судьбины»), на которую я до сих пор не обращала должного внимания; а потом мы вместе — «Осень» Баратынского, которую нам обеим открыла Шура — большую «Осень», ту, где

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья.

Я подумала: а может быть, это лучшее стихотворение в русской литературе.

19 июля 40

За это время я была у Анны Андреевны дважды — 17-го и вчера, 18-го.

Худо ей. Лицо серое, осунувшееся, ноги отекли. Из дому не выходит. Но с хозяйством получше: приехала Сарра (я не поняла из разговоров, кто это) и стряпает и кормит ее**. 1-го Анна Андреевна собиралась в Дом

---

* О статье В. Перцова, опубликованной в 1925 году, см. примеч. на с. 130. В статье же 1940 года, помещенной в «Литературной газете» 10 июля, он, отдавая дань мастерству поэта, писал: «Героиня Ахматовой и мы — люди слишком разные. Это не может не сказаться».

** О Сарре Иосифовне Аренс, родственнице первой жены Н.Н.Пунина, Анны Евгеньевны Аренс, см. «Записки», т. 3, «За сценой»: [166].

Творчества, в Детское, согласилась было, так как в квартире начинается ремонт и, главное, так как В. Г. уезжает куда-то на дачу... Но, кажется, ее благое намерение не исполнится.

18-го днем сидела я у нее одновременно с В. Г. Анну Андреевну позвали к телефону. Она подошла — и вернулась к нам в большом гневе.

— Звонит какая-то секретарша из Литфонда. Сообщает, что все места в Детском заняты и для меня путевки нет. Я кричу (тут она действительно закричала по слогам), что я никого не хо-чу ли-шать от-дыха, что я рада не ехать... А она в ответ: да вы не волнуйтесь, не волнуйтесь, мы вас все-таки как-нибудь устроим... Они совсем не понимают, с кем имеют дело! Она ждала, что я начну требовать: мне, мне давайте путевку! Что я приму участие в общей свалке!

(О, как я благодарна ей за то, что ей хорошо ведомо, кто она, что, блюдя достоинство русской литературы, которую она представляет на каком-то незримом судилище, — она никогда не участвует ни в какой общей свалке!)

2 августа 40

Я приехала с дачи 31-го, чтобы ночью, дома, одной, в тех же стенах, встретить годовщину, не омрачая жизнь девочкам*.

В 7 часов я пошла к Анне Андреевне. Она грустная, полубольная.

— С ногою плохо, — ответила она на мой вопрос, — с сердцем плохо. Когда иду, все время проваливаюсь, — знаете, как это бывает.

---

* В ночь с 31 июля на 1 августа 1937 года у нас на квартире был произведен обыск и мне предъявлен ордер на арест Матвея Петровича.

Он в это время находился у своих родителей в Киеве. Я сделала несколько попыток предупредить его, но все они оказались неудачны. Матвей Петрович был арестован в Киеве в ночь с 5 на 6 августа.

Очередной ответ она ждет 2-го. Уверена в отказе.

— Но все-таки, — сказала я ей (сказала неосмотрительно, тупо, жестоко), — у вас еще есть надежда.

Не надо было и в мыслях сопоставлять Митину судьбу с Левиной... Лева — жив.

(Хуже это? Лучше? Все равно не надо было. Уже несколько раз, в другие мои посещения, мне слышалось — когда Анна Андреевна провожала меня через кухню по коридорчику, или в минуты длинных ее молчаний среди разговора — мне слышалось Левино имя, произносимое ею, будто на глубине, будто со дна морского добытое... «Лева! Лева!» — повторяла она одним дыханием. Даже не звук — тень звука, стона или зова... Сегодня мне довелось услышать этот стон несколько раз.)

Вошел Владимир Георгиевич. Вымыл и поставил на стол виноград. Вскипятил чайник. Анна Андреевна рассказала, что ей прислали из «Издательства писателей» еще десять экземпляров ее книги — но не таких, какие она просила (я не совсем поняла, в чем разница).

Один экземпляр, с ее надписью, она передала мне для Корнея Ивановича.

В. Г. простился. Анна Андреевна пошла проводить его до дверей и вдруг вбежала в комнату — проворно высунулась в окно — и позвала его наверх. Он вернулся. Она попросила у него телефон неотложной помощи. Оказалось, пунинская домработница тоже заболела гемоколитом — как раньше Таня.

Значит, второй уже случай в этой квартире. Рядом с Анной Андреевной.

Я стала уговаривать ее непременно переехать ко мне в Ольгино. Она ничего не ответила определенного, но и не отказалась.

Вошла Таня и со свойственной ей прямою грубостью языка стала рассказывать нам о болезни домашней работницы. Анна Андреевна послала ее звонить в неотложную.

Я спросила у Анны Андреевны, нет ли новых стихов.

— Два старых окончила и два новых начала, — ответила она, надела очки, открыла книгу. Прочитала мне новое начало к стихотворению, которое я уже слышала («Мне бы тот найти образок»). Теперь оно начинается так:

Переулочек — переул...
Горло петелькой затянул*.

Прочитала новый конец к Страшному дому**. Потом спросила: «Понятно, что “переул” — это оборванное, недоговоренное слово?»

Потом прочла «Уложила сыночка кудрявого». Слушать эти стихи нестерпимо — каково же писать?***

Вошли мальчики. Она очень нежно их встретила. Вовочку взяла на руки. Я уже не раз замечала — с ребенком на руках она сразу становится похожей на статую мадонны — не лицом, а всей осанкой, каким-то скромным и скорбным величием.

Мне рассказала:

— Вовочка играет с котенком. Тащит его за хвост, дергает за шерстку. Тот его в кровь царапает. А он не сердится. Вошел сегодня, когда здесь был Владимир Георгиевич: «Копажу Володе пальчик».

Дети ушли. Анна Андреевна взяла со стула письмо и прочитала мне: письмо неизвестной читательницы.

— Это из разряда: «дорогая Анна Ахматова», — объяснила она, — хотя здесь и написано «дорогая Анна Андреевна».

Письмо восторженное, провинциальное, женское. Приложены собственные плохие любовные стихи. Я попыталась выразить свое возмущение по поводу тех

---

* «Третий Зачатьевский»; *№ 44*. В этом случае я не ссылаюсь на БВ, где это стихотворение напечатано с пропуском одного двустишия и с мелкими неточностями.

** То есть конец стихотворения «В том доме было очень страшно жить»; *№ 36*. Некоторые строки в начале так и остались недописанными. Прежнего конца стихотворения — не помню.

*** ББП, с. 289; *№ 45*.

читательниц, которые воображают, будто Ахматова пишет для женщин, о каких-то специальных женских скорбях, и что стоит ей самой, читательнице, написать о том, какие мужчины обманщики, она сама, читательница, сразу станет второй Анной Ахматовой.

В эту минуту раздался звонок, Анна Андреевна пошла отворять и вернулась вместе с гостями: Срезневская привела с собою какую-то курсявку, работающую в Публичной библиотеке, которая уселась в кресло и, не давая хозяйке дома произнести ни слова, принялась рьяно объяснять, как она обожает Анну Андреевну и как счастлива, что сподобилась познакомиться с такими выдающимися людьми, как Срезневская и Анна Андреевна. Все вместе было забавно: будто читательница, написавшая только что прочитанное письмо, воплотилась.

Я скоро ушла.

4 августа 40

Вчера, перед отъездом на дачу, я забежала к Анне Андреевне узнать — не соберется ли она со мною вместе в следующий мой приезд, в пятницу?

Анна Андреевна была грустна, тревожна, бледна. Волосы зачесаны кверху, что, на мой взгляд, очень ей не к лицу. Когда я вошла к ней, она еще некоторое время продолжала убирать комнату: сворачивала постель, подметала. Освободив диван, села в угол, на свое обычное место.

Насчет Ольгина она определенного ничего не знает, потому что ей, вероятно, предстоит снова ехать в Москву.

Из Литфонда ей позвонили, что хотят на свой счет сделать у нее в комнате ремонт.

— Значит, обещанная мне новая квартира — миф, и вторая комната в этой — тоже миф. И повышенная пенсия тоже оказалась мифом — вы не знали? Да, да. Все это мне решительно все равно, меня это нисколько не огорчает. У меня всегда так, и только так. Та́кова моя жизнь, моя биография. Кто же отказывается от собственной жизни?[78]

Она в тревоге. Может быть, придется ехать в Москву. А здесь без нее начнут делать ремонт. Куда же деть вещи, чтобы их не разворовали? И Владимир Георгиевич с тяжелым сердцем едет на дачу, зная, что она остается в городе, в духоте... Она же ехать ко мне не может, потому что, по всей вероятности, придется ехать в Москву... И ремонт...

Я ничего не умела ей посоветовать. То есть я советовала, предлагала, но не настойчиво. Если бы это была не она, я все сомнения разрешила бы в два счета. Пока неясно с поездкой в Москву и неясно, когда начнется ремонт, надо ехать на дачу. Чтобы дышать и чтобы В. Г. уехал спокойно. Начнется ремонт — я могу перевезти ее вещи к себе на городскую квартиру и сделать к дверям наших с Люшей комнат замок... Я все это предложила ей, но все это она мгновенно отвергла; и я не настаивала, потому что это не кто-нибудь другой, а она, а у нее за всеми приводимыми ею причинами стоит одна, причина причин, властная, которую она не называет, быть может, даже самой себе, но которая повелевает ее душевным состоянием, погодой ее души.

Я смолкла. Анна Андреевна, по-видимому, была рада, что я ее не уговариваю. Она нашла под креслом и протянула мне конверт. Знакомый почерк; в первую секунду он кажется таким размашистым, буйным, а во вторую — сдержанным, твердым, точным.

Письмо Бориса Пастернака о стихах Анны Ахматовой.

Я уселась читать. Два с половиной больших листа, исписанных с обеих сторон.

Пересказать письмо Пастернака, конечно, так же немыслимо, как его стихи. Но попробую записать хотя бы основу.

Поздравление с победой, с торжеством. Очереди в Москве за книгой. Мы — Северянин, я и Маяковский — обязаны Вам гораздо большим, чем я прежде думал. Новая манера в новых стихах, рождение нового поэта рядом со старым.

Затем идет перечисление «гнезд» и «созвездий»; но сразу я не поняла, что́ он имеет в виду, потому что перечислены не строки стихов, а страницы книги.

— Вы называйте страницы, а я буду искать их, — предложила Анна Андреевна, беря со стула книгу. — Так быстрее.

К моему удивлению, стихи названы Борисом Леонидовичем главным образом из «Четок» и «Anno Domini» — то есть давнишние, известные всем, и мне в том числе, наизусть.

Я удивилась вслух.

— Сейчас я вам все объясню, — сказала Анна Андреевна. — Он просто впервые читает мои стихи. Уверяю вас. Когда я начинала, он был в Центрифуге, ко мне, конечно, относился враждебно и попросту моих стихов не читал. Теперь прочел впервые и, видите ли, совершил открытие: ему сильно понравилось «Перо задело о верх экипажа...». Дорогой, наивный, обожаемый Борис Леонидович!*

Мне пора было. А как не хотелось оставлять ее одну, в тревоге, на которой она сосредоточится, чуть только я уйду... Провожая меня до дверей, она сделала мне царский подарок.

— Читаю вашу и Александры Иосифовны статью о комментаторах классических произведений. Прямая, честная, умная статья. В ней нет ничего случайного: видно, что люди много думали и работали прежде, чем писать ее**.

8 августа 40

Вчера — интереснейшие монологи Анны Андреевны: сначала о Блоке, потом о ее собственной поэзии. И в довершение пира — новое стихотворение, совсем новое, иное.

---

* Письмо Бориса Пастернака к Анне Ахматовой от 28 июля 1940 года см.: «Пятитомник-П», т. 5, с. 384. «Перо задело о верх экипажа» — начальная строка стихотворения «Прогулка» (БВ, Четки).

** См. [50].

Я позвонила Анне Андреевне вчера вечером и, услышав, как всегда: «приходите скорее!» — пошла. Когда она отворила мне дверь, я испугалась сначала: так разительно были искажены черты ее, такими серыми сделались щеки, такой ужас — терпеливый, устойчивый, неподвижный, я бы даже сказала, спокойный — глянул на меня из ее глаз.

Но когда мы вошли в ее комнату и она, усевшись на свое обычное место, заговорила, голос ее звучал обыденно, спокойно и я уже не видела ужаса у нее в глазах.

Владимир Георгиевич уехал на дачу.

Домработница Пуниных вернулась из больницы.

Владимир Георгиевич уговорил Анну Андреевну не давать разрешения на ремонт комнаты, пока не станет ясно, предстоит ей нынче ехать в Москву или нет.

Рассказав все это, Анна Андреевна прочла мне новое стихотворение — о тишине в Париже — оконченное, но без одной строки, — которое меня потрясло. Не знаю, придется ли оно по душе поклонницам ее женской Музы, но мне оно представляется гениальным. Стон из глубины души, как выдох «Лева!». Она услышала горе всего мира*.

— Какие там теперь разлуки! — сказала мне Анна Андреевна о Франции, о Париже.

Что бы ни происходило с ней или возле нее — крупное или мелкое, — она всегда сквозь свои заботы слышит страну и мир.

Анна Андреевна включила чайник. Мы попили чайку без сахару с черствой булкой.

Анна Андреевна сказала:

— Знаете, сегодня день смерти Блока. Девятнадцать лет. На днях я перечитала «Песню Судьбы». Я раньше как-то ее не читала. Неприятная вещь, холодная и безвкусная. Семнадцатилетняя какая-то, хотя ему было уже двадцать восемь. На ней лежит печать дурного времени: девятисотых годов. Десятые годы — это уже совсем другое время, гораздо лучшее... А «Песня Судьбы» — это гну-

---

* «Когда погребают эпоху» — БВ, Седьмая книга; *№ 46.*

тые стулья, стиль модерн, модерн северян. Душевное содержание его квартиры, еще раз рассказанная история его отношений с Любовью Дмитриевной и Волоховой. Поразительно, что это писалось в том же году, что и гениальные «Итальянские стихи».

Затем она вдруг упомянула старую-престарую статью Шагинян об «Anno Domini», помещенную в «Жизни искусства»*. Она взяла газету с кресла и протянула мне.

— Прочтите. Мне интересно, что вы думаете, — сказала она.

Я прочла.

Как всегда у Шагинян, ценные догадки перепутаны с сущим вздором. Оказывается, бывает манерность, деланность — и она почему-то присуща классической лирике, — а бывает стиль. У Ахматовой пока еще много манерности, под которой автор статьи почему-то разумеет повторяемость образов; например, в стихах Анны Ахматовой часто повторяются образы Музы и сада... Затем указано, что истинный путь Ахматовой — народность, причем термин этот не определен... В этой догадке есть, безусловно, нечто верное; только не надо понимать народность так узко, как понимает Шагинян: из примеров, приводимых ею (например, «Колыбельная»), следует, что под народностью она понимает лишь близость к фольклору (да ведь в «Колыбельной» слышен и Лермонтов)**. Между тем поэзия Ахматовой глубоко народна вся в целом, — и вовсе не только там, где в ее стихе пробивается частушка или песня.

Я сказала, что́ думаю.

Анна Андреевна как будто согласилась со мной, а потом добавила:

— Эти претензии на первосортность, эти ссылки на Гете, а на самом деле все вздор! И основная мысль неверна. Почему повторение образа сада и Музы в моих стихах — манерность? Напротив, чтоб добраться до сути, надо изучать гнезда постоянно повторяющихся об-

---

* 20 мая 1922 года.

** ББП, с. 179; *№ 47*.

разов в стихах поэта — в них и таится личность автора и дух его поэзии. Мы, прошедшие суровую школу пушкинизма, знаем, что «облаков гряда» встречается у Пушкина десятки раз.

Затем, не помню почему, разговор зашел о Кузмине. Кажется, началось с того, что она попросила меня достать ей «Форель».

— Я видела книгу только мельком, но показалось мне — книга сильная, и хочется хорошенько прочесть.

Я обещала принести. Я сказала, что поняла и полюбила Кузмина только с этой книги.

— Нет, я очень люблю «Сети», — перебила меня Анна Андреевна. — И в «Вожатом» прекрасное стихотворение о Димитрии-царевиче. Вообще, он поэт настоящий. Но его напрасно причисляли и причисляют к акмеистам. Я недавно целый вечер толковала Николаю Ивановичу, что Кузмин — человек позднего символизма, а совсем не акмеист. Он ни в одном пункте не совпадал с нами; не сходимся мы и в самом главном — в вопросе о стилизации. Мы совершенно ее отвергали, а Кузмин весь стилизованный.

Я сказала, что стихи

Озерный ветер пронзителен,
Дорога в гору идет...
Так прост и так умилителен
Накренившийся серый бот, —

звучат совсем по-ахматовски.[79]

— Это неверно, — ответила Анна Андреевна. — Я писала, как он, а не он, как я. Мое стихотворение «И мальчик, что играет на волынке» написано явно под его влиянием[•]. Но это случайность, в основе все разное. У нас — у Коли, например, — все было всерьез, а в руках Кузмина все превращалось в игрушки... С Колей он дружил только вначале, а потом они быстро разошлись. Кузмин был человек очень дурной, недоброжелательный, злопамятный. Коля написал рецензию на «Осенние озера», в которой назвал стихи Кузмина «будуар-

• БВ, Вечер; *№ 48*.

ной поэзией». И показал, прежде чем напечатать, Кузмину. Тот попросил слово «будуарная» заменить словом «салонная» и никогда во всю жизнь не прощал Коле этой рецензии...[80] Кузмин обо всех любил сказать что-нибудь плохое. Он терпеть не мог Блока, потому что завидовал ему. Однажды Лурье*, в присутствии Кузмина, играл свою композицию на слова Блока. Кузмин отлично знал, чьи слова, но нарочно спросил: «Это — Голенищева-Кутузова?» Вот такое он любил сказать о каждом. Он оставил дневник — продал его Бончу, — а Оленька, которая с Кузминым была дружна, рассказывала мне, что это нечто чудовищное. Потомки получат нечто вроде дневника Вигеля**. Он никого не любил, ко всем был равнодушен, кроме очередного мальчика. В его салоне существовал настоящий культ сплетни. Салон этот имел самое дурное влияние на молодых людей: они принимали его за вершину мысли и искусства, а на самом деле это был разврат мысли, потому что все признавалось игрушечным, над всем посмеивались или издевались... Да, Михаил Алексеевич был совсем лишен доброты. Оленька моя очень часто влюблялась. Однажды она влюбилась в молодого композитора и принесла Кузмину показать его вещи. Кузмин отлично знал о ее любви, но поиздевался над опытами молодого человека вволю. Ну, зачем это было надо? Ну сказал бы что-нибудь вялое, человеческое: «Мне это чуждо... мои интересы не здесь», — но он никогда не упус-

* Об А.С.Лурье см. [87].

** Дневник М.Кузмина, при жизни Ахматовой неопубликованный, но известный ей со слов Ольги Афанасьевны, — частично опубликован в 1993 году в 12-й и 13-й книгах альманаха «Минувшее» (М.; СПб). А. А. сравнивает его со скандальными «Записками» литератора Ф.Ф.Вигеля (1786—1856), появившимися в 1864—65 годах в журнале «Русский Вестник» и повторенными в нашем веке отдельной книгой (М.: Круг, 1928). Вигель знаменит непристойностью своих «Записок» и стихами Пушкина, обращенными к нему: «Проклятый город Кишинев».

кал случая огорчить человека. Меня он терпеть не мог. В его салоне царила Анна Дмитриевна*. А я до сих пор узнаю безошибочно людей из салона Кузмина — мне довольно одной фразы.[81]

Она взяла со стула «Литературный современник», где напечатана ее «Клеопатра», и предложила почитать мне стихи оттуда. — Они все на довольно высоком уровне, — сказала она, надевая очки. — Вы скажите, когда вам надоест слушать... Симонов тут хорош.

После Симонова она прочитала Брауна, против моего ожидания — сносного.[82] После Брауна — Шефнера; мне не удалось дослушать его без смеха.

Одно стихотворение начинается так:

> Мне ночи с тобой не снятся,
> Мне бы только на карточке сняться.

Может, оно и не худо, но я не могла удержаться от смеха, так что Анна Андреевна отложила журнал. В свое извинение я объяснила: эти «не» очень коварны. Когда читаешь:

«Не гулял с кистенем я в дремучем лесу» — так и видишь лес и разбойника с кистенем, а когда читаешь:

«Не бил барабан перед смутным полком» — так и слышишь стук барабана.

> Мне ночи с тобой не снятся,
> Мне бы только на карточке сняться —

тут это «не» делает стихотворение полунепристойным, а каламбурная рифма — «снятся — сняться» — полукомическим.

Анна Андреевна на минуту повеселела...

— Уж лучше бы ему снилось, — говорила она, смеясь, — может быть, это было бы скромнее.

— А каково было той барышне, которой он поднес эти стихи! — сказала я.

— Да что вы, Л. К.! Никакой барышни не было! Разве живой женщине можно поднести такие стихи? Вы только представьте себе: приходит к вам какой-нибудь знакомый и подносит свиток с этими стихами. Вы его сей-

* Радлова.

час же спустите с лестницы, несмотря на слово «не»... да нет, он все это придумал*.

Веселая минутка прошла. Анна Андреевна снова сделалась утомленной и грустной.

Рассказала мне историю смерти Анненского: Брюсов отверг его стихи в «Весах», а Маковский решил напечатать в № 1 «Аполлона»; он очень хвалил эти стихи и вообще выдвигал Анненского в противовес символистам. Анненский всей игры не понимал, но был счастлив... А тут Макс и Васильева сочинили Черубину де Габриак, она начала писать Маковскому надушенные письма, представляясь испанкой и пр. Маковский взял да и напечатал в № 1 вместо Анненского — Черубину...

— Анненский был ошеломлен и несчастен, — рассказывала Анна Андреевна. — Я видела потом его письмо к Маковскому; там есть такая строка: «Лучше об этом не думать». И одно его страшное стихотворение о тоске помечено тем же месяцем... И через несколько дней он упал и умер на Царскосельском вокзале...[83] Я в этом отношении счастливая: меня в жизни очень много хвалили и очень много ругали, но я никогда всерьез не печалилась. Я никогда не считалась номерами — первый ли, третий, мне было все равно. Я только один раз огорчилась по-настоящему: это когда Осип в рецензии назвал меня «столпник паркета». Но это потому, что Осип, только потому, что Осип...

13 августа 40

Вчера утром я позвонила Анне Андреевне и спросила, когда ей удобнее, чтобы я пришла. Она ответила: «Удобнее как можно скорее».

---

* Стихотворение В.Шефнера на самом деле начинается так:

> Ах, ночи с тобою мне даже не снятся,
> Мне б только с тобою на карточке сняться.

Впоследствии А. А. переменила свое отношение к Шефнеру: она отзывалась о его поэзии с интересом и похвалой. (См. «Записки», т. 2, с. 570.)

Я пошла. Ничего историко-литературного она мне на сей раз не рассказывала. Грустна, больна. С сердцем худо. Часто умолкает совсем, и один раз во время долгого молчания я услышала шепот: кажется, это была какая-то стихотворная строчка. Я попросила ее почитать мне — нельзя было найти никакого разговора и хотелось слышать только стихи. Она прочитала «Август, 1940» уже целиком, со строчкой; потом «Современницу»*; потом маленькое, неоконченное «Если бы я была живописцем»**, похожее на «Александрийские песни» Кузмина.

— Я из этого, может быть, что-нибудь сделаю, — сказала Анна Андреевна задумчиво. — Тут пока что только низкие берега точны, а остальное еще случайно.

17 августа 40

Утром я выбежала на почту и в булочную. Несла назад в одной руке батон, в другой, в кулаке, марки. Вдруг меня окликнули с такою внезапностью, что я выронила марки.

— Вы куда сейчас идете?

Смотрю — это Владимир Георгиевич.

— Я — домой.

— Возьмите меня, пожалуйста, к себе!

Он поднял мои марки, и мы отправились. По лестнице шли молча. Молчали, пока я отпирала дверь.

Он вчера приехал с дачи. Был у Анны Андреевны и находит, что она на грани безумия. Волосок***. Опять

---

* «Август 1940» — «Когда погребают эпоху»; *№ 46*. «Современница» — *№ 49*; печатая эти стихи впервые в «Литературной газете», в октябре 1960 года, А. А. по требованию редакции вынуждена была изменить заглавие (ей объяснили, что «современница» — это не ее, а *наша* современница). Тогда она назвала стихотворение «Тень», и новое заглавие укоренилось; БВ, Седьмая книга.

** ?

*** Чувствуя себя под надзором, А. А. вложила в тетрадь со стихами волосок — и он исчез. Она была уверена, что у нее в ее отсутствие сделали обыск.

сетовал на ложность посылок и железную логику выводов. Просил меня непременно пойти к ней, не противоречить, но воздействовать. Потом он вдруг заплакал самыми настоящими слезами. Растерявшись, я ушла на кухню ставить чайник. Когда я вернулась, он уже не плакал, но одна крупная слеза еще стояла посреди щеки.

Я налила ему чай. Он отпил глоток и всхлипнул.

Я спросила:

— Что для вас тяжелее всего? Ее состояние? Ее гнев?

— Нет, — ответил он. — Я сам. Я понимаю, что теперь, сейчас обязан быть с нею, совсем с нею, только с нею. Но, честное слово, без всяких фраз, придти к ней я могу только через преступление. Верьте мне, это не слова. Хорошо, я перешагну, я приду. Но перешагнувший я ей все равно не нужен.

И снова о ней: о философии нищеты, о безбытности, о том, что она ничего не хочет предпринять, что она не борется со своим психозом.

— А может быть, — спросила я, — это просто у нас не хватает воображения, чтобы понимать ее правоту? Может быть, не у нее психоз, а у нас толстокожесть?

Он помотал головой.

Вечером я позвонила Анне Андреевне и пошла к ней, купив по дороге всякую еду и сирень.

Анна Андреевна была мрачна и рассеянна. Лицо желтое, глаза возбужденные, блестящие. Она пожаловалась, что Таня в исступлении и в истерике сильно бьет Валю.

— Я не могу этого слышать. У меня уже нету сил. Вчера я подошла к дверям и стала в них колотить кулаками.

Зазвонил телефон. Анна Андреевна подошла к нему и вернулась совершенно белая.

— Вы только подумайте, какой звонок! Это оттуда. Это, конечно, оттуда. Женский голос: «Говорю с вами от имени ваших почитателей. Мы благодарим вас за стихи, особенно за *одно*». Я сказала: «Благодарю вас»

— и повесила трубку. Для меня нет никакого сомнения...*

Я попыталась сказать, что сомнения все-таки возможны, но Анна Андреевна не дала мне докончить:

— Извините меня, пожалуйста! — закричала она, не сдерживаясь. — Я знаю, как говорят поклонники. Я имею право судить. Уверяю вас. Это совсем не так.

За чаем она продолжала:

— Вы понимаете, она говорила со мной холодным голосом, словно нотацию мне читала: «Ты не отдала мне 10 рублей».

Снова я попробовала сказать, что ведь это мы сами подставляем под *одно* стихотворение — именно «И упало каменное слово», а ей, быть может, понравилась «Сказка о черном кольце» или еще что-нибудь. Но мои слова вызвали только ярость.

— В. Г. сказал про меня нашей общей знакомой: «Мадам психует». А не следует ли предположить, что не я психую, а сумасшедшие те, кто не умеет сопоставить самые простые факты...

Она стала шепотом рассказывать мне о волоске, который, оказывается, не исчез со страницы, но был передвинут правее, пока она ходила обедать. И тут я сразу поняла, почему плакал В. Г. Возбужденнее, тревожнее, потеряннее и недоступнее слову я ее никогда не видала.

19 августа 40

Вчера вечером я снова была у Анны Андреевны.

Она спокойнее, чем накануне, аккуратнее причесана, не так возбуждена и раздражена.

---

* А. А. заподозрила, что «почитательница» имела в виду стихотворение «И упало каменное слово» — из «Реквиема». Оно было опубликовано в журнале «Звезда» (1940, № 3/4) и в только что вышедшем сборнике «Из шести книг». (Название «Приговор», разумеется, в рукописи, представленной в редакцию, отсутствовало. И в журнале и в книге тоже.); *№ 3*.

Письмо от К., очень ее тронувшее*.

— В молодости К. была прекрасна, как гурия, —сказала Анна Андреевна. — Самая прекрасная женщина, какую я когда-либо видела.

А я завела разговор о Москве, приготовив еще по дороге доводы в пользу поездки. Главный довод я скрыла: быть может, поездка и окажется бесплодной, но зато Анна Андреевна хоть ненадолго уедет из этой комнаты. Анна Андреевна не согласилась со мной ни в одном пункте, с железной логикой доказала мне, что ехать ей незачем, но кончила все-таки просьбой зайти в Литфонд и заказать билет. Я торжествовала.

А потом начался разговор, который мне трудно будет воспроизвести — в сущности, не разговор, а ее монолог. Я видела, что она во вспоминательном настроении, и старалась ее не перебивать, только подбрасывала иногда вопросы.

Да, но еще до монолога она прочитала мне новое:

Соседка из жалости — два квартала...**

Какой в ней живет высокий дух, с каким могуществом она превращает в чистое золото битые черепки, подсовываемые ей жизнью! Вот уж воистину «из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Тут и Таня, избивающая Валю, и беспомощный В. Г., но в стихах это уже не помойная яма коммунальной квартиры, а торжественный и трогательный час похорон.

---

* К. — ?

** В отличие от текста, напечатанного в ББП на с. 290, мною запомнен такой вариант:

Соседка из жалости — два квартала,
Старухи, как водится, — до ворот,
А тот, чью руку я держала,
До самой ямы со мной пойдет.
И станет над ней один на свете,
Над рыхлой, черной, родной землей,
И позовет... Но уже не ответит
Ему, как прежде, голос мой.

Ныне это стихотворение печатается правильно — см. сб. «Узнают...», с. 265.

А потом, закинув руки за голову, сидя прямо и величественно в углу дырявого дивана, очень красивая, она сказала:

— Читаю «По звездам» Вячеслава. Какие это статьи! Это такое озарение, такое прозрение. Очень нужная книга. Он все понимал и все предчувствовал. Но удивительно: при такой глубине понимания сам он писал плохие стихи. Он, конечно, поэт, и поэт замечательный, но стихи часто писал плохие. Не думайте, тут противоречия нет; можно быть замечательным поэтом, но писать плохие стихи. Читаешь его статьи и думаешь: человек, который *так* понимает поэзию, должен стихи писать необыкновенные. И в самом деле: в стихах та же глубина понимания, та же тонкость и прелесть образа, но — но — ритм вялый, бальмонтовский. Конечно, некоторые стихотворения и у него есть прекрасные, но они редки.

Она потянулась к креслу, взяла книгу Вячеслава Иванова и прочла мне два стихотворения. Не могу обозначить, какие: возвращаясь домой, я на улице обнаружила, что мгновенно и начисто их позабыла, хотя, пока Анна Андреевна читала их, мне они нравились. Кажется, в одном было что-то про похороны, а в другом про лампадку и мотылька.

Потом, отложив Иванова, она достала стихи Гумилева «К синей звезде». И прочитала стихотворение о лесе — «Я женщиною был тогда измучен» — строгое, чистое, сильное.[84]

Помолчав, она сказала:

— Я сейчас имею возможность наблюдать, как создаются воспоминания. Когда я училась в Царском, в гимназии, то двумя классами старше меня училась молоденькая девушка. Я помню, что она была смуглая и стройная и зимой ходила с муфтой. Это все, что помню о ней я. Она же теперь диктует воспоминания обо мне в каком-то кружке в ТЮЗе. Что она может вспомнить? Мне было пятнадцать лет, самая заурядная, тихая, обыкновенная гимназистка.

— Пятнадцать лет — это не так уж мало, — сказала я.

— Да нет, никакой не лицейский период, не думайте, пожалуйста.

Помолчав и закурив, она продолжала:

— Вот так и с Лермонтовым, вероятно, получилось. Он жил очень недолго. Его никто не заметил. Никто его жизни не увидал, никто не понял — такой он был или другой. А потом кинулись писать воспоминания. Людям этим было уже под шестьдесят. Они ничего не помнили и списывали друг у друга... Поэтому заниматься биографией Лермонтова очень скучно. Мне покойный Щеголев предложил делать вместе с ним монтаж воспоминаний о Лермонтове, вроде вересаевского. Я начала — и сразу убедилась: это очень скучно.

Я сказала, что в детстве и юности совсем не понимала, не любила Лермонтова и пришла к нему всего лишь лет пять назад. Сказала, что в детстве сильно любила Жуковского.

— Да, я сейчас перечитываю «Ундину», — отозвалась Анна Андреевна, — как это чудесно, просто прелесть. В стихах Жуковского, во всех, такой замечательный, необыкновенный, особенный *звук*... А к Лермонтову иногда трудно бывает подойти, потому что у него много графоманского. У него много лирических вещей неопределенной формы, неопределенного содержания; и одно без больших оснований переходит в другое. — Она улыбнулась собственным словам. — А под конец — целая вереница шедевров.

— Знаете, что я хочу вам сказать, — начала она снова, — я очень не люблю, когда нынешние пятидесятилетние дамы утверждают, будто в их время молодежь была лучше, чем теперь. Вы им не верьте. Это неправда. В нашей юности молодежь стихов не любила и не понимала. Толщу было ничем не пробить, не пробрать. Стихи были забыты, разлюблены, потому что наши отцы и матери, из-за писаревщины, считали их совершенным вздором, ни для какого употребления не годным, или, в крайнем случае, довольствовались Розенгеймом.

Я очень хорошо помню, как я принесла в гимназию «Стихи о Прекрасной Даме» и первая ученица сказала мне: «И ты, Горенко, можешь всю эту ерунду прочесть до конца!» Пухленькая, беленькая, с белым воротничком и вот таким бантом в волосах — все ясно вперед на целую жизнь... Ее было ничем не прошибить. И такими были все.

Я сказала, что, быть может, в этой гимназии учились девочки одного круга.

— Вовсе нет. У нас были богатые девочки, которым в двенадцать часов лакеи из дому приносили на серебряном подносе завтраки, и бедные, дочери портных или сироты. Но стихов не любили и не знали ни те, ни другие... Подумать только, что их матери и отцы проглядели почти полустолетнюю работу Тютчева... Нет, модернисты великое дело сделали для России. Этого нельзя забывать. Они сдали страну совсем в другом виде, чем приняли. Они снова научили людей любить стихи, самая культура издания книги повысилась.

Я спросила, полагает ли она, что теперь в нашей стране любят и понимают стихи многие.

— Да, безусловно. Я вообще не знаю страны, в которой больше любили бы стихи, чем наша, и больше нуждались бы в них, чем у нас. Когда я лежала в больнице, меня попросила один раз сиделка — даже не сиделка, простая уборщица: «Вы, говорят, гражданочка, стихи пишете... Написали бы мне стишок, я в деревню пошлю...» И оказалось, что она каждое письмо оканчивает стихом, и та, которая ей пишет из деревни, — тоже. Вы только подумайте!

Было уже поздно, около двенадцати, я хотела уйти, но она меня удержала. Речь зашла о специфически женских стихах. Я сказала, что не люблю их.

— Да, есть в них неприятное... — Анна Андреевна достала с кресла какой-то сборник и показала мне стихи Шагинян, плохие и притом ужасно какие-то нецеломудренные.

— Бесстыдно, — сказала я.

— Видите ли, поэт и должен быть бесстыдным, —медленно выговорила Анна Андреевна. Она держала руку по-ахматовски: большой палец под подбородком, мизинец отставлен, а три пальца — вместе с папиросой — вытянуты вдоль щеки. (И я еще раз увидала, как неверно изображают ее руку портретисты: на самом деле никаких длинных костлявых пальцев, детская ладонь, а пальцы стройные, но маленькие.) — Поэт и должен быть бесстыдным. Но как-то иначе, не так, как она.

Потом, без всякого перехода, она заговорила о Блоке и Любови Дмитриевне.

— Какая страшная у них была жизнь! Это стало видно из Дневника, да и раньше видно было. Настоящий балаган, другого слова не подберешь. У него — роман за романом. Она то и дело складывает чемоданы и отправляется куда-нибудь с очередным молодым человеком. Он сидит один в квартире, злится, тоскует. Пишет в Дневнике: «Люба! Люба!» Она возвращается — он счастлив, — но у него в это время роман с Дельмас. И так все время. Почему бы не разойтись? Быть может, у нее было бы обыкновенное женское счастье... Нет, я вообще и всегда за развод, — закончила она многозначительно.

Я даже рот раскрыла от этого совпадения и рассказала о своих постоянных спорах с Тусей, которая очень сложно, умно, интересно и, однако, для меня неубедительно объясняет, почему можно и нужно «сохранять семью», несмотря на другую любовь.

— Нет, нет, я всегда за развод, — повторила Анна Андреевна. — Очень тяжело оставаться вместе после того, как уже был конец. Получается балаган, вот как у нас в квартире, — она легонько постучала в стенку Николая Николаевича.

Я спросила, была ли Любовь Дмитриевна красавицей.

— Что вы, Л. К., с такой спиной! Она не только не была красива, она была ужасна! Я познакомилась с ней, когда ей исполнилось тридцать лет. Самое главное в этой женщине была спина — широченная, сутулая. И бас. И

толстые, большие ноги и руки. Внутренне же она была неприятная, недоброжелательная, точно сломанная чем-то... Но он всегда, всю жизнь видел в ней ту девушку, в которую когда-то влюбился... И любил ее... Впрочем, в Дневнике, говорят, есть страшные о ней строки — Орлов их не напечатал — мне говорили люди, читавшие рукопись... Дельмас я видела в самый момент их романа, она вместе со мной выступала в Доме Армии и Флота. Порядочная, добрая, но неумная. Она была веснушчатая, рыжая, с некрасивым плоским лицом, но с красивыми плечами, полная... (Он, по-видимому, любил, чтобы у женщин было всего много.) Очаровательная была Валентина Андреевна*, я очень дружила с ней, не то чтобы красивая, но прелестная... У Волоховой были прекрасные черные глаза... Любовные письма Блока очень благородны; мне Валентина Андреевна показала одно: «Все, что осталось от моей молодости, — Ваше»...[85]

Я заговорила о том, что многие любовные стихи Блока страшны отсутствием в них любви, — если понимать под любовью доброту, нежность; самый корень слова, самая основа его — в его чувстве утрачены. «Мне искушенье тебя оскорбить» — любви в этом искушеньи нету.

— Да, пожалуй, — согласилась Анна Андреевна. — Помните: «Опять звала бесчеловечным».[86] И вот это отсутствие любви, о котором вы говорите, видно более всего в «Снежной Маске»... Тут уж одни костяшки стучат...[87] Я полагаю, Блок вообще дурно, неуважительно относился к женщинам. У меня никогда не было и тени романа с Блоком (я очень удивилась, я всегда думала, что «мой знаменитый современник»** — это он), — но я кое-что знаю случайно о его романах... Мне рассказывали две женщины в разное время историю свою с ним — в сущности, одну и ту же... Обе молодые и красивые... Одна была у него в гостях, поздно, в пустой квартире...

* Щеголева.

** Строка из стихотворения «Покорно мне воображенье» — БВ, Четки; *№ 50*.

другая — в «Бродячей собаке»... Обе из породы женщин-соблазнительниц... А он в последнюю минуту оттолкнул их: «Боже... уже рассвет... прощайте... прощайте...»

— Ну, эти истории дурно характеризуют скорее их, чем его, — сказала я.

— Да, конечно... Но, встречаясь постоянно с такими вот дамами, он научился неуважительно думать обо всех подряд.

Я принялась излагать ей свою любимую теорию необходимости развода.

Анна Андреевна согласилась, сделав некоторые оговорки.

— Бывают случайные измены, а потом опять все склеивается, но это редкость... Бывает также, что из-за детей не расходятся... Но я-то думаю, что и детям развод родителей чаще бывает полезен, чем вреден. А вот этакие наслоения жен, — она снова легонько постучала в стену Николая Николаевича, — это уже совсем чепуха.

Я рассказала ей об одной женщине, портнихе, от которой муж не может уйти, потому что она, чуть он за чемодан, покушается на самоубийство.

— Ну, это часто бывает, — презрительно отозвалась Анна Андреевна. — И поверьте, она уж теперь всю жизнь будет висеть на нем. Я знаю таких: бросается в пруд, ходит мокрая, потом сушится, потом опять бросается... Это уж на всю жизнь, тут ничего не поделаешь..

Она говорила бесстрастно и сухо, но мне сейчас же вспомнились давешние слова Владимира Георгиевича о преступлении, через которое он не в силах перешагнуть.

— Мы прожили с Николаем Степановичем семь лет. Мы были дружны и внутренне многим обязаны друг другу. Но я сказала ему, что нам надо расстаться. Он ничего не возразил мне, однако я видела, что он очень обиделся. Вот это стихотворение о лесе, что я вам прочитала, это обо мне... Тогда он только что вернулся из Парижа после своей неудачной любви к Синей Звезде. Он был полон ею, — и все-таки мое желание с ним рас-

статься уязвило его... Мы вместе поехали в Бежецк к бабушке взглянуть на Леву. Мы сидели на диване, Левушка играл между нами. Коля сказал: «И зачем ты все это затеяла». Это было все... Согласитесь, на этом ничего не построишь, — прибавила она с грустью, — этого мало, не правда ли?... — И, помолчав: — Я нахожу, что мы слишком долго были женихом и невестой. Я в Севастополе, он в Париже. Когда мы поженились в 10-м году, он уже утратил свой пафос...

Я не перебивала, молчала, и она, погасив папиросу, заговорила снова:

— Странно, что я так долго прожила с Николаем Николаевичем уже после конца, не правда ли? Но я была так подавлена, что сил не хватало уйти. Мне было очень плохо, ведь я тринадцать лет не писала стихов, вы подумайте: тринадцать лет!* Я пыталась уйти в 30-м году. Ср.** обещал мне комнату. Но Николай Николаевич пошел к нему, сказал, что для него мой уход — вопрос жизни и смерти... Ср. поверил, испугался и не дал комнаты. Я осталась. Вы не можете себе представить, как он бывал груб... во время этих своих... флиртов. Он должен все время показывать, как ему с вами скучно. Сидит, раскладывает пасьянс и каждую минуту повторяет: «Боже, как скучно... Ах, какая скука»... Чувствуй, мол, что душа его

* Утверждение объясняется запальчивостью: таких периодов жизни, когда А. А. вообще не писала стихи, у нее не было. Правда, в иные годы писала она менее обычного. Во время брака с Пуниным Ахматовой написано, по приблизительному подсчету, около тридцати стихотворений, в частности такие, как: «И ты мне все простишь», «Здесь Пушкина изгнанье началось», «Если плещется лунная жуть», «Тот город, мной любимый с детства», «Привольем пахнет дикий мед», «Последний тост», «Уводили тебя на рассвете», «Одни глядятся в ласковые взоры»; была также начата и почти окончена поэма «Русский Трианон» и др. Об этом см. т. 2 моих «Записок», примеч. на с. 349, а также т. 3 «Записок».

** Вячеслав Вячеславович Срезневский? Муж Валерии Сергеевны?

рвется куда-то... Я целый год раскручивала все назад, а он ничего и не видел... И знаете, как это все было, как я ушла? Я сказала Анне Евгеньевне при нем: «давайте обменяемся комнатами». Ее это очень устраивало, и мы сейчас же начали перетаскивать вещички. Николай Николаевич молчал, потом, когда мы с ним оказались на минуту одни, произнес: «Вы бы еще хоть годик со мной побыли».

Она засмеялась, и я тоже. Смеялась она легко и беззлобно. Как будто рассказывала не о нем, не о себе.

— Потом произнес: «Будет он помнить про царскую дочь» — и вышел из комнаты. И это было все. Согласитесь, что и на этом ничего не построишь... С тех пор я о нем ни разу не вспомнила. Мы, встречаясь, разговариваем о газете, о погоде, о спичках, но *его*, его самого я ни разу не вспомнила*.

Было уже два. Мы условились, что завтра я поговорю в Литфонде о билете и потом позвоню ей. Я ушла, радуясь, что хоть ненадолго отвлекла ее от ее главной боли.

22 августа 40

20 числа я была в Литфонде и заказала для Анны Андреевны билет на 24-е. Сообщила ей об этом оттуда же

---

* Во время войны, в эвакуации, в Ташкенте, весною 1942 года, А. А. получила от Н.Н.Пунина из Самарканда (куда он был эвакуирован вместе с Академией художеств) большое покаянное письмо. Мне она прочла его 22 апреля 1942 г., сказав, что ответит прощением.

Письмо Н.Н.Пунина к Ахматовой ныне напечатано. См.: «Ахматова. Ардис», с. 78, а также журнал «Наше наследие» (1988, № 4, с. 108).

Если судить по одной из «Северных элегий» («Так вот он —тот осенний пейзаж»), Николай Николаевич имел обыкновение называть Анну Андреевну по-лермонтовски: «морской царевной». (Она плавала необыкновенно, см. с. 41, 198 и 215.) Вот почему в минуту разрыва он произнес на прощанье последнюю строку лермонтовского стихотворения «Морская царевна»: «Будет он помнить про царскую дочь».

по телефону и уехала на дачу. Сегодня привезла ей с дачи свое пальто, потому что ехать ей не в чем. Она поблагодарила, но от билета, по словам ее, решила отказаться: ехать незачем. Я оставила ей пальто и ушла.

25 августа 40

Приехав с дачи, я позвонила Анне Андреевне. Оказалось, она все-таки уехала в Москву.

31 августа 40

Сегодня утром звонок: «Говорит Ахматова. Лидия Корнеевна, я уже вернулась и жажду возвратить вам ваше пальто».

Я отправилась по лютому дождю.

Лежит — опять лежит! Опять — толстое одеяло без простыни, разметанные по подушке волосы, потом роскошный — но порванный по шву — китайский халат...

Прежде чем рассказать о своих хлопотах, Анна Андреевна рассказала, что была в Переделкине у наших, что К. И. читал ей переводы из Уитмена.

— Они великолепны, — сказала Анна Андреевна.

Ехала она туда, по словам ее, очень удачно: попала в одно купе с женою Федина, которая сразу же на машине доставила ее в Переделкино. Ее поразило и, конечно, обрадовало, что Фадеев принял ее очень любезно и сразу сделал все, от него зависящее. (Все последние дни перед отъездом она твердила: «Фадеев меня и на глаза не пустит».) Поражена также тем, что Фадеев и Пастернак выдвинули ее книгу на Сталинскую премию.

— Я пробыла на даче два дня*. Когда мне надо было ехать в Москву, К. И. устроил меня в машину с Виктором Финком. Ехали: Финк, шофер, я и молодая женщина, редактор Детиздата, которая была у К. И. по каким-то редакционным делам. И всю дорогу до Москвы она мне рассказывала, как несколько лет тому назад она украла мои книги у знакомых, а теперь 6 часов стояла в очере-

---

* У кого? — из записи не видно. Но по словам М.С.Петровых, — у Пастернака.

ди, и им выдавали номерки. Я этот рассказ уже наизусть знаю, я его слышала из стольких уст, что, мне кажется, он просто на мне наклеен.

— К. И. рассказывал мне о Дневнике Любови Дмитриевны. Говорит, такая грязь, что калоши надевать надо. А я-то еще жалела ее, думала — это ее юный дневник. Ничуть не бывало, это теперешние воспоминания... Подумайте, она пишет: «Я откинула одеяло, и он любовался моим роскошным телом». Боже, какой ужас! И о Блоке мелко, злобно, перечислены все его болезни.

Я спросила, как поживает Борис Леонидович.

— Неважно. Хуже, чем когда я приезжала в Москву в прошлый раз. Тогда он был в упоении от успеха «Гамлета». А теперь хмурый. Говорит, что наладился было стихи писать, но не пришлось. «Сначала Зина собиралась в Крым (у старшего мальчика что-то в легких)... потом огурцы поспели... надо было бочки запасать... бочки парить...» Честное слово, так и сказал: парить бочки.

Я спросила, по-прежнему ли он сердит на К. И.

— Да, пожалуй, еще сердит. Все за «Гамлета», конечно. Я ведь говорила вам: никто из литераторов не свободен от профессиональной болезни. Вот и он тоже. Только мне одной все равно, как кто относится к моим стихам. Николай Иванович о книге моей высказался так: «Ну какая это книга! И зачем она вам нужна! Ни к чему». — Она рассмеялась. — Но я ведь не стала за это его меньше любить.

На столе лежала ее фотография, из новых, мною еще невиданная. Из последней московской серии. Отличная. Измученное лицо, опущенные глаза.

Анне Андреевне она тоже нравится.

— Тут уже все есть, все видно, — повторила она несколько раз. — А то другие меня заставляют делать веселое лицо — какая-то маска...

Когда я поднялась, она вдруг сказала:

— Не пойму, как дать знать Владимиру Георгиевичу, что я приехала. Может быть, вы будете так добры позвонить ему...

И в ответ на мое обещание прибавила:

— Сама я туда не звоню.

Я спросила, хорошо ли она ехала обратно.

— Прекрасно. Ну, разумеется, заснула на два часа позже всех, а проснулась на два часа раньше, но все-таки спала. А то ведь обычно у меня в вагоне сплошная белая ночь.

Она очень обрадовалась тем игрушкам, которые я привезла от Люши детям, серьезно и долго рассматривала их, училась заводить и пускать прыгать по полу лягушку, соображала вслух, что кому: что Малайке*, что Вове, что Вале.

5 сентября 40

Я вела себя по-хамски. Анна Андреевна позвонила мне 2-го и просила придти, но я уже условилась с Татьяной Александровной и потому пообещала Анне Андреевне придти 3-го.[88] Но и 3-го не пришла. У Танечки поднялась температура, я застряла на даче. Сегодня она опять позвонила, застав меня в городе. И мы сговорились на сегодняшний вечер.

Встретила она меня вяло, бледная, усталая, с Вовочкой на руках. Родители ушли в кино; он мокрый, она не может найти другие штанишки. Базедова, по ее словам, у нее обострилась, и нога болит... Пришел Валя, разыскал штанишки, унес Вову. Она немного оживилась.

— Была у меня на днях поклонница. Вот бы вы посмотрели! Показательная поклонница, можно сказать. Девочка семнадцати лет, прелестная, хорошенькая, из какого-то киевского литературного кружка. Что она говорила! Боже мой, что она говорила!

— Неужели глупее той, из Публичной библиотеки? — спросила я.

— Куда! Та перед нею Иммануил Кант. Она задала мне два оглушительных вопроса. Первый: «У вас, наверное,

---

* Малайка — детское прозвище Ани, внучки Николая Николаевича, дочери Ирины Николаевны Пуниной.

была очень интересная жизнь... в молодости». Я ответила, что о собственной жизни судить не могу. Второй вопрос был таков: «Правда ли, что существуют две ваши статуэтки и обе в Париже, так как вы — акмеистка?» Что за галиматья! Им там что-то сказали про акмеизм, и она все перепутала.

— Стихи читала? Какие?

— Читала. Никакие. Семнадцатилетние.

Я осведомилась у Анны Андреевны, понравилась ли ей «Форель».

— В этой книге все от немецкого экспрессионизма. Мы его не знали, поэтому для нас книга звучит оглушительной новостью. А на самом деле — всё оттуда. Как это ни странно, а в книге много служебного, словно подписи под картинками... Мне понравился «Лазарь» и отдельные стихи, например то, которое и вам так нравится: «По веселому морю летит пароход». Впрочем, конец там неприятный — о двухлетках*. Очень тяжелое впечатление оставляет непристойность... Во многих местах мне хотелось точек... Это уж очень на любителя: «практикующие балбесы». Кузмин всегда был гомосексуален в поэзии, но тут уж свыше всякой меры. Раньше так нельзя было: Вячеслав Иванов покривится, а в двадцатые годы уже не на кого было оглядываться... Быть может, Виллону это и удавалось как-то, но Михаилу Алексеевичу — нет. Очень противно.

Потом Анна Андреевна сообщила мне скверную новость: Таня предупредила, что со следующего месяца не станет кормить ее обедами.

Видя мое огорченное лицо, она сказала:

— Быть может, Пунины разрешат своей домработнице варить мне обед.

Быть может! Будь проклята эта квартира.

---

* А. А. имеет в виду строки:

> Скоро люди двухлетками станут совсем,
> Заводною заскачет лошадка.

См.: «Панорама с выносками», «Выноска третья» («Форель разбивает лед»).

10 сентября 40

Вчера вечером, поздно уже, когда я собиралась ложиться, вдруг телефонный звонок: Владимир Георгиевич. Расстроенным голосом, торопясь, произнес:

— Анна Андреевна очень просит вас придти. Это очень, очень надо. Вы можете? Вы придете? Ну, слава Богу.

Я отправилась. Было уже около одиннадцати. Дождь: мокрый черный асфальт блестит осенне и кинематографически.

Анна Андреевна в кресле возле стола, в белом платке поверх халата, строгая, спокойная, тихая, мрачная. Я еще раз про себя подивилась тому, как человек может быть таким совершенным и таким выраженным. Хоть сейчас в бронзу, на медаль, на пьедестал. Статуя задумчивости — если задумалась, гнева — если разгневана.

Когда я вошла, передо мной сидела сама тоска. Но скоро это переменилось.

— На днях у меня был А. с женой*; он теперь заведует Домом кино. Предложил мне вечер. Вы понимаете, что в силу целого ряда обстоятельств это предложение мне приятно. Я сказала: сейчас не могу, больна, а в конце октября согласна, но сама читать буду лишь в гомеопатических дозах. Чернявский будет читать — вы его не слышали? Прекрасно читает! Надо будет только подобрать для него стихи не от женского имени.[89] Потом кто-то будет петь, потом я прочту пять-шесть вещей.

Я спросила, хватает ли у нее обычно голоса на выступлениях.

— Когда слушают хорошо, всем голоса хватает, —ответила она.

Я рассказала ей о холуйской статье Б-ой**.

— Вот из-за этого-то я и перестала заниматься Пушкиным... Кроме того, мне было тяжело от грызни между пушкинистами. Вечером благополучно уснешь, а утром увидишь, что тебе за ночь руку или ногу отъели... Цяв-

---

* А. — ?

** ?

ловский и то стучал на меня кулаком по столу. В работе над «Золотым петушком» мне повезло: книга оказалась в библиотеке Пушкина. А то они мне ни за что не поверили бы. Цявловский кричал мне, что это русская сказка, чем доказал только свое невежество, потому что сюжеты всех русских сказок давно известны наперечет, их можно все перебрать, как бусы на нитке... И в русских сказках такого сюжета нет*.

Разговор перешел на Достоевского.

Я сказала, что люблю его сильно, но перечитываю редко: очень уж тяжелое чтение.

— А мне в последнее время он представляется почти идиллическим, — сказала Анна Андреевна. — Я вот теперь в Москве перечла «Подростка». Ах, какая вещь! Но все это совсем не страшно. К реальной действительности это отношения не имеет. Это все стороны его души — и только. В действительности ничего такого никогда не было и не бывает.

Я сказала, что не люблю Тургенева.

— Мелко у него все, люди мелкие и события, и сам он мелковат, — сказала Анна Андреевна.

Потом:

— Когда я была у Корнея Ивановича, его позвали по какому-то делу, он извинился и минут на двадцать ушел, дав мне Гончарова, чтобы я почитала пока. Помните рассказ Гончарова о том, как Тургенев его обворовал? Конечно, там много бреда, но когда читаешь — понятно все-таки, что в основе лежит истина.

Затем, сообщив мне очень торжественно и многозначительно, что Лозинский переводит уже двадцатую песню «Ада», она рассказала:

— Знаете, во Флоренции хранится подлинное завещание отца Беатриче. Из этого завещания явствует, что звали ее вовсе не Беатриче, а Биче. Исследователи долго не понимали, почему Данте дал ей другое имя. Но оказалось, это был рыцарский средневековый обычай — воспевать даму под условным, вымышленным име-

* Речь идет о работе А. А. «Последняя сказка Пушкина» — ОП, с. 10.

нем. Ведь если употребишь ее настоящее имя, можно получить железной перчаткой по лицу.

Я поднялась, но она сказала умоляюще:

— Я сейчас поставлю чайник. Вы не можете себе представить, как быстро он закипит!

Она вскочила с кресла и воткнула вилку в штепсель необыкновенно быстрым и гибким движением.

— Правда, у меня к чаю один только сухарь, да и тот черствый. Ни у кого не бывает такого плохого угощения, как у меня.

За чаем она снова рассказывала мне о Москве, в частности о Николае Ивановиче.

— Он сейчас в какой-то новой орбите... Теперь он бритый, подтянутый и даже эскалаторов метро перестал бояться — а раньше это было такое мученье... Та дама, в чьей орбите он находился прежде, теперь отлучена от стола и ложа. Мне выпало на долю подавать ей первую психическую помощь. Я посоветовала ей воздвигнуть в сердце мавзолей угасших чувств и отойти без объяснений... Я по себе знаю, что в подобных случаях следует поступать только так. Он несомненно в новой орбите: он и со мной стал другим. Очень обрадовался мне, был внимателен, но все совсем, совсем не так, как прежде. Удивляться нечему — живем в разных городах, видимся редко.

Постучался и вошел Николай Николаевич. Почесывая макушку, он спросил:

— Аня, у вас нет 15 рублей?

— У меня 50.

— Ну, дайте 50. Я пытался продать книги, но не вышло.

— Все сейчас пытаются продавать книги, и у всех не выходит... Была сегодня Ольга, взяла 50 рублей: она пыталась продать книги и у нее не вышло...* Возьмите, пожалуйста.

Николай Николаевич взял, поблагодарил, почесал голову и вышел.

---

* Ольга — Ольга Федоровна Берггольц. О ней см. «Записки», т. 2.

Анна Андреевна рассказала, что собирается выкупить у Тани свою книгу за 100 рублей.

— Как? Неужели она вам так не отдаст? Ведь она получила ее от вас даром.

— Ничего не получила, а просто вошла в комнату и сама взяла, когда тут стопочка лежала на стуле. А теперь говорит, что отдала бы мне, пожалуй, за 100 рублей.

Ну, квартирка!

17 сентября 40

Вчера я позвонила вечером Анне Андреевне и попросила разрешения придти. По дороге купила пирожных. У нее сидела Лотта. Долго уверяла Анну Андреевну, будто безумно ее боится. Но по ее развязности и остротам этого заметно не было.

Скоро она ушла.

Анна Андреевна рассказала мне: «закрыл лицо руками». И о Расине:

— Расин умер оттого, что король ему не ответил на поклон. Он был в силе, а потом кто-то оттер его. Чтобы проверить свои акции, он пошел к мессе и стал на положенное ему место. Дождался выхода короля. Поклонился ему, а тот не ответил. Тогда Расин пошел домой, лег в кровать и к вечеру скончался*.

Нынче всю ночь она читала Данта, сравнивая его с французским подстрочником.

— То есть это не подстрочник; современники, вероятно, принимали его как великолепный перевод. Я узнала многое, о чем прежде и представления не имела. Например: как известно, Гюго возмущался, что Дант назвал свою поэму «Божественной». Но, оказывается, он так ее никогда не называл. Просто «Комедия», а «Божественной» ее назвали другие... Итальянцы считают, что вся итальянская поэзия выросла из «Комедии». Конечно, это так. Но вот что интересно: у Данта все было до-

* Кто закрыл лицо руками и с кем случилось нечто подобное тому, что случилось с Расином, — вспомнить не могу.

машнее, почти семейное. А у Петрарки, у Тассо все уже стало общим, отвлеченным, потеряло домашность. Такой же породы — домашней, семейной — был у нас Маяковский.

Мы сидели в полутьме, а за стеной все время раздавался пьяный голос. Постепенно я поняла, что этот пьяный голос учительствует: обучает ребенка писать. Это Женя* учит Валю. Голос озверелый, темный...

Анна Андреевна прочитала мне три стихотворения С.** Я ей сказала, что очень странно из ее уст слышать чужие стихи, что они приобретают интонацию ее стихотворений.

— Да, да, мне это уже говорили. В Цехе Поэтов, бывало, меня для потехи заставляли читать Некрасова:

Он твои пленительные взоры
. . . .
Все отдаст за плоские рессоры...

Некрасов читал, конечно, совсем не так. Все очень смеялись.

Стихи С. мне понравились: чистые, тютчевские. Оказалось, автору за сорок. Я спросила, давно ли он пишет: стихи редко ведь начинают писать в зрелом возрасте (прозу сколько угодно). По этому поводу мы заговорили о поразительно раннем развитии Лермонтова.

— Мальчиком он написал «Ангела» и «Русалку», —сказала Анна Андреевна, — «Русалка плыла по реке голубой». Вы подумайте только!.. «Если бы у меня был такой сын, я бы плакала»...

Она включила чайник, распаковала пирожные и продолжала:

— Такую фразу мне сказала однажды моя тетка.

— Плакала бы от счастья? — спросила я.

— Нет, от горя, конечно. Она сказала мне: «Если бы я была твоей мамой, я бы все время плакала».

— Чем же это вы ее так огорчили?

---

* Смирнов; Валин и Вовин отец.

** С. — ?

— Мне было тогда лет тринадцать. Я ходила в туфлях на босу ногу и в платье на голом теле — с прорехой вот тут, по всему бедру...

(Я подумала, что и в пятьдесят я частенько вижу ее в халате с прорехой по всему бедру.)

...до самого колена, и, чтобы не было видно, придерживала платье вот так рукой... это, конечно, не способ. И потом, я бросалась в море со всего — со скалы, с лодки, с камня, с балок... Знаете, как я ответила своей тетушке? Все-таки я была ужасная нахалка! Я ответила ей так: «Для нас обеих лучше, что вы не моя мама».

Заговорили о Мандельштаме. Я прочитала строфу:

Еще обиду тянет с блюдца
Невыспавшееся дитя,
А мне уж не на кого дуться,
И я один на всех путях...

— сказав, что сильно люблю ее, что в этих строках есть что-то необыкновенно точное.

— Да, да, — ответила Анна Андреевна, — прелестные стихи — и так это на него похоже! Он ведь был странный: не мог дотронуться ни до кошки, ни до собаки, ни до рыбы... А детей любил. И где бы ни жил, всегда рассказывал о каком-нибудь соседском ребеночке...

Мы сели пить чай. За чаем Анна Андреевна заговорила о том, как Лотта уверяла ее, будто ее, Анну Андреевну, все боятся.

— Я не могу понять, чем это вызвано. Но мне часто об этом рассказывают. Почему? Я никому не говорю неприятностей. Сологуб, например, — тот любил и умел сказать неприятное, и потому его боялись. Я же — никогда никому. А между тем Лотта уверяет, что однажды, когда я в Клубе писателей прошла через биллиардную, со страху все перестали катать шары. По-моему, в этом есть что-то обидное.

Я спросила, как ее хозяйственные дела. Омерзительно. Таня уехала в Выборг, да и все равно отказалась кормить ее, Пунины тоже не хотят разрешить своей домработнице ее обслуживать. Столовая же Дома писателей закрыта.

— Скоро меня положат в больницу, — сказала Анна Андреевна, — и вот тогда я буду есть три раза в день.

Пришел Владимир Георгиевич, замученный. Сел в кресло, закрыл лицо руками, начал жаловаться. Посидев минут пять, я ушла.

18 сентября 40

Вчера вечером Анна Андреевна позвонила и пришла — поздно вечером, часов в десять. Лицо ее показалось мне раздраженным, недобрым. Она была в черном шелковом платье и в шелковом платке, красивая, величавая. Разговор зашел о Ксении Григорьевне. Анна Андреевна говорила о ней с яростью, с искаженным от бешенства лицом*. Потом она прочитала мне снова свою великолепную «Современницу» — красавицу тринадцатого года. Потом принялась расспрашивать о моей работе. Я пожаловалась, что, когда только что напишу что-нибудь — стихи ли, прозу, — совсем не могу судить о качестве.

— Да и никто не может... Плывешь без руля и без ветрил... Только потом замечаешь, что все одинаково реагируют на одни и те же места, и тогда сама начинаешь понимать. Например, «Путем всея земли». Все, решительно все говорят об этой вещи одно и то же: «вещь магическая» и «новое искусство». Ну, разумеется, кроме Ксении Григорьевны, которая честно призналась, что она просто ничего не поняла. Но ей понимать и не положено.

Она сидела у меня часов до двух. Я пошла ее провожать. Дворник долго не отпирал нам внизу дверь нашей

---

* Ксения Григорьевна бесконечно раздражала Анну Андреевну и меня своими рассуждениями об арестах. Точка зрения ее может быть выражена двумя не идущими к делу, но спасительными поговорками, за которые люди усердно цеплялись в те времена: «Лес рубят — щепки летят» (мол, берут виновных — случайно попадаются и невинные) и «Нет дыма без огня» (мол, зря не сажают). Эти поговорки служили оправданием террора и поэтому не могли не приводить Анну Андреевну в ярость.

парадной, и мы смотрели сквозь стекла на темный город. Редкие машины проплывали беззвучно, как рыбы. А трамваи — с громким звоном: «заблудившиеся». Потом дворник открыл нам, мы пошли, и она опять боялась переходить Невский.

24 сентября 40

Вчера я рассчитала, что у меня в Доме Занимательной Науки будет промежуток и я могу подняться на часок к Анне Андреевне*. Я позвонила ей снизу. «Ну конечно, приходите!» — сказала она. Однако, когда я пришла, выяснилось, что она приглашена к обеду и ей уже пора. Она попросила меня проводить ее, и я отправилась, надеясь вовремя вернутся в ДЗН.

Мы вышли на Фонтанку. День был милый, солнечный, золотой — «совсем ваша “весенняя осень”» — сказала я**. Мы шли к Неве. Она заговорила о жене Коли Давиденкова — как та его мучит, настоящая современная Кармен или Манон Леско.

— Но когда у нее будет трое детей от троих разных мужчин — что же, они так и будут целым табором кочевать от папы к папе? — сказала Анна Андреевна. — И все, в отличие от Кармен, из-за лишних ста рублей, уверяю вас.

Я сказала, что вот такая женщина, никого не любящая и корыстная, всегда будет любима.

— Вовсе нет. Сейчас она очень свежа, но ведь это пройдет. И Коля оставит ее, и другой муж. Тому уж, говорят, надоело. Сколько я таких историй в жизни видела.

Мы перешли через разрытую Симеоньевскую и пошли по Моховой.

---

* Мне в это время изредка давали на редактирование рукописи в Доме Занимательной Науки, который помещался в бывшем дворце Шереметевых; Ахматова жила там же, на Фонтанке, 34, но не в основном здании, а во флигеле.

** «И весенняя осень так жадно ласкалась к нему» — строка из стихотворения «Небывалая осень построила купол высокий...» (БВ, Anno Domini).

— Недавно у меня опять была Валерия Сергеевна, — сказала Анна Андреевна. — Представьте себе, это совершенно другой человек, новый, мне неизвестный. Полное изменение личности. Даже в мелочах она другая. Когда-то, в молодости, она была очень тяжела на подъем. Собирается в гости: переменит три платья, три прически и останется дома. Когда я теперь возобновляла с нею знакомство, я, признаться, немного рассчитывала на эту черту: ну, думаю, придет раза два в зиму — и только. Но нет! Теперь она ходит очень легко! Сколько угодно! Безо всяких затруднений!.. Но это еще полбеды. Она духовно переменилась. На днях взяла у меня почитать Пастернака. И принесла. Возмущена ужасно: «Развязен... бездарен... самовлюблен... плетет словеса...» Все это двадцать лет тому назад мы свободно могли бы прочитать в «Новом времени». «Рекламирует своего друга Нейгауза». Боже мой! Нейгауз — знаменитый музыкант и нисколько не нуждается в рекламе. «Баллада» ее вообще возмутила; ей неведомо, что Подол — это часть города, она воображает, будто речь идет о подоле женской юбки. И возмущена цинизмом.

— Вы ей объяснили?

— Конечно, нет... Я бы желала, чтобы когда-нибудь она встретилась у меня с Ксенией Григорьевной. Они обе и не догадываются, как сильно друг на друга похожи.

— А раньше Валерия Сергеевна была похожа на Ксению Григорьевну?

— Нисколько. Я говорю вам: произошла полная подмена личности.

Мы вышли на Неву. Она пенилась слегка, хотя и была голубая.

— Эта река всегда идет вспять. Всегда, — сказала Анна Андреевна.

29 сентября 40

Третьего дня вечером Коля Давиденков сказал мне, что в «Ленинградской правде», в статье о литературе, есть очень неблагосклонный отзыв об Анне Андреевне. Я хо-

тела сразу к ней зайти, но помешал грипп. Вчера утром, когда мне сделалось полегче, я, позвонив, пошла. Застала ее еще в постели. Возле нее сидел Валя и готовил уроки. Оказывается, про статью она ничего не знала. Известие приняла равнодушно, однако послала Валю к Пуниным за газетой. Я прочла ей всю статью вслух. Она обругана не по первому разряду, а так, приблизительно по десятому...* Зато строки, порицающие З., очень ее огорчили, и она несколько раз в разговоре возвращалась к несправедливости этих строк**.

Потом она попросила меня достать из комодика пачку писем и, надев очки, прочитала мне письмо какого-то гражданина из Новосибирска, сильно ее тронувшее. В самом деле, письмо, хоть и неинтеллигентное, но хорошее. Там есть такие слова: «И за это, товарищ Ахматова, я приношу Вам свою благодарность».

— Не правда ли, «товарищ Ахматова» звучит тут очень мило? — сказала Анна Андреевна. — Вчера я была в Пушкинском Доме на заседании Блоковской комиссии. Там, в перерыве, ко мне подошел молодой человек и вручил записку со стихами.

Анна Андреевна прочитала мне это стихотворение вслух, предупредив:

— От избытка чувств в одной строке нету ритма.

Я включила чайник и развернула пирожные. Анна Андреевна отдала два Вале и велела ему идти домой и одно дать Вовочке.

Пока чайник вскипал, Анна Андреевна читала мне стихи. Прочла про темные души, про Шекспира, потом,

---

* «Ленинградская правда», 27 сентября 1940. В статье «Активизировать творческую работу писателей» говорилось об «упадочнических» и «бледных» стихах Анны Ахматовой, вошедших, по вине беспечных редакторов, в сборник «Из шести книг». Эта статья, как и последующая в «Литературной газете» (см. с. 204), — обе! — явные и близкие предшественницы постановления ЦК об изъятии ахматовского сборника. (См. примеч. на с. 220.)

** Мною что-то здесь перепутано. Определить, кого я укрыла под буквой «З», мне не удается.

извинившись, что читает неоконченное, про руки и Павловск*.

Я сказала о первом: оно той же тональности, что и «Путем всея земли».

Она удивилась:

— А мне кажется, оно совсем старое, словно из «Белой Стаи»... Новым мне представляется только третье.

Она уже дошла до полного «владения формой», когда воочию осуществляется постоянное, старинное мечтание поэтов:

> О, если б без слова
> Сказаться душой было можно!**

Слушаешь — и кажется, будто нету слов, размеров, ритмов, рифм, а просто — просто! — говорит сама душа, минуя форму, сама собой, чудом.

Все время, пока она читала, из соседней комнаты доносились Танины крики:

— Ах ты, зараза, сволочь, я тебе покажу, сволочь ты этакая!

Это Таня учила Валю делать уроки.

1 октября 40

Сегодня утром трагикомедия с переплетчиком. Вручая ему две недели назад книгу Ахматовой, я специально просила беречь надпись. Он обещал. А сегодня вручил мне книгу, весьма изящно переплетенную, но с отрезанной надписью — только хвостики от *р* и *д* остались. Я топала ногами и кричала. «Что вы расстраиваетесь, гражданка? — сказал он флегматически. — Подумаешь, надпись! Ведь это не Лев Толстой». На прощанье сострил: «Хотите, я вам сам надпишу?»

Я решила пойти к Анне Андреевне и попросить ее надписать мне книгу снова. Зашла к ней вместе с Лю-

---

* А. А. прочитала: «Так отлетают темные души»; *№ 19*; «Лондонцам»; *№ 51* (БВ, Седьмая книга); «Шестнадцатилетние руки» — впоследствии «Пятнадцатилетние» и — окончательно: «Мои молодые руки»; *№ 27*.

** Заключительные строки из стихотворения Фета «Как мошки зарею...».

шенькой, возвращаясь от англичанки. Пришли мы некстати. Анна Андреевна неприбранная, непричесанная, с изможденным лицом. Я не удержалась и сразу рассказала ей о своей неудаче у переплетчика — не спросив ее о здоровье, не узнав, отчего она так дурно выглядит.

Она рассказала*, и я устыдилась себя.

Она села, однако, надписывать заново книгу. Перо оказалось негодным, и Люша была послана к Пуниным за другим.

Ночью у Анны Андреевны был сердечный приступ.

Она пыталась быть любезной со мною и ласковой с Люшей, но это ей удавалось плохо.

Попросила меня достать ей вчерашнюю «Литературную газету» — там, оказывается, была статья о ней.[90]

Мы с Люшей простились. Анна Андреевна пошла проводить нас до входных дверей. Обнаружив на кухне свет, она резко сказала пунинской домработнице: «Погасить сейчас же. Это квартира коммунальная, и я не хочу из-за вас сидеть в лагере». Я в первый раз слышала, чтоб она говорила с кем-нибудь в таком резком и раздраженном тоне.

У дверей, прощаясь со мной и Люшей, она сказала:

— Сегодня день его рождения.

3 октября 40

Вчера вечером Анна Андреевна позвонила мне, что придет. У меня сидел Коля Давиденков, мы работали над его рукописью. Когда подняли голову — был час ночи: Анна Андреевна не пришла.

Сегодня с утра я отправилась к ней узнать, что случилось. В комнате старик-маляр замазывал окно. Анна Андреевна лежала на диване, под толстым одеялом, с желтым лицом — какая-то маленькая, сухая.

— Извините меня. Я вчера вышла к вам, дошла до Невского и повернула обратно: увидела часы, и на них оказалось без двадцати двенадцать. А я думала — семь.

— Вы спали сегодня?

---

* Какое-то дурное известие о Леве.

— Нет.

Я извинилась, что еще не раздобыла газету.

На стуле возле Анны Андреевны лежал томик Багрицкого, издания Малой серии.

Она спросила меня, знаю ли я стихи Багрицкого и что о них думаю.

Я ответила: знаю, но не думаю ничего, потому что они как-то проходят мимо меня, не трогая и не задевая.

— Совсем неинтересно, — согласилась Анна Андреевна. — Я читаю впервые. Меня поразила поэма «Февраль»: позорнейшее оплевывание революции.

И она очень методически, подробно, медленно пересказала мне своими словами сюжет и содержание этой поэмы.[91]

— Удивляюсь редактору книги. Зачем было это печатать? А вступительная статья Гринберга! Какая безответственность! Он пишет, будто в 1915 году во всех журналах царили акмеисты. Каждый школьник знает, что 15-й год — это Блок, Сологуб, Брюсов, Белый. Акмеистам в 15 году было негде печататься.

Я собралась уходить, но завыли сирены, закричало радио — началась воздушная тревога.

— Голос беды — сказала Анна Андреевна.

Она попросила включить чайник. Я нашла в шкафчике кусок окаменелого хлеба, нашла сахар, вымыла чашки и ложки. Рассказала ей замысел своей статьи о Зощенко: статья будет о том, что Зощенко — писатель-моралист, занятый главным образом этическими проблемами, и о том, как ставит он эти проблемы в рассказах для детей.[92]

Анна Андреевна перебила меня.

— Как это странно! То же самое про этику, про моральное напряжение говорил мне когда-то Хлебников обо мне... Вы подумайте: Хлебников обо мне!

Труба заиграла отбой. Бодрые звуки эти очень шли золотым листьям за окном, яркому солнцу, синеве.

Я простилась.

8 октября 40

Вчера я была в гостях у Анны Андреевны. Впечатление смутное и тяжелое. Когда я вошла, она стояла на коленях у сундука, выкладывая на пол какие-то книги и рисунки. Объяснила, что ищет маленький пейзаж, который хочет подарить Владимиру Георгиевичу. Нашла рисунок: лодочка, озеро, отражение холма в воде... (Подписи художника я не разглядела хорошенько; может быть, Воинов.) И только когда она поднялась с колен и села на свое обычное место — я увидела, что у нее искаженное лицо, какое-то отекшее и осунувшееся. Такое лицо было у нее в прошлогоднем августе, когда она провожала Леву.

Скоро пришел гость — некто из Эрмитажа. Он рассказал о болезни Орбели: у Орбели гайморит, врачи настаивают на операции, а он отказывается.

— Что же будет? — спросила я.

Анна Андреевна все время слушала очень рассеянно, молча сидела и думала о чем-то своем. Но на мой вопрос ответила энергично и с гневом:

— Будет — смерть. Вот наказание за трусость!

13 октября 40

Вчера вечером Анна Андреевна позвонила мне и очень настойчиво попросила придти. Я отменила работу с Колей Давиденковым и пошла к ней по проливному дождю.

Комната имеет вид пустой, просторной, тщательно прибранной. У Анны Андреевны белые глаза и синие губы. Глаза ввалились, глазницы, как ямы. Усадила меня на диван:

— Я письмо получила. Сегодня. В восемь часов утра. Не получать писем худо — три месяца не было ни строки, — а получать еще хуже.

Прочитала мне письмо вслух. Голос напряженный: «Жизнь, кажется, висит на волоске»*. Когда она кончила, на глазах у нее были слезы.

---

* Строка из стихотворения «Муза»; *№ 6.*

А ей ведь предстоит известить Леву о новой неудаче!

Я спросила, какие у нее еще новости.

— Да так, смешные пустяки. — И протянула мне маленькую бумажку. Там, на машинке, с пропуском места для вписанной от руки фамилии, настукано предложение прислать стихи для какого-то сборника — «стихи 39—40 гг.». Бумажка серийного производства. Однако я обрадовалась и такой: она не была бы послана, если бы имя Анны Ахматовой стало уже совсем одиозным.

Анна Андреевна включила чайник. Тут я поняла свою глупость: по дороге я ничего не купила, а к чаю нет ничего решительно. Я отправилась покупать.

Когда я воротилась с пакетами, на диване возле Анны Андреевны сидела Срезневская.[93] На ней была знаменитая лазурная шаль Анны Андреевны. Мы начали пить чай. Валерия Сергеевна звучным своим голосом, русским говорком пустилась в воспоминания. Говорит она хорошо, красочно, иногда ее замечания тонки, но она слишком часто вставляет в речь словечко «понимаете» и слишком у нее в ходу «исключительно» и «замечательно».

Она говорила: «Теперь старые дамы пытаются присоседиться к Ане. Недавно я слышала об одной, которая у кого-то отняла твою книгу, потому, мол, что у нее и с книгой и с тобой “столько связано”: вы обе любили одного человека и она его тебе отдала».

— Это Владимира Казимировича, — засмеялась Анна Андреевна. — Какая чушь.

— Он был исключительно, непередаваемо красив, — воскликнула с энтузиазмом Валерия Сергеевна. — Высокий, стройный. Лепка головы просто античная. А какой он был гений.

Я опасалась сначала, что Анне Андреевне эта болтовня неприятна, — нет, она охотно слушала и вставляла словечки.

Заговорили о том, как недостоверны воспоминания. Срезневская: «Вот, например, Голлербах. Ну что он может помнить и что понимать? Это мы хорошо помним кондитерскую его матери. У нее была целая куча детей,

и Эрка бегал — schneller!* — теряя калоши. Не правда ли, Аня, мы никак не предполагали тогда, что это будущий искусствовед?[94] Ну что он может помнить?.. Мы еще там леденцы покупали — ты помнишь, Аня?»

— Он сделал так, — сказала Анна Андреевна, — женился на второй жене мужа моей покойной сестры. И овладел моими письмами и дневником сестры**.

Потом они вспоминали извозчика в Царском, который обернулся и что-то сказал им смешное***; потом — няню Валерии Сергеевны, которая чудесно говорила по-русски, носила власяницу и дружила со скопцом Федькой; потом — мать Анны Андреевны.

— Твоя няня, — сказала Анна Андреевна, — все удивлялась, как это Коля на мне женился: горбоносая, худая, ничего в ней нет. А Коля — первый жених в Царском. Это понятно. Она ведь, как и все они там, сильно почитала Колину мать. Анна Ивановна была хозяйкой, не то что наши мамы.

«Да уж, твоя мама совсем ничего не умела в жизни. Представьте, Лидия Корнеевна, из старой дворянской семьи, а уехала на курсы. Как она собиралась жить — непонятно».

— Не только на курсы, — поправила Анна Андреевна, — она стала членом народовольческого кружка. Уж куда революционнее.

«Представьте, Лидия Корнеевна, маленькая женщина, розовая, с исключительным цветом лица, светловолосая, с исключительными руками».

— Чудные белые ручки! — вставила Анна Андреевна.

«Необыкновенный французский язык, — продолжала Срезневская, — вечно падающее пенсне, и ничего, ну

---

* Быстрее (*немецк.*).

** Речь идет о письмах Анны Ахматовой к С.В.Штейну. Впервые они были напечатаны за границей в 1977 году — см.: «Ахматова. Ардис». В Советском Союзе — в журнале «Новый мир» (1986, № 9). Публикация Э. Г. Герштейн.

*** Извозчик сказал: «Ревнивая обида у вас, барышни» (сообщила мне, со слов Анны Андреевны, М.С.Петровых в 1968 году).

ровно ничего не умела... А твой отец! Красивый, высокий, стройный, одет всегда с иголочки, цилиндр слегка набок, как носили при Наполеоне III, и говорил про жену Наполеона: "Евгения была недурна"»...

— Он видел ее в Константинополе, — вставила Анна Андреевна, — и находил, что она — самая красивая женщина в мире.

Потом речь зашла почему-то о руках Николая Степановича: «Бессмертные руки!» — сказала Валерия Сергеевна.

Заговорили о деревне, потом о крестьянах, украинских и русских.

— Униженно держались только украинские крестьяне, — сказала Анна Андреевна. — Они были развращены польскими помещиками. Я сама видела там, как едет управляющий в красных перчатках и семидесятилетние старухи его в эти перчатки целуют. Омерзительно! А в Тверской губернии совсем не то — полное достоинство.

И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб, —

произнесла Валерия Сергеевна*.

Опять вернулись к воспоминаниям и к будущей биографии.

«Я знаю одну даму, которая, в подтверждение легенды о твоем романе с Блоком, ссылалась на строчки: «Ты письмо мое, милый, не комкай, / До конца его, друг, прочти. / Надоело мне быть незнакомкой, / Быть чужой на твоем пути»**.

Валерия Сергеевна не удержалась и со вздохом добавила:

«Вот так будут писаться *наши* биографии».

Я глянула на часы — оказалось два. Мы вышли вместе. Пока мы шли через двор, Валерия Сергеевна продолжала говорить о воспоминаниях и биографиях.

---

* Строки из стихотворения «Ты знаешь, я томлюсь в неволе» — БВ, Четки.

** БВ, Четки.

— Голлербах что-то пишет, а обо мне и понятия не имеет, — какой у меня материал. Ведь мы учились вместе с Аней в гимназии, у меня она жила, когда ушла от Коли... Ах, какая у меня была исключительная, совершенно особенная дружба с Колей... Но я ни для кого не доступна, Голлербаху до меня не добраться. Я ни для кого не доступна, кроме самых первоклассных людей.

Мы простились.

17 октября 40

Вчера вечером Анна Андреевна пришла ко мне в гости. В черном шелковом платье, в белом ожерелье, нарядная. Но грустная и очень рассеянная.

У меня была Муся*.

Анна Андреевна сидела очень прямо на краю дивана, не усаживаясь, как обычно, поглубже, молча курила и молча пила чай.

Высмотрела на полке книжечку стихов Симонова и попросила меня почитать вслух. Я прочитала два стихотворения: «Транссибирский экспресс» и «Чемодан». Я спросила у нее, почему вот в «Экспрессе» все как будто есть, а тем не менее — плохие стихи. Она поморщилась:

— Мелко... мелко... и какую обильную дань он собрал с Пастернака!

Я прочитала вслух «Историю болезни» Зощенко. Она, к моему удивлению, не смеялась, но, когда я окончила, сказала:

— Очень хорошо. Отлично.

Я попросила ее объяснить, почему она не любит Чехова?

— Прежде всего я не люблю его драматургию. Театр — это зрелище. А драмы Чехова — это совершенное разложение театра. Но не в этом дело. Я не люблю его потому, что все люди у него жалкие, не знающие подвига. И положение у всех безвыходное. Я не люблю такой литературы. Я понимаю, что эти черты чеховского творчества обусловлены временем, но все равно — не люблю.

---

* Муся — Мария Яковлевна Варшавская. О ней см. [95].

И Художественный театр — тоже. Особенно когда они ставят Шекспира. Им Шекспира совсем трогать нельзя. Они не понимают, как к нему подойти, он не для них. Даже Михаил Чехов, гениальный актер, — я не могу забыть Эрика — в «Гамлете» плох... Я никогда Художественного театра не любила. Один раз пошли мы с Володей Шилейко на какой-то чеховский спектакль. Он мне в антракте говорит: «Ты видела? Там мышка на сцену выскочила. Интересно, это она случайно или так требуется по режиссерскому замыслу?»

Анна Андреевна была в этот вечер очень неразговорчивая. Говорила, только отвечая на вопрос. Я спросила, правда ли, что, как мне рассказывал Корней Иванович, в молодости она занималась гимнастикой.

— Нет, гимнастикой я не занималась. Это, наверное, К. И. имеет в виду фокусы, которые я показывала. Я могла, изогнувшись, коснуться затылком пола. Могла лечь на живот и прислонить голову к ногам. Безо всякой тренировки мне давались такие вещи, которые обычно достигаются только упорной, ежедневной тренировкой. Циркачи говорили, что, если бы я с детства пошла учиться в цирк, — у меня было бы мировое имя.

Опять замолчали. Потом Муся призналась, что пробует читать «Улисса», но не понимает его.

— Изумительная книга. Великая книга, — сказала Анна Андреевна. — Вы не понимаете ее потому, что у вас времени нет. А у меня было много времени, я читала по пять часов в день и прочла шесть раз. Сначала у меня тоже было такое чувство, будто я не понимаю, а потом все постепенно проступало, — знаете, как фотография, которую проявляют. Хемингуэй, Дос Пассос вышли из него. Они все питаются крохами с его стола.

— А Хемингуэя вы любите? — спросила Муся.

— Очень. Лучшая его вещь — «Снега Килиманджаро».

Она поднялась, вышла в переднюю, надела пальто — и тут обнаружила, обыскав карманы, что оставила дома ключи от квартиры и от комнаты. Позвонила Николаю

Николаевичу («говорит Ахматова») и попросила его открыть ей входную дверь.

Я отправилась ее провожать, проводила до верха и подождала, пока ей открыли. Вернувшись домой, позвонила ей по телефону, чтобы узнать, удалось ли ей попасть к себе в комнату? Удалось; дверь открыли с помощью отмычки.

В ответ она спросила, не оставила ли она ключи у меня на диване.

Так и оказалось.

Сегодня около часу дня я отправилась отнести ей ключи.

Лежит; растрепанные волосы, толстое одеяло без простыни — все, как всегда. Но сегодня она живее, бодрее, чем была вчера. Скинула со стула охапку белья и предложила мне сесть.

— Вы вчера были чем-то дополнительно огорчены? — спросила я.

— Да,— ответила она, не объясняя.

Предложила мне посмотреть пушкинские тетради, только что ею полученные. Красивый футляр, потом почерк Пушкина. Перелистывая тетрадь комментариев, я наткнулась на ее заметку.

— Надо ее прочесть,— сказала я.

— Нет, нет, совсем не надо! — закричала Анна Андреевна. — Это собачий бред, мура! (Я ужасно люблю слышать из ее уст такие словечки.) Чудаки пушкинисты! Вот Бонди построил весь свой комментарий на полемике с Измайловым. Ну кому это надо? Они так вгрызлись друг в друга, что совсем уже ничего не понимают.

Потом она рассказала мне о посещении Пуц.* Действительно, по-видимому, пренеприятный господин.

— Сегодня он должен звонить, — продолжала Анна Андреевна. — Я скажу ему, что позировать раздумала. Скажу ему, что друзья не советуют: очень уж старая стала.

— Но тогда он будет галантно возражать.

---

* — ?

— Ничего он не будет. Я повешу трубку.

Я сказала, что слава имеет, видно, свои худые стороны.

— О, да! — весело подтвердила Анна Андреевна, — когда едешь в мягком ландо, под маленьким зонтиком, с большой собакой рядом на сиденье и все говорят: «вот Ахматова», — это одно. Но когда стоишь во дворе, под мокрым снегом, в очереди за селедками, и пахнет селедками так пронзительно, что и туфли, и пальто будут пахнуть еще десять дней, и вдруг сзади кто-то произносит: «Свежо и остро пахли морем на блюде устрицы во льду»* — это совсем, совсем другое. Меня такое зло взяло, что я даже не оглянулась.

Я спросила, выздоровел ли Баранов и смотрел ли ее. (Она ведь собралась лечиться, лечь в больницу.)

— Не знаю. Но лечиться я больше не стану. Это слишком большого напряжения требует.

— Но вы же сами, Анна Андреевна, бранили меня и уверяли, что лежать в больнице даже приятно!

— А теперь я лечиться не буду. После отказа я решила не лечиться.

22 октября 40

Вечер. Анна Андреевна выглядит чуть получше и лежит в белом платье на своем диване. Встретила меня ласково, радостно. Показала мне неизданного Хлебникова, полученного ею только что в подарок от Николая Ивановича.

— Прекрасная работа, блестящая. Но знаете что: я прихожу к убеждению, все более и более, что история литературы — это такие всё мнимости! Вот даже тут, в прекрасной работе Николая Ивановича, это видно. Хлебников поносит Сологуба, Арцыбашева, Блока. Николай Иванович разъясняет, что это, мол, была борьба с символистами. Вздор! Какой же Арцыбашев символист? И никакой осознанной борьбы с символизмом у

* Строки из стихотворения «Звенела музыка в саду» — БВ, Четки.

Хлебникова вовсе не было. Они боролись со всеми известными тогда людьми, чтобы место расчистить... Тут от Хлебникова и Корнею Ивановичу достается. И это, конечно, тоже в плане борьбы с известностью. Возьмите Маяковского. Теперь вот говорят и пишут, что он любил мои стихи. А публично он всегда ругал меня... Им надо было вырубить лес, и они вырубали вершинки повыше.

Рассказала, возмущаясь, о домысле Максимова.[96]

— Собачий бред! Мура! И это говорит специалист. Нет, в пушкинизме такого уже не может быть. Пушкинизм — это действительно точное знание. У Пушкина, например, есть письмо к Дмитриеву, очень учтивое. Но мы уже поняли, что значит эта учтивость, пушкинисты осведомлены прекрасно, что для Пушкина Дмитриев был падалью.

Я часто жаловалась ей на свою неспособность понять прелесть Хлебникова. Она вспомнила об этом, изогнулась, добыла со стула очки и старый том Хлебникова и, строгая, в очках, облокотясь на подушку, медленно прочитала два стихотворения: «Правителем не буду» и «А пение и слезы». Потом дала мне самой прочитать вслух третье: о горах, о поездке, о проводнике.[97]

— Поняли?

— Да, — ответила я неуверенно и решилась заметить, что моему уху мешает отсутствие определенного ритма, что чередование слов и движение стиха представляются мне произвольными, я не чувствую в них обязательности, что мне кажется, будто это заготовки для стихов, еще не написанных, и что, по-моему, или стихи Жуковского — стихи, или это — стихи.

— Ну что вы! Ну как можно так говорить! Это все увидено как бы в первый раз, первоначально. Поэты знают, до чего это трудно: писать, как говорит Борис Леонидович, «без поэтической грязи»...

— Я очень люблю Хлебникова,— продолжала она, — но не во все периоды его. У него ведь много периодов, не то что у Пастернака. Я терпеть не могу раннего Хлеб-

никова, славянского. Вы Ремизова любите? Нет? Я тоже. Что за безвкусица, что за чепуха! Я как прочту «Лель» — так мне тошно станет. Какой Лель, откуда? Вот и у Хлебникова есть период Леля, который я не люблю.

Мы сели пить чай. Разговор зашел о Крыме, о море. Анна Андреевна сказала:

— Я недавно перечла «У самого моря» и подумала: понятно ли, что героиня не девушка, а девочка?

— Я думала — девушка шестнадцати-семнадцати лет.

— Нет, именно девочка, лет тринадцати... Вы не можете себе представить, каким чудовищем я была в те годы. Вы знаете, в каком виде тогда барышни ездили на пляж? Корсет, сверху лиф, две юбки — одна из них крахмальная — и шелковое платье. Наденет резиновую туфельку и особую шапочку, войдет в воду, плеснет на себя — и на берег. И тут появлялось чудовище — я — в платье на голом теле, босая. Я прыгала в море и уплывала часа на два. Возвращалась, надевала платье на мокрое тело — платье от соли торчало на мне колом... И так, кудлатая, мокрая, бежала домой.

— Вы, наверное, очень скучаете без моря?

— Нет. Я его помню. Оно всегда со мной... У меня и тогда уже был очень скверный характер. Мама часто посылала нас, детей, в Херсонес на базар, за арбузами и дынями. В сущности, это было рискованно: мы выходили в открытое море. И вот однажды на обратном пути дети стали настаивать, чтобы я тоже гребла. А я была очень ленива и грести не хотела. Отказалась. Они меня бранили, а потом начали смеяться надо мной — говорили друг другу: вот везем арбузы и Аню. Я обиделась. Я стала на борт и выпрыгнула в море. Они даже не оглянулись, поехали дальше. Мама спросила их: «а где же Аня?» — «Выбросилась». А я доплыла, хотя все это случилось очень далеко от берега...

27 октября 40

Анна Андреевна просила зайти ее навестить. Я отправилась с Люшей. Она спала, но Николай Николаевич, от-

крывший нам дверь, сказал, что она просила непременно разбудить ее, когда мы придем.

Она была очень приветлива, ласкова, хотя, мне кажется, не совсем проснулась.

Осведомилась о Люшиных отметках в четверти, потом, что́ она читает. Люшенька перечитывает «Хижину дяди Тома». Я спросила у Анны Андреевны, любит ли она эту книгу.

— Я не могла ее прочесть — серьезно ответила Анна Андреевна. — Мне было слишком жалко негров.

Я спросила ее, что она читает теперь.

— «Деяния»,— как-то неохотно ответила она.

Я спросила ее, решилась ли она переехать ко мне*.

— Нет. Николай Николаевич сейчас очень определенно напомнил мне мое обещание не передавать комнату людям, ему неизвестным.

Настаивать я не стала. Мы ушли.

7 *ноября 40*

У Анны Андреевны бронхит, насморк, а ночью был сердечный приступ. Я пошла ее навещать. Она ровна, спокойна, грустна. Таня, которая собиралась менять свою комнату, остается; Анна Андреевна рада, что не увозят детей. Попросила меня принести для Вовочки «Мойдодыра».

Я осведомилась, что она читает.

— Хлебникова,— ответила она. — Знаете, поразительна в нем его наивность. Ведь он был уверен, что чуть только люди прочтут его стихи — сразу все всё поймут и сразу всё изменится. Поэтому он очень стремился печататься.

Мы заговорили о мемуарах Белого. Она отозвалась о них — уже не впервые — с негодованием:

— Лживые, сознательно лживые мемуары, в которых все искажено — и роли людей, и события.

---

* В это время в комнате Матвея Петровича жил уже не Катышев (НКВД), жили обыкновенные студенты, с которыми можно было обменяться законным порядком.

Я сказала, что мне всегда неприятно все, написанное Белым о Блоке: будто бы благоговеет, а на самом деле осуждает. Она ответила:

— Прежде считалось неприличным писать о ком-либо, находясь в том положении относительно Блока, в каком находился Белый... Ведь не стали бы печатать мемуары Дантеса о Пушкине, не правда ли?

(Я не сразу поняла ее замечание. Поняла только по дороге домой.)

Она прочитала мне три стихотворения, из них два маленькие и страшные: «Но я предупреждаю вас», «Нет, это не я страдаю»*, а третье — это «Так отлетают темные души» уже без пропусков.

Я включила чайник. Кроме чаю нет ничего — совсем ничего. «Таня хворает и не ходит покупать»,— объяснила Анна Андреевна. Пили мы пустой чай.

13 ноября 40

Я застала Анну Андреевну на ногах. Она осунувшаяся, постаревшая. Левая нога заметно отекла. Покашливает.

За столом сидел Валя и отыскивал по карте реку Индигирку.

Анна Андреевна стояла у жарко натопленной печки. Валя скоро ушел. Иногда Анна Андреевна усаживалась на диван, ближе ко мне.

— Я сейчас много перечитываю Пастернака, — сказала Анна Андреевна. — И, мне кажется, я наконец нашла то, что так долго искала: периоды. Они есть. Сначала он писал без оглядки, бродил, пенился, кипел, переливался через край, а потом стал сужаться, будто задумываться. Его стихотворение, посвященное мне, да и Марине Цветаевой,—это все написано с какой-то сдержанностью, а дальше у́же пошло́.

Я сказала, что в детстве никак не могла понять, что означает стихотворение Блока, посвященное ей.

* «Но я предупреждаю вас» — БВ, Седьмая книга; *№ 52*. «Нет, это не я, это кто-то другой страдает» — «Реквием», 3; *№ 53*.

— А я и сейчас не понимаю. И никто не понимает. Одно ясно, что оно написано вот так, — она сделала ладонями отстраняющее движение: «не тронь меня».

— Вы любите «Возмездие»?

— Терпеть не могу первую главу. Вообще все не люблю, кроме Вступления и Варшавы. Великолепная Варшава, пан Мороз... Вот у кого были отчетливые периоды — это у Блока. «Нечаянная радость» и «Снежная маска» — это ведь было совсем новое. В 16-м году он перестал писать. Потом «Двенадцать», «Скифы» — и конец. То, что он писал для «Всемирной литературы» и «Большого драматического»,— это уже не блоковские вещи.

Она подошла к комоду и вытащила из ящика конверт.

— Я не читала вам письма́ Бориса Леонидовича? Садитесь сюда. Я вам прочту.

Мы сели рядом на диване.

— Хвостатый почерк, — сказала я, рассматривая адрес на конверте.

— Не хвостатый — крылатый, — поправила меня Анна Андреевна. — Летучий.

Она читала мне вслух, далеко отстранив бумагу от лица и иногда показывая мне мизинцем слово, которое не могла разобрать. Письмо великолепное, пастернаковское, и очень трогательное — особенно одно место, где он говорит ей, что она — создатель того, что делает жизнь ценной для других, и потому не может быть и не должно быть, чтобы она не любила жизнь.

— Какой он добрый, милый, как он хочет мне помочь, — сказала Анна Андреевна. — Но какой он дикий! Во-первых, он компрометирует меня как женщину. Да, да! — Она засмеялась.— Я так и вижу дурацкую морду комментатора, который выводит из этого письма Бог знает что. Нет, вы не смейтесь, а слушайте: «Своим приездом Вы так категорически напомнили мне, как Вы мне дороги» — и дальше объясняет, почему он не мог проводить со мной целые дни и т. д. Непременно выведет. Мы же видим, что́ комментаторы из других писем выводят.[98]

Она припомнила, как в один из ее приездов в Москву Борис Леонидович навещал ее у Нины Антоновны.

— Нина Антоновна мне потом говорит: «Вы провожали его до дверей, а он застрял в передней. Вы подталкиваете его к дверям, а он все не уходит и продолжает произносить гениальное».

— Вы любите «Девятьсот пятый год»? — спросила она, помолчав.

— Да.

— Всё любите?

Я сказала, что люблю всё, кроме, пожалуй, «Мужиков и фабричных».

— А я очень не люблю Шмидта, кроме отдельных небольших кусков. Ведь он там, в сущности, ни о чем, кроме погоды, не пишет. Что я люблю, это «Отцы». Ах, до чего это хорошо!

Я сказала, что очень люблю «Детство». Она согласилась.

Она взяла с кресла какой-то конверт.

— Я вам хочу показать стихи и письмо двух барышень, которые я вчера получила. Они просят моего мнения. Владимир Георгиевич послал им открытку от моего имени, чтобы они пришли в воскресенье. Напрасно, по-моему. Прочтите и скажите, что вы думаете.

Я прочла. Письмо бесцветное. У одной стихи гладенькие, у другой поугловатей и получше. Мы стали гадать, которая из них как выглядит, и Анна Андреевна высказала предположение, что та, у которой стихи погрустнее и поугловатей, — некрасивая.

Анна Андреевна включила чайник, потом вдруг, будто припомнив что-то, остановилась передо мной, подойдя почти вплотную.

— Знаете, я за эти дни поняла, что я сама во всем виновата. Во всем, что случилось с книгой. ЦК совершенно прав, а я виновата. Да, да. Они хотели напечатать мои стихи. Издательство отобрало стихи и отвезло в Москву. Там утвердили. Тогда я самовольно включила туда но-

вые, да еще поставила на первый план самое грустное стихотворение*, да еще назвала его именем весь отдел. Потом редактор включил еще около тридцати старых стихотворений. И получилась книга, вовсе не похожая на ту, которую разрешили и хотели видеть. Не спорьте, пожалуйста. Все было именно так.**

Тщетно я напоминала ей, что новые стихи включала не она, что их у нее редакция выпрашивала, вымаливала, что никто не знал, какую именно книгу *хотели* ви-

---

* «Ива»; *№ 10*. В сборнике «Из шести книг» существовал отдел «Ива», открывавшийся этим стихотворением. Впоследствии (в БВ) тот же отдел получил название: «Тростник».

** В настоящее время причины неудовольствия властей по поводу сборника стихов Анны Ахматовой «Из шести книг» стали известны во всех подробностях. В 1994 году опубликованы документы по истории советской цензуры. (См.: «Литературный фронт». История политической цензуры 1932—1946 гг. М.: Изд-во «Энциклопедия советских деревень».) Книга Ахматовой вышла в свет в 1940 году, в мае, а в сентябре того же года управляющий делами ЦК ВКП(б) Д.В.Крупин подал члену политбюро А.А.Жданову записку, в которой перечислены все недопустимые черты творчества, присущие Ахматовой: никакого отклика на советскую действительность — это раз и, главное, проповедь религии. Им был прилежно составлен целый список упоминаний о Боге, ангелах, литургии, иконах, храмах, о «белом рае» и пр. в стихотворениях Ахматовой. Жданов потребовал сообщить ему имена лиц, виноватых в выпуске книги. Список представили в ЦК — Г.Ф.Александров и Д.А.Поликарпов. (О них см. «Записки», т. 2.) На многих из перечисленных лиц были наложены партийные взыскания. Ответом на эти рапорты явилось специальное постановление ЦК, осуждающее сборник и кончающееся грозным приговором: книгу изъять. Однако изъятие запоздало: книга Ахматовой была с восторгом раскуплена читателями в течение нескольких дней.

Постановление ЦК 1940 года явилось прообразом рокового постановления 46-го.

деть, что все жили слухами и т. д.— она стояла на своем и сердилась. Тут я столкнулась вплотную с той железной логикой, развернутой на основе неизвестного или даже не бывшего факта, о которой говорил мне Владимир Георгиевич.

— И если бы я этого не сделала,— закончила Анна Андреевна, — Лева был бы дома.

Я смолкла.

Мы сели пить чай. Я кляла себя, что не умею разубеждать.

Анна Андреевна заговорила о другом.

— Каждый раз, как Л.* приходит, она непременно что-нибудь не то скажет. Она была вчера. Заговорили о стихотворении «Побег»**. Л. сказала, что стихотворение это очень петербургское. И вдруг добавила: «Впрочем, про ваши стихи давно говорят, что они скорее царскосельские, чем петербургские». И из того, что она не пожелала назвать имя человека, который говорит это, — ясно: это кто-то, знакомый мне. Я думаю — Р.*** Маленький сноб из салона Кузмина. Там еще и не такое говорили... Впрочем, это мнение не литературного, а близлитературного круга. Я узнаю по запаху.

Она произнесла все это очень сердито.

— Они этим хотят сказать, что стихи провинциальные. Они не знают, что жить в Царском Селе считалось гораздо столичнее, чем в Ротах или на Васильевском Острове. Но не в этом дело.

Потом она из ящика достала пачку бумаг и попросила меня сесть рядом с ней на диван.

— Я вам этого не читала, потому что оно казалось мне недостаточно внятным. Оно не кончено. А написано мною давно — 3 сентября.

Прочитала о Достоевском.

— Скажите, а это не похоже на «Отцы»?

— Нет. Совсем другой звук, — ответила я.

---

* По-видимому, Лотта.

** «Побег» — ББП, с. 100.

*** Р. — ?

— Это самое главное, чтобы был другой звук, — сказала Анна Андреевна*.

Потом прочла о кукле и Пьеро. Я рот открыла от изумления, до того это на нее непохоже.

— А между этими двумя будут «Пятнадцатилетние руки» — объяснила Анна Андреевна.

— Это у вас какой-то совсем новый период, — сказала я**.

---

* По-видимому, начало той элегии — «Россия Достоевского. Луна...», которая впоследствии обрела название «Предыстория». Хотя элегия в БВ помечена 1945 годом («Седьмая книга»), но начата в Ленинграде до войны и окончена в Ташкенте.

«Отцы» — название одной из глав поэмы Б. Пастернака «Девятьсот пятый год». Недаром она в поэме первая — в ней говорится не о 1905 годе, а, как и в «Предыстории» Ахматовой, об эпохе 70—80-х годов — эпохе, предшествующей рождению и Ахматовой и Пастернака, совпадающей с молодостью их отцов и матерей.

** В действительности то, что обозначено мною здесь как «Кукла и Пьеро», было первым ростком грядущей «Поэмы без героя».

Позднее, в предисловии к «Поэме», Ахматова сообщила: «Первый раз она пришла ко мне в ночь на 27 декабря 1940 года, прислав мне, *как вестника, еще осенью один небольшой отрывок»* (Курсив мой.— *Л.Ч.*). На основании своей записи о «Кукле и Пьеро», сделанной 13.XI.40 года, полагаю, что услышанный мною тогда отрывок и был этим осенним «вестником».

В окончательном тексте «Поэмы» отрывок претерпел некоторые изменения. В первом же варианте «Поэмы», в рукописи, подаренной мне Анной Андреевной в Ташкенте осенью 1942 года, он вполне соответствовал услышанному мною 13 ноября в Ленинграде. Привожу его:

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О, мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!
Что глядишь ты так смутно и зорко?—
Петербургская кукла, актерка,
Ты — один из моих двойников.

Она сидела уже не на диване, а в своем ободранном кресле, грустно и трогательно раскинув руки. Заговорили почему-то о Мицкевиче. Я сказала, что гневные стихи Мицкевича против Пушкина, в сущности, справедливы, и Пушкину, чтобы ответить с достоинством, только и оставалось, что отвечать с надзвездной высоты.

К прочим титулам надо и этот
Приписать. О, подруга поэтов!
Я — наследница славы твоей.
Здесь под музыку дивного мэтра,
Ленинградского дикого ветра,
Вижу танец придворных костей.

. . .

Оплывают венчальные свечи,
Под фатой поцелуйные плечи,
Храм гремел: «Голубица, гряди!»
Горы пармских фиалок в апреле
И свиданье в Мальтийской Капелле,
Как отрава в твоей груди.
Дом пестрей комедьянтской фуры,
Облупившиеся амуры
Охраняют Венерин алтарь.
Спальню ты убрала, как беседку.
Деревенскую девку-соседку
Не узнает веселый скобарь...
И подсвечники золотые,
И на стенах лазурных святые —
Полукрадено это добро.
Вся в цветах, как «Весна» Боттичелли,
Ты друзей принимала в постели
И томился дежурный Пьеро.

Из текста моей записи явствует: говоря со мною 13 ноября 1940 года о будущем цикле и указывая предполагаемую последовательность стихотворений, А. А. сама еще не знала, что продолжает работать над «Северными элегиями» и начинает — над «Поэмой».

(В подаренной мне тетради, после многих перечеркиваний, зачеркиваний и стираний резинкой, написано: «Храм гремел». Думаю, это описка; следует «гремит».)

— Вы не правы,— сказала Анна Андреевна.— Пушкин вел себя гораздо лучше, чем Мицкевич. Пушкин писал, как русский, а Мицкевич звал поляков на бой, а сам сидел в Германии и разводил романы с немочками. Это во время восстания!

Я сказала, что передовые русские люди не сочувствовали все-таки стихам Пушкина о Варшаве. Например, Вяземский.

— Я и сама в этом деле скорее на стороне поляков, чем Пушкина, — ответила Анна Андреевна, — но Пушкин со своей точки зрения был прав. А Вяземский не пример, Вяземский вообще втайне не любил Пушкина. Вот и записал потихоньку в старую записную книжку — для потомков.

Я поднялась. Провожая меня, Анна Андреевна говорила:

— Мною написана целая работа о Мицкевиче, о том, что Пушкин изобразил в «Египетских ночах», в импровизаторе — его. Это безусловно так. Пушкин ведь никогда не описывал внешности своих героев. «Офицер с черными усами» — и все. Только Пугачеву и Хлопуше он дал внешность — подлинную, историческую. И вот импровизатору — внешность Мицкевича. И третья тема на вечере, малопонятная, предложена им самим — импровизатором, Мицкевичем*.

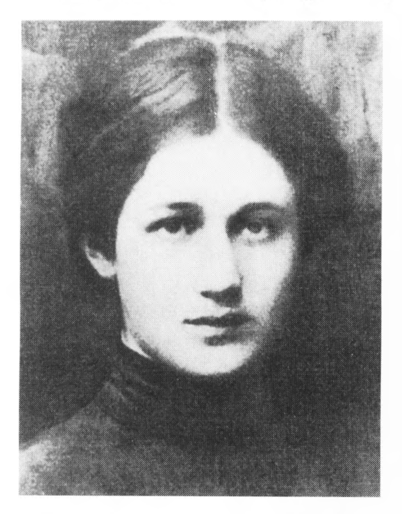
Я спросила, почему она не печатает эту работу.

— Сейчас не время обижать поляков. И тогда, когда я написала ее, тоже было не время.

22 ноября 40

— Валя сошла с ума. Я дежурила там три дня — такими словами встретила меня вчера Анна Андреевна, открыв мне дверь. И у себя в комнате, не садясь, продолжала: — Мы отправили ее в больницу.

* Окончательный вариант статьи Ахматовой «Пушкин и Мицкевич» пропал во время блокады. Работая над статьей «Две новые повести Пушкина», Ахматова включила в нее свои заметки о польском и русском поэте. Подробнее см. комментарий Э.Г.Герштейн в кн. — ОП, с. 303.

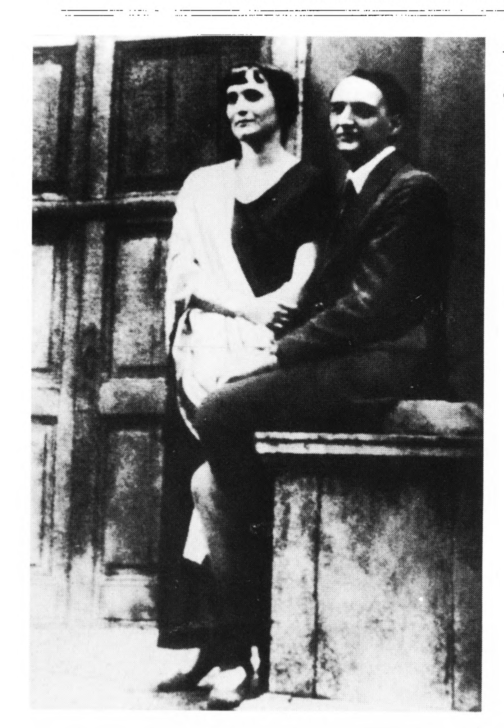
Аня Горенко. 1904. Царское село

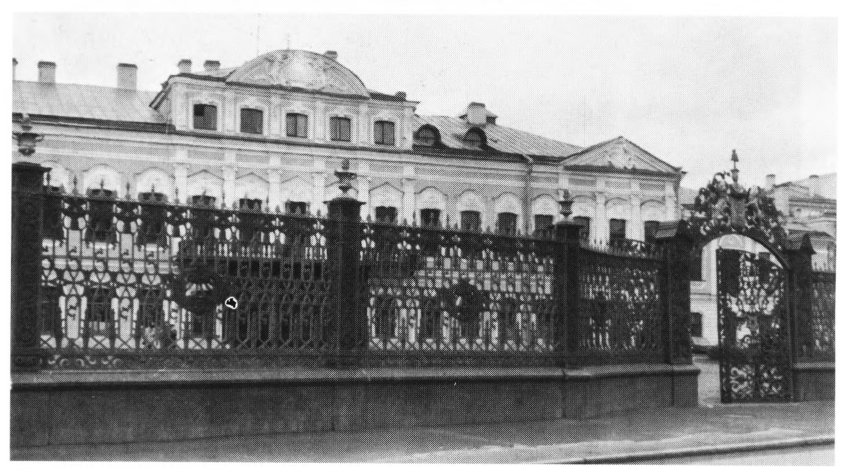
Анна Ахматова. 1911. Севастополь

Николай Степанович Гумилев, Анна Андреевна Ахматова и маленький Лева. 1916. Царское село

Ахматова и Пунин.
1927. Ленинград.
Снимал П.Лукницкий

Фонтанный Дом – бывший дворец Шереметевых, в одном из флигелей которого Анна Ахматова прожила, с 1921 года, почти тридцать лет.
В этом здании в 30-е годы помещался «Дом Занимательной Науки»

Анна Ахматова. Лето 1936. Старки. Снимал Л.Горнунг

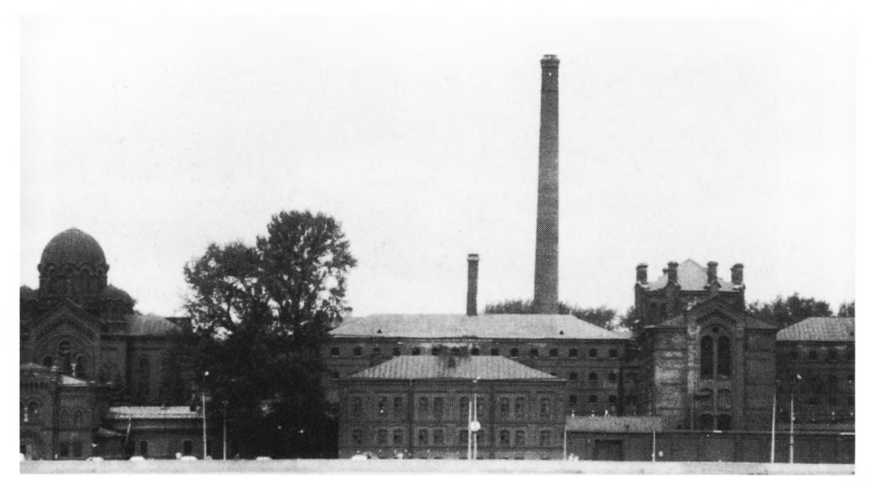
Дом у Пяти Углов – Загородный проспект, 11,
где в квартире № 4 жили Л.К.Чуковская и М.П.Бронштейн

Лидия Чуковская. 1938. Киев. Снимал Исидор Петрович Бронштейн

Дом Предварительного Заключения в Ленинграде. Шпалерная, 25

Ленинградская тюрьма «Кресты» (Арсенальная, 5) –
где в конце 1938 года находился в заключении Лев Гумилев

Лев Николаевич Гумилев. 1938

«Большой Дом» – здание Народного Комиссариата
Внутренних Дел (НКВД). Ленинград, Литейный пр., 4

Матвей Петрович Бронштейн.
Середина 30-х годов. Ленинград

Люша и Таня Валова в Летнем Саду. 27 июня 1938

Люша. 6 мая 1937. Ленинград

Лидия Корнеевна Чуковская с Люшей. 1943. Москва

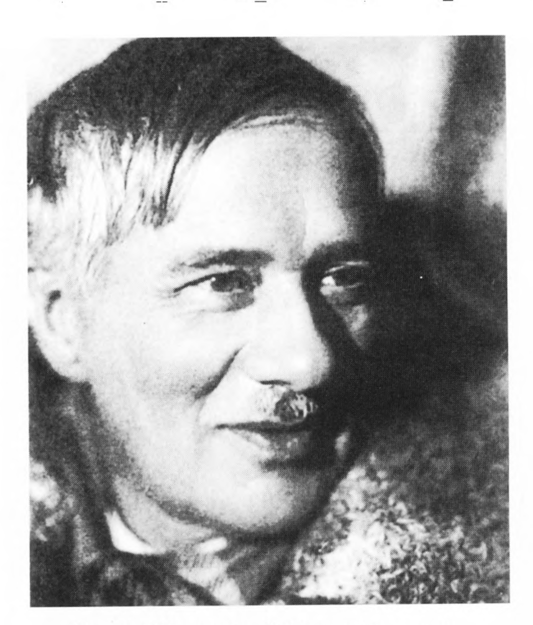

Владимир Георгиевич Гаршин. 1936

Юрий Николаевич Тынянов

«Белая ночь» – портрет Анны Ахматовой,
исполненный А.А.Осмеркиным (1940)

Корней Чуковский. Конец 30-х годов

Тамара Григорьевна Габбе.
Конец 20-х годов. Ленинград

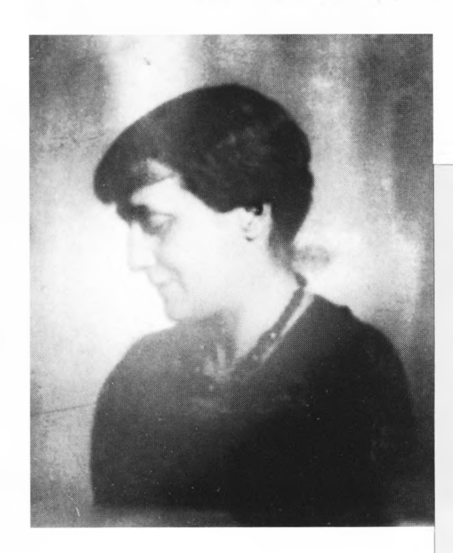
Александра Иосифовна Любарская
за два месяца до ареста.
Июль 1937. Москва

Анна Андреевна с сыном соседки Тани Смирновой – маленьким Вовой («Шакаликом»). 1940. Ленинград

Анна Ахматова. 1942. Ташкент

Анна Ахматова. 1942. Ташкент

Моему
Капитану
Л.К.Ч.
от
Ахм.

На обороте фотографии дарственная надпись:
«Моему Капитану ЛКЧ от Ахм. »

Анна Андреевна подробно изложила мне бред Валерии Сергеевны и все перипетии болезни.

— Лежит на кровати голая, в порванной рубашке и со слипшимися волосами. Я теперь поняла, почему на средневековых картинах сумасшедших изображали такими всклокоченными. Она была в бане, не промыла волос, потом вымазала их вазелином. Она мне говорит: «Знаешь, Аня, Гитлер — это Фейхтвангер, а Риббентроп — это тот господин, который, помнишь, в Царском за мной ухаживал. Ты вглядись, и ты сама увидишь». Я знаю Валю с двенадцати лет, но только теперь поняла всю ее. Это женщина силы необыкновенной, инфернальной, и страшной гордости. Я поняла из нескольких слов ее бреда, что она всю жизнь мучилась гордостью... Как она сопротивлялась! Приходили врачи и уходили, обманутые ею. При них — светская дама. Никакого бреда: спокойный, светский, колкий разговор. Одной докторше она сказала: «Вам, как женщине, следовало бы больше ухаживать за собой». Когда к ней вошли братья милосердия, она говорила с ними металлическим голосом: «Я никого не искусала. Вы не имеете права увозить меня из постели». Бедная, бедная! Я перед этим простилась с ней и ушла. Она не знала, что будет с ней через минуту. Теперь она считает меня предательницей.

Анна Андреевна взяла со шкапчика маленький томик «Божественной Комедии» и протянула мне:

— Это она подарила мне недавно. Посмотрите надпись.

Я прочитала:

«Милой Ане на пороге ада. В. С.».

Чтобы отвлечь Анну Андреевну от несчастья с Валерией Сергеевной, я спросила у нее, прочитала ли она книжку переводов Пастернака? (Я на днях занесла ей, поднявшись на минуту из Дома Занимательной Науки.)[99]

Анна Андреевна взяла с кресла две одинаковые книжки, и мы сели на диван.

— Возвращаю вам с благодарностью ваш экземпляр. Борис Леонидович прислал мне книгу в подарок. По-

8—3280

смотрите: надпись наклеена на особой бумажке — и не плотно, — чтобы я могла отклеить, если она мне не понравится. Вы только подумайте! Ну что с этим человеком делать?

Начало надписи — что-то вроде:

«Дорогой Анне Андреевне, которая столько простила людям, что, может быть, простит и эту книгу». [100]

— Это мне напоминает мой приезд в Вильно, — сказала Анна Андреевна.— Я ездила туда провожать Колю на фронт. Утром подхожу к окошку гостиницы и вижу: вся улица на коленях. Все люди ползут на коленях в гору. Оказалось, это у них такой обычай: на коленях ползти к иконе в день святого этой иконы... Когда я увидела эту наполовину вклеенную надпись и прочла ее — я сразу вспомнила Вильно.

Я осведомилась, были ли у нее в воскресенье те барышни со стихами.

— Да, были,— ответила она со смехом.— И знаете, Л. К., мы с вами совершенно опрохвостились (sic!). Та, о которой мы думали, что она некрасива, — хороша, как Божий ангел. Беленькая, румяная, с черными глазами, тоненькая, и смеется, как маленькая девочка,— я их чем-то очень рассмешила.

Пришла Лидия Яковлевна. За чаем Анна Андреевна хвалила ее книгу о Лермонтове, особенно те места, где говорится о разнице между пушкинским и лермонтовским словом.[101] Потом Анна Андреевна показывала ей какие-то рисунки для детей 1837 года, среди которых она обнаружила русского Маешку.[102]

Пили водку. Стол был, против обыкновения, изобилен: хлеб, масло, сахар и даже колбаса.

Анна Андреевна снова взяла в руки книгу Пастернака и прочитала вслух то́, что ей наиболее понравилось: «Музыку», «Зиму» Шекспира, «Море» Китса. О переводе «Стансов к Августе» она отозвалась неодобрительно: «“лысый горб” — это уж совсем не по-байроновски»; о переводах Верлена — равнодушно. Зато о «Море» Китса сказала:

— Байроновская интонация вся воплощена в русской поэзии и без Пастернака. А вот этот вот звук — звук Китса — он впервые прозвучал по-русски, — и она еще раз прочла вслух первую строфу «Моря».

Я позволила себе заметить, что «дребедень» в последней строфе — это уж чистый Пастернак, а совсем не Китс. Анна Андреевна нашла оригинал, мы прочли стихотворение по-английски. Вышло по-моему.

В промежутке

Июнь 1967

На предыдущей странице обрывается Дневник 1940 года. Последняя его тетрадка утрачена. Дальнейшие записи об Анне Ахматовой обнаружены мною лишь в тетрадях военного времени.

Потеря досадная. Именно осенью 1940 года Анна Андреевна начала работать над «Поэмой без героя». В утраченной тетради моего Дневника несомненно содержались записи о «Поэме».

Быть может, тетрадь еще и найдется, если только я не уничтожила ее в припадке очередного страха: как раз в конце 1940 года начался тот настойчивый сыск, который вынудил меня весной 41-го покинуть Ленинград, а перед отъездом, зимою, несколько месяцев не прикасаться к Дневнику.

Прочитав «Софью Петровну» Анне Андреевне, я, приблизительно в то же время, прочитала повесть своим друзьям. Я пригласила к себе восемь человек; девятый явился незваный, почти против моей воли. Нет, он не был предателем и не побежал в Большой Дом докладывать. Но он был болтлив. Он рассказал кому-то интересную новость, а кто-то еще кому-то, и в конце 1940 года новость, в искаженном виде, «по цепочке» проникла *туда*; *там* стало известно, что у меня хранится некий «документ о тридцать седьмом» — как именовал «Софью Петровну» следователь, вызывавший на допросы далеких и близких.

Даже сейчас, через тридцать лет после ежовщины, когда я пишу эти строки, власти не терпят упоминания о тридцать седьмом. Боятся памяти. Это сейчас. А что же было тогда? Преступления еще были свежи; кровь в кабинетах следователей и в подвалах Большого Дома еще не просохла; кровь требовала слова, застенок — молча-

ния. Где вы — журавли Ивика, где ты — говорящий тростник?

Я до сих пор не постигаю, почему, прослышав о моей повести, меня сразу же не арестовали и не убили. А начали вести предварительное расследование. (Анна Андреевна сказала мне однажды: «Вы — как стакан, закатившийся под скамью во время взрыва в посудной лавке».)

Разумеется, дома у меня ни «Софьи Петровны», ни Дневников давно уже не было. Прочитав повесть друзьям, я отдала свой единственный экземпляр — толстую школьную тетрадь, с перенумерованными Люшей страницами — в надежные руки.

Анне Андреевне о своей новой беде я не сообщила ничего. Она и без моих бед была истерзана тревогой за Леву, за себя, изнурена трудом: снова писала ночи напролет и каждый раз, как мы встречались, читала мне новые куски «Поэмы».

(Первым был создан кусок «Ты в Россию пришла ниоткуда», оканчивавшийся такой строкой: «И томился дежурный Пьеро». Далее порядка я не помню. Помню, что как-то раз Анна Андреевна прочитала «Поэму» у меня дома — Александре Иосифовне, Тамаре Григорьевне и мне.

Тамара Григорьевна сказала:

— Когда слушаешь эту вещь, такое чувство, словно вы поднялись на высокую башню и с высоты поглядели назад...

Эти слова впоследствии вызвали к жизни строки во «Вступлении» к «Поэме»:

> Из года сорокового,
> Как с башни, на все гляжу.)

Я продолжала иногда встречаться с Анной Андреевной и слушать «Поэму». Но чем явственнее становился интерес ко мне Большого Дома, тем реже, под разными предлогами, старалась я видеться с ней.

Пристальные поиски «документа о тридцать седьмом» начались так.

Однажды днем к нам на квартиру явился милиционер: Иду — Люшину няню — срочно вызывали в милицию. Там в это время шел обмен паспортов, и мы обе решили, что Иду вызывают по этому поводу.

Однако она вернулась только через сутки и в состоянии полувменяемом.

Оказалось, из милиции ее срочно переправили в Большой Дом, где и допрашивали шесть часов подряд.

Речь шла обо мне и о моих друзьях. Кто у меня бывает? О чем говорим? Громко говорим или шепотом? Какие и где я храню документы?

Плача, Ида рассказала мне, что следователь дал ей кличку «Петрова» и на прощание распорядился:

— Отведешь, Петрова, во вторник девочку в школу и на обратном пути встретишься со мной у трамвайной остановки. Доложишь, кто был у твоей хозяйки в последние дни.

И вот потекла наша поднадзорная жизнь. В то время вместе с друзьями я составляла хрестоматию для детей младших классов. Работали мы главным образом по вечерам, у меня,— подбирая и редактируя сказки, маленькие рассказы, стихи. Пока мы возились со сказками, внизу в парадном дежурили «агента́». Наутро следователь, встретясь с Идой в назначенном месте, спрашивал ее:

— Кто был вчера у твоей хозяйки?

— Такая-то и такая-то.

— Что делали?

— Сказки читали.

— Когда ушли?

— В одиннадцать.

— Неправда, — кричал следователь, заглянув в записную книжку, — в 11 часов 20 минут.

Об Анне Андреевне, к счастью, следователь не спрашивал. Я солгала ей, что у меня ремонт, и она ко мне не приходила.

Не ограничиваясь встречами у трамвайной остановки, следователь, раза три в месяц, вызывал Иду к себе. Вопросы становились все более увлекательными и при-

обретали, к моему удивлению, все более семейный характер:

— Говорит ли твоя хозяйка кому-нибудь, что муж ее не был ни в чем виноват? Стоит ли у нее на столе его фотография? Кем она хочет, чтобы сделалась девочка, когда вырастет?

Последний вопрос удивлял меня безмерно, и я много раз переспрашивала Иду. Люше было тогда девять лет. Что они имели в виду? Хочу ли я, чтобы она стала инженером, врачом или учительницей? А почему это их занимает?

Я еще не знала тогда и узнала гораздо позднее, что по плану, разработанному НКВД, семьи «врагов народа» должны были в своих недрах выращивать «мстителей»; дети в этих семьях брались на учет заблаговременно; не профессией будущей Люшиной интересовался следователь, нет, — он интересовался памятью о Матвее Петровиче; он был бы рад услышать от Иды такое признание: «Моя хозяйка желает, чтобы ее дочь, когда вырастет, отомстила за ее мужа».

«Мстители»!.. Расстреляв отцов, застенок мстил за свое злодейство детям убитых.

Идино смятение росло; дома она плакала, не осушая глаз, уверенная, что и меня и ее скоро арестуют.

Чтобы дать ей передышку, я в середине февраля 1941 года уехала под Москву, в санаторий «Узкое». Действительно, Иду на время перестали таскать. И на меня в Москве никто не обращал никакого внимания. Но стоило мне воротиться домой — все началось сначала, и притом в удесятеренной степени. Иде грозили, если она не найдет «документ», тяжелыми карами. Обещали также придти днем, когда меня и Люши не будет дома, и произвести обыск.

Компрометирующего у меня ничего не было, но обыска я боялась: они могли сами принести, сами положить и сами найти что угодно.

Друзья советовали мне уехать — уехать надолго. Лечь в больницу. Сделать операцию, на которой давно уже настаивали врачи.

10 мая 1941 года, за полтора месяца до начала войны, я взяла самые необходимые вещи, заперла квартиру на ключ и вместе с Идой и Люшей выехала в Москву.

Через неделю я лежала уже в больнице при Институте эндокринологии. Дней через десять меня оперировали. А еще через неделю, в новой московской квартире Корнея Ивановича, куда я была перевезена из больницы, меня навестила приехавшая из Ленинграда в Москву по делам Анна Андреевна.

Мы почти не разговаривали; у меня не было сил ни говорить, ни слушать. Анна Андреевна около часа просидела у моей постели. Помню ее жалостливое, участливое, склоненное надо мною лицо со скорбно приподнятыми бровями. «Вы были как с креста снятая»,— сказала она мне через несколько месяцев об этом нашем свидании.

Она собиралась домой, в Ленинград. Мне же предстояло ехать на дачу в Переделкино: рана еще не зажила, я еще не умела ходить, и мне надлежало лечиться.

Первые бомбежки застали меня на даче — слабую, с забинтованным горлом. Пробираться в таком состоянии в Ленинград нечего было и думать.

28 июля 1941 года, вместе с семьями московских писателей, вместе с Люшей, Идой и четырехлетним племянником Женей, меня отправили на пароходе в Чистополь*.

Там я пережила газетную передовую: «Враг у ворот Ленинграда»; встречу с Цветаевой и гибель Цветаевой.

И туда, в октябре 1941 года, приехала ко мне, эвакуированная самолетом из Ленинграда в Москву, Анна Андреевна. Оттуда мы вместе совершили поездку в Ташкент.

О приезде Анны Андреевны в Чистополь и о нашем совместном путешествии у меня в Дневнике сохранились лишь редкие и короткие записи.

Вот они.

---

* Женя (р. 1937) — сын моего младшего брата Бориса, инженера-гидростроителя. В первый месяц войны Борис Корнеевич ушел в Московское ополчение и осенью 1941 года убит в боях под Москвой.

1941

*15 октября 41. Чистополь**

Сейчас получила телеграмму от Корнея Ивановича:

«Чистополь выехали Пастернак Федин Анна Андреевна...» Дальше про деньги и шубу.

Итак, мне суждено увидеть Анну Андреевну опять. Если только она не останется в Казани.

Ахматова в Чистополе! Это так же невообразимо, как Адмиралтейская игла или Арка Главного штаба — в Чистополе.

*Октябрь 41***

Вечером, когда мы уже легли, стук в ворота нашей избы. Хозяйка, бранясь, пошла отворять с фонарем. Я за ней.

Анна Андреевна стояла у ворот с кем-то, кого я не разглядела в темноте. Свет фонаря упал на ее лицо: оно было отчаянное. Словно она стоит посреди Невского и не может перейти. В чужой распахнутой шубе, в белом шерстяном платке; судорожно прижимает к груди узел.

Вот-вот упадет или закричит.

Я выхватила узел, взяла ее за руку и по доске через грязь провела к дому.

Вскипятить чай было не на чем. Я накормила ее всухомятку.

Потом уложила в свою постель, а сама легла на пол, на тюфячок.

Сначала мы говорили как-то обо всем сразу. Я пыталась подробнее узнать что-нибудь о Тусе и Шуре (Анна Андреевна привезла мне письма от них).

Потом я спросила:

— Боятся в Ленинграде немцев? Может так быть, что они ворвутся?

---

* Ул. Розы Люксембург, 20.

** Оригинал поврежден.

Анна Андреевна приподнялась на локте.

— Что вы, Л. К., какие немцы? О немцах никто и не думает. В городе голод, уже едят собак и кошек. Там будет мор, город вымрет. Никому не до немцев.

19 октября 41

Анна Андреевна прочитала мне стихи о Ленинграде. Об артиллерийском обстреле*.

20 октября 41

Сегодня Анна Андреевна сказала мне:

— Я решила. Я поеду с вами**.

Ида уже покупает на дорогу мясо, яйца, мед, хлеб... Хотелось бы знать, сколько времени наша дорога продлится? И — осилим ли мы ее?

21 октября 41

Анна Андреевна расспрашивает меня о Цветаевой.

Я прочла ей то, что записала 4.IX, сразу после известия о самоубийстве.

Сегодня мы шли с Анной Андреевной вдоль Камы, я переводила ее по жердочке через ту самую лужу-океан, через которую немногим более пятидесяти дней назад помогала пройти Марине Ивановне, когда вела ее к Шнейдерам.[103]

— Странно очень, — сказала я, — та же река, и лужа, и досточка та же. Два месяца тому назад на этом самом месте, через эту самую лужу я переводила Марину Ивановну. И говорили мы о вас. А теперь ее нету и говорим мы с вами о ней. На том же месте!

Анна Андреевна ничего не ответила, только поглядела на меня со вниманием.

---

* «Первый дальнобойный в Ленинграде», — БВ, Седьмая книга; *№ 54*.

** Я получила от Корнея Ивановича бумаги, деньги и просьбу немедленно ехать с детьми в Ташкент, куда из Москвы уже уехал он сам.

Но я не пересказала ей наш тогдашний разговор*.

28 октября 41. *[Эшелон «Казань — Ташкент»]*

Анна Андреевна не отходит от окна.

— Я рада, что вижу так много России.

В Казани все было очень мучительно. Если бы не Ида, нам вряд ли удалось бы сойти с парохода на пристань, а потом, сквозь толпу, пробиться в город. Мы отправились в Дом Печати. Расспрашивали прохожих. Татарин сказал мне: «За то, что ты молодая, а седая, я тебя провожу». Огромный зал Дома Печати набит беженцами из Москвы. Спят на стульях — стулья стоят спинками друг к другу. Пустых мест нет. Мы с Идой уложили Анну Андреевну на стол, Люшу и Женю под стол, а сами сели на подоконник. Анна Андреевна лежала прямая, вытянувшаяся, с запавшими глазами и ртом, словно мертвая. Мне под утро какой-то военный уступил место на стульях. Я легла, но не спала. Когда рассвело, оказалось, что бок о бок со мной, за спинками стульев, спит Фадеев.

Я знала казанский адрес Самуила Яковлевича** и утром, взяв детей, отправилась искать его. Нашла, но дома его не оказалось. Оставила ему записку. Вечером он пришел к нам в Дом Печати, сказал, что в эшелоне, от-

---

* Я высказала Марине Ивановне свою радость: А. А. не здесь, не в Чистополе, не в этой, утопающей в грязи, отторгнутой от мира, чужой полутатарской деревне. «Здесь она непременно погибла бы... Здешний быт убил бы ее... Она ведь ничего не может».

«А вы думаете, я — могу?» — резко перебила меня Марина Ивановна.

В 1981 году я описала подробно свою чистопольскую встречу с Цветаевой в очерке «Предсмертие». Впервые очерк опубликован в журнале «Время и мы», 1982, № 66 (Нью-Йорк — Иерусалим — Париж). В Москве же — сначала в журнале «Собеседник» (1988, № 3) и затем перепечатан несколько раз, в частности, в сборнике «Серебряный век» (М., 1990).

** Маршака.

правляемом в Среднюю Азию, ему, Маршаку, предоставляют для писателей два вагона и что он постарается взять нас.

На другой день нас навестил Л.М.Квитко и на мой вопрос, возьмут ли нас в эшелон, ответил:

— Если будет мало мест, я с семьей останусь, а вы поедете. Внуки Чуковского должны к нему приехать.[104]

К счастью, поместились все.

Посадка была трудная. Часа четыре мы сидели в полной тьме на платформе, на своих вещах, ожидая состава, который могли подать каждую минуту. Анна Андреевна все время молчала — тяжело молчала, как в тюремной очереди. Нас часто навещал Самуил Яковлевич. Видя нашу слабосильную команду, он предложил, что внесет в вагон Женю. Ида должна была внести вещи, а я — помочь Люшеньке и Анне Андреевне. Ожидая поезда, Самуил Яковлевич ходил с Женей на руках по платформе. Я спросила Женю:

— Ты знаешь, кто это? Это — Маршак... «Пожар», «Почта»... Ведь ты помнишь эти книги?

— Что ты, Лида, с ума сошла? — ответил мне очень отчетливо Женя. И прокартавил: — Магшак давно умег!

Когда подали наконец состав, первая вошла Ида с вещами. Потом я, держа за руку Люшу. Ида ее схватила, а я помогла войти Анне Андреевне. Потом С. Я. подал мне Женю и побежал к своему вагону (мы едем в разных).

Наш вагон переполнен.

Трясет, писать трудно.

Я прочла Анне Андреевне привезенные ею письма моих ленинградцев. Читала, плача. Анна Андреевна молчала. Обе мы глядели назад, туда, в наш родной город*.

«26.IX [41 г.]

Дорогая Лидочка, сейчас я узнала, что Анна Андреевна едет в Чистополь.

---

* Письмо А.И.Любарской мною утрачено. Письмо Т.Г.Габбе, привезенное мне Анной Андреевной, в виде исключения ввожу в текст: тут и осажденный Ленинград, и тюрьмы, и завещание на будущее.

Мне очень трудно писать, и уже давно я никому не пишу ни одной строки. Но сейчас мне захотелось послать Вам хоть несколько строк.

Может быть, мой друг, мы больше не увидимся с Вами. Спасибо Вам за долгие годы дружбы. Спасибо за то, что сейчас я живу среди хороших, дорогих и высоких воспоминаний.

Не думайте, что мне сейчас очень плохо. Я не позволяю себе думать о себе, и поэтому мне не только не плохо, а даже часто хорошо.

Вот только письма нельзя писать — очень уж больно.

Друг мой, самое большое горе моих дней — это Иосиф. Я сейчас ничего не могу сделать для него и так боюсь предоставить его своей судьбе.

Вот о чем я хочу просить Вас: если мне не доведется найти и позаботиться о нем, попробуйте — может быть, Вам удастся это. Хоть не теперь, а позже, когда это станет возможным.

На всякий случай — вот необходимые сведения для наведения справки. Год рождения — 1901. Место рождения — местечко Маяты. Место работы (последней) — Архитектурная мастерская КЭУ (квартирно-эксплуатационного управления Красной Армии). Последний день работы — 22 мая 1941. Находился он в Лефортове. Там у меня приняли вещи и деньги. Деньги, посланные мною из Ленинграда в июле, очевидно, дошли (ко мне они не возвратились). Деньги, отправленные мною 4 августа, вернулись 4-го сентября с пометкой на переводе: «возвращаются, как не относящемуся к данному адресу». А посылала я на почтовый ящик 686 в Главный почтамт, как мне указали на Кузнецком, в приемной.

Пометка, как Вы сами видите, не слишком вразумительна.

В прокуратуре мне сказали, что дело его находится в III-ьем управлении НКО.

Заявления и запросы, посланные мною в Наркомат, остались без ответа.

Кажется, это все, что может быть нужно для справки.

Дорогая Лидочка, я надеюсь, что у Вас хватит сил, чтобы еще долго жить, я надеюсь, что Люшка вырастет большая и когда-нибудь люди будут знать, как жили мы.

Если сможете и захотите писать, напишите мне о себе. О здоровье, о том, устроилась ли работа, о том, как живете Вы каждый день — Вы и дочка.

Мне будет большой радостью узнать о Вас что-нибудь прямо, а не из чужих писем.

Я и сама попробую ответить, хоть это мне труднее всего.

Целую Вас крепко.

Будьте счастливы.

Туся».[105]

30 октября 41

На одной станции, где поезд стоял долго, к нам пришли Маршак и Квитко. Предложили переселить Анну Андреевну к ним в вагон — там и теплее, и мягче, и просторней*.

— Капитан!? — жалобно спросила меня Анна Андреевна.

— Ну, конечно!

И я выскочила их проводить.

Теперь хожу туда раза два в день. Иногда, если поезд стоит долго и перебегать безопасно, беру с собой Люшу или Женю — погреться.

Она упорно называет меня «мой капитан»**.

Ношу Анне Андреевне еду.

---

* В международный — где ехали в Алма-Ату с семьями С.Маршак, М.Ильин, Кукрыниксы, Л.Квитко, а также Лина Штерн. Когда они прибыли в Алма-Ату, Анна Андреевна вернулась к нам.

** Впоследствии одну из своих ташкентских фотографий А. А., в память нашего путешествия, надписала так: «Моему капитану».

Перечитывает «Alice through the lookingglass» — книжку, которую дал мне в дорогу К. И., чтобы я читала детям*.

— Вы не думаете,— спросила меня Анна Андреевна, — что и мы сейчас в Зазеркалье?

2 ноября 41. Новосибирск

Синенькие вагоны московского метро, заваленные снегом.

На них указала мне зоркая Анна Андреевна.

3 ноября 41

Снова разговор с Анной Андреевной о конце Марины Ивановны. Между прочим, Анна Андреевна сказала мне, что стихотворение Мандельштама «Не веря воскресенья чуду» посвящено Цветаевой.

Потом:

— Осип два раза пробовал и в меня влюбиться, но оба раза это казалось мне таким оскорблением нашей дружбы, что я немедленно прекращала.

5 ноября 41

Эшелон с немцами Поволжья. Ему негде пристать. Теплушки; двери раздвинуты; видны дети, женщины, белье на веревках. Говорят, они уже больше месяца в пути и их никакой город не принимает.

На станциях, на перронах вповалку женщины, дети, узлы. Глаза, глаза... Когда Анна Андреевна глядит на этих детей и женщин, ее лицо становится чем-то похожим на их лица. Крестьянка, беженка... Глядя на них, она замолкает.

Я сказала ей, что сегодня, когда шла к ней через воинский вагон, услышала с верхней полки:

---

* «Алиса в Зазеркалье» — продолжение «Алисы в стране чудес», книги, написанной английским писателем Льюисом Кэрроллом (Lewis Carroll, 1832-1898). Одна «Алиса» вышла в Англии в 1865 году, другая — в 1871-м.

— Я бы тех жидов Гитлеру оставил, нехай он их всех в землю закопает живыми!

— Таких надо убивать! — быстро сказала Анна Андреевна.

8 ноября 41

Пустыня.

Мы стоим очень долго между двумя станциями.

Верблюды вдали. Я впервые понимаю, что они не уроды, а красавцы: стройным, величавым движением колышется караван.

Анна Андреевна оживлена, заинтересована, видит гораздо больше, чем я. Каждую минуту показывает мне что-нибудь.

— Орел! — говорит она.— Опустился вон на ту гору! Река — смотрите — желтая!

Не верит, что я не вижу. Перестала читать, разговаривать — смотрит, смотрит.

9 ноября 41

Я оттолкнула Анну Андреевну от окна — мальчики-узбеки швыряют камни в наш поезд с криками: «Вот вам бомбежка!»

Камень ударился в стенку вагона.

Мы где-то совсем близко от Ташкента. Все цветет. Окна открыты.

9 ноября. Ташкент. Гостиница

На вокзале нас встретил К. И. с машиной. Иду и детей он отвез к себе, а меня и Анну Андреевну в гостиницу.

Стихотворения

Анны Ахматовой

те, без которых понимание моих записей затруднено

БОРИС ПАСТЕРНАК

Он, сам себя сравнивший с конским глазом,
Косится, смотрит, видит, узнает,
И вот уже расплавленным алмазом
Сияют лужи, изнывает лед.

В лиловой мгле покоятся задворки,
Платформы, бревна, листья, облака.
Свист паровоза, хруст арбузной корки,
В душистой лайке робкая рука.

Звенит, гремит, скрежещет, бьет прибоем
И вдруг притихнет,— это значит, он
Пугливо пробирается по хвоям,
Чтоб не спугнуть пространства чуткий сон.

И это значит, он считает зерна
В пустых колосьях, это значит, он
К плите дарьяльской, про́клятой и черной,
Опять пришел с каких-то похорон.

И снова жжет московская истома,
Звенит вдали смертельный бубенец...
Кто заблудился в двух шагах от дома,
Где снег по пояс и всему конец?

За то, что дым сравнил с Лаокооном,
Кладбищенский воспел чертополох,
За то, что мир наполнил новым звоном
В пространстве новом отраженных строф,—

Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.

19 января 1936

№ 2 к стр. 31

ТВОРЧЕСТВО

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, всё победивший звук.
Так вкруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже послышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, —
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

[5 ноября 1936]

№ 3 к стр. 37

ПРИГОВОР

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова.
Справлюсь с этим как-нибудь.
У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.
А не то... Горячий шелест лета
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

[22 июня] 1939 [«Реквием», 7]

№ 4 к стр. 38

Годовщину последнюю празднуй —
Ты пойми, что сегодня точь-в-точь
Нашей первой зимы — той, алмазной —
Повторяется снежная ночь.

Пар валит из-под царских конюшен,
Погружается Мойка во тьму,
Свет луны как нарочно притушен,
И куда мы идем — не пойму.

Меж гробницами внука и деда
Заблудился взъерошенный сад,
Из тюремного вынырнув бреда,
Фонари погребально горят.

В грозных айсбергах Марсово поле,
И Лебяжья лежит в хрусталях...
Чья с моею сравняется доля,
Если в сердце веселье и страх.

И трепещет, как дивная птица,
Голос твой у меня над плечом.
И внезапным согретый лучом
Снежный прах так тепло серебрится.

1938

№ 5 к стр. 40

Чем хуже этот век предшествующих? Разве
Тем, что в чаду печалей и тревог
Он к самой черной прикоснулся язве,
Но исцелить ее не мог.

Еще на западе земное солнце светит
И кровли городов в его лучах блестят,
А здесь уж белая дома крестами метит
И кличет воронов, и вороны летят.

1919

№ 6 к стр. 45

МУЗА

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что́ почести, что́ юность, что́ свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке!
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

1924

№ 7 к стр. 48

К СМЕРТИ

Ты все равно придешь — зачем же не теперь?
Я жду тебя — мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом.
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой, —
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь. Клубится Енисей,
Звезда полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застилает.

19 августа 1939
Фонтанный Дом
[«Реквием», 8]

№ 8 к стр. 56

— «Я пришла тебя сменить, сестра,
У лесного, у высокого костра.

Поседели твои волосы. Глаза
Замутила, затуманила слеза.

Ты уже не понимаешь пенья птиц,
Ты ни звезд не замечаешь, ни зарниц.

И давно удары бубна не слышны,
А я знаю, ты боишься тишины.

Я пришла тебя сменить, сестра,
У лесного, у высокого костра».

— «Ты пришла меня похоронить.
Где же заступ твой, где лопата?
Только флейта в руках твоих.
Я не буду тебя винить,
Разве жаль, что давно, когда-то,
Навсегда мой голос затих.

Мои одежды надень,
Позабудь о моей тревоге,
Дай ветру кудрями играть.
Ты пахнешь, как пахнет сирень,
А пришла по трудной дороге,
Чтобы здесь озаренной стать».

И одна ушла, уступая,
Уступая место другой,
И неверно брела, как слепая,
Незнакомой узкой тропой.

И все чудилось ей, что пламя
Близко... бубен держит рука.
И она, как белое знамя.
И она, как свет маяка.

1912

№ 9 к стр. 67

С Новым Годом! С новым горем!
Вот он пляшет, озорник,
Над Балтийским дымным морем
Кривоног, горбат и дик.
И какой он жребий вынул
Тем, кого застенок минул?
Вышли в поле умирать.
Им светите, звезды неба!
Им уже земного хлеба,
Глаз любимых — не видать.

[январь 1940]

№ 10 к стр. 71

ИВА

И дряхлый пук дерев.
Пушкин

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами.
И — странно! — я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... Как будто умер брат.

[18 января] 1940

*№ **11** к стр. 71*

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

[21 января 1940]

*№ **12** к стр. 71*

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.
Я заметила это, вернувшись
С похорон одного поэта.
И с тех пор проверяла часто,
И моя догадка подтвердилась.

[21 января] 1940

*№ **13** к стр. 73*

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,

И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки.
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь.

[«Реквием», Вступление]

*№ **14** к стр.* 76

КЛЕОПАТРА

Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Пушкин

Уже целовала Антония мертвые губы,
Уже на коленях пред Августом слезы лила...
И предали слуги. Грохочут победные трубы
Под римским орлом, и вечерняя стелется мгла.
И входит последний плененный ее красотою,
Высокий и статный, и шепчет в смятении он:
«Тебя — как рабыню... в триумфе
пошлет пред собою...»
Но шеи лебяжьей все так же спокоен наклон.

А завтра детей закуют. О, как мало осталось
Ей дела на свете — еще с мужиком пошутить
И черную змейку, как будто прощальную жалость,
На смуглую грудь равнодушной рукой положить.

[7 февраля] 1940

*№ **15** к стр.* 83

ПОСВЯЩЕНИЕ

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.

Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат —
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор... И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна...
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный свой привет.

Март 1940 [«Реквием»]

*№ **16** к стр.* 84

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом,

Входит в шапке набекрень,
Видит желтый месяц тень.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна,

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

[«Реквием», 2]

№ 17 к стр. 84

МАЯКОВСКИЙ В 1913 ГОДУ

Я тебя в твоей не знала славе,
Помню только бурный твой рассвет,
Но, быть может, я сегодня вправе
Вспомнить день тех отдаленных лет.
Как в стихах твоих крепчали звуки,
Новые роились голоса...
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса.
Все, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до тех пор,
То, что разрушал ты,— разрушалось,
В каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен,
С нетерпеньем торопил судьбу,
Знал, что скоро выйдешь весел, волен
На свою великую борьбу.
И уже отзывный гул прилива
Слышался, когда ты нам читал,
Дождь косил свои глаза гневливо,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал,
Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать, как боевой сигнал.

1940

№ 18 к стр. 88

[Борису Пильняку]

Все это разгадаешь ты один...
Когда бессонный мрак вокруг клокочет,
Тот солнечный, тот ландышевый клин
Врывается во тьму декабрьской ночи.

И по тропинке я к тебе иду.
И ты смеешься беззаботным смехом.
Но хвойный лес и камыши в пруду
Ответствуют каким-то странным эхом...
О, если этим мертвого бужу,
Прости меня, я не могу иначе:
Я о тебе, как о своем, тужу
И каждому завидую, кто плачет,
Кто может плакать в этот страшный час
О тех, кто там лежит на дне оврага...
Но выкипела, не дойдя до глаз,
Глаза мои не освежила влага.

1938

*№ **19** к стр.* 90, 92

Так отлетают темные души...
«Я буду бредить, а ты не слушай.

Зашел ты нечаянно, ненароком —
Ты никаким ведь не связан сроком.

Побудь же со мною теперь подольше.
Помнишь, мы были с тобою в Польше?

Первое утро в Варшаве... Кто ты?
Ты уж другой или третий?» — «Сотый!»

«А голос совсем такой, как прежде.
Знаешь, я годы жила в надежде,

Что ты вернешься, и вот — не рада.
Мне ничего на земле не надо, —

Ни громов Гомера, ни Дантова дива.
Скоро я выйду на берег счастливый:

И Троя не пала, и жив Эабани,
И все потонуло в душистом тумане.

Я б задремала под ивой зеленой,
Да нет мне покоя от этого звона.

Что он? То с гор возвращается стадо?
Только в лицо не дохнула прохлада.

Или идет священник с дарами?
А звезды на небе, и ночь над горами...

Или сзывают народ на вече?»
— «Нет, это твой последний вечер!»

1940

№ 20 к стр. 95

ПУТЕМ ВСЕЯ ЗЕМЛИ

В санях сидя, отправляясь
путем всея земли...

Поучение Владимира Мономаха детям

1

Прямо под ноги пулям,
Расталкивая года,
По январям и июлям
Я проберусь туда...
Никто не увидит ранку,
Крик не услышит мой,
Меня, китежанку,
Позвали домой.
И гнались за мною
Сто тысяч берез,
Стеклянной стеною
Струился мороз.
У давних пожарищ
Обугленный склад.
«Вот пропуск, товарищ,
Пустите назад...»

И воин спокойно
Отводит штык.
Как пышно и знойно
Тот остров возник!
И красная глина,
И яблочный сад...
O Salve Regina! —
Пылает закат.
Тропиночка круто
Взбиралась, дрожа.
Мне надо кому-то
Здесь руку пожать..
Но хриплой шарманки
Не слушаю стон.
Не тот китежанке
Послышался звон.

2

Окопы, окопы —
Заблудишься тут!
От старой Европы
Остался лоскут,
Где в облаке дыма
Горят города...
И вот уже Крыма
Темнеет гряда.
Я плакальщиц стаю
Веду за собой.
О, тихого края
Плащ голубой!..
Над мертвой медузой
Смущенно стою;
Здесь встретилась с Музой,
Ей клятву даю.

Но громко смеется,
Не верит: «Тебе ль?»
По капелькам льется
Душистый апрель.
И вот уже славы
Высокий порог,
Но голос лукавый
Предостерег:
«Сюда ты вернешься,
Вернешься не раз,
Но снова споткнешься
О крепкий алмаз.
Ты лучше бы мимо,
Ты лучше б назад,
Хулима, хвалима,
В отеческий сад».

3

Вечерней порою
Сгущается мгла.
Пусть Гофман со мною
Дойдет до угла.
Он знает, как гулок
Задушенный крик
И чей в переулок
Забрался двойник.
Ведь это не шутки,
Что двадцать пять лет
Мне видится жуткий
Один силуэт.
«Так, значит, направо?
Вот здесь, за углом?
Спасибо!» — Канава
И маленький дом.

Не знала, что месяц
Во все посвящен.
С веревочных лестниц
Срывается он,
Спокойно обходит
Покинутый дом,
Где ночь на исходе
За круглым столом
Гляделась в обломок
Разбитых зеркал
И в груде потемок
Зарезанный спал.

4

Чистейшего звука
Высокая власть,
Как будто разлука
Натешилась всласть.
Знакомые зданья
Из смерти глядят —
И будет свиданье
Печальней стократ
Всего, что когда-то
Случилось со мной...
Столицей распятой
Иду я домой.

5

Черемуха мимо
Прокралась, как сон.
И кто-то «Цусима!»
Сказал в телефон.
Скорее, скорее —
Кончается срок:
«Варяг» и «Кореец»
Пошли на восток...

Там ласточкой реет
Старая боль...
А дальше темнеет
Форт Шаброль,
Как прошлого века
Разрушенный склеп,
Где старый калека
Оглох и ослеп.
Суровы и хмуры,
Его сторожат
С винтовками буры.
«Назад, назад!!»

6

Великую зиму
Я долго ждала,
Как белую схиму
Ее приняла.
И в легкие сани
Спокойно сажусь...
Я к вам, китежане,
До ночи вернусь.
За древней стоянкой
Один переход...
Теперь с китежанкой
Никто не пойдет,
Ни брат, ни соседка,
Ни первый жених,—
Лишь хвойная ветка
Да солнечный стих,
Оброненный нищим
И поднятый мной...
В последнем жилище
Меня упокой.

Март 1940
Фонтанный Дом

*№ **21** к стр.* 96

От тебя я сердце скрыла,
Словно бросила в Неву...
Прирученной и бескрылой
Я в дому твоем живу.
Только... ночью слышу скрипы.
Что там — в сумраках чужих?
Шереметевские липы...
Перекличка домовых...
Осторожно подступает,
Как журчание воды,
К уху жарко приникает
Черный шепоток беды —
И бормочет, словно дело
Ей всю ночь возиться тут:
«Ты уюта захотела,
Знаешь, где он — твой уют?»

[30 октября] 1936

*№ **22** к стр.* 97

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так что сделался каждый день
Поминальным днем,—
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

1915

*№ **23** к стр.* 97

Страх, во тьме перебирая вещи,
Лунный луч наводит на топор.
За стеною слышен стук зловещий —
Что там? Крысы, призрак или вор?

В душной кухне плещется водою,
Половицам шатким счет ведет,
С глянцевитой черной бородою
За окном чердачным промелькнет —

И притихнет. Как он зол и ловок,
Спички спрятал и свечу задул.
Лучше бы поблескиванье дул
В грудь мою направленных винтовок,

Лучше бы на площади зеленой
На помост некрашенный прилечь
И под клики радости и стоны
Красной кровью до конца истечь.

Прижимаю к сердцу крестик гладкий —
Боже, мир душе моей верни.
Запах тленья обморочно сладкий
Веет от прохладной простыни.

1921

*№ **24** к стр. 97*

ПОДВАЛ ПАМЯТИ

Но сущий вздор, что я живу грустя
И что меня воспоминанье точит.
Не часто я у памяти в гостях,
Да и она всегда меня морочит.
Когда спускаюсь с фонарем в подвал,
Мне кажется — опять глухой обвал
За мной по узкой лестнице грохочет.
Чадит фонарь, вернуться не могу,
А знаю, что иду туда — к врагу.
И я прошу как милости... Но там
Темно и тихо. Мой окончен праздник!
Уж тридцать лет, как проводили дам,
От старости скончался тот проказник...
Я опоздала. Экая беда!
Нельзя мне показаться никуда.

Но я касаюсь живописи стен
И у камина греюсь. Что за чудо!
Сквозь эту плесень, этот чад и тлен
Сверкнули два живые изумруда.
И кот мяукнул. Ну, идем домой!

Но где мой дом и где рассудок мой?

1940

*№ **25** к стр.* 64, 97

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль — солнечным лучом,
Фиалкою — девичий рот,
А золото — ничем.
Водою пахнет резеда,
И яблоком — любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...
И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом
Под зловещие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома...

[Середина тридцатых годов]

*№ **26** к стр.* 98

ПРО СТИХИ

Владимиру Нарбуту

Это — выжимки бессонниц,
Это — свеч кривых нагар,
Это — сотен белых звонниц
Первый утренний удар...
Это — теплый подоконник
Под черниговской луной,
Это — пчелы, это — донник,
Это — пыль, и мрак, и зной.

№ 27 к стр. 98

Мои молодые руки
Тот договор подписали
Среди цветочных киосков
И граммофонного треска,
Под взглядом косым и пьяным
Газовых фонарей.
И старше была я века
Ровно на десять лет.

А на закат наложен
Был белый траур черемух,
Что осыпался мелким,
Душистым, сухим дождем...
И облака сквозили
Кровавой цусимской пеной,
И плавно ландо катили
Теперешних мертвецов...

А нам бы тогдашний вечер
Показался бы маскарадом,
Показался бы карнавалом,
Феерией grand-gala...

От дома того — ни щепки,
Та вырублена аллея,
Давно опочили в музее
Те шляпы и башмачки.

Кто знает, как пусто небо
На месте упавшей башни,
Кто знает, как тихо в доме,
Куда не вернулся сын.

Ты неотступен, как совесть,
Как воздух, всегда со мною,
Зачем же зовешь к ответу?
Свидетелей знаю твоих:

То Павловского вокзала
Раскаленный музыкой купол
И водопад белогривый
У Баболовского дворца.

1940

№ 28 к стр. 99

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем
И за тебя я пью, —
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.

1934

№ 29 к стр. 99

Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином
И манит в черную долину.

И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему
Уже как бы чужому бреду.

И не позволит ничего
Оно мне унести с собою
(Как ни упрашивай его
И как ни докучай мольбою):

Ни сына страшные глаза —
Окаменелое страданье,
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного свиданья,

Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,
Ни отдаленный легкий звук —
Слова последних утешений.

4 мая 1940
Фонтанный Дом

[«Реквием», 9]

№ 30 к стр. 108

М. Лозинскому

Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!
Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье!
И снова голосом серебряным олень
В зверинце говорит о северном сиянье.
И я поверила, что есть прохладный снег
И синяя купель для тех, кто нищ и болен,
И санок маленьких такой неверный бег
Под звоны древние далеких колоколен.

[1913]

№ 31 к стр. 108

«Где, высокая, твой цыганенок,
Тот, что плакал под черным платком,
Где твой маленький первый ребенок,
Что ты знаешь, что помнишь о нем?»

«Доля матери — светлая пытка,
Я достойна ее не была.
В белый рай растворилась калитка,
Магдалина сыночка взяла.

Каждый день мой — веселый, хороший,
Заблудилась я в длинной весне,
Только руки тоскуют по ноше,
Только плач его слышу во сне.

Станет сердце тревожным и томным,
И не помню тогда ничего,
Все брожу я по комнатам темным,
Все ищу колыбельку его».

1914

№ 32 к стр. 108

Не будем пить из одного стакана
Ни воду мы, ни сладкое вино,
Не поцелуемся мы утром рано,
А ввечеру не поглядим в окно.
Ты дышишь солнцем, я дышу луною,
Но живы мы любовию одною.

Со мной всегда мой верный, нежный друг,
С тобой твоя веселая подруга.
Но мне понятен серых глаз испуг,
И ты виновник моего недуга.
Коротких мы не учащаем встреч.
Так наш покой нам суждено беречь.

Лишь голос твой поет в моих стихах,
В твоих стихах мое дыханье веет.
О, есть костер, которого не смеет
Коснуться ни забвение, ни страх.
И если б знал ты, как сейчас мне любы
Твои сухие, розовые губы!

1913

№ 33 к стр. 127

ЭПИЛОГ

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:

И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,

И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде.

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ,

Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,

Согласье на это даю торжество,
Но только с условьем — не ставить его

Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,

Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,

А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть громыхание черных марусь,

Забыть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.

И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы струится подтаявший снег,

И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

1940
Март
[«Реквием»]

№ 34 к стр. 133

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.

У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.

Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть.
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть.

[1921]

№ 35 к стр. 133

Пятым действием драмы
Веет воздух осенний,
Каждая клумба в парке
Кажется свежей могилой.
Справлена чистая тризна,
И больше нечего делать.
Что же я медлю, словно
Скоро свершится чудо?
Так тяжелую лодку долго
У пристани слабой рукою
Удерживать можно, прощаясь
С тем, кто остался на суше.

[1921]

№ 36 к стр. 133

В том доме было очень страшно жить,
И ни камина жар патриархальный,
Ни колыбелька нашего ребенка,
Ни то, что оба молоды мы были
И замыслов исполнены . . . . . .
. . . . и удача
От нашего порога ни на шаг
За все семь лет не смела отойти, —
Не уменьшали это чувство страха.
И я над ним смеяться научилась
И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко,
В то время как мы за́полночь старались
Не видеть, что творится в зазеркалье,
Под чьими тяжеленными шагами
Стонали темной лестницы ступени,
Как о пощаде жалостно моля.
И говорил ты, странно улыбаясь:
«Кого *они* по лестнице несут?»

Теперь ты там, где знают всё, — скажи:
Что́ в этом доме жило кроме нас?

1921
Ц. С.

№ 37 к стр. 141

Смеркается, и в небе темно-синем,
Где так недавно храм Ерусалимский
Таинственным сиял великолепьем,
Лишь две звезды над путаницей веток,
И снег летит откуда-то не сверху,
А словно подымается с земли,

Ленивый, ласковый и осторожный.
Мне странною в тот день была прогулка.
Когда я вышла, ослепил меня
Прозрачный отблеск на вещах и лицах,
Как будто всюду лепестки лежали
Тех желто-розовых некрупных роз,
Название которых я забыла.
Безветренный, сухой, морозный воздух
Так каждый звук лелеял и хранил,
Что мнилось мне: молчанья не бывает.
И на мосту, сквозь ржавые перила
Просовывая руки в рукавичках,
Кормили дети пестрых жадных уток,
Что кувыркались в проруби чернильной.
И я подумала: не может быть,
Чтоб я когда-нибудь забыла это.
И если трудный путь мне предстоит,
Вот легкий груз, который мне под силу
С собою взять, чтоб в старости, в болезни,
Быть может, в нищете — припоминать
Закат неистовый, и полноту
Душевных сил, и прелесть милой жизни.

1914–1916; [1940]

№ 38 к стр. 147

Подушка уже горяча
С обеих сторон.
Вот и вторая свеча
Гаснет, и крик ворон
Становится все слышней.
Я эту ночь не спала,
Поздно думать о сне...
Как нестерпимо бела
Штора на белом окне.
Здравствуй!

1909

№ 39 к стр. 147

ПЕСЕНКА

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду полю.

Вырываю и бросаю —
Пусть простит меня.
Вижу, девочка босая
Плачет у плетня.

Страшно мне от звонких воплей
Го́лоса беды,
Все сильнее запах теплый
Мертвой лебеды.

Будет камень вместо хлеба
Мне наградой злой.
Надо мною только небо,
А со мною голос твой.

1911

№ 40 к стр. 153

Наталии Рыковой

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес, —

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

1921

*№ **41** к стр.* 153

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслёзней,
Надменнее и проще нас.

1922

*№ **42** к стр.* 153

ВОРОНЕЖ

О. М.

И город весь стоит оледенелый.
Как под стеклом деревья, стены, снег.
По хрусталям я прохожу несмело.
Узорных санок так неверен бег.

А над Петром воронежским — вороны,
Да тополя, и свод светло-зеленый,
Размытый, мутный, в солнечной пыли,
И Куликовской битвой веют склоны
Могучей, победительной земли.
И тополя, как сдвинутые чаши,
Над нами сразу зазвенят сильней,
Как будто пьют за ликованье наше
На брачном пире тысячи гостей.

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черёд.
И ночь идёт,
Которая не ведает рассвета.

[4 марта 1936; 1958?]

№ 43 к стр. 154

[В ЗЕРКАЛЕ]

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.

И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.

И непохожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.

А бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыханье,
И на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья.

1913

№ 44 к стр. 167

ТРЕТИЙ ЗАЧАТЬЕВСКИЙ

Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.

Тянет свежесть с Москва-реки.
В окнах теплятся огоньки.

Покосился гнилой фонарь —
С колокольни идет звонарь...

Как по левой руке — пустырь,
А по правой руке — монастырь,

А напротив — высокий клен,
Красным заревом обагрен.

А напротив — высокий клен,
Ночью слушает долгий стон.

Мне бы тот найти образок,
Оттого что мой близок срок,

Мне бы снова мой черный платок,
Мне бы невской воды глоток.

[1940]

№ 45 к стр. 167

Уложила сыночка кудрявого
И пошла на озеро по воду,
Песни пела, была веселая,
Зачерпнула воды и слушаю:
Мне знакомый голос прислышался,
Колокольный звон
Из-под синих волн,
Так у нас звонили в граде Китеже.
Вот большие бьют у Егория,
А меньшие с башни Благовещенской,
Говорят они грозным голосом:

«Ах, одна ты ушла от приступа,
Стона нашего ты не слышала,
Нашей горькой гибели не видела.
Но светла свеча негасимая
За тебя у престола Божьего.
Что же ты на земле замешкалась
И венец надеть не торопишься?
Распустился твой крин во полунощи,
И фата до пят тебе соткана.
Что ж печалишь ты брата-воина
И сестру голубицу схимницу,
Своего печалишь ребеночка?..»
Как последнее слово услышала,
Света я пред собою не взвидела,
Оглянулась, а дом в огне горит.

Март, 1940

№ 46 к стр. 171

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке, —
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.
И клонятся головы ниже,
Как маятник, ходит луна.

Так вот — над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.

[5 августа 1940]

№ 47 к стр. 172

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Далеко в лесу огромном,
Возле синих рек,
Жил с детьми в избушке темной
Бедный дровосек.

Младший сын был ростом с пальчик, —
Как тебя унять,
Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,
Я дурная мать.

Долетают редко вести
К нашему крыльцу,
Подарили белый крестик
Твоему отцу.

Было горе, будет горе,
Горю нет конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца.

№ 48 к стр. 173

И мальчик, что играет на волынке,
И девочка, что свой плетет венок,
И две в лесу скрестившихся тропинки,
И в дальнем поле дальний огонек, —

Я вижу все. Я все запоминаю.
Любовно-кротко в сердце берегу.
Лишь одного я никогда не знаю
И даже вспомнить больше не могу.

Я не прошу ни мудрости, ни силы.
О, только дайте греться у огня!
Мне холодно... Крылатый иль бескрылый,
Веселый бог не посетит меня.

1911

*№ **49** к стр. 177*

ТЕНЬ

Что знает женщина одна о смертном часе?
О. Мандельштам

Всегда нарядней всех, всех розовей и выше,
Зачем всплываешь ты со дна погибших лет
И память хищная передо мной колышет
Прозрачный профиль твой за стеклами карет?
Как спорили тогда — ты ангел или птица!
Соломинкой тебя назвал поэт.
Равно на всех сквозь черные ресницы
Дарьяльских глаз струился нежный свет.
О тень! Прости меня, но ясная погода,
Флобер, бессонница и поздняя сирень
Тебя — красавицу тринадцатого года —
И твой безоблачный и равнодушный день
Напомнили... А мне такого рода
Воспоминанья не к лицу. О тень!

[9 августа 1940]

*№ **50** к стр. 185*

Покорно мне воображенье
В изображеньи серых глаз.
В моем тверском уединенье
Я горько вспоминаю вас.

Прекрасных рук счастливый пленник
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели вы,

Вы, приказавший мне: довольно,
Поди, убей свою любовь!
И вот я таю, я безвольна,
Но все сильней скучает кровь.

И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет вам,
Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам?

Слепнево
1913

№ 51 к стр. 203

ЛОНДОНЦАМ

Двадцать четвертую драму Шекспира
Пишет время бесстрастной рукой.
Сами участники грозного пира,
Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лира
Будем читать над свинцовой рекой;
Лучше сегодня голубку Джульетту
С пеньем и факелом в гроб провожать,
Лучше заглядывать в окна к Макбету,
Вместе с наемным убийцей дрожать, —
Только не эту, не эту, не эту,
Эту уже мы не в силах читать!

1940

№ 52 к стр. 217

Но я предупреждаю вас,
Что я живу в последний раз.
Ни ласточкой, ни кленом,
Ни тростником и ни звездой,
Ни родниковою водой,
Ни колокольным звоном —
Не буду я людей смущать
И сны чужие навещать
Неутоленным стоном.

1940

№ 53 к стр. 217

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари...
Ночь.

[«Реквием», 3]

№ 54 к стр. 234

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

И в пестрой суете людской
Все изменилось вдруг.
Но это был не городской,
Да и не сельский звук.
На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в громе влажность есть
Высоких свежих облаков
И вожделение лугов —
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить — по тому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

[Сентябрь 1941]

Лев Николаевич Гумилев (1912—1992) — сын Гумилева и Ахматовой; востоковед, специалист по истории народов Центральной Азии. Лев Гумилев был арестован в 1935 году, но после письма Ахматовой к Сталину освобожден; снова арестован в 1938 году; в 1944-м из ссылки в Туруханском крае (куда он был отправлен после лагеря) Лев Гумилев ушел добровольно на фронт.

После войны, в 1948 году, Гумилев защитил кандидатскую диссертацию на тему *«Политическая история первого тюркского каганата (546—659 гг.)»*. В 1949 году он был арестован опять; освобожден и реабилитирован лишь в 1956-м. Через четыре года, в 1960 году, Лев Гумилев опубликовал книгу: *«Хунну. Срединная Азия в древние времена»* (М.: Изд-во восточной лит.); в 1961-м он стал доктором исторических наук, защитив диссертацию на тему *«Древние тюрки VI—VII вв.»*. Но это была не единственная докторская диссертация Гумилева: в середине семидесятых он защитил докторскую и по наукам географическим на тему *«Этногенез и биосфера Земли»*.

Лев Николаевич занимался историей древних тюрков и других степных народов Евразии, изучал и устанавливал историко-культурные типы народов в их связи с характером географической среды, занимался историей средневекового тибетского искусства, проблемой *«Слова о полку Игореве»* и др. Им опубликованы книги: *Открытие Хазарии* / С предисловием проф. М.И.Артамонова. М.: Наука, 1966; *Древние тюрки*. М.: Наука, 1967; *Поиски вымышленного царства: Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»* / С предисловием проф. С.Руденко. М.: Наука, 1970; *Хунны в Китае: Три века войны Китая со степными народами III—VI вв.* М.: Наука, 1974; *Старобурятская живопись*. М.: Искусство, 1977.

Среди книг Льва Гумилева, опубликованных в последние годы, укажем научные: *«Древняя Русь и великая степь»* (М., 1989); вышедшая трижды *«Этногенез и биосфера Земли»* (последнее издание — Л., 1990) и книгу религиозную (созданную вместе с А.Панченко) *«Чтобы свеча не погасла»* (Л., 1990).

Анна Андреевна, рассказывая мне о своих попытках спасти сына, с особой благодарностью упоминала имя писательницы Л.Сейфуллиной, в разные времена называла ученых: М.И.Артамонова, А.П.Окладникова, В.В.Струве; после смерти Сталина, на моей памяти, хлопоты велись ею через посредство писателей А.Суркова, А.Фадеева, И.Эренбурга, востоковеда Н.И.Конрада и архитектора Л.В.Руднева.

Постоянной помощницей Анны Андреевны в хлопотах, а потом первым биографом Л.Гумилева, была Э. Г. Герштейн. В 1976 году за границей ею опубликована специальная работа о его освобождении — см. *«Мемуары и факты»* в журнале «Russian Literature Triquarterly», № 13 (Ann Arbor: Ardis), а у нас, в Советском Союзе — в 1989-м, в журнале «Горизонт», № 6.

Оценка научных трудов Л.Гумилева дана специалистами, главным образом, в предисловиях к его книгам; биография же, кроме работы Герштейн *«Мемуары и факты»* — в ее воспоминаниях *«Лишняя любовь»* — «Новый мир», 1993, № 11 и 12.

Матвей Петрович Бронштейн (1906—1938) — физик-теоретик, сотрудник Ленинградского физико-технического института (ныне Институт имени А.Ф.Иоффе), доцент Ленинградского университета, автор научных работ в области теории гравитации, космологии, астрофизики, релятивистской квантовой теории. Этим, однако, вклад М.П.Бронштейна в науку не ограничивается: ему принадлежат, в частности, статьи по ядерной физике и теории полупроводников.

Работы М.П.Бронштейна начали появляться в печати с 1925 года. Публиковались они в «Журнале Физико-хи-

мического общества», в «Physikalische Zeitschrift», в «Журнале геофизики и метеорологии», в «Научном слове» и многих других.

В ноябре 1935 года М.П.Бронштейн защитил докторскую диссертацию на тему *«Квантование гравитационных волн»*. Результаты этой диссертации опубликованы в 1936 году в VI томе «Журнала экспериментальной и теоретической физики», а в 1979-м часть статьи 1936 года напечатана снова, на этот раз в сборнике *«Альберт Эйнштейн и теория гравитации»* (М.: Мир).

Под редакцией и с предисловием М.П.Бронштейна вышли переводы нескольких иностранных книг, посвященных разным отделам физики (например, в 1937 году — книга П.А.М. Дирака *«Основы квантовой механики»*, в ОНТИ).

Кроме чисто научных работ (всего их более тридцати), М.П.Бронштейн был автором популярных журнальных статей, и научно-популярных, и научно-художественных книг: так, в 1935 году в ОНТИ вышли две его популярные книги: *«Строение вещества»* и *«Атомы, электроны, ядра»*; в 1936-м в Детгизе — первая из научно-художественных: *«Солнечное вещество»*; в 1937-м там же *«Лучи Икс»* и *«Изобретатели радиотелеграфа»*. Научно-художественная литература — один из видов литературы научно-популярной. Этот жанр культивировал С.Я.Маршак в своей редакторской деятельности в Детгизе. Книга *«Изобретатели радиотелеграфа»* вышла в момент ареста Матвея Петровича, и весь тираж ее был уничтожен. Напечатанным оказался лишь первый вариант в журнале «Костер» (1936. № 4–5).

О роли, которую сыграл М.П.Бронштейн в развитии теоретической физики, популярной и научно-художественной литературы, см., в частности: БСЭ, 3-е изд. Т. 4; М.С.Соминский. *Абрам Федорович Иоффе*. М.; Л.: Наука, 1964; В.Я.Френкель. *Яков Ильич Френкель*. (М.; Л., 1966); С.Я.Маршак. *Повесть об одном открытии* // Год XVIII: Альманах восьмой / Под ред. А.М. Горького. М., 1935; Лидия Чуковская. *О книгах забытых или незамеченных* // ВЛ, 1958, № 2; Л.Ландау. *Не-*

сколько слов об этой книге: Предисл. к кн.: Солнечное вещество. 2-е изд. М., 1959; Д.Данин. *Жажда ясности* // НМ, 1960, № 3; Г.Е.Горелик. *Первые шаги квантовой гравитации и планковские величины* // Эйнштейновский сборник, 1978—1979. М.: Наука, 1983; Г.Е.Горелик, В.Я.Френкель. *М.П.Бронштейн и его роль в становлении квантовой теории гравитации* // Эйнштейновский сборник, 1980-1981. М.: Наука, 1985; А.Д.Сахаров. *Воспоминания*. Нью-Йорк: Изд-во им.Чехова, 1990, с.165 и журнал «Знамя», 1990, № 11, с. 147.

В 1989 году в изд-ве «Наука» вышла книга Г.Е.Горелика и В.Я.Френкеля *«Матвей Петрович Бронштейн»*; в 1994-м на Западе по-английски появилась книга тех же авторов *«Матвей Петрович Бронштейн и советская теоретическая физика тридцатых годов»* (Basel: Birkhäuser Verlag). Еще до этого, в 1990-м, в Советском Союзе, в серии «Библиотечка “Квант”» в издательстве «Наука» был опубликован сборник, включающий в себя все три научно-художественные произведения М.Бронштейна под общим заглавием *«Солнечное вещество»*.

М.П.Бронштейн был арестован в августе 1937 года. Официальные справки о гибели моего мужа и реабилитации «за отсутствием состава преступления» я получила лишь через двадцать лет, в 1957 году. Из сопоставления даты «смерти», обозначенной в одной справке, с датой приговора — в другой, явствует, что «судим» он был 18 февраля 1938 года и «умер» — т.е. расстрелян — в тот же день. В феврале 1938 года приходили и за мною, но случайно не застали дома.

В хлопотах об освобождении М.П.Бронштейна принимали участие физики: С.И.Вавилов, А.Ф.Иоффе, Л.И.Мандельштам, И.Е.Тамм, В.А.Фок; писатели: С.Маршак, К.Чуковский.

За сценой

Факты, люди, книги, документы

Приношу глубокую благодарность друзьям, безотказно помогавшим мне в моей работе: *Э. Г. Герштейн, Н. Н. Глен, В. М. Жирмунскому, Вяч. Вс. Иванову, В.Н.Корнилову, А. Г. Найману, Н. А. Ольшевской, Евг. Б. и Е. В. Пастернакам, М. С. Петровых*.

Приношу также благодарность *Ж. О. Хавкиной* — незаменимой помощнице в моей многолетней работе — и *Е. Ц. Чуковской*. Выражаю особую признательность *Е. Б. Ефимову*, обогатившему мой труд разнообразными библиографическими и архивными сведениями.

Предупреждаю читателей, что в примечаниях под строкой и в отделе «За сценой» использованы сведения, почерпнутые мною из книг и статей, вышедших не позднее 1992, а иногда и 93-го и 94-го года.

Под строкой приводятся только самые необходимые сведения: либо кратчайшие справки о фактах и людях, либо библиографические ссылки на произведения Ахматовой и отрывки из ахматовских текстов.

Весь дополнительный разъясняющий материал расположен в соответствии с датами моего дневника и помещен в отделе «За сценой».

1938

[1] ***Николай Николаевич Пунин*** (1888—1953) — искусствовед, художественный критик, автор книг «Японская гравюра» (1915), «Андрей Рублев» (1916), «Татлин» (1921). В 1920 году вышла книга Н.Пунина «Современное искусство» (цикл лекций), в 1927—1928-м «Новейшие течения в русском искусстве», в 1940-м — учебник по «Истории западноевропейского искусства». Через много лет после гибели и реабилитации Пунина издательство «Советский художник» в 1976 году опубликовало сборник его избранных статей: Н.Н.Пунин. Русское и советское искусство.

До революции (с 1913-го по 1916-й) Н.Н.Пунин — сотрудник журнала «Аполлон»; после революции — комиссар при Русском музее и Ленинградском Государственном Эрмитаже; с 1918 года по начало двадцатых — заведующий Петроградским отделом изобразительных искусств; кроме того — преподаватель высших учебных заведений.

Пунин был арестован дважды; в первый раз — выпущен, а во второй — погиб в заключении.

Многие стихи Ахматовой посвящены Пунину. Так, например, «Небывалая осень построила купол высокий» (БВ, Anno Domini); «И ты мне все простишь» (ББП, с. 288); «Уводили тебя на рассвете» («Узнают...», с. 295); «От тебя я сердце скрыла» — *№ 21*; «Не недели, не месяцы — годы», «И как всегда бывает в дни разрыва», «Я пью за разоренный дом» (БВ, Тростник). После кончины Н.Н.Пунина Ахматова посвятила ему стихотворение «И сердце то́ уже не отзовется» (БВ, Седьмая книга).

К Пунину обращена также одна из «Северных элегий» («Так вот он — тот осенний пейзаж»); если судить по строкам

> Пятнадцать лет — пятнадцатью веками
> Гранитными как будто притворились —

брак Анны Андреевны с Пуниным длился пятнадцать лет (с 1923-го по 1938-й год). Впоследствии надо всем циклом «Северных элегий» Ахматова поставила эпиграф из Пушкина «Все в жертву памяти твоей...» Очень может быть, что слова эти отнесены ею к Пунину. Об отношениях между

ними в первые годы их брака см. в альманахе «Лица» работу И.Н.Пуниной «Из архива Николая Николаевича Пунина» — работу, в которой, в частности, приводится переписка между Анной Андреевной и Николаем Николаевичем в ту пору, когда он, в 1927 году, уезжал в командировку в Японию. Дочери Н.Н.Пунина, Ирине Николаевне, принадлежит также и биографический очерк о нем — см. книгу «Ахматовские чтения».

[2] ***Василий Васильевич Князев*** (1887—1937) — поэт; до революции — сатирик, после революции — автор стихотворных сборников «Красное Евангелие» (1918), «Песни Красного звонаря» (1919), «Красные звоны и песни» (1918); постоянный сотрудник «Красной газеты». В 1937 году Князев был арестован и расстрелян.

Князь ***Дмитрий Петрович Святополк-Мирский*** (1890—1939) — знаток русской и английской литературы, критик и публицист; в Англии, куда он эмигрировал в 1922 году, он составлял антологии русской поэзии, писал о русской литературе и преподавал русскую литературу в Лондонском университете; в 1932 году, уже членом Коммунистической партии Великобритании и участником движения «евразийцев», Святополк-Мирский вернулся в Советский Союз; здесь он публиковал статьи об Элиоте, Джойсе, Смоллетте, Хаксли (одни в журналах, другие как предисловия к сочинениям) и составил антологию английской поэзии. В 1937 году Д.П.Святополк-Мирский был арестован и в 1939-м умер в лагере.

[3] А. А. прочитала: «Еще не умер ты, еще ты не один» и «Как по улицам Киева-Вия» — см.: ББП—М., с. 187 и 200.

[4] По-видимому, я приняла утверждение Анны Андреевны насчет ее болезни за медицински установленный факт — и сразу сообщила об этой беде Корнею Ивановичу. Недавно мне стало известно, что в ЦГАЛИ хранится следующий документ, адресованный А.А.Фадееву и написанный рукою Корнея Ивановича:

«Дорогой Александр Александрович. На днях, 25-го или 26-го февр., приезжает в Москву Анна Ахматова. У нее рак. Рак внешний — на лбу, — так что ее еще возможно спасти. Остановится она у Николая Ив. Харджиева. [тел.:] К4-21-90. Горячо просим Вас принять самые решительные меры, чтобы ей немедленно была оказана медицинская и денежная помощь,

Ф.Панферов, К.Чуковский, Вера Инбер,
С.Маршак, Ольга Форш»

Справа на полях пометка, сделанная чьей-то неизвестной рукой: «По словам Н.И.Харджиева, А.Ахматова в наст[оящее] время в мед[ицинской] и матер[иальной] помощи не нуждается. 27/II.39»(ЦГАЛИ, ф. 631, СП СССР, оп. 15, ед. хр. 407, л. 96).

[5] ***Николай Иванович Харджиев*** (1903—1996) — прозаик, искусствовед, стиховед. Ему принадлежит стилизованная под авантюрные повести XVIII века повесть «Янычар» — о купце Баранщикове, испытавшем множество приключений и побывавшем во множестве стран: сначала его продали в солдаты, затем он был похищен пиратами и т.д. (1933). В 1949-м вышла, написанная им вместе с В.Трениным, книга об изобретателе Ползунове «Огненная машина»; в 1954-м — «Судьба художника» — о Федотове. Н.Харджиев — автор статей о новаторстве в изобразительном искусстве, а также о поэзии. См., например, статьи «Маяковский и живопись» (1940). Н.Харджиев — вместе с В.Трениным — редактировал первый том первого посмертного

Полного собрания сочинений В.Маяковского (1935); совместно с Т.Грицем —книгу «Неизданные произведения» Велимира Хлебникова (1940); им подготовлены к печати и прокомментированы избранные стихи О.Мандельштама для Большой серии «Библиотеки поэта» (ББП-М).

Н.И.Харджиев — близкий друг Ахматовой и Мандельштама. А. А. и Николай Иванович познакомились в Ленинграде в 1930 году; с тех пор Ахматова имела обыкновение советоваться с Николаем Ивановичем о своих стихах, переводах, прозе. Написав воспоминания об Амедео Модильяни, А. А. приложила к ним небольшое исследование Н.Харджиева, в котором он сопоставляет рисунок Модильяни, изображающий Ахматову, «с фигурой одного из известнейших архитектурно-скульптурных сооружений XVI столетия». Исследователь имеет в виду созданную Микеланджело аллегорическую фигуру «Ночь», помещенную на крыше саркофага Джулиано Медичи. (См. московский альманах «День поэзии», 1967.)

В 1989 году в журнале «Вопросы литературы», № 6, Э.Бабаевым опубликованы письма Анны Ахматовой к Н.И.Харджиеву; та же публикация в сильно расширенном виде помещена в 1992 году в сборнике «Ахматовские чтения». И в том же выпуске — статья Н.И.Харджиева «О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой». (В этой статье Н. И. утверждает, что некоторые переводы, подписанные именем Анны Ахматовой, исполнены самостоятельно им.)

6 *Я всю Фонтанку обжила... тут жила с Олей.* — На набережной Фонтанки, сколько мне известно, А. А. жила в разные годы в таких домах: в 1921—1922-м — в доме № 18, в четвертом дворе; в 1924 году — на углу бывшей Французской (ныне Кутузовской) набережной, на Фонтанке, 2; прожила она около тридцати лет на Фонтанке, 34, в знаменитом Фонтанном дворце князей Шереметевых — или, точнее, сперва, недолгое время, в «южном», а позднее (если исключить годы эвакуации), вплоть до 1952 года — в «северном» флигеле этого знаменитого Дома.

Оля — ***Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина*** (1885—1945) — драматическая актриса, певица, танцовщица, близкий друг Анны Андреевны. Имя ее неразрывно связано с ночным артистическим кабаре «Бродячая собака» (см. «Записки», т. 2, «За сценой»: 180). О ней самой и о

ее месте в жизни и в поэзии современников, а также в поэзии Ахматовой см. комментарии В.Жирмунского в БВП, на с. 457 и 513; в статье Корнея Чуковского «Читая Ахматову» (журнал «Москва», 1964, № 5) и во втором томе моих «Записок». Образ ее запечатлен и в заграничных изданиях. Так, в альманахе V «Воздушные пути» опубликованы мемуары Артура Лурье: «Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина» (Нью-Йорк, 1967). В 1972 году во Франции, появилась целая книга об Ольге Судейкиной — о ее жизни, о близких ей людях, о ее работе в театре, о созданных ею куклах, вышивках, о ее рисунках на фарфоре, о ее переводах. См.: Eliane Moch-Bickert. Olga Glebova-Soudeikina — amie et inspiratrice des poètes. Thèse prés. devant l'Univ. de Paris. IV. Lille. В 1993 году книга эта опубликована по-русски под заголовком «Коломбина десятых годов...». Составитель и научный редактор Ю.Молок. Комментарий и предисловие Нины Поповой. (Она же — директор Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.)

7 ***Михаил Леонидович Лозинский*** (1886—1955) — поэт, член «Цеха поэтов», переводчик, редактор переводов, на протяжении четырех с лишним десятилетий — преданный друг Анны Ахматовой. Недаром именно в стихотворении, обращенном к Лозинскому, Ахматова дает свое знаменитое определение дружбы:

...над временами года,
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена....

— и в своем «Слове о Лозинском» тоже подчеркивает преданность друзьям, как главную черту покойного.

В 1912 году Михаил Лозинский посвятил Анне Андреевне стихотворение «Не забывшая» (в 1916-м оно вошло в сборник «Горный ключ»); Ахматова обращала к Лозинскому стихи, начиная с 1913 года по 1940-й: «Не будем пить из одного стакана» (1913; БВ, Четки); «Он длится без конца — янтарный, тяжкий день» (1913; БВ, Четки); «Они летят, они еще в дороге» (1916; БВ, Белая стая); «Надпись на книге» (1940; БВ, Тростник). В.М.Жирмунский полагает также (см. БВП, с. 457), что к Лозинскому, кроме перечисленных, обращены еще два стихотворения Ахматовой 1913 года:

10—3280

«Солнце комнату наполнило» и «Ты пришел меня утешить, милый!» (ББП, с. 72).

До революции М.Л.Лозинский был секретарем журнала «Аполлон» и владельцем издательства «Гиперборей». После революции ведал переводами с итальянского в издательстве «Всемирная литература» как один из членов редакционной коллегии. Начиная с двадцатых годов переводы стали для Михаила Леонидовича главным делом жизни. Он переводил Данте, Бенвенуто Челлини; Лопе де Вега, Тирсо де Молина; Гете, Шиллера; Шекспира, Джона Флетчера, Киплинга; Корнеля, Леконта де Лиля, Мольера, Ромена Роллана. Переводил Лозинский и армянского поэта Саят-Нова и грузинского — Н.Бараташвили; принимал участие в переводе «Шахнаме» Фирдоуси и армянского эпоса «Давид Сасунский».

«...В трудном и благородном искусстве перевода, — пишет Ахматова (см. “Слово о Лозинском”), — Лозинский был для двадцатого века тем же, чем был Жуковский для века девятнадцатого... С Михаилом Леонидовичем Лозинским я познакомилась в 1911 году, когда он пришел на одно из первых заседаний “Цеха поэтов”. Тогда же я первый раз услышала прочитанные им стихи».

Об М.Л.Лозинском см. очерк его внука — Ивана Толстого «Круто к ветру!» (сб. «Ленинградская панорама», Л.: Сов. писатель, 1988, с. 436) и воспоминания Елизаветы Миллер «Михаил Леонидович Лозинский» («Русская мысль», 6 апреля 1990).

Об М.Л.Лозинском см. также «Записки», т. 2 и т. 3.

[8] ***Дмитрий Николаевич Журавлев*** (1900—1991) — поначалу ученик, а затем и актер Вахтанговского театра. В 1931 году Д.Н.Журавлев увлекся «художественным чтением» и начал выступать с эстрады; в его репертуаре самые разнообразные произведения русской и западноевропейской поэзии и прозы: Пушкин, Гоголь, Блок, Маяковский, Ахматова, Мериме, Мопассан.

А.А. познакомилась с Дмитрием Николаевичем в 1938 или 1939 году: знакомство состоялось после того, как Ахматова услыхала прочитанную им «Пиковую даму». Упоминание о чтении «Шинели» — см. «Записки», т. 2.

Д.Н.Журавлев — автор воспоминаний об Ахматовой, опубликованных в его книге «Жизнь, искусство, встречи» (М.: ВТО, 1985). См. также сб. «Воспоминания».

[9] Слова из рассказа Чехова. А. А. «низшей расой» в данном случае называет мужчин. У Чехова же их произносит, относя это определение не к мужчинам, а к женщинам, Дмитрий Дмитриевич Гуров — герой рассказа «Дама с собачкой».

[10] В 1937 году, в пору разгрома Ленинградского отделения Детиздата, возглавляемого С.Я.Маршаком, Александра Иосифовна Любарская, член этой редакции, была арестована. На следствии ее обвиняли в шпионаже в пользу Японии и во вредительстве. 14 января 1939 года она была освобождена и, когда мы увиделись, рассказала мне о перенесенных ею избиениях во время допроса. Мы были друзьями издавна: еще до совместной работы в редакции вместе учились на Словесном отделении Государственных курсов при Институте истории искусств. (О разгроме «ленинградской редакции» см.: Лидия Чуковская. В лаборатории редактора. 2-е изд. М.: Искусство, 1963, с. 322; А.Любарская. Хуже, чем ничего // Нева, 1989, № 1; А.Любарская. Как это было // Нева, 1990, № 10, а также «Записки», т. 2).

А.И.Любарская (р. 1908) — редактор и фольклорист. Многие народные и литературные сказки выходили и выходят в свет в ее обработке. В ее обработке вышли сказки народов Советского Союза — сначала под заглавием «Волшебный колодец» (1945), а затем — «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве» (1966 и 1971). Ею выполнен прозаический пересказ карело-финского эпоса «Калевала», выдержавший множество изданий. Совместно с Т.Габбе А.Любарская подготовила к печати сборник «По дорогам сказки»; совместно с З.Задунайской — знаменитую книгу Сельмы Лагерлеф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями»; ею пересказаны и обработаны также «Сказки Топелиуса», сказки Асбьернсена и многие другие.

[11] *Геша* — ***Герш Исаакович Егудин*** (1908—1984), математик, Митин и мой друг. Это он спас меня в феврале 1938 года: позвонил из Ленинграда в Москву и дал понять приютившим меня знакомым, что за мной на ленинградскую квартиру приходили с ордером на арест. (См. «Вместо предисловия».)

[12] Наиболее точные требования футуристов, предъявляемые ими к разбивкам строк и знакам препинания в стихах, — высказал Маяковский в статье «Как делать стихи» (1926).

«Размер и ритм вещи значительнее пунктуации, и они подчиняют себе пунктуацию, когда она берется по старому шаблону.

Все-таки все читают стих Алексея Толстого:

Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилася током,

как —

Шибанов молчал из пронзенной ноги...

Дальше:

Довольно. Стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться, —

читается, как провинциальный разговорчик:

Довольно стыдно мне...»

Далее Маяковский объясняет, почему в своих стихах «Сергею Есенину» он не точку ставит и не восклицательный знак между словами «Пустота... Летите», а ломает написание строки на части:

Пустота...
Летите,
в звезды врезываясь.

[13] Борис Пастернак. Охранная грамота. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931, с. 15.

[14] [*У Мопассана*] *я только один рассказ люблю — тот, где человек сходит с ума.* — Напоминаю: человек сходит с ума в рассказе «Орля» (1886). Недавно я перечла его. Рассказ написан в форме дневника душевнобольного, страдавшего чем-то вроде мании преследования. Герою представляется, будто рядом с ним, под одним с ним кровом, у него в доме, поселилось невидимое, но грозное и могущественное чудовище (которое он называет «Орля»). Чудовище воздействует на него силою внушения, а по ночам высасывает жизнь из сомкнутых губ. Для проверки — существует ли Орля в самом деле — герой проделывает многие опыты: например, оставляет с вечера на столе хлеб, графины с водой, молоком, вином, а утром обнаруживает, что вода и молоко выпиты. Поначалу герой считает Орля плодом своего расстроенного воображения, но постепенно убеждает себя в реальности его присутствия и пробует уничтожить — сжечь.

Я не знаю, в каком году Ахматова впервые прочитала этот рассказ. Но когда теперь я перечитываю свои ахматовские записи, я не могу не вспомнить постоянных споров Анны Андреевны с окружающими: был ли у нее в ее отсутствие обыск? Все говорили: «нет, это вам кажется». И, наконец, нельзя не принять во внимание многих и многих стихов — хотя бы «Северную элегию» 1921 года, обращенную к Гумилеву:

В том доме было очень страшно жить
. . . .
И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко
. . . .
Теперь ты там, где знают всё, скажи —
Что́ в этом доме жило кроме нас?

Разве это не то же ощущение, каким преисполнен герой мопассановского рассказа: кто-то невидимый вечно следит за мной, а может быть, и живет вместе со мной под одной кровлей?

Мне кажется, Ахматова постоянно, как заклинание, твердила про себя пушкинское: «Не дай мне Бог сойти с ума...» Ум ее был трезв, ясен, проницателен. И именно поэтому сознание ее было преисполнено ужасом перед действительностью (которую не постигали другие) и страхом перед возможной утратой своего рассудка. Действительность была чудовищна; заглядывая в подвал памяти, Ахматова восклицала:

Но где мой дом и где *рассудок* мой?

— или, создавая свой «Реквием»:

Уже *безумие* крылом
Души накрыло половину...

...Вот на какие, вовсе необязательные, мысли навело меня перечитывание своих «Записок» и упомянутого Ахматовой мопассановского рассказа о «человеке, который сходит с ума».

15 ...*статуэтка работы Данько.* — Фарфоровая статуэтка, созданная Наталией Яковлевной Данько, скульптором-керамисткой на Государственном фарфоровом заводе в 1923

году. Кроме статуэтки ***Наталия Данько*** (1892—1942) создала также и бюст Ахматовой, отлитый в бронзе. С фотографиями этих двух работ можно ознакомиться в книге: В.Виленкин. В сто первом зеркале. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М.: Сов.писатель, 1990.

Фарфоровая статуэтка работы Наталии Данько расписана рукою ее сестры, Елены Яковлевны, одно время тоже работавшей на том же заводе. (Тогда — Государственном, а с 1925-го — Государственном имени М.Ломоносова.) ***Елена Яковлевна Данько*** (1898—1942) — не только художница, но и писательница, поэтесса, мемуаристка, драматург. Кроме воспоминаний об Ф.Сологубе, она — автор нескольких пьес для кукольного театра и нескольких детских книг, из которых наибольшую известность приобрела книга по истории первого фарфорового завода в России — «Китайский секрет» (М.; Л., 1929).

Рассказывая о своей поездке в Москву в гости к Мандельштамам —накануне ареста Осипа Мандельштама в 1934 году — Ахматова сообщает, что денег на билет у нее не было и она вынуждена была продать «Орденский знак Обезьяньей палаты» А.Ремизова и статуэтку Данько. «Их купила С.Толстая для музея Союза писателей», — сообщает Ахматова. (См. Анна Ахматова. Сочинения в двух томах. Том 2. М.: Худож. лит., 1990, с. 214.)

Фотографии многочисленных работ Наталии Данько, созданных ею на фарфоровом заводе, представлены Ю.М.Овсянниковым в сб. «Панорама искусств», 6 (М., 1983). Тут и скульптурные изображения Новикова, Пушкина, Анны Павловой, и фигурка милиционера, и партизан, и молодая женщина, вышивающая красное знамя, и горчичница, и чернильница, и кружка, и пудреница. Избранные стихи Елены Данько и ее воспоминания о Федоре Сологубе с предисловием М.М.Павловой см. в альманахе «Лица».

Ахматова была дружна с обеими сестрами Данько. Обе они погибли во время ленинградской блокады, когда, в марте 1942 года, их, полумертвыми, эвакуировали из осажденного города на Урал. Елена Яковлевна скончалась в пути, в эшелоне, а Наталия Яковлевна — вскоре после приезда к месту назначения — в Ирбите.

Елена Яковлевна — автор стихов, обращенных к Анне Андреевне (см. сборник «Посвящается Ахматовой», с. 76).

[16] *Спросила, слышала ли я о Палладе?* — Привожу полностью строки, посвященные Палладе Олимпиевне Гросс исследователями литературы Р.Д.Тименчиком и А.Е.Парнисом:

«***Гросс*** (Старынкевич, Богданова-Бельская, графиня Берг, Дерюжинская, Педди-Кабецкая) ***Паллада Олимпиевна*** (1887—1968) — поэтесса, автор сборника «Амулеты» (Пгр., 1915), окончила Драматическую студию, руководимую Н.Евреиновым. Она послужила прототипом Полины в романе Кузмина “Плавающие-путешествующие”. Ей посвящено много стихотворений петроградских поэтов, составивших известный в литературных кругах “Альбом Паллады”. Некоторые из них опубликованы, например: М.Гартевельд. Ночные соблазны. СПб., 1913, с. 55; Б.А.Садовской. Обитель смерти. М., 1917, с. 25; В.Курдюмов. Пудренное сердце. СПб., 1913, с. 51—52. Под именем Дианы Олимпиевны она выведена в повести О.Морозовой “Одна судьба” (Л., 1976), а под именем Паллады Скуратовой в кн.: В.Милашевский. Вчера, позавчера. Воспоминания художника. Л., 1972, с. 85». (Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник, 1983. Л.: Наука, 1985, с. 253.)

Привожу также отрывок из письма Паллады Гросс к Анне Ахматовой, написанного незадолго до смерти Анны Андреевны и за два года до смерти Паллады Олимпиевны:

«Наверное, я вскоре умру, потому что очень хочу Вас видеть и слышать — а я теперь тень безрассудной Паллады. Страшная тень и никому не нужная. А жизнь так интересно шумит и скачет... Слава Богу, что Вы по ней мчитесь вперед, я бесконечно радуюсь за Вас и горжусь Вами как современница Ваша.

Пишу свои воспоминания... Пишу долго и чаще лежа». (См. в сб.: Об Анне Ахматовой. Стихи. Эссе. Воспоминания. Письма / Составитель М.М.Кралин. Л.: Лениздат, 1990, с.550.)

[17] *Володя* — ***Владимир Казимирович Шилейко*** (1891—1930) — ассиролог, специалист по древнейшим культурам Передней Азии, знаток мертвых клинописных языков; основной его труд — «Вотивные надписи шумерийских правителей» (1915). Владимир Казимирович занимался также переводами и писал собственные стихи — среди них и посвященные Анне Андреевне. (См. сборник «Посвящается Ахматовой», с. 42 и 43.) Владимир Казимирович — второй

муж Ахматовой. Они поженились в 1918 году и разошлись в 1921-м. Одно время жили в Москве.

Анна Ахматова, составляя сборник «Бег времени» (см. машинописный экземпляр, хранящийся в ЦГАЛИ), создала особый цикл, обращенный к Шилейко: «Черный сон». Цикл состоял из шести стихотворений. Однако редакция ленинградского отделения издательства «Советский писатель» сочла необходимым цикл уничтожить и из шести стихотворений опубликовала только одно: «Третий Зачатьевский» (№ *44*). О работе над сборником «Бег времени», в которой я принимала участие, см. «Записки», т. 3.

О В.К.Шилейко см.: Вяч.Вс.Иванов. Одетый одеждою крыльев... —В кн.: Всходы вечности. Ассиро-вавилонская поэзия в переводе В.К.Шилейко. М., 1987. См. также: Тамара Шилейко. Легенды, мифы и стихи... // НМ, 1986, № 4.

18 *Ольга Николаевна* — ***Высотская*** (1885—1966) — актриса «Старинного театра» и Студии Мейерхольда. В 1912 году, работая в Александринском театре, В.Мейерхольд посвятил О.Н.Высотской свою режиссерскую работу над спектаклем «Заложники жизни» Ф.Сологуба. (См.: В.Э.Мейерхольд. Статьи, письма, речи, беседы. Т. 1. М.: Искусство, 1968, с. 235.)

19 ***Орест Николаевич Высотский*** (1913—1992) — сын Н.С.Гумилева и О.Н.Высотской. Одно время, после войны (на фронт он ушел добровольцем), Орест Николаевич был директором леспромхоза, одно время — директором мебельной фабрики. Защитив диссертацию, он занялся преподавательской деятельностью: в Кишиневе преподавал сначала в Политехническом институте, а затем и в Университете. (Точными сведениями о жизни и работе О.Н.Высотского я не располагаю.)

Единокровные братья Лев и Орест познакомились лишь в 1936 году; в 1938-м оба были арестованы: Лев отправлен на каторгу, а Орест освобожден (в 1939-м или 1940-м).

Подробнее об О.Н.Высотском см. в газетах «Советская Молдавия» от 21 февраля и «Молодежь Молдавии» от 17 марта 1988 года.

В 1987 году, в №№ 14 и 15 журнала «Огонек» Орест Высотский опубликовал хранившиеся у него первые четыре главы из «Африканского дневника» Н.Гумилева. См. также: Н.Гумилев. Сочинения в трех томах. Т. 2. М., 1991.

[20] ***Зоя Моисеевна Задунайская*** — так же, как и А.И.Любарская, Т.Г.Габбе и я, сначала училась на Словесном отделении Государственных курсов при Институте истории искусств, а позднее стала одним из редакторов Ленинградского отделения Детиздата. Из членов основного ядра «ленинградской редакции» в пору разгрома не арестованными остались только мы двое: я и Зоя Моисеевна. Меня выгнали первую; затем была уволена и З.Задунайская «за связь с врагами народа», то есть за дружбу с Любарской и Габбе. С нею вместе мы написали письмо Ежову, которое исхитрились передать ему в руки (через врача его бывшей жены). В этом письме мы утверждали неповинность наших товарищей и просили привлечь к делу нас и выслушать наши показания. Письмо не возымело никакого действия. Составляя его, хлопоча о доставке «прямо в руки», мы еще не знали тогда, что в ту пору никакие письма вообще в счет не принимались, так же как и устные и письменные заявления. Разница между устным и письменным была лишь в том, что письменные хотя и не помогали арестованному, но редко вредили писавшим. Когда же человек вставал на собрании и публично заявлял, что арестованный неповинен — вот тогда его наверняка арестовывали (если он был членом партии) или на годы лишали работы (если он был беспартийным). Однако система действий Большого Дома не была нам ясна, тем более, что в подробностях она постоянно менялась.

Зоя Моисеевна Задунайская (1903—1983) — совместно с Т.Габбе переработала и пересказала книгу Т.Б.Олдрича «Воспоминания американского школьника» (1932); а совместно с А.Любарской — «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» Сельмы Лагерлеф (1940). В последующие годы З.Задунайская начала заниматься фольклором. Она переработала и пересказала «Сказки народов Прибалтики», китайские сказки и, вместе с Н.Гессе, — итальянские сказки, молдавские и многие другие.

[21] *Я начала ей рассказывать... о провокациях Мишкевича, о его штуках с моим Маяковским.* — Еще до разгрома редакции я, по поручению С.Я.Маршака, вместе с поэтом и критиком Мироном Левиным, подготовила к печати однотомник стихов и прозы Маяковского (общая редакция Л. Ю. и О. М. Бриков). Г.И.Мишкевич, который в

ту пору стал главным редактором издательства, уличая меня во вредительстве и усердно приписывая мне соучастие в кознях арестованных «врагов народа», — привел на собрании, в качестве доказательства, перевранные цитаты из моих и Левина примечаний к то́му Маяковского.

Придираться к нашей работе он начал еще до полного разгрома редакции. То он требовал от меня обязательства, что ни один из упоминаемых нами комментаторов не окажется впоследствии «врагом народа». (Мог «оказаться» каждый человек.) То ставил мне в вину «семейственность». Знаменитый художник Владимир Васильевич Лебедев, ведавший в издательстве оформлением детских книг, украсил однотомник, кроме фотографий поэта, еще и его шаржами на моего отца и несколькими рисунками из «Чукоккалы». По Мишкевичу, «протаскивала» шаржи на отца — я.

В результате клевет «главного редактора» книга эта, как и многие другие, была загублена. И только ли книги! По заданию ли НКВД, Обкома партии или по собственной инициативе Г.И.Мишкевич, доказывая «вредительство группы Маршака», измышлял политические обвинения против М.П.Бронштейна, С.К.Безбородова, А.И.Любарской, Т.Г.Габбе, фальсифицировал, по свидетельству Самуила Яковлевича, сданные ими корректуры и т. д. В 1937 году, после арестов, партийная организация выпустила экстренный номер стенной газеты, где арестованные редакторы и писатели именовались шпионами, диверсантами, вредителями. Неподписанная передовая в экстренном номере принадлежала перу Мишкевича. Об этом мне рассказала машинистка, переписавшая для меня тайком весь номер газеты и подарившая мне его.

То ли в 1949-м, то ли в 1951 году Г.И.Мишкевич и сам был арестован — но не за разгром редакции, а по совершенно вымышленному, несуществовавшему делу.

О «штуках Мишкевича» с «моим Маяковским» и о других его подвигах я и собиралась рассказать Анне Андреевне. Она прервала меня. — *Написано в 1989 г.*

В журнале «Нева», где в 1989 г. был опубликован том первый моих «Записок», Мишкевич, манипулируя датами, выступил с опровержением (1990, № 6). Он, по-видимому, рассчитывал, что все свидетели его деятельности 37—38 гг. умерли. Он ошибся.

В том же году в № 10 «Невы» появилась статья А.Любарской под заглавием «Как это было» — о разгроме Лендетиздата в 1937-м и об активном участии в этом разгроме Г.И.Мишкевича.

А в 1993-м появилось в печати не только еще одно подтверждение, что Г.Мишкевич в 1937–38 годах работал в Лендетиздате, но, оказывается, загубив подготовленную мною и Мироном Левиным работу, он выпустил однотомник Маяковского под своим именем. (В качестве издательского редактора.) В № 12 журнала «Наш современник» опубликована статья Владимира Дядичева «Маяковский. Жизнь после смерти: продолжение трагедии». Статья посвящена роли Бриков в посмертных изданиях Маяковского. Между прочим упоминается в ней история детгизовского однотомника, сданного в набор в 1936 году и выпущенного в 1938-м.

«Обратим внимание... на петит издательского “квадратика”, — пишет В.Дядичев. — “*Редактор Г.Мишкевич. Книга сдана в набор 25/VII 1936 г. Подписана к печати 11/VI 1938 г. Лендетиздат...*”».

(Так вот одна из причин, по которой Мишкевич столь настойчиво придирался к нашей работе: ему хотелось стать издательским редактором однотомника произведений Маяковского самому!)

Итак, в июне 1938 года Мишкевич, в качестве издательского редактора, подписал к печати этот том. От прежнего состава книги сохранилось только заглавие, да еще подобранные В.В.Лебедевым, вменявшиеся мне в преступление, рисунки. Из стихов начисто изъята трагическая нота, хотя том издавался отнюдь не для младенцев.

Том открывается вступительной статьей О.М.Брика. О революционной деятельности маленького Володи, начавшейся еще в его ранние школьные годы, статья дает четкое представление. О поэзии — плоское, однолинейное. А что такое Маяковский без трагической лирики? Оставлен был один сплошной плакат.

Маяковский, как известно, покончил жизнь самоубийством. Разумеется, загнали поэта в смерть подлые наймиты капиталистических разведок. Цитирую:

«Враги советского народа, окопавшиеся в литературных организациях, подлые наймиты капиталистических разведок — бухаринцы, троцкисты, авербаховцы — смертельно не-

навидели Маяковского». «...Кровь Маяковского, так же как и кровь великого Горького, на их грязных руках».

С большим опозданием прочитав однотомник, выпущенный Детиздатом в 1938 году, я обрадовалась: хорошо, что подпись издательского редактора стоит не моя! Издательский редактор — Г.Мишкевич.

А тогда, в 1937 году, в стенгазете, вывешенной для всеобщей информации, сообщалось, что «Чуковская при попустительстве, имевшем место в издательстве, протаскивала контрреволюционные высказывания в однотомнике Маяковского...».

Это — из статьи директора Л.Криволапова «Добить врага! Воспитать новые кадры!» — *Продолжено в 1993 г.*

22 М.Бронштейн. Солнечное вещество. Л.: Детская литература, 1936.

23 *Это был единственный памятник Ленинграда, воспетый Маяковским.* — А. А. имеет в виду следующие строки из поэмы Маяковского «Человек»:

> Фонари вот так же врезаны были
> в середину улицы.
> Дома́ похожи.
> Вот так же,
> из ниши,
> головы кобыльей
> вылеп.
>
> — Прохожий!
> Это улица Жуковского?
>
> Смотрит,
> как смотрит дитя на скелет,
> глаза вот такие,
> старается мимо.
>
> «Она - Маяковского тысячи лет:
> он здесь застрелился у двери любимой».

24 ***Мирон Павлович Левин*** (1917—1940) — критик и поэт; когда он появился в редакции, ему не было и девятнадцати — в шутку все величали его по имени и отчеству: «Мирон Павлович». М.Левин — автор статей «С.Маршак» и «Маяковский и дети» (см. журнал «Детская литература», 1939, № 4), а также многочисленных стихотворений, при его жизни не увидевших света.

В эту пору Мирон Левин умирал от туберкулеза горла в крымском санатории До́лосы.

Стихи он посылал мне в письмах. Привожу те, которые я читала тогда Анне Андреевне:

Голос тихо исчезает,
Оставляет одного.
Так товарищи бросают
Тело друга своего.

Мы говорим веселые слова,
Но наша жизнь мертва, мертва, мертва.
И только в звонкой доблести острот
Пред нами жизнь как подвиг предстает.

Задумаем, милый, на счастье
Простое, простое число.
Чтоб нам хоть чуть-чуть, хоть отчасти,
Хотя бы на миг повезло.

Опять наступает
Привычный финал:
Четыре часа,
Не помог веронал.

Не спит человек
И не может уснуть.
И вот он в далекий
Пускается путь.

Идет на веранду,
Садится впотьмах.
Казенный халат,
Папироса в зубах.

Он видит, закрывши
Глаза, вдалеке
Свой город любимый
На дальней реке.

Михайловский замок у Летнего сада,
Каштаны и цирк, и Михайловский сад.
Вот все, что мне надо. Мне больше не надо.
Верните мне город и замок назад!

В 1991 году в журнале «Огонек» (№ 34) И.Кузнецовым опубликовано несколько стихотворений Мирона Левина; в 1992-м, в Париже, в газете «Русская мысль» (28 августа) — Софьей Поляковой, с небольшим вступлением, еще некоторые его стихи.

25 *Он [Коля], видно, славный человек, думающий, смелый...* — ***Николай Сергеевич Давиденков*** (1915—1950?) — биолог и литератор, сын заслуженного деятеля науки, знаменитого невропатолога С.Н.Давиденкова. Он был приятелем Льва Гумилева, арестован и сидел в тюрьме одновременно с ним; но в 39-м прихотливом году, в отличие от Левы, Коля, вместе с целой группой студентов, был отдан под обыкновенный суд, оправдан и выпущен.

Вскоре я подружилась с Колей и стала редактором популярной книжки о Дарвине, которую Давиденков начал писать для Дома Занимательной Науки.

Дальнейшая судьба Н.Давиденкова оказалась сложна и страшна: оправданный по суду, он, однако, не был восстановлен в университете. Из-за этого он подлежал призыву в армию, куда и был взят в начале 1941 года. Вместе с нашими войсками Давиденков побывал в Польше, откуда изредка писал мне. Затем письма прекратились — Гитлер напал на Советский Союз; под Минском Давиденков, тяжело раненный, взят был в плен, потом бежал из немецкого лагеря и опубликовал на Западе книгу (или несколько книг?) о тридцать седьмом годе, потом воевал с немцами в одном из союзнических соединений на западном фронте, потом оказался в советском плену, попал в лагерь, и в лагере был расстрелян.

Это всего лишь одна из случайно дошедших до меня версий военно-лагерной биографии Н.С.Давиденкова. Правда, в мае 1950 года я получила от него собственноручное письмо из лагеря — прощальное, — но в нем, разумеется, Коля почти ничего не имел возможности рассказать о себе. К письму были приложены стихи. В письме же, в частности, говорилось:

«Главное у меня оказались не стихи, а проза. Этим я жил (во всех смыслах) четыре года, прерывался только для войны — но тут я ударяюсь в биографию, от которой сохрани Бог».

В 50-е и 60-е годы до меня доходили лишь непроверенные слухи о Колином конце, и притом разные.

Подробно судьба Н.Давиденкова изложена в книге А.Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» (Ч. III, гл. 18).

Как мне говорила А.А., Коля и до ареста и после освобождения часто бывал у нее, читал ей свои стихи и знал наизусть «Реквием».

26 ***Анна Евгеньевна Аренс*** (1892—1943) — первая жена Н.Н.Пунина; по профессии — врач-терапевт. Замуж за Николая Николаевича Анна Евгеньевна вышла в 1917 году, а когда они разошлись — продолжала жить в той же квартире.

27 В.Г.Бенедиктов. Стихотворения / Вступительная статья, редакция и примечания Л.Я.Гинзбург. Л., 1939. (Б-ка поэта. Большая серия.)

28 ***Рахиль Ароновна Брауде*** (1901—1971) — мой друг и соседка; до 37 года она была секретарем нашей редакции, а после арестов редакторов и писателей ей, в обязательном порядке, предложено было подать заявление об уходе «по собственному желанию».

Жила она на улице Рубинштейна, окна против моих, и после ареста Матвея Петровича всячески заботилась обо мне, даже сменяла меня по ночам в тюремных очередях.

29 *...стихов его [В.Брюсова] не люблю и прозы тоже.* — В ранней юности Ахматова по-другому относилась к Валерию Брюсову: знала наизусть и любила его стихи. Об этом свидетельствуют хотя бы ее письма к С.В.Штейну, опубликованные и прокомментированные Э.Г.Герштейн — см.: НМ, 1986, № 9, с. 196.

30 Привожу отрывок из упомянутого Анной Андреевной письма Гумилева к Брюсову:

[11 мая 1909, Царское Село]

«Вы наверно уже слышали о лекциях, которые Вячеслав Иванович читает нескольким молодым поэтам, в том числе и мне. И мне кажется, что только теперь я начинаю понимать, что такое стих». (Н.С.Гумилев. Неизданные стихи и письма. Paris: YMCA-Press, 1980, с. 61.)

31 *По дневнику видно, какой дурной был человек... «Под видом массажа крутил руки брату».* — Говоря о «дневнике» Брюсова, Ахматова имеет в виду книгу Валерия Брюсова «Из моей жизни. Моя юность» (1927). Привожу

подлинный текст: «...мой брат был при смерти болен; медленно умирал в постели, ослепший и потерявший рассудок. Сердце мое сжималось от жалости к нему. Но я рассудочно был убежден, что жалость, как и всякая сентиментальность, — глупость. Я решительно преодолел в себе это чувство... временами у него бывали судороги и тогда ему растирали руки и ноги. Раз вечером я принял участие в этом растирании вместе с его сиделкой, его прежней кормилицей. Она растирала ноги, я — руки. Но вместо того, чтобы растирать, я стал всячески жать, коверкать ему руки, стараясь причинить ему бо́льшую боль. Он вырывался, он стонал все сильнее, но я упорствовал».

Брат Валерия Брюсова, Николай (1877—1887) скончался от опухоли мозга.

32 У Анны Андреевны были два брата: старший — ***Андрей*** (1886—1920) и младший — ***Виктор*** (1896—1976). Здесь (и на с. 94) А. А. говорит об Андрее. Об их матери, ***Инне Эразмовне***, в девичестве ***Стоговой*** (1856—1930), об отце — флотском инженере-механике ***Андрее Антоновиче Горенко*** (1848—1915) и обо всей семье, сестрах — ***Ирине*** (1892—1896), ***Инне*** (1883—1905), ***Ии*** (1894—1922), — см. в кн.: Amanda Haight. Anna Akhmatova. A Poetic Pilgrimage. New York and London: Oxford University Press, 1976; по-русски впервые: А.Хейт. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. М.,1991. См. также интервью с Виктором Андреевичем Горенко, опубликованное в сб. «Ахматова. Ардис».

33 «Литературный современник», 1937, № 1 был целиком посвящен Пушкину; по-видимому, А. А. интересовалась статьей Б.Казанского «Иностранцы о дуэли и смерти Пушкина».

34 *Цезарь* — ***Цезарь Самойлович Вольпе*** (1904—1941), исследователь русской литературы, критик. В юности — посетитель семинара, который в начале 20-х годов вел в Бакинском университете Вяч.Иванов. Перу Цезаря Вольпе принадлежат статьи о Брюсове и Андрее Белом; работы о Жуковском и И.Козлове; он — участник создания антологии «Русские поэты XVIII—XIX вв.» (1940, 1941), а также составитель (совместно с О.Немировской) документальной книги «Судьба Блока» (Л.,1930). Писал Вольпе и статьи о наших современниках: например об М.Зощенко и Борисе

Житкове. В 1991 году в издательстве «Советский писатель» вышел сборник его статей под заглавием «Искусство непохожести».

Цезарь Самойлович Вольпе — мой первый муж, Люшин отец. А. А. расспрашивает меня, «что рассказывает» о Николае Ивановиче «Цезарь, вернувшийся из Москвы», потому что Вольпе и Харджиев были очень дружны.

35 ***Сергей Николаевич Давиденков*** (1880—1961) — Колин отец — с 1934 года заслуженный деятель науки РСФСР, один из крупнейших невропатологов Ленинграда. С 1932 года и до конца жизни С.Н.Давиденков заведовал кафедрой нервных болезней Ленинградского института усовершенствования врачей. В годы войны стал главным невропатологом Ленинградского фронта, а с 1945-го — действительным членом Академии медицинских наук СССР. Основные труды С.Н.Давиденкова посвящены травмам нервной системы, наследственным заболеваниям и неврозам.

Василий Гаврилович Баранов (1899—1988) — эндокринолог-диабетолог; председатель Ленинградского отделения Всесоюзного общества эндокринологии; с 1960 года — действительный член Академии медицинских наук СССР. В тридцатые годы В.Г.Баранов преподавал в 1-м Ленинградском медицинском институте и заведовал в больнице им. Эрисмана (т. е. там же, где работал В.Г.Гаршин) кафедрой эндокринологии.

36 ***Вера Николаевна Аникиева*** (1894—1942) — искусствовед и экскурсовод; специалистка по современному искусству. С 1920-го по 1934-й Вера Николаевна работала в Русском музее; позднее — во Всероссийской академии художеств.

Из ее исследовательских работ назову две: о В.Лебедеве и об А.Пахомове. Работа о Лебедеве напечатана лишь частично и лишь в переводе на немецкий язык (см. журнал «Die bildenden Künste in UdSSR», 1934), а о Пахомове — отдельной книжкой: «А.Ф.Пахомов». Л., 1935.

Скончалась Вера Николаевна от голода во время блокады.

37 ***Александр Николаевич Тихонов*** (А.Серебров, 1880—1956) — автор воспоминаний о семилетии 1898—1905, о Чехове, Савве Морозове, Комиссаржевской. До выхода этой книги в свет — «Время и люди» (М., 1949) — А.Н.Ти-

хонов был в литературных кругах известен главным образом как друг и помощник Горького, организатор, издатель, редактор; А.Н.Тихонов играл большую роль в созданном Горьким после революции издательстве «Всемирная литература», а также в журнале «Русский современник», где печатались М.Горький, Евг.Замятин, Л.Добычин, Б.Пильняк, Абр.Эфрос, Ю.Тынянов, К.Чуковский и поэты Борис Пастернак, Марина Цветаева, Анна Ахматова. Позднее А.Н.Тихонов работал в издательствах «Федерация» и «Academia», а во время войны — в издательстве «Советский писатель», выпустившем книжку: Анна Ахматова. Избранное: Стихи. Ташкент, 1943.

[38] ***Эмма Григорьевна Герштейн*** (р. 1903) — близкий друг Анны Андреевны, литературовед, специалистка по Лермонтову, автор многочисленных исследований о Лермонтове и книги «Судьба Лермонтова» (М., 1964). На книгу эту Ахматова написала рецензию («Заметки на полях»), опубликованную в «Литературной газете» 16 марта 1965 года. Книга Э.Г.Герштейн, существенно расширенная, издана вторично в 1986-м.

Об Э.Г.Герштейн, о ее историко-литературных работах, об ее хлопотах за Льва Николаевича Гумилева, о ее участии в пушкиноведческих изысканиях Анны Ахматовой см. т. 2 и т. 3 моих «Записок». Познакомились А. А. и Эмма Григорьевна в 1934 году, в Москве у Мандельштамов.

В журнале «Вопросы литературы» (1989, № 6) опубликованы письма Анны Андреевны к Эмме Григорьевне. Там же напечатан очерк Э.Г.Герштейн «Тридцатые годы» — очерк о ее знакомстве и дружбе с Ахматовой. См. также ее книгу «Новое о Мандельштаме» (Paris, Atheneum, 1986), статьи в сборнике «Воспоминания» и мемуары «Лишняя любовь» в №№ 11 и 12 «Нового мира» за 1993 год.

[39] ***Лидия Яковлевна Гинзбург*** (1902—1990) — прозаик, мемуаристка, историк и теоретик литературы, специалистка по Вяземскому, Лермонтову, Герцену. В 1929 году ею была подготовлена к печати и прокомментирована «Старая записная книжка» П.А.Вяземского; под ее редакцией несколько раз выходили в свет его стихи.

В 1940-м опубликована книга Л.Гинзбург «Творческий путь Лермонтова». В первой половине пятидесятых годов Л.Я.Гинзбург принимала участие в работе над Герцено-Ога-

ревскими томами «Литературного наследства», а в 1957-м вышла в свет ее книга о «Былом и Думах».

Более поздние труды Л.Гинзбург: книги — «О лирике» (М.;Л., 1964 и Л., 1974); «О психологической прозе» (Л., 1979); «О старом и новом» (Л., 1982); «Литература в поисках реальности» (Л., 1987); «Человек за письменным столом» (Л., 1989). В последнюю книгу вошли все прозаические произведения Лидии Гинзбург: воспоминания, эссе и др.

Среди воспоминаний о поэтах Лидия Гинзбург создала и воспоминания об Анне Ахматовой. Знакомство их состоялось в доме у Г.А.Гуковского, с женой которого, Натальей Викторовной Рыковой, А. А. была очень дружна. (Ей посвящено стихотворение «Все расхищено, предано, продано» — БВ, Anno Domini.) Через Наталью Викторовну Лидия Яковлевна передала Анне Андреевне оттиск своей статьи о Вяземском. Статья понравилась.

«“Очень хорошая статья”, — сказала Анна Андреевна. Это была первая фраза — я очень ею гордилась, — услышанная мною от Анны Андреевны», — сообщает Л.Я.Гинзбург в своих мемуарах.

«С тех пор мы встречались в течение сорока лет, до самого конца. Часто — в тридцатых годах и после войны, во второй половине сороковых; реже — в пятидесятых и шестидесятых, когда Анна Андреевна подолгу гостила в Москве». (См.: Лидия Гинзбург. Ахматова // День поэзии. М., 1977 и сб. «Человек за письменным столом».)

40 ***Яков Семенович Киселев*** (1896—1984) — ленинградский юрист, знаменитый адвокат (см.: Я.С.Киселев. Судебные речи. Л., 1967; Воронеж, 1971).

В тридцатые годы, в пору ежовщины, к делам арестованых по 58-й статье адвокаты не допускались. Так и к рассмотрению дела М.П.Бронштейна, осужденного Военной коллегией Верховного суда (почему именно этой инстанцией, а не какой-нибудь другой, неизвестно), адвокат допущен не был. Тем не менее я и Корней Иванович, составляя официальные письма и прошения о пересмотре дела, не раз пользовались добрыми советами Я.С.Киселева.

1940

41 *Оказывается... у акмеистов есть заслуги... Какая любезность, не правда ли?* — Из уст критика-лапповца ***Валерия Павловича Друзина*** (1903—1980) такой отзыв об акмеистах в самом деле звучал снисходительно, даже любезно. В 1929 году в книге «Стиль современной литературы» Друзин писал: «Враждебный революции [акмеизм] лишен был питательных соков». В 1936 году в газете «Литературный Ленинград»: «Крупнейшие мастера советской поэзии... должны были каждый по-своему в своем творческом росте, в своей борьбе за реализм *"разделываться" с наследием акмеизма* и футуризма... Традиции символистского пренебрежения реальными очертаниями действительности и традиции *акмеистической бутафории* поразному *мешают видеть мир... Как беден* пейзаж Бальмонта или *Ахматовой* рядом с богатством красок Пушкина и Некрасова» (курсив всюду мой. — *Л.Ч.).*

Мир Ахматовой казался Друзину бедным; зато в будущем случалось ему высоко оценивать богатство зрительного мира в произведениях не только Пушкина и Некрасова, но и Вс.Кочетова (1955, 1961, 1962), Фирсова (1966, 1972) и Грибачева (1971).

Поносил же Друзин всегда тех, кого в данную минуту требовало поносить начальство: недаром после постановления 1946 года им, Друзиным, «укрепили» разгромленную редакцию журнала «Звезда». Во время антисемитской кампании 1948—1953 годов Друзин выступал со статьями под такими выразительными заголовками: «Разоблачать последышей буржуазного космополитизма и эстетства» («Звезда», 1948, № 2) и «Прихвостни антипатриотической группы...» («Сов. искусство», 12 февраля 1949).

Конечно, в 1940 году Ахматова еще не знала статей Друзина конца сороковых и всех последующих, но его антилитературная и, в частности, антиакмеистическая деятельность была ей уже хорошо известна.

42 ***Александра Осиповна***, в девичестве ***Россет***, в замужестве ***Смирнова*** (1809—1882) — одно время, в молодости,

фрейлина императорского двора, известная красавица, хозяйка салона; позднее — хозяйка салона в Калуге, где муж ее, Н.М.Смирнов, в середине 40-х годов стал губернатором. В историю русской литературы Россет-Смирнова вошла главным образом не как мемуаристка, а как собеседница и корреспондентка знаменитых писателей. Чуть ли не все поэты ее времени посвящали ей стихи. «Никто из них не прошел мимо, не отдав ей поэтического приношения», — пишет Л.В.Крестова, имея в виду посвященные Россет-Смирновой стихотворения Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Вяземского, Хомякова, Туманского. А.О.Россет-Смирнова была дружна с семьей Карамзиных, а позднее с Гоголем и Аксаковыми. К Смирновой — калужской губернаторше — обращены многие письма из книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».

Мемуары,о которых говорит А. А., см.: А.О.Смирнова. Записки, дневник, воспоминания, письма / Со статьями и примеч. Л.В.Крестовой. Под ред. М.А.Цявловского. М., 1929.

43 *Мы заговорили о воспоминаниях Крандиевской...* — ***Наталья Васильевна Крандиевская*** (1888—1963), вторая жена Алексея Николаевича Толстого, поэтесса, автор сборников «Стихотворения» (книга 1—2, 1913—1919), «От лукавого» (1922), а также сборников, вышедших посмертно: «Дорога» (1985), «Лирика» (1989) и «Грозовой венок» (1992). Перу Н.В.Крандиевской, кроме уже упомянутых мною на с. 69 воспоминаний, принадлежат также воспоминания о Куприне, Есенине, М.Горьком и об Алексее Толстом.

44 *«Девы нет меня благоуханней»* — последняя строка из стихотворения Мариэтты Шагинян «Полнолуние». Начинается оно так: «Кто б ты ни был — заходи, прохожий», а кончается строчками:

В эту ночь — от Каспия до Нила —
Девы нет меня благоуханней!

Это стихотворение впервые напечатано в книге М.Шагинян «Orientalia» (М.: Альциона, 1913).

45 Отрывок из «Опавших листьев» пересказан мною не вполне точно. См.: В.Розанов. Опавшие листья, короб первый. СПб., 1913, с. 499.

46 ***Анатолий Андреевич Волков*** (1909—1981) — критик, историк литературы, о котором в КЛЭ сообщается, что ра-

боты его «носят по преимуществу компилятивный характер». Однако работы Волкова об акмеистах точнее было бы охарактеризовать как погромные. Вот название статьи 1933 года — «Акмеизм и империалистическая война» («Знамя», № 7), название книги 1935 года: «Поэзия русского империализма».

Привожу несколько цитат из этих сочинений: «акмеизм не только хронологически связан с империалистической войной, но в полном смысле слова является ее кровным идейным детищем. ... Столыпинский блок черносотенных помещиков с буржуазией усилил полицейско-бюрократический режим, обусловил агрессивность русского империализма. Именно в творчестве Гумилева нашли наиболее полное свое выражение агрессивные устремления этого блока. ... Ахматова прочувствовала и выразила в своей поэзии идеологический “скрип”, которым сопровождалась столыпинско-буржуазная ломка дворянских феодальных усадьб».

Окрыленный постановлением 1946 года, А.Волков опубликовал статью о «теории и поэзии акмеизма» под заглавием «Знаменосцы безыдейности» («Звезда», 1947, № 1), а в пятидесятых годах в «Истории русской литературы» назвал Ахматову мещанской поэтессой (см. «Записки», т. 2).

«Волков, в весьма смягченном виде, — писала Ахматова, — в каком-то там IV-ом издании продолжает витийствовать о связи акмеистов с крупной буржуазией...» (См.: Анна Ахматова. Автобиографическая проза // ЛО, 1989, № 5, с. 7.)

47 ***Александр Николаевич Болдырев*** (р. 1909) — специалист по иранской филологии. С 1936 по 1942 год А.Н.Болдырев работал в Эрмитаже, в Отделе Востока. Когда во время войны значительная часть экспонатов Эрмитажа была эвакуирована в Свердловск, Болдырева назначили хранителем восточных рукописей, оставшихся в Ленинграде.

Начиная с пятидесятых годов А.Н.Болдырев — профессор Ленинградского университета, заведующий кафедрой иранской филологии.

48 Моя повесть «Софья Петровна» попала в Самиздат через семнадцать лет, за границу — через двадцать пять. Напечатана она под правильным названием в Нью-Йорке в 1966 году в «Новом журнале» (в номерах 83 и 84) и под неправильным — отдельной книжкой — в 1965-м в Париже

(«Опустелый дом», изд-во «Пять континентов»). Из предисловия парижского издателя явствует, что повесть понята им совершенно ошибочно: он принимает внутренний монолог героини за голос автора, отождествляя сознание героини с авторским сознанием. Между тем автор хоть и соболезнует Софье Петровне, но, в отличие от нее, понимает происходящее и пытается окружающую действительность изобличать; Софья же Петровна слепа.

О слепоте общества и написана повесть.

Повесть переведена (к сожалению, не по тексту «Нового журнала», а по искаженному тексту «Пяти континентов») на французский, английский, немецкий, голландский, шведский и датский языки. История борьбы за напечатание «Софьи Петровны» на родине изложена мною во втором томе «Записок», а также в книге «Процесс исключения» (Paris, 1979; Москва, 1990).

Наконец, почти через полстолетия, повесть вышла в свет на родине и притом не единожды: в журнале «Нева», 1988, № 2; в моей книге «Повести» (1988) и в нескольких сборниках («Последний этаж», 1989; в книге, где собраны почти все мои вещи: «Процесс исключения», 1990; в сборнике «Трудные повести», 1992 и др.).

49 А. А. говорит о шестом томе Полного собрания сочинений Н.А.Добролюбова, появившемся в 1939 году: именно в шестом томе опубликованы стихи, рассказы и дневник. Вступительная статья и комментарии к этому тому принадлежат Б.Я.Бухштабу.

50 А.Любарская, Л.Чуковская. О классиках и их комментаторах // Лит. критик, 1940, № 2.

51 Речь несомненно идет о балладе Пастернака, начинающейся словами: «Бывает, курьером на бóрзом» — см.: ББП-П, с. 96.

52 ***Александр Александрович Осмеркин*** (1892–1953) — художник-живописец, автор пейзажей, натюрмортов, портретов, театральных декораций. Осмеркин до революции — участник художественных выставок «Бубнового валета» (1913, 1915) и «Мира искусства» (1916, 1917); после революции работал бок о бок с Кончаловским, Лентуловым, Машковым; участник многих выставок, в том числе международных. Илья Эренбург, характеризуя живопись художника уже после его кончины, писал: «Осмеркин видел связь человеческого лица с окружающими предмета-

ми, натюрморта с пейзажем». (См. вступительную статью к каталогу «Выставки произведений...» М., 1959.)

Занимался Осмеркин и преподаванием. В тридцатые годы его преподавательская деятельность «снискала ему славу одного из наиболее талантливых и любимых молодежью педагогов советской художественной школы» (см. сб.: Сто памятных дат. М.: Сов.художник, 1967, с. 246). Осмеркин преподавал в Государственном художественном институте имени Сурикова в Москве и во Всероссийской академии художеств имени Репина в Ленинграде.

Как упоминается у меня в «Записках» несколькими строками ниже, «скоро пришел И.». Это — Иогансон; в те годы Осмеркин и Иогансон были приятелями и часто появлялись вместе.

Борис Владимирович Иогансон (1893—1973) — художник-живописец (автор многочисленных картин «о советской действительности»), в те годы преподавал там же, где и Осмеркин. Со временем пути их, художнические и человеческие, круто разошлись: Осмеркин остался мастером, творцом, педагогом, подлинным человеком искусства, а Иогансон преуспел как администратор: с 1953 по 58-й — он вице-президент Академии художеств СССР, с 1958 по 62-й — президент, а с 1965 года по 67-й — первый секретарь правления Союза художников СССР. Когда в 1948 году разгром литературы, а затем музыки перекинулся на изобразительное искусство и Осмеркина начали преследовать за «формализм» и за «низкопоклонство перед буржуазным Западом», а потом уволили из Академии, — Иогансон, по преданию, оказался в числе его гонителей, и Осмеркин называл его «мой друг *Яго*нсон».

На сессии Академии художеств, состоявшейся в мае 1948 года, было объявлено, что «воспитанием молодежи занимались малоопытные, недостаточно квалифицированные педагоги, люди ярко выраженного формалистического направления... модернисты, апологеты безыдейного, упадочнического западного искусства» («Правда», 29 мая 1948). Эти обвинения были предъявлены двум наиболее сильным и любимым педагогам художественных вузов — живописцу А.Осмеркину и скульптору А.Матвееву. Осмеркин был затравлен, лишен возможности преподавать, что и послужило началом его смертельной болезни.

Ахматова и Осмеркин познакомились, по-видимому, в конце двадцатых или в начале тридцатых годов. 28 марта 1937

года А. А. побывала в Большом драматическом театре им. Горького на юбилейном пушкинском спектакле («Маленькие трагедии», режиссер А.Д.Дикий, художник А.А.Осмеркин). Декорации пришлись ей по душе, и она поздравила художника с большой удачей. (Александр Александрович был любителем поэзии; внимательно изучал Пушкина, ценил Ахматову.)

Портрет Анны Андреевны, который Осмеркин писал белыми ночами в Ленинграде, был окончен в основном в 1939 году и находится ныне в Государственном литературном музее в Москве. Озаглавлен он «Белая ночь». Это заглавие могло быть, конечно, дано и просто потому, что Осмеркина привлекало особое освещение, свойственное северной ночи, а быть может, в этом названии звучит перекличка с пастернаковскими строками:

Бывает глаз по-разному остер,
По-разному бывает образ точен.
Но самой страшной крепости раствор
Ночная даль под взглядом белой ночи.

Таким я вижу облик ваш и взгляд.

(«Анне Ахматовой» — ББП-П, с. 200)

53 *Лотта* — ***Рахиль Моисеевна Хай*** (1906—1949) — специалистка по голландской живописи XVII века, сотрудница Отдела западноевропейского искусства в Эрмитаже. Во время войны Р.М.Хай — ответственный хранитель фондов Эрмитажа, эвакуированных в Свердловск. Ее научные работы публиковались главным образом в «Трудах Отдела западноевропейского искусства Государственного Эрмитажа» за 1940, 1941 и 1949 годы.

54 ***«...он восхищался тем, что она сама моет полы»***, говорит А. А. о романе Бориса Леонидовича с Зинаидой Николаевной. О том же самостоятельном мытье полов упоминает Зинаида Николаевна в своих мемуарах:

«Первая наша встреча на даче [в Ирпени] была смешная. Босая и неприбранная, я мыла веранду, и вдруг подошел Борис Леонидович. Я была удивлена, когда он сказал: “Как жаль, что я не могу вас снять и послать карточку родителям за границу. Как бы мой отец — художник — был восхищен вашей наружностью!”» (Сб.: Воспоминания о Борисе Пастернаке. М.: Слово, 1993, с. 177.)

[55] Нина — ***Нина Антоновна Ольшевская*** (1908—1991) — актриса, режиссер, близкий друг Анны Андреевны, жена писателя В.Е.Ардова. Познакомились они в 1934 году в Москве, у Мандельштамов. Об Н.А.Ольшевской см.: Э.Г.Герштейн. Беседы с Н.А.Ольшевской-Ардовой («Воспоминания»), а также «Записки», т. 2.

Приезжая в Москву, А. А. чаще всего останавливалась — иногда на недели, а иногда и на месяцы — «у Ардовых на Ордынке» (Ордынка, 17, кв. 13), то есть в семье Нины Антоновны.

[56] А. А. имеет в виду следующие слова Мандельштама из статьи «Заметки о поэзии»: «Воистину русские символисты были столпниками стиля: на всех вместе не больше пятисот слов... Но это по крайней мере были аскеты, подвижники. Они стояли на колодах. Ахматова же стоит на паркетине — это уже паркетное столпничество» (Русское искусство. Кн. 2/3, 1923, с. 69).

«Столпничество» — религиозное подвижничество, которому положил начало христианский аскет Симеон (356—459) — Симеон Столпник. Около сорока лет Симеон прожил, не сходя на землю, на вершине высокого столба, где устроена была площадка для стояния и сидения. Подробнее см. «Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Эфрона», т. 58.

[57] *Стихов моих он не любил.* — А. А. совершенно заблуждалась. Впоследствии, в разговоре со мною 11 мая 1957 года (см. т. 2 моих «Записок»), она с гордостью прочитала мне строки Мандельштама, обнаруженные Надеждой Яковлевной Мандельштам у него в архиве. Анализируя поэзию Ахматовой, Мандельштам оканчивал свою рецензию так: «В настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России». Рецензия эта (на «Альманах Муз», 1916) в свое время не была напечатана и увидела свет лишь в 1968 году в «Вопросах литературы», № 4.

[58] *...нашей милой Тане* — то есть ***Татьяне Евсеевне Гуревич*** (ок. 1905—1941), которая несколько лет работала в редакции журнала «Костер». Во время разгрома Ленинградской редакции она заявила на собрании, что не верит во вредительство арестованных редакторов, и за это была уволена. Татьяна Евсеевна долго мыкалась без работы; затем ее приняли в редакцию «Издательства писателей». Она

погибла осенью 1941 года: прямое попадание фугасной бомбы в Гостиный двор, где помещалось тогда это издательство. Анна Андреевна в это время, спасаясь от бомбежек, жила в дворницкой писательского дома на канале Грибоедова, куда отвел и устроил ее, как в более безопасное место, Б.В.Томашевский. (Подробнее см. «Записки», т. 2, «За сценой»: [180].) Ахматова, рассказано в «Блокадном дневнике» Ольги Берггольц (в записи от 24 сентября 1941 года), «сидит в кромешной тьме, даже читать не может, сидит, как в камере смертников. Плакала о Тане Гуревич (Таню все сегодня вспоминают и жалеют) и так хорошо сказала: "Я ненавижу, я ненавижу Гитлера, я ненавижу Сталина, я ненавижу тех, кто кидает бомбы на Ленинград и на Берлин, всех, кто ведет эту войну, позорную, страшную..."» (альманах «Апрель», 1991, вып. 4, с. 139).

59 ***Тамара Григорьевна Габбе*** (1903–1960) — член «маршаковской редакции», разгромленной в 1937 году; драматург и фольклористка. Наибольшую известность приобрели ее детские пьесы, выходившие отдельными книжками; их не раз и с большим успехом ставили в московских и других театрах страны: «Город мастеров, или Сказка о двух горбунах», «Хрустальный башмачок», «Авдотья Рязаночка».

Из ее фольклористских трудов самый значительный — книга «Быль и небыль. Русские народные сказки, легенды, притчи». Книга вышла посмертно в 1966 году, в Новосибирске, с двумя послесловиями — С.Маршака и В.Смирновой; до нее, но тоже посмертно — вышел сборник «По дорогам сказки» (в соавторстве с А.Любарской, М., 1962). При жизни Тамары Григорьевны не раз издавались в ее переводах и пересказах французские народные сказки, сказки Перро, сказки Андерсена, братьев Гримм и др.

Всю жизнь, уже и после ухода из Государственного издательства, она оставалась редактором — наставником писателей. Моя книга «В лаборатории редактора» недаром открывается посвящением ей.

В литературе, к сожалению, не проявился ее главный талант: она была одним из самых тонких знатоков русской поэзии, какого мне случилось встретить за всю мою жизнь.

О Т.Г.Габбе см. также «Записки», т. 2.

60 Речь идет о ***Данииле Хармсе*** (1905–1942) — поэте и прозаике, принадлежавшем к группе «ОБЭРИУ». «Нашим»

я его называю потому, что в конце двадцатых годов С.Маршак привлек «обэриутов», в частности Хармса, к работе над созданием книг для детей. За несколько лет Хармс стал одним из крупнейших детских поэтов. Несмотря на постоянные нападки со стороны казенной педагогической критики, ленинградскому отделению Госиздата удалось выпустить немало поэм и рассказов Хармса: «О том, как папа застрелил мне хорька», «Иван Иваныч Самовар», «Игра», «О том, как Колька Панкин летал в Бразилию...» и др. Был он и постоянным сотрудником журналов «Ёж» и «Чиж».

Впервые Даниил Хармс арестован в декабре 1931 года и сослан в Курск, но ссылка длилась недолго, и в ноябре 1932 года Хармса уже вернули в Ленинград.

В 1937—38 годах, в пору разгрома ленинградской редакции, Хармс уцелел, но во время войны, в осажденном Ленинграде, его все-таки «добрали», и он погиб в заключении. После реабилитации Хармса московское издательство «Детский мир» поручило мне составить сборник его стихов; сборник вышел в свет в 1962 году под названием «Игра». На титульном листе в качестве составителя должно было быть обозначено мое имя, но, по рассеянности, издательство опустило его.

На книгу долго не публиковавшегося поэта сразу набросилась та же казенная педагогическая критика и, кроме того, журнал «Крокодил» (1963, № 4). В защиту книги С.Маршак, С.Михалков и К.Чуковский выступили с открытым письмом, напечатанном в одном из последующих номеров того же «Крокодила». Я, как составительница этого сборника, принимая на себя всю ответственность за отбор стихотворений, написала тогда же статью о сути и значении поэзии Хармса. Но печатать ее отказались и не опубликована она до сих пор.

Сборник «детского» Хармса — «Что это было?» — более объемистый, чем мой, вышел в Москве в 1967 году под редакцией Н.Халатова.

...Приблизительно через 30 лет после моего с Анной Андреевной разговора о Хармсе и приблизительно через столько же после гибели поэта, — за границей стали появляться сборники его произведений и посвященные его творчеству статьи. См., например, составленный Дж.Джибиан сборник «Избранное», изданный в Вюрцбурге в 1974 году. Позднее, в Бремене, в 1978-1988 гг. вышло четырехтомное «Со-

брание произведений Д.Хармса» под редакцией М.Мейлаха и В.Эрля. К нам же на родину книги Хармса стали возвращаться более чем через 40 лет после разговора с Ахматовой: в 1988-м, в Ленинграде, под редакцией А.Александрова — издан сборник стихов, прозы, драм, писем — «Полет в небеса»; в Москве — два сборника, составленные Владимиром Глоцером: «Случаи» (1989) и «Старуха» (1991). В 1992 году в № 2 «Нового Мира» Владимир Глоцер опубликовал записные книжки, письма и дневники Д.Хармса, а в том же году, в альманахе «Минувшее», в № 11 А.Устинов и А.Кобринский — «Дневниковые записи Даниила Хармса». Среди работ по биографии назову: В.И.Глоцер. К истории последнего ареста и гибели Даниила Хармса // Русская литература, 1991, № 1; И.Мальский. Разгром ОБЭРИУ: материалы следственного дела // «Октябрь», 1992, № 11.

61 Шкловский напомнил, что Чуковский до революции был сотрудником кадетской газеты «Речь», что он уважал «только переведенное с английского» и в качестве критика «смял» Маяковского.

Далее Шкловский утверждал, что «Чуковский всю свою талантливую жизнь потратил на то, чтобы набрасывать подушки, заглушать, превращать всё в анекдот». (В. Шкловский. О Маяковском. 1940, с. 62—64).

62 ***Виталий Маркович Примаков*** (1897—1937), крупный военный деятель — в годы Гражданской войны он командовал конным корпусом Червонного казачества. С 1935 года — заместитель начальника Ленинградского военного округа. В 1937 году расстрелян.

63 ***Николай Леонидович Степанов*** (1902—1972), литературовед; занимался по преимуществу Хлебниковым и Маяковским. См. такие его работы, как: «Творчество В.Хлебникова» (в томе первом «Собрания произведений Велимира Хлебникова», 1928); вступительная статья к изданию стихотворений Хлебникова в Малой серии «Библиотеки поэта» (1940); вступительная статья и примечания к трехтомнику В.Маяковского в Малой серии «Библиотеки поэта» (1941) и др.

64 ***Женя Лунц*** (Евгения Натановна, в замужестве Горнштейн, 1908—1971) — моя школьная подруга. Сначала мы сидели с ней на одной парте в гимназии Таганцевой, потом — в Те-

нишевском училище. Женя — сестра писателя Льва Лунца, члена содружества «Серапионовы братья», критика и драматурга (1901—1924). В 1921 году родители увезли Женю за границу, и более мы с ней никогда не встречались.

65 *Таня* — дочка З.М.Задунайской и В.И.Валова, Люшина сверстница; мы часто устраивали девочкам совместные развлечения; кроме того, в летние месяцы мы с Зоей Моисеевной обычно снимали дачу вместе и чередовались возле девочек.

Танин отец, писатель Василий Игнатьевич Валов (р. 1902), умер в 1941 году от голода во время ленинградской блокады.

66 В действительности — «Жеманницы» (см.: «Заветы». СПб., 1914, № 5, с. 47—51) .

67 К сожалению, я не знаю, о каком стихотворении идет речь. Я имела возможность ознакомиться только с несколькими номерами альманаха «Сирена» (Пролетарский еженедельник. Воронеж, 1918, № 1—3; 1919, № 4—5) — там стихотворений К.Бальмонта нет.

68 *Кате статья нравится... женщины, если у них есть профессия, служба, превращают ее для себя в настоящие шоры.* — Мне неизвестно, в редакции какого журнала работала в ту пору Е.Р.Малкина и какой работой она была столь увлечена; знаю, что у нее были близкие друзья в редакции журнала «Литературный критик». Ахматову же Екатерина Романовна могла ознакомить с готовящейся статьей неофициально, просто по просьбе автора. Круг ее литературных знакомств был очень обширен.

Екатерина Романовна Малкина (1899—1945) — по образованию филолог-классик, специалистка по русской литературе, а также переводчица. В юности — на моей памяти — она посещала переводческую студию «Всемирной литературы» и «Дома искусств», где, в частности, преподавал Гумилев; была дружна с Михаилом Леонидовичем Лозинским; перевела для издательства «Всемирная литература» пьесу Грильпарцера «Горе лжецу» и благодаря этому переводу познакомилась с Блоком; с 1924-го по начало 30-х работала в Эрмитаже в эллино-скифском отделе; в Эрмитаже познакомилась с Пуниным и через него — с Анной

Андреевной. В начале сороковых годов Екатерина Романовна работала в Пушкинском Доме.

Годы войны и блокады она провела в Ленинграде. За неделю до защиты докторской диссертации, в январе 1945 года, она была убита мальчишками-ремесленниками, чинившими электричество у нее в квартире. Ныне архив Е.Р.Малкиной хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

О ее судьбе и литературном наследии подробно рассказано в некрологе, появившемся 27 января 1945 года в «Литературной газете». Подписан он многими, в частности Анной Ахматовой, М.Л.Лозинским, Ольгой Форш и Ольгой Берггольц. Привожу его:

«В Ленинграде трагически погибла Екатерина Романовна Малкина. Ее хорошо знали в литературных и литературоведческих кругах как талантливого ученого и критика, как активного члена Союза писателей и замечательного человека.

Всю блокаду Е.Р. прожила в Ленинграде, и тут вполне раскрылась сила и чистота ее души. Ее поведение было поистине героическим. Самоотверженно и просто, без всякой аффектации, переносила она все лишения, опасности и тяжелые личные утраты. Она непрерывно работала: вела большую литературную и редакторскую работу в Ленинградском радиокомитете, работала в Союзе писателей, читала лекции в лектории и госпиталях. В годы блокады она закончила большую научную работу — книгу "Драматургия А.Блока". В 1938 году она защитила диссертацию на степень кандидата филологических наук: "А.Блок в первые годы реакции". Новую свою книгу она должна была защищать в качестве докторской диссертации.

Мы никогда не забудем светлый образ Е.Р.Малкиной — Кати Малкиной, как все называли ее. И надо позаботиться о том, чтобы была издана ее прекрасная работа о Блоке».

69 ***Эльга Моисеевна Каминская*** (1894—1975) — актриса. Она читала с эстрады произведения русской поэзии — классической и современной. Состоялся ли вечер поэзии Блока и Ахматовой, мне неизвестно; полагаю — нет.

Однако Эльга Каминская (во всяком случае в двадцатые годы) не раз требовала у Анны Ахматовой разрешения читать ее стихи с эстрады, и А. А., скрепя сердце, вынуждена была разрешить. Об этом см. «Встречи», с. 149—153.

70 *Якубович... всю жизнь обожал Томашевского.* — ***Дмитрий Петрович Якубович*** (1897—1940), историк литературы, пушкинист, занимавшийся главным образом изучением прозы Пушкина, а также связями пушкинского творчества с античной литературой, с Овидием, с литературой английской — Шекспиром и Вальтером Скоттом. Он работал над составлением словаря античной терминологии у Пушкина, над монографией «Пушкин и Вальтер Скотт» и принимал участие в подготовке к изданию Полного академического собрания сочинений Пушкина (эта работа и сблизила его с Б.В.Томашевским).

В 1933 году Дмитрий Петрович стал ученым секретарем Пушкинской комиссии, а с 1936 года — ее председателем. Комиссия начала издавать «Временник», и Якубович вскоре сделался ответственным редактором этого специального издания.

Когда, 30 мая 1940 года, Якубович скончался — Томашевский на его похоронах выступил с той речью, о которой говорит мне Ахматова, а затем опубликовал во «Временнике» обширную статью, где подробно проанализировал пушкиноведческую деятельность Д.П.Якубовича во всем ее объеме. Этот том «Временника» (шестой) открывается портретом Дмитрия Петровича, и там же помещен полный список его работ.

Напоминаю читателям, что А. А. была членом Пушкинской комиссии и постоянно общалась с Б.В.Томашевским и другими пушкинистами.

Д.П.Якубович — автор двух стихотворений, обращенных к Ахматовой. См. статью Р.Д.Тименчика «Анна Ахматова и Пушкинский Дом» в сборнике «Пушкинский Дом» (Л.: Наука, 1982, с. 114—115).

71 *...об этом еще Баратынский писал...*

Все мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец ее! тебе забвенья нет;
Всё тут, да тут и человек, и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.
1840

72 ...*видела его году в 22-м у Блоха* — то есть у владельца издательства «Петрополис» ***Якова Ноевича Блоха*** (1892—1968). Издательство просуществовало в Петрограде с 1918-го по 1922 год и за это время выпустило немало стихотворных сборников, в том числе в 1922 году и сборник Федора Сологуба «Свирель. Русские бержереты». Блох успел напечатать также стихотворные сборники Гумилева, Ахматовой, Мандельштама, Кузмина.

73 Привожу стихотворение Игоря Северянина, осуждающее поэзию Ахматовой. Написано оно было в 1918 году в разгар ахматовской славы, когда читатели знали ее стихи наизусть, когда сборник «Четки» переиздан уже был пять раз, а «Белая Стая» — дважды. Опубликованы были стихи Северянина в его книге «Соловей» (Москва-Берлин: Накануне, 1923).

СТИХИ АХМАТОВОЙ

Стихи Ахматовой считают
Хорошим тоном (comme il faut...)
Позевывая, их читают,
Из них не помня ничего!..

«Не в них ли сердце современной
Запросной женщины?» — твердят
И с миной скуки сокровенной
Приводят несколько цитат.

Я не согласен, — я обижен
За современность: неужель
Настолько женский дух унижен,
Что в нудном плаче — самоцель?

Ведь это ж Надсона повадка,
И не ему ль она близка?
Что за скрипучая «кроватка»!
Что за ползучая тоска!

Когда ж читает на эстраде
Она стихи, я сам не свой:
Как стилен в мертвом Петрограде
Ее высокопарный вой!..

И так же тягостен для слуха
Поэт (как он зовется там?!)
Ах, вспомнил: «мраморная муха»
И он же — Осип Мандельштам.

11—3280

И если в Лохвицкой — «отсталость»,
«Цыганщина» есть «что-то», то
В Ахматовой ее «усталость»
Есть абсолютное ничто.

Впоследствии, как видно из стихотворения, написанного Севериным в 1925-м — он оценку свою поэзии Ахматовой круто переменил. См. книгу «Посвящается Ахматовой», с. 35.

74 Мнение Ахматовой о том огромном значении, какое имеет для русской поэзии XX века творчество Анненского, было неколебимо устойчивым. Она повторила его и через четверть столетия, в 1965 году: в Москве, в беседе с критиком Е.Осетровым, и в Париже, в беседе с литературоведом Н.А.Струве. Вот отрывок из беседы с Е.Осетровым:

«— В последнее время (пересказывает Осетров слова Ахматовой. — *Л.Ч.)* как-то особенно сильно зазвучала поэзия Иннокентия Анненского. Я нахожу это вполне естественным. Вспомним, что́ Александр Блок писал автору “Кипарисового ларца”, цитируя строки из “Тихих песен”: “*Это* навсегда в памяти. Часть души осталась в этом”. Убеждена, что Анненский должен занять в нашей поэзии такое же почетное место, как Баратынский, Тютчев и Фет.

— Вы считаете Анненского своим учителем?

— И не только я. Иннокентий Анненский не потому учитель Пастернака, Мандельштама и Гумилева, что они ему подражали, — нет, о подражании не может идти речи. Но названные поэты уже “содержались” в Анненском. Вспомним, например, стихи Анненского из “Трилистника балаганного”:

Покупайте, сударики, шарики!
Эй, лисья шуба, коли есть лишни,
Не пожалей пятишни:
Запущу под самое нёбо —
Два часа потом глазей, да в оба!

Сопоставьте «Шарики детские» со стихами молодого Маяковского, с его выступлениями в “Сатириконе”, насыщенными подчеркнуто простонародной лексикой...

Если неискушенному человеку прочесть

Коло́колы-бала́болы
Коло́колы-бала́болы...

— то он подумает, что это стихи Велимира Хлебникова. Между тем я прочитала “Колокольчики” Анненского. Мы не

ошибемся, если скажем, что в "Колокольчиках" брошено зерно, из которого затем выросла хлебниковская поэзия. Щедрые пастернаковские ливни уже хлещут на страницах "Кипарисового ларца". Истоки поэзии Николая Гумилева не в стихах французских парнасцев, как это принято считать, а в Анненском.

Я веду свое начало от стихов Анненского. Его творчество, на мой взгляд, отмечено трагизмом, искренностью и художественной целостностью...» (Е.Осетров. Грядущее, созревшее в прошедшем // ВЛ, 1965, № 4, с. 186—187).

Те же мысли о тех же поэтах А. А. высказывала в беседе с Н.А.Струве (см.: Н.Струве. Восемь часов с Анной Ахматовой // Сочинения, т. 2, с. 339; «Звезда», 1989, № 6, с. 123).

Примечательно, что еще в 1910 году, в одной из своих рецензий, помещенных в майско-июньском номере журнала «Аполлон», Гумилев называет поэзию Иннокентия Анненского «знаменем» для «искателей новых путей».

В стихотворении памяти Анненского (1945), озаглавленном «Учитель», Ахматова писала:

А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил,
И славы ждал, и славы не дождался,
Кто был предвестьем, предзнаменованьем,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленье —
И задохнулся...

БВ, Седьмая книга

Ахматова, по-видимому, считала Анненского явлением пророческим не только в поэзии. Вот строка, опущенная в беловике БВ и ББП:

Кто был предвестьем, предзнаменованьем, —
Всего, что с нами после совершилось...

Это «всего» относится уже не только к поэзии.

«Кипарисовый ларец» Ахматова поминает в «Царскосельской оде» (БВ, Седьмая книга) и безусловно имеет в виду Анненского (хоть и не называет его по имени) в строках о Царском Селе: «Здесь столько лир повешено на ветки...» (См. заключительное четверостишие стихотворения «Все души милых на высоких звездах», *№ 34*. — БВ, Седьмая книга).

75 ***Всеволод Николаевич Петров*** (1912—1978) — искусствовед, знаток русского искусства конца XVIII — середины XIX века, автор исследовательских работ, «охватывающих, — по его собственным словам в автобиографической справке, — всю историю русской скульптуры классицизма, с последней четверти XVIII столетия до 1850-х годов — от Козловского до Клодта». (Автобиографию см. в его книге «Очерки и исследования». М.: Сов.художник, 1978, с. 291). Занимался Вс.Н.Петров и художниками «Мира искусства», и советскими мастерами: писал об Н.Альтмане, Н.Тырсе, В.Конашевиче, А.Пахомове, В.Курдове, Ю.Васнецове, Т.Шишмаревой.

С 1934-го по 1949-й Всеволод Николаевич был сотрудником Русского музея: сначала Отдела графики, потом скульптуры. В пятидесятые годы Петров принимал участие в работе над «Историей русского искусства» (т. 6, 8 и 10).

Петров считал себя учеником Пунина. (Познакомился он с Анной Андреевной через Николая Николаевича.)

В 1953 году Н.Н.Пунин погиб в лагере, а после XX съезда был реабилитирован, и в 1976-м издательство «Советский художник» выпустило его книгу, — там была помещена и статья Вс.Н.Петрова: «Н.Н.Пунин и его искусствоведческие работы». См. [1].

76 ***Рыбаковы*** — ***Лидия Яковлевна*** (1885—1953) и дочь ее, ***Ольга***, — давние знакомые Анны Андреевны, семья юриста И.И.Рыбакова, погибшего в 1938 году. В кругу художников и литераторов ***Иосиф Израилевич Рыбаков*** (1880—1938) известен был как собиратель произведений искусства: живописи, скульптуры, старинных икон, фарфора, старинного и современного, редких книг и рукописей. Хранились в этой коллекции и дары Анны Ахматовой.

Познакомилась А.А. с Рыбаковым в конце 1922-го или в начале 1923 года, когда была замужем за В.К.Шилейко и жила в Мраморном.

77 Весною 1914 года Ахматова написала стихотворение «Ответ», начинающееся строками: «Какие странные слова / Принес мне тихий день апреля» (БВ, Белая стая). Это был ответ на стихотворение гр. В.А.Комаровского, обращенное к Ахматовой. Кончалось оно так:

> Вот славы день. Искусно или больно
> Перед людьми разбито на куски,

И что взято рукою богомольно,
И что дано бесчувствием руки.

Василий Алексеевич покончил с собою 21 сентября 1914 года. Оба стихотворения — и Комаровского к Ахматовой и Ахматовой к Комаровскому — опубликованы уже после его смерти, оба в журнале «Аполлон» в 1916 году — первое в № 8, второе в № 4/5.

Граф ***Василий Алексеевич Комаровский*** (1881–1914) — поэт; с конца девяностых годов жил в Царском Селе; печататься начал в 1912 году; в 1913-м вышла в свет книжка его стихов «Первая пристань», оказавшаяся последней. На этот сборник в следующем году с горячей симпатией (и с упреками по адресу критиков) отозвался Н.Гумилев. Он назвал «Первую пристань» книгой «достижений десятилетней творческой работы несомненного поэта». «Под многими стихотворениями, — писал Гумилев, — стоит подпись “Царское Село”, под другими она угадывается. ... Маленький городок ... освященный памятью Пушкина, Жуковского и за последнее время Иннокентия Анненского, захватил поэта, и он нам дал не только специально царскосельский пейзаж, но и царскосельский круг идей». Характеризуя поэзию Комаровского, Гумилев сопоставляет ее, с одной стороны, с поэзией Иннокентия Анненского, с другой — Анри де Ренье. (См.: Н.Гумилев. Письма о русской поэзии. Пг.: Мысль, 1923, с. 180–181.)

В.Н.Топоров, автор статьи о Комаровском в КЛЭ (т. 9), находит, что «предакмеистические черты» поэзии Комаровского оказали влияние на Ахматову и Мандельштама: «Сочетание спокойных, “взвешенных” классических форм (культ А.С.Пушкина, александрийский стих) с внутренним трагизмом содержания, исторического — с личным и биографическим...»

78 Хлопоты о персональной пенсии для Анны Ахматовой и о новом жилье для нее велись Президиумом Союза Советских Писателей энергически, настойчиво и «на высоком уровне». В ноябре 1939 года Президиум обращался в Комиссию по назначению персональных пенсий при Совнаркоме — к заместителю председателя, к самому А.Я.Вышинскому. Обращались с просьбой о жилье в Ленгорсовет. Документы хранятся в ЦГАЛИ.

Из письма Константина Александровича Федина к Михаилу Михайловичу Зощенко от 15 ноября 39 года следует, что Михаилу Михайловичу предложено было передать решение Президиума Советских Писателей председателю Ленгорсовета П.С.Попкову. Передал — но действия оно не оказало. Тогда к Вышинскому снова обратилась уже целая группа писателей: Н.Асеев, В.Лебедев-Кумач, Анна Караваева, К.Федин: «...Заслуги Ахматовой перед русской поэзией, — писали они, — ее литературное значение весьма велики». Когда и это письмо не возымело действия, к Вышинскому обратился член Правления и Президиума ССП и, главное, член ЦК — Александр Александрович Фадеев.

«В Ленинграде в исключительно тяжелых материальных и жилищных условиях, — писал Фадеев, — живет известная поэтесса АХМАТОВА. Вряд ли нужно говорить Вам о том, как несправедливо это по отношению к самой АХМАТОВОЙ, которая при всем несоответствии ее поэтического дарования нашему времени, тем не менее была и остается крупнейшим поэтом предреволюционного времени, и какое неблагоприятное впечатление производит это не только на старую поэтическую интеллигенцию, но и на молодежь, немало учившуюся у АХМАТОВОЙ.

АХМАТОВА до сих пор не имеет ни одного метра собственной жилплощади. Она живет в комнате бывшего своего мужа, с которым она давно разошлась. Не надо доказывать, как это для нее унизительно».

После письма Фадеева уже и сам Вышинский обратился с указанием о жилье к Попкову. (ЦГАЛИ, ф. 631, СП СССР, оп. 15, ед. хр. 508, л. 5—8; а также ед. хр. 431(1), л. 64—65.)

Хлопоты эти, однако, не имели успеха, и теперь я могу огласить документ, свидетельствующий об отказе в пенсии.

«*10 февраля 1941*

В Ленинградское отделение Союза Советских Писателей тов. Величкину

На ваше письмо от 4 февраля с.г. № V-6-03 посылаю Вам копию письма Комиссии по назначению персональных пенсий при СНК СССР от 14 апреля 1940 г. об отклонении ходатайства Президиума ССП СССР о назначении тов. Ахматовой А.А. персональной пенсии союзного значения.

Зав. юр. бюро Л[итературного]Ф[онда] СССР
С.Мафрог [подпись неразборчива. — Л.Ч.]»

(Цитирую по книге: Anna Achmatowa. Briefe, Aufsätze. Fotos. Hamburg, 1991.)

Итак, просьбу о пенсии отклонил Совнарком, а какой именно орган власти отклонил ходатайство о новом жилье — мче неизвестно.

79 Упомянутые в разговоре стихотворные сборники М.Кузмина — это: Форель разбивает лед. Л., 1929; Сети. М., 1908; Вожатый. СПб., 1918. Отдельные стихотворения, о которых речь («Царевич Димитрий» и «Озерный ветер пронзителен»), напечатаны в сборнике «Вожатый» (см. с. 5 и 41).

80 Н.Гумилев. Письма о русской поэзии. Пг.: Мысль, 1923, с. 157.

«Поэзия М.Кузмина “салонная” поэзия по преимуществу, — не то, чтобы она не была поэзией подлинной или прекрасной, наоборот, “салонность” дана ей как некоторое добавление, делающее ее непохожей на других».

«Осенние озера» — вторая книга стихов М.Кузмина, вышла в Москве, в издательстве «Скорпион», в 1912 году.

81 *Меня он терпеть не мог. В его салоне царила Анна Дмитриевна.* — Как известно, М.Кузмин написал предисловие к первому сборнику Анны Ахматовой «Вечер» (1912). Однако впоследствии он стал противопоставлять поэзию Ахматовой поэзии ***Анны Дмитриевны Радловой*** (1891—1949). В Петрограде один за другим вышли три ее стихотворных сборника: «Соты» («Фиаметта», 1918), «Корабли» («Алконост», 1920) и «Крылатый гость» («Петрополис», 1922). В своих рецензиях на стихи Радловой Кузмин называл ее «подлинным замечательным поэтом с большим полетом и горизонтами», а ее литературный дебют «поэтическим событием». (Цитирую по сборнику «Лица», с. 275.) Но не литературное соперничество, думаю я, возмущало Ахматову. Сама она ко времени публикации стихотворений Анны Радловой была уже чрезвычайно знаменита, книги ее издавались и переиздавались. Она считала М.Кузмина воплощением зла, а салон его рассадником разврата. Недаром в «Поэме без героя» (в «Решке») к нему относятся суровые строки:

Кто над мертвым со мной не плачет,
Кто не знает, что совесть значит
И зачем существует она.

А в главе первой (первой части) «Поэмы» — Кузмин назван «Владыкой Мрака» и ему посвящена целая строфа:

Маска это, череп, лицо ли —
Выражение злобной боли,
Что лишь Гойя мог передать.
Общий баловень и насмешник —
Перед ним самый смрадный грешник —
Воплощенная благодать...

На подобную характеристику Кузмина и на слова Ахматовой, порочащие Радлову, с возмущением возражает О.Н.Гильденбрант (Арбенина) в своих воспоминаниях, опубликованных в том же сборнике «Лица».

Судьба А.Д.Радловой сложна, мучительна и запутана. Окончила она свою жизнь в ГУЛаге. А.Д.Радлова была женой Сергея Эрнестовича Радлова (1892—1958), режиссера, ученика Мейерхольда — а в 30-е годы руководителя самостоятельного театра-студии («Радловский театр»), переименованного в 39-м в театр им. Ленсовета.

Литературная деятельность Анны Радловой тесно связана с Кузминым: в 1923 г. в сборнике «Абраксас» появилась их общая декларация нового направления в искусстве — «Декларация эмоционализма». Подписали ее четверо: М.Кузмин, Анна Радлова, Сергей Радлов, Юр.Юркун.

Во время войны, в марте 1942 года, Анна Радлова и Сергей Радлов вместе с театром были из осажденного Ленинграда эвакуированы в Пятигорск. В августе в город вступили немцы. Радловы не пожелали (или не успели?) уйти из города, а (волей или неволей?) остались в Пятигорске. Театр продолжал работать. Затем в сентябре 1943 года немцы перевели театр в Берлин. Работа продолжалась в Германии и потом, недолго, во Франции. Отсюда — волей или неволей? — в феврале 1945 года Радловы возвратились в Советский Союз. Тут оба они были арестованы. Разлучены они, однако, не были; им предоставлена была возможность разнообразной сценической деятельности, вплоть до поездок на гастроли. Анна Дмитриевна скончалась в лагере в 1949 году, а Сергей Эрнестович, через 5 лет после досрочного освобождения, — в 1958-м.

Подробнее см. статью Валерия Гайдабуры в журнале «Театр», 1992, № 10.

82 В «Литературном современнике» 1940 года, в № 5/6 напечатаны три стихотворения К.Симонова: «Родина», «Москвич», «Дружба» и пять стихотворений Н.Брауна: «Ирпень», «Мать», «Овраг», «Распрощаемся, разойдемся», «Как трудно сердцу не любя!»

83 О мистификации, разыгранной Максимилианом Волошиным и Елизаветой Васильевой (они сочинили стихи от имени несуществующей поэтессы Черубины де Габриак); о переписке по этому поводу между редактором журнала «Аполлон» Сергеем Маковским и Иннокентием Анненским (чьи стихи Маковский отложил, чтобы срочно напечатать стихи Черубины); о стихотворении Анненского «Моя тоска» — см. публикацию А.В.Лаврова и Р.Д.Тименчика в «Ежегоднике рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год» (Л., 1978, с. 240).

Я же приведу из этой публикации лишь начало из письма Анненского, о котором говорит мне Ахматова:

«*12 ноября 1909 г.*

Дорогой Сергей Константинович,

Я был, конечно, очень огорчен тем, что мои стихи не пойдут в “Аполлоне”. Из Вашего письма я понял, что на это были серьезные причины. Жаль только, что Вы хотите видеть в моем желании, чтобы стихи были напечатаны именно во 2[-м] №, — каприз. Не отказываюсь и от этого мотива моих действий и желаний вообще. Но в данном случае были разные другие причины, и мне очень, очень досадно, что печатание расстроилось. Ну, да не будем об этом говорить и постараемся не думать...»

В тот же день Анненским было написано и «*страшное стихотворение о тоске*» — «Моя тоска». Это стихотворение оказалось последним. (См. сб. «Кипарисовый ларец», вышедший в 1910 году в издательстве «Гриф» уже после смерти И.Анненского.)

В публикации А.Лаврова и Р.Тименчика говорится, что в тридцатые годы Ахматова написала целую статью об эпизоде, рассказанном выше; статья называлась «Последняя трагедия Анненского».

В 1988 году в № 12 журнала «Новый мир» опубликована капитальная работа Владимира Глоцера «Елис.Васильева...» Тут помещена автобиография поэтессы, ее стихи, ее письма. Читатель найдет здесь много нового о дуэли между

Н.Гумилевым и М.Волошиным, а также о редакторе журнала «Аполлон» С.Маковском.

В 1989 году в Москве вышла книга Черубины де Габриак, составленная Е.Я.Архиповым еще в 1927 году: «Автобиография. Избранные стихотворения».

84 «К синей звезде» — цикл стихотворений Гумилева, вписанный им в альбом молодой девушки, Елены Дюбуше, которую он встретил в Париже в 1917 году. Это стихи

О любви несчастной Гумилева
В год четвертый мировой войны.

Многие стихотворения этого цикла опубликованы среди других посмертно в сборнике «К синей звезде» (Берлин: Petropolis, 1923), а в 1988 году в кн.: Николай Гумилев. Стихотворения и поэмы. Л .: Сов. писатель. (Б-ка поэта. Большая серия.)

Стихотворение «Эзбекие» (в действительности не «о лесе», как сказано у меня, а — о саде в Каире) не имеет к «синей звезде» никакого касательства, оно — воспоминание об Ахматовой:

Я женщиною был тогда измучен.

85 А. А. цитирует совершенно точно. См.: Ал.Блок. Собр. соч. в восьми томах. Том 8. М.: Худож. лит., 1963, с. 328.

86 Речь идет о строчках из двух стихотворений Блока: «Черная кровь» (1) и «Своими горькими слезами».

87 Вопреки суровому отзыву о «Снежной маске» А. А. в начале двадцатых годов совместно с композитором А.С.Лурье писала по мотивам этой вещи либретто. Эта работа упомянута Ахматовой в перечне «утраченных». Между тем, судя по записи К.Чуковского от 24 декабря 1921 года, сделано Ахматовой было уже к тому времени немало. Корней Иванович записывает:

«...Она [Ахматова] лежала на кровати в пальто — сунула руку под плед и вытащила оттуда свернутые в трубочку большие листы бумаги. — Это балет “Снежная маска” по Блоку. Слушайте и не придирайтесь к стилю. Я не умею писать прозой. — И она стала читать сочиненное ею либретто, которое было дорого мне как дивный тонкий комментарий к “Снежной маске”. Не знаю, хороший ли это балет, но разбор “Снежной маски” отличный. — Я еще не

придумала сцену гибели в третьей картине. Этот балет я пишу для Артура Сергеевича. Он попросил. Может быть, Дягилев поставит в Париже». (К.Чуковский. Дневник. 1901—1929. М.: Сов.писатель, 1991, с. 184.) Упоминание об этом либретто встречается не только в дневнике К.Чуковского. Как указывают Б.Кац и Р.Тименчик в книге «Анна Ахматова и музыка» (Л., 1989), А. А. читала его В.Ходасевичу, И.Груздеву. Мало того, о балете «Снежная маска» объявлено было в газете «Новый путь» в Риге 10 июля 1921 года.

Напоминаю читателю строки в черновиках «Поэмы без героя»: «А во сне все казалось, что это / Я пишу для Артура либретто».

Артур — ***Артур Сергеевич Лурье*** (1891—1966), композитор, автор многочисленных статей о музыке, близкий друг Анны Ахматовой и Ольги Глебовой-Судейкиной. В десятые годы его собственные музыкальные произведения и его статьи о музыке вызывали большой интерес в артистических кругах Петербурга. В частности, им положены были на музыку стихотворения Анны Ахматовой, например: «Я с тобой не стану пить вино», «Потускнел на небе синий лак», «Ведь где-то есть простая жизнь и свет», «Дал ты мне молодость трудную», «Со дня Купальницы-Аграфены» и многие, многие другие.

В 1918 году А.Лурье заведовал музыкальным отделом Наркомпроса.

В 1922-м Лурье навсегда покинул Россию и поселился сначала в Европе (в Берлине, в Париже), затем, в 1941 году, — в США. В разные годы он продолжал работу над ахматовским циклом: положил на музыку «Иву», «Тень» и отрывки из «Поэмы без героя».

В эмиграции А.С.Лурье создал две оперы на основе пушкинских текстов: «Пир во время чумы» и «Арап Петра Великого».

У меня в архиве хранится копия письма Лурье к Ахматовой, помеченного 11-м января 1960 года. Копия была подарена мне Владимиром Брониславовичем Сосинским. (О В.Б.Сосинском см. «Записки», т. 2, «За сценой»: [247].) В письме поминаются пророческие строки Ахматовой о судьбе русских эмигрантов, в частности строка «Полынью пахнет хлеб чужой» (из стихотворения «Не с теми я, кто бросил землю») и строки из «Поэмы без героя» («А твоей двусмыс-

ленной славе, / Двадцать лет лежавшей в канаве...» и др.). Как бы в ответ, Лурье пишет:

«...что я могу тебе сказать о себе? Моя “слава” тоже 20 лет лежит в канаве, т. е. с тех пор, как я приехал в эту страну... Здесь никому ничего не нужно и путь для иностранцев закрыт. Все это ты предвидела уже 40 лет тому назад: “Полынью пахнет хлеб чужой”... Все твои фотографии глядят на меня весь день...». В другом письме, обращенном к В.Б.Сосинскому (от 20 января 62 г.):

«Я слыхал на днях, что А. А. будто больна, что у нее был сердечный припадок и что она в больнице. Правда ли это? Пожалуйста, сообщите. Меня это известие очень взволновало. Ведь она мой близкий и старинный друг. Мы двое — последние тени ее маскарада на этой земле».

Я предполагаю, что в любовной лирике Ахматовой обращены к А.С.Лурье несколько стихотворений, а не только одно, указанное В.М.Жирмунским: «Да, я любила их, те сборища ночные» (ББП, с. 475). Так, например: «При непосылке поэмы» (БВ, Седьмая книга) и «Прав, что не взял меня с собой» (ББП, с. 305) тоже обращены к А.С.Лурье. Последнее стихотворение напечатано в ББП с ошибкой: следует «сквозной» бессонницей, а не «ночной». П.Н.Лукницкий сообщает в своем дневнике со слов Анны Андреевны, что стихотворение «Кое-как удалось разлучиться» тоже обращено к Артуру Лурье. (См. «Встречи», с. 46.)

88 ***Татьяна Александровна Богданович*** (1872—1942) — писательница, автор исторических книг для детей; моя крестная мать.

89 ***Владимир Степанович Чернявский*** (1889—1948) — мастер художественного чтения. Исполнял он произведения Чехова, Блока, Ромена Роллана, но главным образом Пушкина. Читая с эстрады пушкинские стихи, Чернявский разработал несколько специальных программ: цикл «Дружество», цикл «Южный», цикл «Сельский» и т.д. Исполнял он и «Евгения Онегина», и «Моцарта и Сальери», и «Выстрел». Есть у Чернявского и теоретические статьи о методах исполнения с эстрады прозы и поэзии Пушкина (см. сб.: Пушкин в звучащем слове. Л., 1936, с. 45).

Исполнял ли Чернявский стихотворения Анны Ахматовой — я не знаю.

90 Анна Андреевна имеет в виду статью С.Нагорного под заглавием «Следующий номер». Статья посвящена разбору восьмого-девятого номера журнала «Литературный современник» за 1940 год. В своей статье, помещенной в этом номере, критик И.Гринберг справедливо писал: «..."камерность" Ахматовой не так-то уж проста ... в стихах, казалось бы, совсем "камерных" присутствует чувство времени, присутствует память о широком мире. Вот эта память о мире, это чувство эпохи и придает такую мощь лирическим стихам больших поэтов, делает эти стихи напряженными, способными увлечь, покорить читателя» (с. 213). С.Нагорный возразил ему: «...стихи Ахматовой глубоко чужды самому духу советского общества» (ЛГ, 29 сентября 1940).

91 Неоконченная поэма «Февраль» (1933) помещена в отделе «Посмертные стихи» на с. 290—312 сборника: Э.Багрицкий. Стихотворения / Вступительная статья И.Гринберга. Л.: Сов. писатель, 1940. (Б-ка поэта. Малая серия).

92 Статья «Зощенко для детей» была мною написана и отправлена в редакцию журнала «Детская литература». Редакция ее потеряла. Впоследствии некоторые мысли из этой статьи я использовала в своей книге «В лаборатории редактора» (см. 2-е изд. М.: Искусство, 1963).

93 ***Валерия Сергеевна Срезневская*** (урожд. Тюльпанова; 1888—1964) — жена психиатра Вяч.Вяч.Срезневского, старшего врача психиатрической лечебницы на Выборгской стороне в Петербурге.

Валерия Сергеевна — «Валя» — гимназическая подруга Ахматовой; познакомились они еще в детстве, в 1896 году, а через несколько лет, когда семья Тюльпановых сняла этаж в одном доме с семьей Горенко (в доме Е.И.Шухардиной, близ вокзала, на улице Широкой), девочки стали подругами: вместе ходили в гимназию; вместе купались, читали книги, катались на коньках и т. д. Через Валю Тюльпанову «Аня Горенко» познакомилась с «Колей Гумилевым».

В.С.Срезневская — автор воспоминаний о Гумилеве и Ахматовой — «Дафнис и Хлоя». См. журнал «Звезда», 1989, № 6, а также сб. «Воспоминания». Известно, что А. А. редактировала воспоминания Валерии Сергеевны. Об этом см.: Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. лит., 1989, с. 89.

Ахматова посвятила Валерии Сергеевне два стихотворения: «Вместо мудрости — опытность...» (БВ,Белая стая) и «Памяти В.С. Срезневской» (БВ, Седьмая книга).

94 ***Эрих Федорович Голлербах*** (1895—1945) — искусствовед, поэт и литературовед; библиофил, библиограф; автор книг «В.В.Розанов. Жизнь и творчество»(1922), «Портретная живопись в России» (1923), «История гравюры и литографии в России» (1923) и многих других.

Большое место в искусствоведческо-литературоведческих работах Э.Голлербаха (уроженца Царского Села) занимают портреты и биографии поэтов, чье творчество связано с Царским. В 1922 году вышла его книга «Царское Село в Поэзии», где, в частности, перепечатаны ахматовские стихи о Царском. Им составлена книга «Образ Ахматовой» (1925) — сборник, куда включены стихи, посвященные ей современниками: Александром Блоком, Гумилевым, графом Комаровским, Мандельштамом, Сологубом, Кузминым и, в частности, им самим, Голлербахом... (Вошла туда и фотография статуэтки, исполненной Наталией Данько.) В 1927 году Голлербахом опубликована книга «Город Муз», тоже посвященная Царскому, в которой он говорит не только о поэтах XIX века, — Пушкине, Жуковском, Вяземском, но и о поэтах-царскоселах XX века — об Иннокентии Анненском, Н.Гумилеве, В.А.Комаровском, Анне Ахматовой.

По-видимому, Ахматову раздражала попытка Э.Голлербаха популяризировать, сделать общедоступной дорогую ей тему: память о юности, о Царском Селе, о гибели Гумилева, о ее любви к Недоброво, — словом, ту, царскосельскую тему, которая звучит со столь изысканной строгостью в ее стихах.

В Ленинграде в 1990 году об Э.Голлербахе вышла специальная книга О.С.Острой и Л.И.Юниверга: «Эрих Федорович Голлербах как коллекционер и издатель». В том же году, в журнале «Русская литература», № 1 появилось письмо Е.А.Голлербаха, внука Эриха Федоровича, в котором внук, на основе дедова дневника, утверждает, что отношение Анны Андреевны к Эриху Федоровичу не всегда и не сплошь было неприязненным: в сороковом году, пишет он, «после нескольких лет размолвки отношения между Ахматовой и Голлербахом были восстановлены...».

[95] ***Мария Яковлевна Варшавская*** (1905—1983) — сотрудница Эрмитажа, автор многочисленных научных работ, одно время заведующая сектором живописи в Отделе западноевропейского искусства; в течение многих лет — хранительница экспозиции фламандской живописи. Основные труды М.Я.Варшавской посвящены двум художникам: «Ван Дейк: Картины в Эрмитаже» (Л., 1963) и «Картины Рубенса в Эрмитаже» (Л., 1975).

[96] *...рассказала, возмущаясь, о домысле Максимова.* — А. А. имела в виду страницы из книги «Поэзия Валерия Брюсова», вышедшей в 1940 году. ***Дмитрий Евгеньевич Максимов*** (1904—1987) — профессор Ленинградского университета, историк русской поэзии, автор книг о Лермонтове, Блоке и Брюсове. (Уже гораздо позднее, в 1966 году, вышла его книга «Поэзия Лермонтова», а в 1975-м — «Поэзия и проза Ал.Блока».) Возмущение Анны Андреевны вызвано было одной из ранних работ Д.Е.Максимова: в названной книге о Брюсове он утверждал, будто Гумилев относился к Брюсову, как «почтительный ученик». Основывал он свои утверждения, ссылаясь на статьи Гумилева (см., например, рецензию Н.Гумилева в газете «Речь» 29 мая 1908 года) и на те надписи, с которыми Николай Степанович преподносил Брюсову свои стихотворные сборники. (Напоминаю также, что 1-е издание сборника «Жемчуга» Гумилева прямо посвящено «моему учителю Валерию Брюсову».)

Прочитав в моих «Записках» (издания 1976 года) сердитую реплику Анны Андреевны, Д.Е.Максимов в 1978 году написал мне:

«В Ваших воспоминаниях... упоминается фамилия “Максимов”, которого А. А. выругала за слишком прямолинейное понимание каких-то писем... Очевидно или вероятно, “Максимов” это — я, а речь шла о почтительнейших письмах Николая Степановича к Брюсову. Если память мне не изменяет, эту почтительность я принял за чистую монету (это был очень молодой Гумилев, и такое его отношение было вполне возможно). А. А. со мною не согласилась. Ей, естественно, не хотелось даже молодого Н[иколая] С[тепановича] признавать поклонником В.Я.Брюсова».

О неудовольствии Анны Андреевны Д.Е.Максимов сообщает: «Это было — самое начало моего давнего и доброго знакомства с Анной Андреевной».

Далее Д.Е.Максимов пишет мне, что в последующие годы А. А. относилась к нему и к его работам с сочувственным вниманием и приводит тому многочисленные доказательства: дружеские надписи на книгах, предложение произнести вступительное слово перед чтением «Поэмы без героя» и мн. др.

Д.Е.Максимов — автор мемуаров об Анне Ахматовой. См. сборник «Воспоминания».

В 1969 году, уже после смерти Ахматовой, вышла книжка Д.Максимова «Брюсов: Поэзия и позиция» (Л.: Сов. писатель). Там на с. 119 читаем:

«...меру сближения поэзии Брюсова с лирикой акмеистов не следует преувеличивать... Брюсов не сошелся с акмеистами и по-человечески, резко критиковал их теоретическую программу, а вскоре и совсем с ними разошелся».

Об отношении Гумилева к Брюсову см. его письма в книге: Н.С.Гумилев. Неизданные стихи и письма. Paris, YMCA-Press, 1980. См. также: Никита Струве. Восемь часов с Анной Ахматовой. — «Сочинения», т. 2, с. 341 и те же «Восемь часов...» — в журнале «Звезда», 1989, № 6, с. 124. А об отношении самой Анны Андреевны к Брюсову см. с. 51–52 настоящего тома.

[97] Речь идет о трех стихотворениях В.Хлебникова: «Отказ», «Одинокий лицедей» — см.: Собрание сочинений Велимира Хлебникова. Л., 1928–1933, т. 3 — и «А я...» — там же, т. 5.

[98] Не комментируя письмо Пастернака к Ахматовой, привожу из него отрывок, на который Анна Андреевна обратила мое внимание:

[1 ноября 1940]

«Дорогая, дорогая Анна Андреевна!

Могу ли я что-нибудь сделать, чтобы хоть немного развеселить Вас и заинтересовать существованьем в этом снова надвинувшемся мраке, тень которого с дрожью чувствую ежедневно и на себе. Как Вам напомнить с достаточностью, что жить и хотеть жить (не по какому-нибудь еще, а только по-Вашему) Ваш долг перед живущими, потому что представления о жизни легко разрушаются и редко кем поддерживаются, а Вы их главный создатель.

Дорогой друг и недостижимый пример, все это я Вам дол-

жен был бы сказать тем серым днем августа, когда мы последний раз видались и Вы мне напомнили, как категорически Вы мне дороги. А между тем я пренебрегал возможностями встречи с Вами, уезжал на целые дни в Москву, для встречи поезда для учащихся, шедшего вне графика и не по расписанью из Крыма, с Зиною и ее больным сыном, которого надо было устроить в больницу и даже день приезда которого был неизвестен...» («Пятитомник-П», т. 5, с. 389).

99 Борис Пастернак. Избранные переводы. М.: Сов. писатель, 1940.

100 См. надпись Б.Пастернака, воспроизведенную точно и полностью в каталоге «Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана» (М.: Книга, 1989, с. 383).

101 Л.Гинзбург. Творческий путь Лермонтова. Л.: ГИХЛ, 1940.

102 *Маёшка* — фольклорный герой, нечто вроде русского Петрушки, пришедший в Россию из Франции. «Майё» (по-французски «Mayeux») — «озлобленный горбун, умный остряк, влюбчивый циник, популярный герой бесчисленных карикатур, главным образом работы Шарля Травье, и целой цепи французских романов 1830—1848 годов». В тридцатые годы XIX века прозвище это насмешниками дано было Лермонтову: шутники высмеивали малый рост поэта и его большую голову, находя внешнее сходство между ним и французским Mayeux. (См.: М.Ю.Лермонтов. Полн. собр. соч. в 5-ти т. / Ред. и коммент. Б.М.Эйхенбаума. М.; Л.: Academia, 1935—1937, т. 3, с. 664.)

1941

103 С супругами — Михаилом Яковлевичем Шнейдером и Татьяной Алексеевной Арбузовой я приехала в Чистополь на одном пароходе, в один день — 6 августа 1941 года. В Чистополе мы оказались соседями. Михаила Яковлевича я знала и прежде; с Татьяной Алексеевной познакомилась и сразу подружилась на пароходе, в пути. Михаил Яковлевич был тогда в последней стадии туберкулеза, Татьяна Алексеевна с большой самоотверженностью боролась за его жизнь. Я знала (испытав на себе), что оба они доброжелательные, хорошие люди.

Михаил Яковлевич Шнейдер (1891—1945) — специалист по кинодраматургии, автор критических статей о сценариях и составитель сценарных сборников; жена его, ***Татьяна Алексеевна Арбузова*** (1903—1978), — в юности ученица студии Мейерхольда. (После кончины Шнейдера она вышла замуж за К.Г.Паустовского.)

Шнейдеры дружески встретили у себя в комнатушке Марину Ивановну. Они сразу начали приискивать комнату для нее неподалеку от своей.

О последних днях Цветаевой в Чистополе перед отъездом в Елабугу см.: Лидия Чуковская. Предсмертие//Собеседник, 1988, № 3; Татьяна Арбузова. Отрывок из дневника (сб. «Рябину рубили...» М.: Возвращение, 1992).

104 ***Лев Моисеевич Квитко*** (ок. 1890—1952) — еврейский поэт, писавший на идиш; в русскую поэзию вошел благодаря выступлениям Корнея Чуковского, а главное, переводам С.Маршака, Е.Благининой, М.Светлова, а впоследствии и Анны Ахматовой. Во время войны Квитко был членом Еврейского антифашистского комитета. В пору «борьбы с космополитизмом» он был арестован и расстрелян вместе с другими деятелями еврейской литературы: И.Фефером, Д.Бергельсоном и Перецем Маркишем.

105 *...Самое большое горе моих дней — это Иосиф.* — ***Иосиф Израилевич Гинзбург*** (1901—1945) — инженер, муж Тамары Григорьевны, был арестован за то, что в присутствии сослуживцев возмущался пактом СССР с фашистской Германией. Это было до нападения Гитлера на Советский Союз. Но в судьбе человека, арестованного за антифашизм, нападение фашистов на СССР не изменило ничего. Он остался в лагере и погиб под Карагандой, работая во время наводнения на плотине.

Без заглавия

> ***Книги имеют свою судьбу,***
> ***зависящую от того,***
> ***как их понимает читатель.***
>
> **Ктеренциан Мавр***

Судьба моих «Записок об Анне Ахматовой» сложилась не совсем обыденно. Отдельные экземпляры, проникавшие в Советский Союз из-за границы, где впервые они были напечатаны издательством YMCA-Press, делались достоянием не только читателей, не только честных исследователей, имевших обыкновение добросовестно указывать, откуда у них что берется, — но и сознательных или бессознательных хищников. То́ в одной, то́ в другой статье об Анне Ахматовой читаю я присвоенные автором слова Анны Андреевны (а иногда и мои!) безо всякой ссылки на «Записки». Имя мое 16 лет находилось под запретом — кто хочет, бери, что хочешь. С конца восьмидесятых годов имя разрешено. Однако цитатами без ссылок на мою работу по прежнему пестрят чужие статьи и воспоминания. Будто эта книга нечто самородившееся и бесхозное. Мне известно, что Ахматова говорила отнюдь не со мною одной, собеседников у нее было великое множество и, говоря об одном и том же, она нередко повторяла одно и то же. Но я утверждаю, что ее слова, если я, работая над своим дневником, осмеливалась брать их в кавычки или ставить перед ними тире, записаны мною без перевода на язык другого поколения (как многими из ее собеседников), и не подвергнуты никаким переменам. Реплики Ахматовой не пересказаны мною, а *воспроизведены слово в слово*. Это обстоятельство представляется мне весьма существенным, потому что ее устная речь сродни ее прозе, письмам и даже стихам.

Под фотографиями Анны Андреевны стоит обычно имя того, кто снимал. Уважен труд. Почему же мой труд

---

* Стих 258 из стихотворного трактата «О буквах, словах, слогах и метрах» (III век до новой эры). Это цитата, превратившаяся в поговорку.

— писательский — лишен уважения и защиты? Я приходила к Ахматовой без микрофона, но вооруженная другим аппаратом: с детства постоянно оттачиваемой памятью — на слово, на стихи, на прозу. Первое, что я делала после очередной встречи с Анной Андреевной — иногда в метро, иногда в библиотеке или дома: записывала реплики и монологи незамедлительно. Книгу мою об Ахматовой принято называть — в печати и устно — воспоминаниями. Так уж повелось. Я уважаю мемуары, но никаких мемуаров об Анне Ахматовой никогда не писала. Можно ли называть воспоминаниями то́, что положено на бумагу не через долгие годы или даже десятилетия, а немедля? Лишь одна составная часть книги меняется и пополняется от издания к изданию, из года в год: растет количество исследований и воспоминаний, посвященных Анне Ахматовой и ее современникам — параллельно, от страницы к странице, захватывают себе место под строкой или в отделе «За сценой» приводимые мною новые справки, ссылки и документы...

Март 1994 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1941

18/XI

А.А. на улице, об очень нелюбимом ею Брюсове:

— Он знал секреты, но не знал тайны.[а]

21/XI

Вчера А.А., замученная ремонтом, отсутствием воды и уборной, обеда и постели и, к тому же, зубной болью:

— Слава всегда оборачивалась ко мне как-то странно. К другим знаменитым подходят на вечерах; слава приносит им комфорт и достаток. А ко мне поклонники подходят объясняться главным образом тогда, когда я стою в очереди к уборной. Каждый раз.

24/XI 41

Она прочла всё подряд. (У печки, в пустой комнате.)

«Это замечательная, очень нужная книга. Когда читаешь все подряд — производит более сильное впечатление, гораздо. Вы делаете самое трудное дело: не прибегая к помощи экзотики, почти не прибегая к помощи внешнего мира, пишете на одном только внутреннем — и это Вам удается. Лирика, голая, это самое трудное дело. Это такой трудный путь, что если знать заранее, как он труден — я со всем своим опытом могу сказать, что я на него не встала бы».

Смутившись, я спросила ее, что ей было неприятно, что не понравилось.

«Что было неприятно? Ах, только то, что это все слишком сильно действует на меня, попадает в самую точку.

[а] Об отношении Ахматовой к поэзии Брюсова см. с. 51–52.

Нервы так напряжены сейчас — и эти стихи для меня, как черный кофе для больного грудной жабой».[a)]

Помолчав, она сказала:

«Я убеждена, что поэзии предстоит сейчас сыграть в жизни людей очень большую роль. Роль великого утешителя. В этом море горя».

Потом мы говорили о другом — о том, как в детстве мать заставляла ее читать Жанну Д'Арк Жуковского. Она прочла несколько женственно-скорбных стихов по-русски, потом по-немецки. («Ах, почто мой меч таинственный»).[b)]

Еще сказала:

«Если говорить о так называемом мастерстве, то среди Ваших стихов есть строки и строфы разного качества. Мы с Вами еще перечтем их вместе».

28/XI

А.А. вечером, в каком-то возбужденно-озорном состоянии, пошла провожать меня очень далеко — от себя на почту — по дороге много острот и откровенностей. Я заговорила о картах:

«Карты всегда правду говорят. Из-за этого я не гадаю — боюсь. Мне в последний раз цыганка предсказала, что Владимир Георгиевич будет любить меня до самой смерти. Видите, так и есть».[c)]

29/XI

Лунный лик часов на перекрестке.

«Меня так здесь все балуют, — говорит А.А. — Это, наверное, перед смертью».

---

a) Ахматова говорит о стихах Лидии Чуковской.

b) Неточная цитата из романтической трагедии Шиллера «Орлеанская дева» в переводе В.Жуковского. На самом деле: «Ах! почто за меч воинственный / Я мой посох отдала?» (Действие четвертое, явление первое.)

c) Владимир Георгиевич — Гаршин. О нем см. с. 29 и «Записки», т.2, «За сценой»:[95].

1/XII

Неподвижно летящие брови.

Она читает поэму явно не для того, чтобы проверить стихи, а только для того, чтобы проверить слушателя. Вопрос о том, почему одним очень нравится, а другим — очень нет, а третьи настаивают, что поэма непонятна, чрезвычайно ее занимает. Она все пытается расклассифицировать слушателей («старым не нравится, молодым нравится»), но, по собственному ее признанию, ничего из классификации не выходит. Я предлагаю такое объяснение: поэма — новое в ее поэзии, незнакомое, требующее от слушателя работы, а слушатель любил ее в молодости и хочет, чтобы она была такой, какой он ее помнит — «сжала руки под темной вуалью».[a]

— «Ну да, я понимаю: святая-пресвятая, несчастная, брошенная чужим злым мужчиной, слеза на щеке, канарейка в клетке..»

2/XII 41

А.А. лежит, в замусоренной комнате, с распущенными волосами, после сердечного припадка. Я рассказала ей подробно, какие мысли о поэме сообщил мне ее сосед Волькенштейн.[b] «Поэма должна быть эпична... а это лирические реминисценции... ассоциативный ряд» и пр.

А.А.: «Это, конечно, не совсем то, что нас интересует. Мне бы хотелось, чтобы Вы выведали у С. и Липскерова, почему не нравится им...[c] Но слова Волькенштейна

---

[a] *Поэма* — здесь и далее — это «Поэма без героя», над которой А.А. продолжала работать в Ташкенте. О «первых ростках» «Поэмы» см. на с. 222—223 и 229.

«Сжала руки под темной вуалью» — БВ, Вечер.

[b] Владимир Михайлович Волькенштейн (1883—1974), драматург, театральный критик, сосед А.А.

[c] С. — возможно писатель Петр Владимирович Слетов (1897—1981), чье имя далее встречается на страницах «Ташкентских тетрадей». О К.А.Липскерове см. «Записки», т. 2, «За сценой»:[19].

многое мне открыли. Кажется, я наконец поняла. Поэма нравится тем, кто знает, что искусство движется, что «новая красота всегда является сначала в форме нового безобразия». А тут — новое слово, новая форма. Люди, ищущие новых форм в искусстве — Харджиев, Т.Г., Вы, — в восторге от поэмы.[a)] (Не говорите мне о Маршаке: с тех пор как он опять прочел мне little lame, little lame Blake'a я убедилась, что он застыл и будет читать то же самое до гробовой доски.[b)]) А люди, которые имеют твердо установившиеся вкусы — для них поэма есть хаос, безобразие, невнятица... Теперь, кажется, я все поняла. Можно принять эту классификацию на сегодняшний день».

— До нового загадочного случая, — сказала я. (Я предлагала ей это объяснение очень много раз, еще в Ленинграде.)

Мы заговорили о сегодняшнем выступлении. Она очень просила меня не идти. Я легко согласилась, потому что мне не хочется — сама не знаю, почему.

«Терпеть не могу выступать. В 10-х годах я выступала очень часто, чуть ли не по два раза в день, и всегда с успехом — но мне всегда на эстраде было стыдно и неприятно... А сейчас все равно. Я даже не волнуюсь, просто скучно. Не хочу я читать

Небывалая осень построила...

Такие длинные строки! Я задыхаюсь от одной мысли об этом. И выучить не могу и запомнить. То ли дело

Веет ветер лебединый,

— строки коротенькие».[c)]

---

a) Об Н.И.Харджиеве см. «За сценой»: [5]. *Т.Г.* — Тамара Григорьевна Габбе. О ней см.[59].

b) *little lame* — маленькая овечка (англ).

Вильям Блэйк (Blake, 1757—1827) английский художник и поэт, чьи стихи известны в России в переводах С.Маршака.

c) Оба стихотворения — БВ, Anno Domini.

Затем она сказала:

«Вы заметили, наверное, что я придумала самое лестное для себя объяснение любви и не любви к моей поэме».

8/XII 41

На днях я принесла А.А. из библиотеки книгу Джойса «Дублинцы» и очень просила прочесть рассказ «Мертвые», который я люблю. А.А. пропустила мою просьбу мимо ушей и стала читать всё подряд.[a]

Сегодня, на улице, она сказала:

— Рассказы плохие, но мне так интересно их читать. Это то зерно, из которого рос Улисс, хотя это совсем на Улисса не похоже. Но он возвращается к тем же героям, к тем же темам, глядя на них из другого времени — вот что интересно. Совсем как у меня в поэме.

9/XII 41

Я зашла к ней днем — лютый холод в комнате, ни полена дров, ни одного уголька, плесень проступает на стенах и на печке. Она только что прочла «Мертвые».

— Прелестный рассказ. Ах, как это хорошо — то место, когда он смотрит на нее снизу, а она стоит на лестнице — помните. Тут уже что-то ренуаровское. Рассказ совсем не Джойсовский, Улисс — противоположен, тут скорее Пруст... А материал тот же, автобиографический — певцы. Линия Стеффен[с]а.[b]

10/XII 41

Сегодня в очереди на почте очень экспансивная маленькая старушка из Рязани все рвется обсудить со мной

---

[a] Речь идет о сборнике рассказов Джемса Джойса «Дублинцы» (М.: ГИХЛ, 1937).

[b] Линкольн Стеффенс (1866—1936), американский писатель, известна его «Автобиография» (1931).

сегодняшнее событие: начало японо-американской войны.[a]

— Это ён на ону пошел, или ена на яво?

В ее комнате — градус мороза. Сегодня папа звонил о дровах для нее во все инстанции. Обещали, но не посылают. Она лежит, закутанная во все пальто. Кипятка нет, картошку не на чем сварить, обедать в столовку, куда я ее устроила, пойти не в силах. К нам пойти есть, спать, греться отказалась, ссылаясь на слабость. Открыла мне, что на бедре у нее какой-то очень подозрительный желвак, который необходимо удалить.

Прочла недоделанные новые стихи. Первые со времени приезда.

Я кляну себя за практическую неспособность. У меня имеются особые фонды, но я не умею пойти на рынок за дровами. Я достала ей и Волькенштейнам поденщицу, но Волькенштейны, по бедности, отказались и А.А. опять без помощи.

Теперь во что бы то ни стало надо разузнать все о хирурге.

Спекулянт Городецкий хочет, чтобы она выступила с ним на вечере. Она ни за что не хочет, не знает, как отвязаться. Из-за этого не будет выступать в ближайшее воскресенье... Тот же Городецкий, стоя в очереди за картошкой, когда кто-то сказал, что А.А. больна и надо ей картошку отнести, громко сказал:

— Пусть Ахматкина сама придет.[b]

---

[a] 7—8 декабря 1941 года Япония внезапно напала сперва на американские, а потом и на английские владения на Тихом океане и 9-го декабря объявила войну США и Англии.

[b] Сергей Митрофанович Городецкий (1884—1967), поэт, находился у истоков акмеизма — синдик «Цеха поэтов», как и Н.Гумилев. Ахматова вспоминает, что «первое собрание Цеха [Поэтов]... с Блоком и французами было у Городецкого». (ЛО, 1989, № 5, с.6) Сергей Городецкий обладал даром рисовальщика. Он — автор обложки первой книги Ахматовой «Вечер».

«Сегодня у меня было такое происшествие. Распахнулась дверь и ко мне кинулась, целуя меня, незнакомая молодая девушка, с криком:

— Анночка Ахматова!

Сначала я подумала, что это, быть может, какая-нибудь моя племянница, которую я не видела двадцать лет — знаете, теперь все бывает... Но нет, это оказалась просто поклонница. Фу, гадость какая. Вот, значит, кто я... Мне теперь хочется вымыться. Попрошу в Союзе, чтобы не давали никому мой адрес».

Я ушла в отчаяньи — от того, что она в холоде, голоде, от того, что Волькенштейны отказали поденщице, от рассказа ее об опухоли, от постоянного ее желания провести параллель между своей судьбой и судьбой Цветаевой. Недаром она носит на шее ее ожерелье.

12/XII

С утра пришла к ней. Дров не прислали. Но в комнате чуть теплее: за окном восхитительный голубой, снежный день. Мне удалось напоить ее чаем. Потом я пошла вместе с ней в Академию Наук, чтобы наладить испорченное дело с обедами. Наладила — но она вряд ли будет обедать, потому что в три должен придти К.[а] помогать ей с перевода-

---

О Городецком в Ташкенте Ахматова отозвалась так:«Потоки клеветы, которую извергало это чудовище на обоих погибших товарищей (Гумилева и Мандельштама), не имеют себе равных (Ташкент, эвакуация). Покойный Макридин, человек сериозный и порядочный, нахлебавшись этого пойла, с ужасом спросил меня: "Уж не он ли их обоих погубил? — или он совсем сумасшедший"».(«Изд-во МПИ», с.146).

[а] К. — вероятно поэт и переводчик Александр Сергеевич Кочетков (1900—1953), автор «Баллады о прокуренном вагоне», где есть знаменитая строчка — «С любимыми не расставайтесь».

Знакомство А.А. с Кочетковым по свидетельству Л. Горнунга относится к 1936 году, когда она гостила в Старках у Шервинских. Неподалеку снимал дачу Кочетков (см. «Воспоминания», с. 198).

ми, и она боится опоздать. Провожала меня. Опять много рассказывала о «злом озорстве» Марины. Биография Цветаевой чрезвычайно занимает ее. Ужасно смеялась и радовалась «ён на ону или ена на яво».

13/XII 41

Вчера днем я пошла с Ираклием на рынок (убедившись, что в Союзе, несмотря на обещание, не сделают ничего), мы купили три пустых ящика и лопату угля и поволокли к ней.[a] Кроме того, у меня были для нее яблоки, яйца, масло. Ираклий по дороге кинул меня, я наняла человечка. NN лежала в кровати, кружится голова и болят суставы. При мне встала, вымыла посуду, сама затопила печь. Меня заставляла сидеть. Сказала фразу, очень злую и, в известной мере, увы! правдивую.

— Я ведь в действительности не такая беспомощная. Это больше зловредство с моей стороны.

Пока возилась, дала мне читать «Ардова».[b] Сказала: «Исправьте грамматические ошибки», но когда я указала на одну ошибку — явно рассердилась. «Я вам не для того дала».

В разговоре все время возвращалась к Ленинграду. Протестовала против всех моих сравнений. На вопрос об «игралище страстей» ответила:

— Нет, о нет! Разговоры там такие — женщина говорит, проводя гребенкой по волосам: думаю, в последний раз я сделала такое движение или нет?

— Я не боялась смерти, но я боялась ужаса. Боялась, что через секунду увижу этих людей раздавленными. И еще одного боялась...

— Я поняла — и это было очень унизительно — что к смерти я еще не готова. Верно, жила я недостойно, потому и не готова еще.

---

[a] Ираклий — Ираклий Луарсабович Андроников. О нем см. «Записки», т. 2, «За сценой»: [24].

[b] «Ардов» — название одной из ахматовских тетрадей, подаренной В.Е.Ардовым.

Опять говорила о Цветаевой, пересказывала, что рассказывали о ней, как она уходила на целые дни, привязывая свою младшую дочь к кровати.[a)]

— Некоторым женщинам явно не следует иметь детей,—сказала я.

— «Да, мне например... У меня всегда были прекрасные отношения с Левой — и все-таки: не следовало».

Просила придти сегодня вечером; будет Липскеров—один из хулителей поэмы — и она хотела бы, чтобы я разобралась в его мотивах.[b)]

Сегодня я зашла к Хазину. По его совету, мы вместе пошли к Берестинскому просить разрешения отнести NN уголь и немного дров.[c)] Льстили самым низменным образом. Он милостиво разрешил.

Была с Хазиным у нее. Туда же скоро пришел человек со странным лицом: Державин.[d)] Хазин затопил печь, NN оживилась, пила чай. Суставы у нее сегодня не болят.

Кто-то упомянул о цветах:

— «Я никогда их не любила — сорванные цветы. А теперь и видеть не могу. Мой дом был рядом с больницей Веры Слуцкой. Я постоянно видела из окна похороны: люди с цветами. Когда больницу начинали бомбить, все люди

---

a) Речь идет о младшей дочери Марины Цветаевой — Ирине, умершей в приюте в 1920 году.

b) О мотивах К. Липскерова см. с. 360—361; о нем — см. «Записки», т. 2, «За сценой»:[19].

В 1955 году в «Письме к NN» А.А. сформулировала основные возражения ташкентских слушателей «Поэмы» — К. Липскерова, А. Эфроса и др. (Там же, примеч. на с. 140—141)

c) Евгений Яковлевич Хазин (1893—1974), литератор, брат Н.Я. Мандельштам, сосед А.А.

Михаил Исаакович Берестинский (1905—1968), драматург, киносценарист.

d) Владимир Васильевич Державин (1908—1975), поэт и переводчик.

сбегались к нам в бомбоубежище, вбегали с букетами цветов в руках... Видеть не могу этих астр, хризантем — этих покойников».

«Там, в бомбоубежище, жили четыре черные кошки. Когда кто-нибудь засыпал, они взбирались на спину».

14/XII 41

Я пыталась как-то объяснить NN, что чувствую какое-то странное освобождение не только от Двора Чудес, но и от себя, своего прошлого. Если бы я нашла что-то новое — тогда такое чувство было бы объяснимым, но ведь ничего нового я не нашла, только последнее прибежище утрачено. Подумав, она сказала:

— Значит, вы не всё захватили с собой. Да. Значит, не всё.

15/XII

Я поднялась к NN.Она — в кровати; перед ней Уткин, Левик и Лавренев, которому не подаю руки.[а] В смущении от этого обстоятельства, сажусь на краешек кровати. NN оглушает меня:

— Вот, товарищи пришли сказать, что мне отказали в прописке...

Пытаюсь узнать что-нибудь у Уткина и Левика, но все уходят; NN не пускает меня. А я рвусь за ними, чтобы поскорее узнать в чем дело. У NN кружится голова. Вижу, что она страшно встревожена («я же вам еще в поезде говорила, что так будет»... «что ж! поеду в кишлак умирать»...), но не могу остаться. Выбегаю, ищу Уткина. Все исчезли. Бегу к нему на квартиру — нет его.

[а] И.П.Уткин (1903—1944), поэт. В.В.Левик (1907— 1982),поэт-переводчик. Б.А.Лавренев (1891—1959), писатель. О его неблаговидных поступках в 1937 году, во время разгрома ленинградской редакции, руководимой С.Я.Маршаком, Л.К. рассказывает в своей неоконченной и неопубликованной автобиографической книге «Прочерк».

Вечером сговариваюсь с папой, что он завтра же пойдет к Кичанову.[a] Сижу дома, как на иголках, проклиная всю компанию (зачем они *ей* сказали? они думают, что она в действительности так спокойна, как кажется, а я же *знаю* на какую болевую точку это попадает), рвусь к ней, но Люша боится одна в комнате и пр. Наконец в одиннадцать часов выбегаю. Затемнение. Очень светло, крупные звезды.

Убеждаюсь, что весь страшный ее комплекс, такой знакомый мне по Ленинграду, в ходу. Мы сидим в пустой, холодной, сырой комнате, в полной тьме. Я пытаюсь говорить, что все наладится, но получаю грозную и гневную отповедь:

«Марину из меня хотят сделать! Болтуны! Им бы только поговорить об интересном! Не на такую напали. Ничего мне не надо, я ни о чем не буду просить. Я уеду и слова не скажу. Не все ли равно, где погибать — там будет надо мной небо, кругом чистый воздух, под ногами земля, и я буду одна...»

Я так огорчилась, что вышла, кажется, позабыв проститься.

16/XII 41

Папа вечером должен быть у Кичанова по делам лагеря. Раздобыв всякой еды, я пошла к NN узнать, в чем же дело с пропиской.

Выяснилось: никакого отказа не было. Это все изобрел мерзавец Лавренев. Напугал NN — и — хуже того: распространил по городу *обоснования*.

NN встретила меня так ласково, что я расплакалась:

«Капитан, вы ушли не простившись. Как вы могли так страшно уйти, оставив меня в темноте? Я всю ночь не спала... Я ведь не от вас хочу уехать, жить я хочу возле вас —

---

[a] Михаил Иванович Кичанов, зам. председателя Совнаркома УзССР. Его жена — Евгения Митрофановна Смирницкая была активной деятельницей Комиссии помощи эвакуированным детям.

а умирать хочу далеко... Я разговаривала как сама с собой. Капитан, дорогой, не обижайтесь на меня...»

Во всем виновата лентяйка Радзинская, которая взяла на себя оформление прописки, и поленилась. Теперь клянется все сделать.[a)]

NN собиралась выступать в клубе НКВД, куда ее пригласили дети. Мария Михайловна дала ей чулки и шаль, Ная гладила платье.[b)]

NN надевала чулки, я выбирала стихи для нее. Наткнулась на любимое:

Как площади эти обширны...

— «Любите это? Вся «Белая Стая» посвящена этому человеку... И “Ты отступник”. И еще одно».[c)]

И она прочла:

Я именем твоим не оскверняю уст
Прославленный Октябрь.[d)]

---

a) Софья Юрьевна Радзинская, жена драматурга Станислава Адольфовича Радзинского(1889—1969). В Ташкенте Радзинские были соседями Ахматовой.

b) *Мария Михайловна* — Волькенштейн, жена В.М.Волькенштейна. *Ная* — домашнее имя Рогнеды Сергеевны Городецкой (р.1908), дочери С.М.Городецкого.

c) «Как площади эти обширны» — БВ, Белая стая; «Ты — отступник: за остров зеленый» — ББП, с.133. Речь идет о стихах, обращенных к Б.В.Анрепу. О нем см. «Записки», т.2, с. 291.

d) Работа над стихотворением «Я именем твоим не оскверняю уст» не была окончена Ахматовой. К тому же само стихотворение было записано ею с пропуском в третьей строфе. После смерти Ахматовой строфы автографа оказались в разных архивах: первые две — в московском (ЦГАЛИ), последняя — в ленинградском (ГПБ). Впоследствии строфы были так и напечатаны отдельно друг от друга, как разные стихи. (См. «Я — голос ваш», с. 291 и «Двухтомник, 1990», т. 1, с. 369). Как единое целое стихотворение было опубликовано М.Кралиным со ссылкой на Л.К.Чуковскую (пропуск восстановлен с ее слов) в кн.: Анна Ахматова. Сочинения в двух томах. Т.2. М.: Правда, 1990, с. 39. Приводим крамольную строфу так, как ее запомнила Л.К.:

— Валенька очень смешно показывала, как я ухожу с ним кататься. Возвращаюсь — нарядная, вся в шелках и мехах, но в полном отчаянии».[a]

Потом заговорила о Блоке. (Она все радуется «Седому Утру», которое принес ей Шток.[b])

— «Блок великий поэт. Но не всегда. Терпеть не могу его стихов о городе. Дурно понятый Достоевский, безвкусица. "И, пара за парой, идут влюбленные"... Ничего этого не люблю.[c] А "Седое Утро"— как трогательно, чисто, как хорошо».

17/XII

Сегодня я водила NN, по ее просьбе, к хирургу. Он нашел опухоль совершенно доброкачественной, но все же *согласился* удалить. В субботу.

Она хочет этого, потому что так велел В.Г.

По дороге назад, она рассказала мне о сумасшествии Нимфы.[d]

— Сумасшедшие меня любят. Может быть потому, что я — идеальный слушатель.

На углу одного переулка на нас чуть не налетел грузовик. Увидев его, увидев, что он сейчас повернет, NN остановилась, вцепившись мне в руку, и вдруг застонала

Тому прошло семь лет. Прославленный Октябрь,
Как свечи на ветру гасил людские жизни,
А друга моего последний мчал корабль
От страшных берегов пылающей отчизны.

<1924?>

[a] *Валенька* — В.С.Срезневская. О ней см.:[93].

[b] «Седое Утро» — название книги стихотворений А.Блока, изданной в 1920 году (Пб.:Алконост).
Об И.П.Штоке см «Записки», т.2, «За сценой»:[8].

[c] Строка из лирической драмы А.Блока «Балаганчик» (из первого монолога Пьеро).

[d] *Нимфа* — домашнее имя Анны Александровны Городецкой (1889—1945), жены поэта С.М.Городецкого.

страшным, протяжным звуком и стонала, пока я не рванула ее и грузовик не проехал. Мне кажется, так, наверное, кричат олени.

У нее опять опухла нога.

В комнате опять плесень и холод. Те дрова и тот уголь, которые мы на днях принесли ей с Хазиным, уже кончились. Союз не прислал ничего, несмотря на мои приставания и папины звонки Алимджану.[a]

19/XII 41

Вчера, встретившись с ней в Узфане,[b] куда она пришла за талончиками на обед, я проводила ее до дому и немного посидела с ней. Она была задумчива и не в духе. Скоро я поняла в чем дело: переводы Лютфи никак не даются ей.[c]

Она надеялась на помощь Кочеткова, Городецкого — но и это не вышло.

— «Я не могу переводить. Я никогда не могла. Теперь узбеки обидятся. Ведь все, кто берется — все переводят. Я одна верну стихи, ничего не сделав, и они решат, что это от гордости»...

— Нет, почему же...

— «Не нет, а да. Человек с литературным именем — и вдруг не умеет. Не поверят ни за что. А я никогда не могла перевести ни строки. Иначе, зачем бы я голодала все эти годы, жила без чулок и без хлеба? Ведь переводы прекрасно оплачивались...

Пушкин тоже не мог переводить — или бросал, или после первых же строк начинал писать свое. Мандельштам тоже не мог.

Лозинский, начав переводить, бросил писать свои стихи...[d]

---

[a] Хамид Алимджан (1909–1944), председатель Союза писателей Узбекистана, поэт, публицист, критик.

[b] УзФАН – Узбекский филиал Академии Наук.

[c] Лютфи (Лутфи) – узбекский поэт-лирик XIV–XV вв.

[d] Об М.Л.Лозинском см. [7] и «Записки»,т. 2,«За сценой»: [34].

Ах, не верю я в переводы. Пусть люди изучают языки и читают подлинники... Ну вот Пастернак перевел Верлена. И никакой это не Верлен и никакой не Пастернак».

20/XII 41

Сегодня я ее отвела в Правительственную клинику, к Кейзеру. Кейзер не вырезал, но выжег — значит, не предполагает злокачественности.

По-видимому, операция и в самом деле была легкой, потому что NN не только с бодростью пошла домой, но перед этим выстояла час на почте (получила телеграмму от В.Г.). Зашли к нам, поужинала, и я отправилась ее провожать.

— «Боже мой, даже звезды какие-то чужие понатыканы... Даже темнота чужая»...

— «В.Г. говорил: смерти я для тебя не боюсь. Боюсь голода и нищеты».

— «Он настоящий *мужественный* человек. Я не сомневаюсь, что он уже озаботился устроить так, чтобы мне немедленно сообщили о его смерти, если он будет убит... И я прошу Вас сразу сообщить ему о моей... Это настоящий человек».

— «Когда Л. мне как-то сказал, что зуб ему рвали под кокаином, я почувствовала к нему презрение».

— «За всю свою жизнь, я написала одно хорошее стихотворение: “Думали, нищие мы”».[а)]

Я зашла к ней и порадовалась: яблоки, яйца, рис, масло (мое!), хлеб, уголь!.. Все понемногу налаживается. Но прописки все еще нет, и меня это сильно тревожит. M-me Радзинская и сама не прописывает и мне не дает.

а) «Думали: нищие мы» — **№ 22.**

21/XII 41

Она вошла ко мне, в папину комнату, задыхаясь.

— Письмо от Оли.[а]

Села и прочла вслух, все.

Первая наша радость в Ташкенте. Конкретное, подробное, достойное веры и мужественное письмо.

NN ходит окрыленная, озаренная. Там так много и так хорошо о В.Г.

22/XII 41

Вчера я была у Хазина, сговорилась с ним насчет дров для NN и насчет мер по поводу прописки. Сегодня, во исполнение уговора, он зашел к NN, не застал ее, и, уходя, сообщил Волькенштейну, что, после проверки, выяснилось: m-me Радзинская не сделала решительно ничего. NN узнала об этом от меня (вернувшись из Союза, очень усталая и недобрая) и разгневалась на Хазина:

— «Зачем он болтает? Зачем понадобилось сообщать Волькенштейну? Отсюда возникнет новая сплетня, опять накличут мне Лавренева! Я ничего не требую, ничего мне не надо, но зачем такая неделикатность... Вы не согласны?»

— Нет, — сказала я. — На Вашем месте я сердилась бы на Радзинскую, которая вот уже два месяца лжет, путает, обещает, сама ничего не делает и другим не дает. А Хазин полон самых лучших чувств...

— «А зачем он болтает? Надо думать, что делаешь... Не желаю я больше слышать ничего о прописке. Если Ташкент не хочет связать свою биографию с моей — пусть. Пусть меня вышлют. Так еще смешнее».

Я замолчала. Мне не нравится это ее желание непременно пострадать. Она ведь сама отлично знает, что власти дали разрешение на прописку в одну минуту, что все щеголяют интеллигентностью и либерализмом, никто не собирается ее высылать — а вся загвоздка в неряшестве и лени

[а] *Оля* — Ольга Берггольц. О ней см. «Записки», т. 2, «За сценой»: [129].

Радзинской. И как можно сердиться на Хазина, который так предан ей.

Пришла Ная, которую терпеть не могу за пошлость. Я поднялась.

— «Вы сердитесь? Не сердитесь, ради бога. Имею же я право, за полгода благонравия и кротости, полчаса быть стервой... Не сердитесь, я больше не буду. “Теперь твой слух не ранит неистовая речь”»...[a]

Я ушла, сердитая — не за неистовую речь, а за то, что она никак не дает мне переписать поэму, хотя и понимает, что это необходимо.

На улице, в темноте, ко мне сделал движение человек. Я отшатнулась было, но потом стала.

— Мне очень стыдно... Но меня только что выпустили из тюрьмы... Дайте мне денег...

Я начала рыться в сумке.

— Я не маленький человек был — директор Челябинского завода... А сегодня нас всех выпустили... всех... всех! [вырезано две строки. — *Е.Ч.*]

Я дала ему рубль.

NN рассказывала, что вчера к ней на Жуковской подошел Вирта, осведомился о здоровье и не надо ли денег, и как она живет.[b] Результат ли это нашей с Хазиным пропаганды или скандала, учиненного Штоком, или передовой «Правды»?[c]

23/XII 41

Нечкина давно просила меня познакомить ее с NN, задавая о ней вопросы почтительным шепотом. Сегодня я

---

[a] «Теперь твой слух не ранит / Неистовая речь» — строки из стихотворения «Чугунная ограда, / Сосновая кровать» — БВ, Anno Domini.

[b] Николай Евгеньевич Вирта (1906—1976), писатель.

[c] Вероятно, имеется в виду передовица под заглавием «Забота об эвакуированном населении» («Правда», 18 декабря 1941).

встретилась с ней в Узфане и взяла ее с собой к NN. По дороге Нечкина все твердила мне, что от страха, благоговения и робости будет молчать. Но тот час, что мы вместе провели у NN, неустанно болтала: об академиках, о семье декабриста Муравьева и т.д. NN молча слушала, потом произнесла: — Хотите, я прочту вам поэму?

Прочла и вопросительно взглянула на Нечкину.

Нечкина говорила о двойной новизне довольно удовлетворительно.[a]

Уходя, пригласила нас к себе. NN (которая здесь в этом смысле совсем другая, чем была в Ленинграде) согласилась.

24/XII 41

Сегодня мы с NN должны были идти к доктору, к ее хирургу. Но NN зашла за мной с опозданием, а потом заявила, что все отлично и она не пойдет, и мы просто отправились к Нечкиной. Я постояла немного на телеграфе — отправляла телеграмму В.Г. — потом вернулась. Нечкина угощала нас вином, изюмом, орехами и манной кашей. Затем читала NN свои стихи, из тех, которые мне она уже читала. Я слушала и думала про себя, сколько уже бедная NN выслушала в свой жизни дилетантских женских стихов, и корила себя за то, что читала ей свои.

Потом я провожала ее. Тут мы обменялись более откровенным мнением.

— «Не будет она писать... Совсем дилетантщина... Я писала так, когда мне было пятнадцать... Что за нелепость эта мужская Золушка... Так писали в 90-х, 900-х годах... И как удивительно, что это пишет ученая женщина, марксистка... В ее стихах совсем нету чувства времени — то, чего так много в Ваших».

По дороге она рассказала, как оценил ее поэму Липскеров. Очень не понравилась.

---

[a] О знакомстве Ахматовой с Нечкиной см. также «Записки», т. 2, с. 46.

— «Зачем Коломбины, Пьеро? Это так устарело»... — «Искусство должно быть просто». — «Что это значит? Разве "Медный Всадник"— прост?»

25/XII 41

Думаю о двух ее поэмах: одну она читала опять при мне Нечкиной у себя и другую вчера у Нечкиной («Путем»). «Путем» теперь, после «Тринадцатого года», кажется такой ясной, простенькой... Я давно ее не слыхала и на этот раз она меня поразила своей *светлостью*. Таким светом тут облита смерть:

Лишь хвойная ветка
Да солнечный стих....[a]

У нее есть стихи «Так отлетают темные души», а это «Так отлетают светлые души».[b]

А «Тринадцатый год» я на этот (на седьмой или восьмой!) раз услышала тоже совсем по-новому: как постройку железно-стройную, вовсе не раскидистую... И как великолепно вошли в «Решку» новые строки

Тишина тишину сторожит.[c]

Я зашла к ней сегодня только предупредить, что заболеваю, ложусь и что ей принесут от меня всякие вкусности. Она обещала придти навестить меня.

Дров по-прежнему нет, а паспорт — после того, как Конторович добыл всякие бумажки — опять без движения лежит у той же Радзинской.[d]

---

[a] Строки из последней главки поэмы «Путем всея земли».— **№ 19.**

[b] «Так отлетают темные души» — **№ 20.**

[c] «Тринадцатый год» — первоначальное название «Поэмы». Потом так стала называться лишь первая ее часть — см. с. 487. О «Решке», как об одной из частей «Поэмы», — см. там же.

Новые строки— это строфа, начинающаяся словами «Карнавальной полночью римской» и кончающаяся: «В дверь мою никто не стучится, / Только зеркало зеркалу снится, / Тишина тишину сторожит» (см. ББП, с.372 и 439).

[d] Лев Александрович Конторович (1892—1946), писатель, член групкома драматургов. О нем см. также на с. 397.

По дороге домой купила ей две тарелочки и зеркало.

26/XII 41

Лежу пластом. NN не пришла — не больна ли она?

27/XII 41

Ее нет. Уверена, что она больна.

28/XII

Пришла NN, нарядная, красивая. Слава богу, я уже немножко починилась, а то совсем глупа была. Она оказывается тоже была больна — животом. Похудела. Кругом в комнате стояла галиматья, так что я только смотрела на нее, а говорить не удалось почти.

В их дом привезли, наконец, дрова. Но еще неколотые. Ух, как я рада.

29/ XII

Сегодня письмо от Лели Арнштама, из Алма-Ата.

Убит Михаил Яковлевич Розенберг.[a)]

Я знала, что так будет.

Я гибель накликала милым, —

это она про меня написала.[b)]

30/XII 41

Вчера NN сидела возле меня часа четыре. При ней пришла Рина Зеленая, которая до этого изливалась мне в любви к

---

a) Лео Оскарович Арнштам (Леля, 1905—1979), кинорежиссер и сценарист, с которым Л.К. дружила еще со времен Тенишевского училища.

b) «Я гибель накликала милым» — БВ, Anno Domini.

Михаил Яковлевич Розенберг, сценарист, работавший на Ленфильме. По его (и Н.Тихонова) сценарию Л.Арнштам поставил фильм «Друзья». Перед самой войной Л.К. вместе с М.Я. Розенбергом работала над сценарием о лейтенанте Шмидте, который тоже собирался ставить Л.Арнштам.

ней. NN пригласила ее с Тихоновым на сегодня слушать поэму.[a] Когда я стала сетовать, что не смогу тоже придти, NN очень сердилась — говоря, что я уже тысячу раз слыхала.

Сегодня она была тоже. Чувствовала себя как-то не в своей тарелке, жаловалась на озноб. Но в комнате, говорит, уже совсем тепло. Пожаловалась, что вчера там состоялось какое-то собрание, на котором она не была, но вечером все к ней заходили и пересказывали гадости: писатели уже обличали друг друга в краже продуктов, жульничестве и оргиях.

— «Ко мне пришла совершенно пьяная Раневская, актриса, топила мне печь... Ах, все ко мне врываются... Впрочем, она показала остроумие довольно высокого класса. Хозяйка, кокетничающая интеллигентностью, спрашивает у нее:

— Скажите, вы фаталистка? — Нет, я член Союза Рабис».[b]

Я попросила ее перечесть «Я именем твоим». Она перечла и сказала:— «Вторая строфа тут плохая. И по звуку и вообще плохая. Не нужна эта развернутая характеристика».[c]

Сегодня она была очень красива, и я впервые заметила, что челка подчеркивает татарский склад ее лица: челка выглядит немножко как «русская стрижка».

Заговорили о Бунине. Она не любит его стихов, чему я рада, так как не люблю их тоже.

---

[a] Рина Васильевна Зеленая (1902—1991), актриса. *Тихонов* — Александр Николаевич. О нем см. «За сценой»: [37].

[b] Фаина Георгиевна Раневская (1896—1984). О ней см. «Записки», т. 2, «За сценой»: [53]. Союз Рабис — Союз работников искусств.

[c] Речь идет о строках: «И как приворожить меня прохожий мог, / Веселый человек с зелеными глазами, / Любимец девушек, наездник и игрок...» По-видимому, строфа так и осталась незавершенной — см. примеч. на с. 354.

— «Вялые стихи, обо всем на свете, рассчитанные на академическую благовоспитанную публику. Сокровищ в них не ищите — как у Случевского или у Полонского или у Анненского. Стро́ки “Нет ничего прекрасней, чем радуга оконченного страдания” (я переврала.— *Л.Ч.*) я считаю самым лучшим, что было сказано в двадцатом веке[a].

Поэты 90-х годов погибали от безвкусицы эпохи, не в силах были ее побороть, а Бунин был вполне удовлетворен своей эпохой. Когда при нем появился Блок, повеял новый ветер, он надел наушники, напульсники, набрюшники, думая, что так и должен вести себя классик. Очень глупая позиция».

Она ушла, заторопившись: Тихонов и Зеленая сегодня придут ее слушать.

Вчера я прочла ей «10 мая». Мне кажется, ей не понравилось. Она сказала: «Здесь у вас что-то новое, какой-то новый звук... Что ж, меняйтесь, меняйтесь».[b]

---

[a] На самом деле: «Но радуги нету победней, / Чем радуга конченных мук!..» — строки, завершающие стихотворение И.Анненского «В волшебную призму» («Кипарисовый ларец»).

[b] «10 мая» — стихотворение Лидии Чуковской, записанное в той же Ташкентской тетради. Под стихами пометка: «26—29/XII 41 Ташкент». И — рядом с заголовком: «Отъезд из Ленинграда. Конец моей жизни». Стихотворение начинается словами: «Так густо набухала тьма...» Стихи не включены автором ни в один из своих сборников.

1942

3/I 42

Вчера она пришла днем. Я вчера была несчастная, и потому она так добра была со мной.

— «Когда я Вас долго не вижу, я опускаюсь. Правда, я заметила», — сказала она.

Потом показала мне «Поэму Горы». Я читала ей вслух. Меня поразила неуловимость этой вещи, ее безо́бразность, бескрасочность: слова, слова, очень убедительная интонация, а для глаз, для воображения никакой пищи.

Я все это изложила.

— «Да, да, вот так все поэмы. «Поэма Воздуха» мне больше нравится, но та совсем заумная. А эта меня раздражает: говорит гора — без конца. И потом: какая злая вещь. Ей кто-то изменил, так она весь мир ненавидит... Нельзя же! А вы заметили — посередине — звучит Пастернак, но какой странный, не *пастернаковский*. Пастернак без щедрости, без детскости, без доброты...»[a]

Сегодня я забегала к ней утром, сговориться насчет вечернего посещения врача. У нее теплее, и в углу — дрова. Но немного их.

Разговор о Тимоше.[b]

Вечером она зашла за мной. Принесла Жене парашютиста.[c] Мы пошли к хирургу, оттуда на почту — писем нет — оттуда заглянули к Нечкиной — не застали, я проводила ее домой, она очень задыхалась на лестнице, потом сразу легла (как всегда) и закурила.

---

[a] «Поэма Горы» и «Поэма Воздуха» — поэмы Марины Цветаевой.

[b] *Тимоша* — Надежда Алексеевна Пешкова, невестка М.Горького. О ней см. «Записки», т. 2, с.211.

[c] *Женя* — племянник Л.К.

Мы разговаривали о Ленинграде; я сказала, что переменила четыре квартиры, и спросила, сколько она. Она перечислила

На Выборгской (у Срезневских).

На Фонтанке, дом Шереметевых.

Москва — с В.К.Шилейко, в Зачатьевском

Фонтанка, 18 — с Ольгой

Сергиевская, 7

Казанская — с Ольгой

Фонтанка, 2 — с Ольгой.[a]

Мраморный дворец (квартира В.К.; они уже разошлись, он уехал в Москву)

Фонтанка, дом Шереметевых

Последовательность я, кажется, спутала.

3–4/I 42

На чужой земле умирать легко:
Чужая земля не держит
Ни во ржи васильком, ни в окне огоньком,
Ни памятью, ни надеждой.

Только жить нельзя на чужой земле.
Не даром она чужая.
Глянь, звездами во всю разыгралась во мгле
О горе твоем не зная.

Ташкент[b]

5/I 42

Пришла к ней вечером. Она лежит. Голова кружится. Я уговорила ее измерить t° — 37.2. Но ни кашля, ни насморка. Только бы не легочное что-нибудь. Я была послана пригласить в гости Штоков. Исидор затопил печь, О.Р. сварила картошку и компот, — вскипятила чай. Они привели с

---

[a] *с Ольгой* — то есть с О.А.Глебовой-Судейкиной. О ней см. «За сценой»: [6].

[b] Окончательный вариант см.: Лидия Чуковская. Стихотворения. М.: Горизонт, 1992, с. 25.

собой своего друга, режиссера — его прекрасный, живой рассказ.[a]

6/I 42

NN лежит. t° 36.8. Обедать ходила.

Очень грустна. Я поила ее чаем с принесенными бутербродами. Завтра принесу ей продукты — но, боюсь, тогда кончатся уже у нее дрова. Сегодня постараюсь раздобыть обещанный Юфит уголь.[b]

Я прочла ей стихи. «На чужой земле».

— Прочтите еще раз.

Прочла.

— Прекрасные стихи. Замечательные.

От смущения и счастья я убежала к Волькенштейнам. Когда вернулась, она сидела на постели и повторяла мои стихи.

— Сядьте. Слушайте.

И повторила все восемь строк, оговорившись во второй строфе: вместо «Недаром она чужая» — сказала — «На то она и чужая». Может быть, так и лучше?

Снова говорили о «Поэме Горы» и ее авторе. Мое чувство такое: слова есть, описательные, а самих вещей нет. Например, нет горы, о которой столько слов.

Я заговорила о слове «уничтожено». Тут же был Волькенштейн. Его вздорная болтовня. NN молчала. Потом, когда он вышел, согласилась со мной. «Это — растление».

---

a) Ольга Романовна Шток – жена Исидора Петровича Штока.

Режиссер – вероятно Валентин Николаевич Плучек (р. 1909). Перед войной Плучек и Арбузов руководили студией, где спектакли создавались коллективно, методом импровизации. Вскоре после начала войны Студия Арбузова недолго находилась в Ташкенте, а потом стала передвижным фронтовым театром.

b) Матильда Иосифовна Юфит (1909—1990-е), писательница, жена писателя Павла Филипповича Нилина.

Потом, заговоря о морали и значении ее для всего и для поэзии, сказала:

«Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети...
Пушистой шкурой покрывали, —

подумайте, это написал мальчик, распутный двадцатидвухлетний мальчишка...Вот что такое мораль».[a]

Потом я рассказала ей, совсем в другой связи, о том, как я била сумкой по голове шофера, переехавшего человека на шоссе и не желавшего возвращаться. Она мне рассказала:

— «Когда я была беременна, Н.С. уехал в Слепнево, а я поехала к моей маме, гостившей в Подольской губернии.[b] Я всегда очень любила собак и жалела бродячих. Бродячие приходили к нам во двор, и я давала им кости. Там их очень много. Один раз я дала собаке кость, и она подавилась. Стоит и задыхается у меня на глазах... Тогда я подошла к ней, опустилась на колени, засунула руку ей в горло и вытащила кость. Все очень испугались, потому что я была тогда беременна. Но собака поняла, что я хотела ей помочь».

8/I 42

Вчера, под вечер, я пришла к ней, счастливая от того, что, наконец, иду не с пустыми руками.

Застала ее у Волькенштейнов. Она встретила меня так:

— «Л.К., я тут совершила страшное преступление! Такое, что меня бойкотируют все друзья, Штоки дали слово не приходить, Волькенштейны то же... Железнова выгнала из комнаты старуху Блюм, которая у нее ютилась, выбросила в коридор ее вещи; я застала старуху плачущей в коридоре, где еще недавно умирал ее муж и предложила ей

---

[a] Ахматова цитирует «цыгана дикого рассказ», то есть строки, посвященные Овидию в поэме Пушкина «Цыганы».

[b] Н.С. – Николай Степанович Гумилев.

переехать жить ко мне... Ну что? вы присоединяетесь к бойкоту?»[a]

— Присоединяюсь! — ответила я.

Передо мной сразу все померкло от огорчения. Как! мало того, что ей дали самую плохую комнату в общежитии — маленькую, сырую, холодную — к плесени, к холоду и неустройству еще присоединится болтливая и глупая старуха Блюм! Я когда-то не хотела хлопотать о комнате для NN на Жуковской (бывшая Афиногеновой[b]), потому что та комната большая, хорошая, и туда непременно кто-нибудь вселится. И вот на 5 метров А.А. сама себе вселила... А еще на днях говорила, что не пойдет жить с Е.В., так как хочет быть *одна*.[c]

Я побежала плакаться в жилетку Штокам. Их я застала в ярости. Они посоветовали мне зайти к Левину.[d] Пошла. Он встретил мои слова очень сочувственно, но сказал, что ничего не может поделать, что он не имеет *права* вселить Блюм в комнату к m-me Нович (36 метров!) или m-me Саргиджан (30 метров!) и посоветовал мне обратиться к Алимджану —чтобы тот как-нибудь, поговорив с мадамами и самой Блюм, полюбовно уладил этот вопрос.[e]

---

[a] *старуха Блюм* — Мария Михайловна Блюм, вдова незадолго до того умершего в Ташкенте, в эвакуации Владимира Ивановича Блюма (1877-1941). В.И.Блюм, театральный и музыкальный критик в конце двадцатых годов руководил музыкально-театральной секцией Главреперткома. Его статьи тех лет содержали нападки на М.Булгакова и Вс.Мейерхольда.

[b] Семья писателя А.Н. Афиногенова — его мать Антонина Васильевна Афиногенова (1879-1974) и дочь Светлана (р.1929).

[c] Е.В. — вероятно, Евгения Владимировна Пастернак (1898/99-1965), художница, первая жена Б.Л.Пастернака.

[d] Кирилл Яковлевич Левин (1892-1980), писатель, сосед А.А.

[e] m-me Нович — жена литературоведа и критика Иоанна Савельевича Новича (1906—1984). M-me Саргиджан — жена писателя, автора исторических романов Амира Саргиджана (псевдоним Сергея Петровича Бородина, 1902—1974).

Я вернулась к А.А. Блюм внесла постель — на пол — и чемодан. Говорила о конфетах, которые у нее украли. Глупость ее равна только ее болтливости. В улыбке есть что-то льстивое, жалкое и цепкое одновременно. Монолог:

— Союз Писателей ничего не хочет для меня сделать. А между тем, я ведь жена члена Союза — одного из самых первых членов Союза, к тому же. Фамилия моего мужа ведь начиналась на Б, и он всегда стоял в списке первым...

Когда она вышла, и NN снова вызвала меня на разговор, и я сказала несколько сердитых слов, я получила такую отповедь:

— «А я думаю, Л.К., Вы должны радоваться тому, что я не могла равнодушно пройти мимо этой старухи и ничем не помочь ей...»

Я смирилась, то есть не стала ей возражать, но как это нехорошо с ее стороны! Старушка не из тех, кто пропадает... И почему она не думает обо мне нисколько? Ведь ее комната — мое единственное прибежище.

Заговорили о другом.

— «Вчера на улице Костя Липскеров учинил мне скандал: зачем я сказала Тихонову, что ему, Липскерову, не нравится моя поэма? А дело тут вот в чем: Тихонов, очевидно, где-нибудь в high life'истом месте об этом упомянул — у Пешковых или у Толстых — Костя же там вращается и страшно этим гордится, думая, что эти дамы и в самом деле высший свет, в то время как...

Я ему ответила: — Голубчик, я не пойму, если это не секрет от *меня*, то от кого же еще это может быть секретом? А если хотите ругаться — идемте ко мне в комнату, здесь холодно... Он пошел, но не ругался, а оправдывался (видно уж Толстой при дамах его пристыдил!) "мне поэма понравилась, только я не хотел, чтобы в Вашем творчестве было что-нибудь литературное"».

Скоро я ушла.

Сегодня забежала к ней с утра. Она еще лежала. Поднялась, затопила печь, напоила меня крепким вкусным чаем. И я, собравшись с духом, решилась заговорить о главном пункте: о переписке поэмы и пр. Я уже несколько раз приносила к ней бумагу, и перо, и чернила для переписки — и она все уклонялась. Сегодня я решила спросить в упор. И получила очень ясный и обоснованный отказ. Тогда я сказала:

— Но согласитесь, NN, как-то это препятствие преодолеть необходимо. Время военное. Вдруг пропадет единственный экземпляр, вдруг мы расстанемся с Вами, и я не успею...

Тогда она предложила, что сама перепишет поэму и отдаст мне экземпляр на сохранение.

Разумеется, это самое лучшее. И у меня будут стихи, написанные ее почерком! Ведь в Ленинграде у меня остались карточки, надписанные ею, и книга, и теперь у меня от нее ни единого лоскутка...

— «А почему Вы говорите, что мы скоро расстанемся? Вы хотите уехать с К.И.?»

(Она уже в третий раз спрашивает меня об этом — с тех пор, как папу вызвали, свидетельствовали и нашли «годным». Разумеется, он мог бы не ехать — у меня сжимается сердце от одной мысли, что он окажется снова под бомбами... и для чего? — но так как мама одержима жаждой поездки в Москву, то опасность эта становится вполне реальной... Но я, конечно, не для того обрекла себя на разлуку с Ленинградом, на трюм, на Чистополь, на Турксиб, на Ташкент, чтобы везти Люшу под бомбы. Я ни за что не хочу везти ее в Москву, пока Москва не тыл. Но, конечно, жара, жара, может выгнать меня из Ташкента... Но я сделаю все, чтобы быть с NN, не разлучаться. Я ей нужна действительно, а она мне просто необходима).

— «Перечтите поэму, исправьте орфографию и знаки, и тогда я смогу ее переписывать...»

Она достала «Ардова», и я приступила. Три грамматические ошибки: «оплупленные», «ровестники», «комедьянская». Пунктуация же, по-моему, грешит школьной правильностью, а не ошибками... Я исправила ошибки карандашом и обещала доставить резинку, чтобы она стерла мои поправки и сделала исправления своей рукой.

— «Вы знаете, к кому относится посвящение? Помните, какие были у него ресницы... Понимаете теперь, что сюда впутано...»[a]

Во время этой работы вошла Блюмиха, которая, нисколько не смущаясь нашим занятием, сообщила, что Железнова позавчера назвала ее дурой, вчера дрянью, сегодня утром сволочью, а сегодня днем позвала ухаживать за больным ребенком... Нет, что-то не жалка мне эта старуха.

Я простилась и пошла в Союз. К Алимджану мне удалось войти сразу. Я подождала, пока убрался сплетник Л. и тогда изложила свое дело — что, мол, мы заинтересованы в покое для А.А. и что Блюм, как жене члена Союза, действительно следовало бы дать угол...

Он ответил:

— Извиняюсь, но я не нянька для Карла Маркса , 7... Я занимаюсь творческой деятельностью...

(Точь в точь так же ответил мне со Штоком Нович, когда мы пришли хлопотать о дровах для NN — «я занят творческой деятельностью»... Обоим дурням не приходит в голову, что позаботиться о быте NN — единственный для них способ прикоснуться к творческой деятельности...)

Я ушла.

(несколько строк густо зачеркнуты. — *Е.Ч.)* в то время как все порядочные люди радостно служат ей — моют, топят,

[a] Речь идет об О.Э.Мандельштаме — см. также «Записки», т. 2, с. 235.

стряпают, носят воду, дарят папиросы, спички, дрова — и Волькенштейны, и Хазины, и Штоки (и даже непорядочные Городецкие).

Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети...

11/I 42

Один день я не была у нее — Люша больна — а вчера вечером вырвалась. Будто целую вечность ее не видала.

У нее сидели Луговской и m-me Блюм, которые скоро ушли.[a)]

Она лежала в постели, в белом платочке, под белыми простынями, еще похудевшая. В комнате тепло, в углу — дрова, на подоконнике — яблоки... Я развернула свое: орехи, масло, творог.

— «Меня так балуют, будто я рождественский мальчик. Целый день кормят. О.Р. выстирала мне полотенце, Ная вымыла мне голову и сделала салат оливье, Мария Михайловна сварила яйца... Утром открылась дверь и шофер Толстого принес дрова, яблоки, и варенье. Это мне совсем не понравилось. Я не хочу быть обязанной Толстому».[b)]

(А мне понравилось. Я дала Толстой и Пешковой идею поехать лично приглашать А.А. участвовать в концерте в пользу эвакуированных детей с коварным намерением: чтобы они вошли в конуру А.А., устыдились и предприняли что-нибудь... Так и вышло.[c)])

[a)] Владимир Александрович Луговской (1901—1975), поэт.

[b)] Алексей Николаевич Толстой (1883—1945) занимал в Ташкенте видное общественное положение в качестве депутата Верховного Совета СССР и члена Президиума СП Узбекистана. В начале января 1942 года в Ташкенте был создан филиал издательства «Советский писатель» и А.Н.Толстой стал председателем редсовета этого филиала.

[c)] *Толстая и Пешкова* — Людмила Ильинична Толстая (1906—1982), жена А.Н.Толстого и Надежда Алексеевна Пешкова (Тимоша).

Но почему она так худеет, почему у нее так кружится голова, почему она лежит? Я смертельно боюсь — не tbc ли? Она уверяет, что головокружения эти — результат перемены атмосферического давления... Быть может, она просто изголодалась? Но она уверяет, что питается сейчас лучше, чем в Ленинграде в мирное время, и увы! я признаю, что она имеет резон. Танька варила ей *иногда кое-что*...[a)]

Как бы показать ее врачу? Пока она категорически отказывается.

Луговской скоро ушел, Блюмиха тоже. (Блюмиха — ура! — перебралась назад к Железновой. Добрые люди разъяснили ей неуместность вторжения к А.А.). Ная села в ногах постели. Мы пили чай. А.А. показала мне полученную ею бумажку, которая ужасно оскорбила ее. Это было приглашение выступить в лазарете для раненых, написанное в чудовищно-грубой форме: «В случае В/неявки Союз будет рассматривать это, как тягчайшее нарушение союзной дисциплины».

— «Нет, нет, я буду говорить с Алимджаном. — Я понимаю, что эта грубая форма относится не только ко мне, но все равно. Я скажу ему так: до сих пор единственным моим огорчением в Ташкенте было то, что меня не приглашали читать раненым. Других товарищей приглашали, а меня нет. Зачем же эта радость должна быть испорчена мне ничем незаслуженной грубостью?»

Для Алимджана, занятого исключительно творческими вопросами, это слишком тонко. Не поймет.

Ная колола орехи подковой, найденной А.А. на Пушкинской, здесь, когда мы однажды возвращались с почты. NN пожаловалась, что милая Любочка к ней не приходит, несмотря на зов.

— «Между Вами и всяким человеком всегда стоит благоговение, да?» — сказала Ная, сидя на полу на корточках и разбивая орехи.

[a)] Речь идет о Татьяне Смирновой, ленинградской соседке А.А. О ней см.с. 87, 192 и примеч. на с.135.

Скоро она ушла. NN рассказала мне грустное о Л.[a] — «Хотела Вам не говорить, но не удержалась». Чтобы ее немножечко отвлечь, я стала ей рассказывать о записках Ростопчина, которые теперь читаю. О том, что он своими записками вызывает у читателя самое крайнее омерзение к себе.[b] NN сказала:

— «Да, это значит совсем как Любовь Дмитриевна своими. Подумайте: ведь она могла бы на всю жизнь остаться Прекрасной Дамой, Софией Премудрой. Ей для этого нужно было только промолчать. А она написала порнографические записки, которые во всех вызывают омерзение. (Помните: я пришла в Москве навестить Вас после больницы. Вы были, как с креста снятая. И М.Б. пересказывала одно место из этих записок. Мне это мучительно было)... Насколько мудрее поступила Дельмас, не написавшая никаких записок, промолчавшая. Теперь все будут знать ее только как Кармен, "дивный голос твой низкий и странный", как красавицу... А была она толстая женщина, вся в веснушках, приземистая, безвкусная, с черными бусами в волосах; выступала в голубом платье и стоптанных голубых туфлях, в платье, в котором просвечивали ноги; пела плохо, играла бездарно...»[c]

---

[a] Л. — вероятно, Лев Гумилев.

[b] Федор Васильевич Ростопчин (1763—1826), русский государственный деятель, московский генерал-губернатор во время Отечественной войны 1812 года, автор нескольких художественных произведений. Его «Записки» — вероятно «Записки о 1812 годе», напечатанные через шестьдесят с лишним лет после смерти автора.

[c] Ахматова говорит о воспоминаниях Л.Д.Блок «И быль и небылицы о Блоке и о себе». Отрывки из этих воспоминаний появились в печати уже после смерти Ахматовой. См.:Александр Блок в воспоминаниях современников. Т.1.М.: Худож. лит., 1980, с.134—187. О тех же воспоминаниях — см. с.190.

Л.А. Дельмас (1884—1968), певица, которой посвящен блоковский цикл «Кармен».

Пришли супруги Шток.
А.Фадеев. «Тырмыр»[a]

12/I 42

Если бы кто-нибудь узнал, что я переношу каждый день, — сначала он очень удивился бы, а потом, вероятно, не понял бы, как это можно выносить. Я сама иногда удивляюсь и думаю — «как?» Откуда берутся силы? И потом догадываюсь, что оттуда же — от стихов NN, от всех стихов, от самой NN, от памяти о Мите, о Шуре, Тамаре, Зое, М.Я. Только память о «Горных вершинах», только вера в их существование, в их жизнь, могут сохранить жизнь мне под ежедневным натиском самоуверенной глупости.[b]

И конечно, любовь к Люше.

14/I 42

Эти дни я не видела ее толком, а только забегала к ней. Ей лучше, она сегодня вышла на улицу.

Сегодня, забежав к ней днем, я увидела на стенах — облупленных, грязных — зеленую роспись. Оказалось, расписал Городецкий. Вчера вечером его жена, за рюмочкой, рассказывала — по словам О.Шток, очень интересно — о своих встречах с А.А. в молодости. — «Я, по необразованности, молчала» — сказала NN.

---

[a] *Тор-мор*, — по узбекски — разгром: В 1940 году узбекский язык, чья письменная традиция идет от арабской графики, переведен был на рельсы русского алфавита.

[b] Речь идет о Матвее Петровиче Бронштейне, Александре Иосифовне Любарской, Тамаре Григорьевне Габбе, Зое Моисеевне Задунайской (см.: [20]).

М.Я. — возможно, Михаил Яковлевич Розенберг. О нем см. с. 362.

«Горные вершины» — название одной из глав в «Былом и Думах» Герцена. (Глава посвящена Маццини, Ледрю-Роллену и Кошуту . — Часть пятая, глава LII.)

Когда О.Р. и Нина Зозуля,[a] убиравшие у нее комнату, вышли, и мы остались одни, NN сказала мне:— «Вчера я начала писать прозу».

Она отправилась обедать, я — по делам. Вечером, часов в шесть, когда я сидела и читала вслух больной Люше, вдруг пришла NN. Она была в сильном волнении — которое папа усугубил, встретив ее в передней сообщением о гибели Шостаковича...[b] Оказывается, она только что получила на почте, до востребования, три письма из Ленинграда, пересланные ей из Чистополя. Но не в этом дело. Она отправилась на почту срочно, так как встретила на улице какого-то полузнакомого, который сообщил ей тяжелую новость о ком-то из медицинской профессуры.

NN просила меня проводить ее к Елене Сергеевне.[c] Я пошла. По дороге она очень просила помочь ей выбрать стихи для чтения 17-го.

17/I 42

Вчера я прибрела к ней вечером. У нее была О.Р. — У нас несчастье! — так встретила меня О.Р.

NN лежала на кровати, с сердитым и огорченным лицом. Оказывается: вчера вечером у NN сидели А.Эфрос, Городецкая и Штоки. Эфрос посмеялся над Шильдкретом и Слетовым, которые выступают вместе с А.А. (в госпитале) и ей, дескать, не пара.[d] Так как Городецкий тоже выступает с NN — чего Эфрос не знал — то Нимфа пришла в ярость, обозвала его подлецом и негодяем, и умчалась. Очевидно, она сразу помчалась к Шильдкрету, так как сего-

---

[a] Нина Ефимовна Зозуля — дочь писателя Ефима Давыдовича Зозули (1891–1941).

[b] Слух о гибели Шостаковича оказался ложным.

[c] Елена Сергеевна — Булгакова, вдова писателя М.А.Булгакова. О ней см. «Записки», т. 2, «За сценой»: [204].

[d] Абрам Маркович Эфрос (1888–1954) искусствовед, переводчик. Константин Георгиевич Шильдкрет (1886–1965), писатель, автор исторических романов.

дня утром Шильдкрет, встретив Эфроса в Союзе, ударил его по физиономии.

NN была огорчена и встревожена, как в самые дурные ленинградские дни. Она очень щепетильно относится всегда к чистоте своего имени и потому так огорчилась. — «И этот несчастный старик, от которого скрывают гибель сына — за что он получил такое оскорбление? Ничего унизительного для Шильдкрета он не сказал, он сказал только, что ему не нравятся его произведения. За что же? Теперь непременно будет товарищеский суд, разбирательство, и меня привлекут, как свидетеля. Ведь все это было у меня в доме. Это и есть то, что называется сплетня. Гадость какая. На месте узбеков, я бы всех нас выслала. А на своем месте я уеду в какой-нибудь другой город, где нет писателей».

О.Р. трогательно пыталась ее утешать, но напрасно. А я и не пыталась.

Наконец, пришел сам Шток и объявил, что слухи преувеличены: Шильдкрет не бил Эфроса, а только собирался бить и назвал мерзавцем. Так что это самая заурядная писательская грызня.

NN сразу повеселела, даже перекрестилась. О.Р. дала ей чаю, я — мандарин. Я расспрашивала, как ее принимали в госпитале, куда она «по наряду» ездила читать вчера.

— «Сестра объявила: поэтесса Ашматова... Бойцы слушали очень дисциплинированно — хлопали... Я читала "Я с тобой не стану пить вино"... В книге отзывов записано, что я понравилась больше всех».[a]

Совсем повеселев, NN упомянула о своем стихотворении «Согражданам» и прочла его нам.[b]

Читая, она была необыкновенно красива. Она опустила руки в колени, опустила плечи и подняла брови, и сделалась сразу не только молодой, но прямо юной.

---

a) «Я с тобой не буду пить вино»— БВ, Четки.

b) «Согражданам», то есть «Петроград, 1919» — см. ББП, с. 149, а также «Записки», т. 3.

18/I 42

Вчера был грандиозный вечер в пользу эвакуированных детей.

Я пошла. Впервые пошла, *хотя выступала* NN. (Я видела ее на эстраде один раз в жизни: в Петербурге, в Доме Литераторов, на Бассейной, в годовщину смерти Блока. С тех пор сознательно не ходила: ни в Союз в Ленинграде, ни здесь. Я знала, что будет стыдно за публику.[a])

Это был полный провал. Всех встречали бурно, провожали с треском, а ее и встретили вяло и проводили почти молча. Она прочла «Воронеж» и «Веет ветер лебединый». Я не глядела на нее. Читала она напряженным голосом, чтобы ее слышали — но все равно было неслышно — и торопливо, как школьница, чувствуя неуспех, чтобы поскорее кончить.

Дело тут не только в малой интеллигентности публики, но и в общей благотворительно-эстрадно-кабаретной настроенности ее. Недаром наибольший успех имела Русланова.[b]

Сегодня я зашла к ней вечером, с Люшенькой. Не застала, сидела у О.Р. Оказывается, О.Р. уезжает — это плохо и само по себе, и для А.А., которой О.Р. прекрасно помогала в быту. Потом NN вернулась. Мы с Люкой зашли на минуточку. Холодно. Хазин топит печь. NN усталая, недовольная и, видимо, все же уязвленная вчерашним неуспехом. Со мной говорила еле-еле. — «Слушала сегодня перевод “Германии”, сделанный Левиком. Отличный перевод. Правда, я сильно опоздала и пришла только к 18-ой главе».[c]

Она была суха и явно тяготилась нами. Я поспешила удалиться.

---

[a] О вечере в Доме Литераторов см. с. 15.

[b] Лидия Андреевна Русланова (1900—1973), певица, знаменитая исполнительница русских народных песен.

«Воронеж» — № 42; «Веет ветер лебединый» — БВ, Anno Domini.

[c] «Германия. Зимняя сказка» — поэма Генриха Гейне, которую перевел Вильгельм Левик. Перевод неоднократно издавался.

20/I 42

Вчера вечером Л.Л. сообщила мне ленинградские новости со слов только что прибывшего ленинградца, который ехал всего семнадцать дней! Я предложила Лиде немедленно отправиться со мною к NN.[a]

Пришли — в комнате жарко натоплено. NN стройно сидит на кровати, красивая, причесанная и беседует со Слетовым. — «Как я ждала вас сегодня», — встретила она меня. Слетов скоро ушел, Лиду я проводила к Штокам и там на минуту присела. Сейчас же за мной пришла NN — «Идемте, Вы мне очень нужны». Я испугалась, что случилось что-то — а оказалось: радость — NN всю ночь писала, добавляла куски к поэме и хочет мне показать. Светлая, возбужденная, радостная, — я была счастлива видеть ее такой. — «Ночью два раза было землетрясение. Но оно не мешало мне. Я писала всю ночь».

Она прочла мне три новых куска: о предчувствии войны (после описания СПБ), в конце «Решки» и в конце вступления. Конец вступления я отвергла, так как там ничего больше не надо, а остальное — прелесть. Кроме того, она прочла еще кусочек — о Каме и нашем с ней путешествии («Quo vadis» — сумасшедший Урал) — мне неясно, куда она прочит его. Он в тоне «Решки», но туда не входит...[b] Там я *корыстно* обрадовалась: она пишет о *зазеркалье,* а это мое слово. В пути я читала Люше вслух «Алису в зазеркалье» и потом, в Ташкенте уже, говорила NN, что мы утратили чувство времени, лето после зимы, и что мы тут, как в *зазеркалье.*

Пишет она все-таки не в моей тетради, а в другой — и вообще, по-видимому, ни за что не хочет сделать того, о чем я ее прошу.

---

[a] *Лида* — Лидия Львовна Жукова (1905—1985). О ней см. примеч. на с. 510—512.

[b] Строфа *о Каме, о сумасшедшем Урале* вошла в «Эпилог», то есть в третью часть «Поэмы без героя» — ББП, с. 377.

— «А вчера снова был Абрам и снова слушал поэму. Попросил. Я так ясно понимаю, зачем это ему нужно. Тихонов в высшем свете наговорил про поэму, и Абрам хочет иметь свое особое мнение. В первый раз он не разобрался. Теперь он высказывался очень уверенно: “надо бы повернуть так... сделать этак... жаль, что вы для того времени не нашли ничего, кроме иронии... Да, да, я помню Ольгу Афанасьевну...” (А надо вам сказать, что он помнит ее уже в 1924 году, когда она уже была тенью своей, увядшая блондинка). Но я ничего другого от Абрама и не ждала. Его мнение вполне совпадает с мнением Шервинского, Липскерова и других эстетов.[a] Я — лошадь, на которую они все ставили в противовес Хлебникову, Маяковскому, Цветаевой и другим. Я — чистота, прозрачность, кларизм и пр. И вдруг лошадка забрыкалась и пошла не туда. Естественно, поставившие недовольны».

Потом пришли О.Р. и Лидия Львовна. Они трещали без умолку, и NN много смеялась, даже падая на постель. Ушли мы поздно.

22/I 42

Застала ее у Штоков. Она позвала к себе. Легла. В комнате холодновато (саксаула нет), у нее — 37.2, с обедами что-то разладилось — и она, которая никогда не жалуется, говорит о «зверином быте».

— «Как я рада, что Вы пришли. Я Вас весь день ждала... Я написала патриотические стихи».

И прочла «славное дело».[b]

— «Тут в доме все говорят, что нехватает еще четырех строк. Как по Вашему?»

— Безусловно.

«Стало быть, воронья слободка права... У меня и были еще четыре строки, но такие плоские, что я их выкинула... Я написала это утром в постели».

---

[a] Об С.В.Шервинском см. «Записки», т. 2, «За сценой»: [2].

[b] «Славно начато славное дело» — БВ, Седьмая книга.

Затем прочла «Первый артиллерийский» — уже гораздо больше, чем было, вместо «освобожденные» — о ливнях, конец есть, «ребенку моему» — только двух строк в промежутке нехватает.[a]

— «Я старица-пророчица. Помните, я вам говорила, что Эфрос, Липскеров, Шервинский и другие эстеты противопоставляли меня Пастернаку, Мандельштаму и считают, что теперь, изменив кларизму, я сбилась с пути? Так вот, Эфрос тут говорил Цявловскому, что поэма моя связана с Пастернаком! Видите, как точно я их знаю».

Я посмеялась вместе с ней этой глупости.

Ушла, дав ей кальцекс, добытый у соседей. Она подарила мне эту тетрадь.

23/I

Утром ходила заказывать для нее продукты, ведро, а вечером, раздобыв сахар и хлеб, пошла к ней с Лидой [Жуковой],[b] которая ей в прошлый раз понравилась. NN лежала — жалуется на сердце. Сама предложила читать стихи и устроила нам настоящий пир («Капитан, диктуйте, что читать!») — прочла обе поэмы, клин, три стихотворения, Париж, Лондон, Ленинград, Подвал памяти...[c] Лида экзамен выдержала. NN и ей изложила свою теорию о том, что не нравится 1) эстетам, почему-то обидевшимся за эпоху 2) гражданам, не прошедшим поэтического ликбеза (так ей сказал Радзинский, который, слушая, плакал) — а нравится

---

[a] «Первый дальнобойный в Ленинграде» — **№ 54.**

[b] Здесь и далее в квадратных скобках приведены пояснения, вписанные Л.К., когда она в 60-е — 90-е годы перечитывала свои ташкентские тетради.

[c] Этот список расшифровывается так: обе поэмы — это «Путем всея земли» — **№ 20** и «Поэма без героя»; стихотворения — «Все это разгадаешь ты один...» — **№ 18,** «Когда погребают эпоху» —**№ 46,** «Лондонцам» — **№ 51** и, вероятно, «Ленинград в марте 1941 года» — БВ, Тростник. «Подвал памяти» — **№ 24.**

остальным. Видно, поэма и ее слушатели страстно занимают ее.

Чтение один раз прервали Ная и О.Р. с распущенными волосами, очень смешная и милая. Не зная, что NN читает, они расположились возле нее с картами, и О.Р. по всем бабским правилам гадала Нае... NN была с ними очень терпелива и деликатна.

Потом пришел Эфрос, незнающий, что его сын убит... Говорили о возможных отъездах в Москву и NN опять повторила:

— А меня забудут в Средней Азии... Фирса забыли...[a]

Бедненькая, вспоминаю ее в дороге, на пересадках. Видно, сознание своей полной беспомощности жестоко мучает ее.

На этот раз, когда она читала поэму, я нарочно вслушивалась в ее произношение. Она произносит

яблоⱶ*ш*ный
подсве*ш*ники
ой вместо *ый* (не очень отчетливо)

и в то же время *д, т, э* произносит чуть-чуть на английский манер.

25/I 42

У меня совсем не было времени; нужно было идти к К. в Каноссу;[b] я забежала к NN лишь на минутку, по дороге. Но она встретила меня словами: — «Вы пришли проводить меня на выступление?» — и я, отменив все, повиновалась.

В комнате холод, разбросаны вещи, все время входят люди. NN раздражена, взволнована, выглядит плохо. Ушла умываться и переодеваться к Штокам. Готова: в чужих туфлях, в чужих мехах. Мне необходимо было позвонить по телефону — она стояла над моей душой,

---

[a] Последняя реплика Фирса из чеховского «Вишневого сада».

[b] К. — ?

торопясь, торопя, хотя времени сколько угодно. Я узнала ту тревогу, лихорадку и гнев, которые так часто видела во время нашего «большого пути» — накануне перехода из вагона в вагон, посадки на пароход и пр.

Вышли. NN горько жаловалась, что ее заставляют выступать два дня подряд, а у нее нет сил; что она имеет право не работать совсем на основании своей инвалидной карточки («Неужели Вы этого не знали?») На мое предложение показать эту карточку в Союзе: «тогда меня вышлют в Бухару как неработающую»...

Трамвай подошел быстро, дорогу мы нашли легко — и все таки NN всю дорогу сердилась: «я Вам в четвертый раз объясняю» или «как можно ходить по городу, если ничего не видишь» и т.д.

Пришли. Она была встречена роем любезных барышень-устроительниц из Ленинградской Консерватории. Сняла безобразящую ее бесформенную шубу и села на стул — стройная, блистательная, с бессмертным профилем и руками. Входили участники. Она была светски-приветлива.

Она выступала вторая, после скрипки. Читала «Сказку о черном кольце».[a]

Из- за кулис я слышала аплодисменты, которыми ее приветствовали. Потом — опять, и она выходила кланяться. Потом нас накормили бутербродами, и мы ушли.

Дома — холод. Мария Михайловна согрела чайник. Во время нашего чаепития пришли Штоки. О.Р. в последние дни хворает, ссорится с мужем и истерически твердит: «в Москву! в Москву!» Они оба советовали NN немедленно написать письмо Фадееву, что она просит присоединить ее к эшелону Берестинского, едущему в Москву. «Неужели вы не понимаете, Л.К., что здесь NN погибнет? Если мы уедем — некому будет даже чашку чая подать» и пр. Я высказалась против. По моему, переезд NN в Москву сейчас преждевременен.

---

[a] «Сказка о черном кольце» — БВ, Anno Domini.

Москва сейчас — это тот же сложный ташкентский быт + мороз + бомбы. А месяца через полтора видно будет.

NN сказала, что посоветуется с Ел.С. Булгаковой, у которой могут быть приватные сведения. [От Фадеева или Шкловского.]

Штоки ушли. Тут NN немного отдохнула и подобрела. Просила меня сидеть. И, наконец, рассказала все причины своего раздражения: История [вырезаны две строки. — *Е.Ч.*] Когда я уходила, она сказала мне: — «Спасибо вам! Сегодня особое спасибо: Вы волокли меня и так терпеливо сносили мое нытье».

26/I 42

Сегодня я зашла днем, принесла творог и яйца, долго ждала ее у Штоков, где мы, ни с того, ни с сего, дули перцовку. NN вернулась из Союза, с почтамта, от Елены Сергеевны. Писем не получила, Елена Сергеевна ехать отсоветовала — но NN почему-то была веселая, возбужденная, шутила, смеялась, упрашивала меня идти вместе с ними всеми на Тамару Ханум. Но я помчалась в Детдом.[a]

25–26–27/I 42

Я там оставила, я не взяла с собой,
Среди вещей любимых позабыла
Ту тишину, что полночью пустой
Мне о грядущем внятно говорила.

Теперь она убитая лежит
В той бывшей комнате — фугаской иль снарядом —
И зеркало, где страшное дрожит
Лицо судьбы — убито с нею рядом.[b]

---

[a] Тамара Ханум (1906—1991), узбекская танцовщица и певица.

... *я помчалась в Детдом* — в это время Л.К. записывала рассказы осиротевших эвакуированных детей. Подробнее см. «Записки», т. 2, «Немного истории».

[b] Стихотворение Лидии Чуковской (не опубликовано).

13—3280

28/I 42

Встречи с NN незначительные, но быт усовершенствуется постепенно, мне на радость. Привезли саксаул — тепло. Радзинская наконец прописала ее. О.Р. ходит в Союз, приносит ей обед. Слетов заходил при мне, обещал поговорить в Союзе, чтобы NN не трепали по выступлениям. Мне удалось добыть ведро: NN не придется по десять раз в день с кувшином спускаться за водой. (Шток принесет один раз на целый день). И вчера я прочла ей свои стихи о тишине, и она произнесла следующее (буквально):

— Великолепно... великолепные стихи... Я как раз в последние дни все думала написать о вещах, оставленных там, и о тех, которые взяла с собой... Теперь не придется... Завтра непременно прочтете мне его еще раз. [См. Тишина тишину сторожит.]

Но сегодня я пришла только на минуту (Люша больна) и, кроме того, заторопилась, увидев у нее красивого поэта-заику и узнав, что она только что прочла ему поэму. (Когда она читала ее Лиде — вошли дважды; «норма — семь человек», — говорит NN). Поэт сказал:

— Непонятно... — Потом спросил: — Вы уже кончили над нею работать? Она уже закончена?

(Отрезаны несколько строк, в том числе, вероятно, дата записи.— *Е.Ч.)*

Вчера вечером пришла к N.N. Лежит, но уверяет, что ей лучше. Комната, заботами О.Р. и Наи, чисто вымыта. Они ушли, оставили нас вдвоем. И я снова и снова восхищалась NN и удивлялась тому чуду ума, гения и красоты, который мы называем А.А.А. Недаром люди с такой радостью служат ей.

Когда она, лежа, запрокидывает голову, опираясь на согнутую руку — в ней проступает *греческое.*

Я читала ей стихи Б.Д. Она вполне согласилась с моим мнением. Назвала еще один корень — Сологуб.

Очень горько говорила о провинции. С прелестной своей добротой жалела об этом человеке, таком больном. «Беднягушка!»[a]

— «Конечно же, он тогда при Вас приходил поговорить о стихах вообще, по душам — а я яйцо ела... А стихи у него хорошие. Это вам не Нечкина».

Не знаю почему, мы заговорили об Алянском. NN удостоила его гневной филиппикой. Он, оказывается, когда-то, вопреки ее ясно- выраженному желанию, напечатал стихи совместно с Petropolis'ом — а она предупреждала, что марки этой не желает. NN в гостях отозвалась о нем с укором; ему передали[b]; Е.И.Замятин явился его защищать.

— «А у меня тогда было воспаление забрюшинных желез, я лежала в Мраморном, t° 39.5. Я была одна, домработница приходила только выводить погулять собаку...»

Разговор наш перешел на Е.И.Замятина.

— «Мы с ним были в хороших отношениях... Подумайте только, как быстро его позабыли. Никто не вспоминает, никогда... А он был человек очень честолюбивый, очень самолюбивый, а так как я чувствовала непрочность его положения — мне всегда было его немножко жалко. Мэтром он стал потому, что старшие уехали... И Серапионы довольно быстро от него отмежевались...»

---

[a] Л.К. позже приписала — «Соколов?» Именно Б.Д.Соколова Ахматова называет «беднягушкой» на дальнейших страницах «Ташкентских тетрадей».

[b] Самуил Миронович Алянский (1891—1974), владелец издательства «Алконост». В 1922—23 годах он выпустил совместно с издательством «Petropolis», которое переехало в Берлин, три книги Анны Ахматовой — «Четки» (9-е издание), «Белая Стая» (4-е издание) и «Anno Domini» (2-е издание). Можно предположить, что А.А. тревожило, что ее книги печатались за границей и на титульном листе «Четок» и «Anno Domini» указан Берлин. Берлинское издание «Anno Domini» не было допущено на родину.

Потом я жаловалась на неудачность моей работы в Детдоме. Она, конечно, все поняла с полуслова. Излив свои горести, я ушла.

31/I 42

Я зашла к NN днем, и мы вместе отправились в Сберкассу, выяснить, как обстоят дела с ее пенсией.

Там я написала за нее заявление, и мы сели на скамеечку — ждать, пока ее вызовут. Болтали.

(NN в платке и страшно уродующей ее длинной, широкой, с чужого плеча — шубе. Совсем старушка.)

— «Сегодня ко мне зашел Волькенштейн. Насмешил меня ужасно. Ни с того ни с сего говорит: "Ваши стихи меня вполне устраивают. Но в некоторых из них превалирует женское начало, которое я не могу принять *как мужчина*". А я разгребаю уголь и кротко мычу: "Да, да, конечно, все нормально, вы, как мужчина, не можете этого принять"».

Затем, не знаю почему, речь зашла о мемуарах Мальвиды Мейзенбуг и Тучковой. Я бранила Тучкову, NN защищала ее, и вдруг с необыкновенным, прямо-личным негодованием, обрушилась на Панаеву. «Хамка, грубая баба, хамка до самых глубин. Все лжет, все путает, помнит только, как ее хвалили... Еще бы не хвалить, если она была такая красивая!.. А деньги Огаревой она, конечно, просто присвоила»...[а)]

Я попыталась возразить, указывая, что при всех своих недостатках, она была очень добра: нянчилась с братьями Добролюбова, с Белинским...

а) Названы — «Воспоминания идеалистки» Мальвиды фон Мейзенбуг, друга семьи Герцена и воспитательницы его детей; «Воспоминания» Н.А.Тучковой-Огаревой, второй жены Герцена и «Воспоминания» Авдотьи Панаевой. Все три книги вышли в 1929—1933 годах в издательстве «Academia». О Панаевой см. также «Записки», т. 3, «За сценой»: [175].

— «Ах, при чем тут доброта! Белинский тогда был первой персоной в городе! Нянчиться с Белинским — это был ее патент на благородство!»

Тут мне пришлось уйти, оставив NN одну в очереди. Я очень жалела; мне хотелось проводить ее на почту. (В прошлый раз, не получив на почте писем, она захворала и слегла на три дня).

4/II 42

Вчера, несмотря на дождь и сильную усталость, я все таки вечером отправилась к NN, так как последние два дня не видались с ней толком (третьего дня я принесла ей продукты,[a] но не застала ее). Со мной пошла Лида.

На дверях — замок. Но сразу вышла из своей комнаты М.М.Волькенштейн: «А.А. ждет Вас, просила, если Вы придете, чтобы Вы пошли к Штокам». Я туда. В коридоре — Шток. «Как хорошо, что вы пришли! NN так ждет вас».

NN, увидев меня, кинулась мне на шею и расцеловала. Я была очень тронута, но сразу заподозрила, что с ней случилось что-то нехорошее.

Она сидела на постели у О.Р. и кормила ее чем-то с ложечки. Потом увела нас к себе. Она казалась очень возбужденной, радостной и приветливой. Поила нас чаем. Но потом услала Лиду за газетой к Штокам, и когда мы остались одни, рассказала мне...

— «Умереть хочу», — так она кончила.

Входил Шток, принес ей коврижку и сахар из группкома драматургов. («Меня прикрепили туда по причине *драматизма* моего положения — других причин нет», — сказала NN.)

Вернулась Лида, NN читала стихи. Потом показала мне тетрадку (копию этой), где на первом листе стоит:

---

[a] Продукты из пайка К.И. А ей я что-то врала. — *Примеч. автора.*

«Маленькие поэмы»
«Тринадцатый год»
или
«Поэма без героя»
«Решка»
и
«Путем всея земли».

Перед «Путем всея земли», на особом листе, написано:

«Посвящается Вл.Георг.Гаршину».

А в мою тетрадь она так ничего и не пишет.

Она рассказала, что прочла поэму Заку.[a]

— «Он все понял и очень хорошо о ней говорил. “Золотой мост из одного времени в другое”».

5/II 42

Вчера, когда я уходила от NN, она вдруг сказала: — «Возьмите эту тетрадку домой и покажите К.И.»

Веселыми ногами я бежала к дому. Сама, наконец, начитаюсь, и папе покажу. Во дворе увидала: у него почему-то хоть и поздно, а свет. Постучалась — и — разбудила его. Он спал при лампе.

— «Разве ты не знаешь, что перед сном мне ничего волнующего читать нельзя».

Сегодня я встала пораньше и послала Иду спросить: можно ли зайти.

«Разве Лида не знает, что по утрам я пишу стихи, и мне нельзя мешать».

И вот начались мои мученья. NN, при ее гордыне, конечно, никак не захочет понять, чтобы за два дня человек не мог прочесть поэму. (Достаточно того, что папа за четыре месяца не удосужился придти послушать, хотя она звала). А папа в эти дни в самом невра-

---

[a] Вероятно речь идет о Виталии Германовиче Заке (1899-1965). В.Г.Зак — либреттист, драматург, критик, сотрудничал с Драмсекцией ССП Узбекистана.

стеническом духе и с ним не заговорить. О том, в какое он ставит *меня* положение, он не думает. (А почему, при его любви к поэзии, все, что касается NN и ее стихов, ему явно неприятно — я не пойму... Сложные люди неврастеники).

Сегодня я была у нее, и мне пришлось солгать, что я папу круглые сутки не видела. А завтра? если ничего не выйдет?

Я пришла к ней сегодня после Детдома, промокшая, усталая. Она сняла с меня все мокрое, повесила сушить. Накормила меня салатом, изделия Наи. Сказала мне:

— «Как жаль, что от печки до стены так мало места, а вы такая длинная. А то вы могли бы ночевать у меня в дурную погоду».

И еще:

— «Что было бы со мной, если бы вас не было в Ташкенте».

А я так плохо в последнее время о ней забочусь: ведь мудрено жить так, как я сейчас живу. (Бездомность отнимает много времени и сил.)

Не помню, по поводу чего я процитировала стихи Пастернака из «Второго рождения».

— «Не люблю этих *оправдательных* стихов Б.Л., терпеть не могу, — сказала NN. — Оправдательных перед Женей и заодно перед всеми женщинами».

Я сказала, что в стихах «Мейерхольду» люблю строки, явно о женщинах:

За дрожащую руку артистку
На дебют роковой выводил.

Она промолчала.

— И страшно люблю вступление к «Девятьсот пятому году».

— «Ну, это совсем другое дело. Это может быть лучшее изо всего, что он написал».

Потом почему-то мы перешли на «Возмездие» Блока, и NN сказала, как всегда: «Совсем не люблю эту

вещь. Встреча войск — так и Случевский мог написать. Варшаву люблю бесконечно».

— А вступление?

— Да, — вяло ответила NN, видимо, не очень его помня.

6—7/II 42

... А те, кого я так любила,
Кем молодость моя цвела —
Всех деловитая могила
По очереди прибрала.

Я к ним хочу, к моим убитым
[Их голоса во мне звучат.
На пустырях тайком зарытым
Рукой дрожащей палача...][a]

16/II 42

Я не имела возможности прикоснуться к этой тетради много дней. Жаль, теперь придется записывать по памяти и сумбурно.

NN показала мне две вставки к поэме. Одна начинается: «Этот Фаустом, тот дон Жуаном», а другая — «Оплывают венчальные свечия».

— «О первой что бы мне не говорили, я непременно ее вставлю — да, да, несмотря на безобразные три *к*».[b]

— Да я ведь ничего и не говорю.

Она прочла. Мне вставка не совсем понравилась — она, по моему, мешает изумительному ходу стиха и повороту: «Только... ряженых ведь я боялась»...

---

[a] Стихотворение Лидии Чуковской. В Ташкентской тетради стихи не дописаны.Строки в скобках взяты из более поздней записи.

[b] Обе строфы вошли в первую главу первой части. О дальнейшей работе над строфой «Этот Фаустом...» см. “Записки”, т.2 с.527.

«Безобразные три *к*» в строке «Ясно все: не ко мне, та*к к* *к*ому же?» А.А. впоследствии снабдила примечанием: «Три “к” выражают замешательство автора» — ББП, с. 357.

Я высказала это в не совсем ловких выражениях. «Мне она тут не нужна».

— «Ну, ничего, кому-нибудь другому пригодится, — сказала, смеясь, NN. — А мне эта вставка нужна, чтобы *поэт* был как-то подготовлен».

Другая вставка мне очень понравилась.[a)]

— «Я очень долго не могла понять, куда ее пристроить, — сказала NN. — “Поцелуйные руки и плечи” — это цитата из его стихов.[b)] Я думаю вставить этот кусок возле строк “твоего я не видела мужа”».

Один день я не могла придти к ней совсем, когда пришла, оказалось, что у нее ночью был сильнейший сердечный припадок, она лежала почти без пульса. О.Р. была очень встревожена. Я предложила NN пригласить доктора или проводить ее к доктору, но план этот встретил жесточайший отпор NN. Я решила разведать и подготовить все (т.е. узнать, кто здесь хороший сердечник) и держать его наготове.

В этот же день и следующий разразилась очень странная и неприятная, хотя и мелкая история.

Я сидела у NN. Она была вся серая, с отекшей ногой. Оказалось, что Беньяш пригласила ее, О.Р и Радзинскую навестить ее вечером.[c)] NN колебалась — идти или не идти — но видно было, что идти ей хочется. Она отправила меня к Штокам, а сама осталась переодеваться в своей комнате. У Штоков, где я ждала, О.Р. не было, а сидела Радзинская.

---

a) Строка «Только. ряженых ведь я боялась» впоследствии изменена: «С детства ряженых я боялась» — ББП, с. 433 и 359. О месте «другой вставки» см. дальше, на с. 396.

b) Строка из стихотворения Всеволода Князева «1 января 1913 г.», обращенного к Судейкиной. О поэте Всеволоде Гавриловиче Князеве (1891—1913) см. специальное исследование Р. Д. Тименчика «Рижский эпизод в “Поэме без героя” Анны Ахматовой» («Даугава», 1984, №2).

c) Раиса Моисеевна Беньяш (1914—1986), театральный критик, автор воспоминаний об Анне Ахматовой в Ташкенте (в кн.: Е.Добин.Поэзия Анны Ахматовой.Л.: Сов.писатель, 1968, с.133—134).

— Я собиралась купить по дороге вино, — сказала мне Радзинская, — но, по-видимому, сегодня не стоит этого делать, раз NN нездорова.

— Пожалуй, не стоит, — согласилась я.

Через несколько минут NN зашла, готовая. Мы отправились все вместе; они свернули к Беньяш, я — домой.

Прихожу на следующий день. NN, как всегда, очень приветливо встречает меня, «придворные дамы», как повелось, удаляются, зная, что NN любит беседовать со мной наедине, NN поит меня чаем и вдруг, посредине дружеской беседы, говорит:

— «Я очень, очень на Вас сердита и обижена. Впервые в жизни».

— ?

— «Вчера у Беньяш Радзинская заявила: "я хотела принести вина, но Л.К. и О.Р. запретили мне, так как NN сегодня нельзя пить". Я в ярость пришла. Как! Я уже двое суток не курю, на это у меня хватает силы воли, а меня изображают перед чужими людьми безвольной тряпкой, алкоголичкой, от которой необходимо прятать вино! при которой нельзя пить! На вопрос Радзинской, Вы должны были ответить: "купите вина, а NN, конечно, пить не станет"».

На все мои представления, возражения, объяснения следовали гневные и страстные ответы. Наконец, я сказала:

— Вы сами называете дом № 7 «лепрозорием», Вы постоянно рассказываете мне о здешних скандалах и грубостях, которые даже Вам бывают адресованы — и Вы живете так, будто Вас ничто не тревожит, не реагируя на сплетни, смеясь над ними. И тут вдруг такой пустяк выводит Вас из себя! Какие-то дамы могли подумать, что Вы могли бы выпить рюмку вина — и Вы расстроены, в ярости, сердитесь на меня, обижены и пр.! Да если бы

обо мне такое подумали — я и пяти минут не беспокоилась бы.

— «Вы другое дело. О Вас какой-нибудь пошляк скажет глупость, и она тотчас же забудется. А на меня столько клеветали в жизни. И будьте спокойны, что эти три дамы накатают мемуары, в которых читатели прочтут: "в ташкентский период жизни NN пила мертвую. Друзья вынуждены были прятать от нее вино"... Уверяю вас. Не иначе... Есенин и все прочее...»

Я опять возражала, но NN прервала меня:

— «Прекратим этот разговор. Он ниже нас с вами».

Идя домой, я с грустью думала об этой истории. Во первых, где справедливость? Радзинская месяцы ленилась прописать NN — что грозило всякими неприятностями — и NN легко прощала ей эту мерзость. Я же сказала что-то, только согласилась, из заботы о ней, что в этот день покупать вино не следует — и она «в ярости» и пр. Во вторых, некая неприятно-преувеличенная забота о своей репутации несомненно наличествует. В защиту же ее могу сказать, что все это вызывается острым чувством чести, которая, в свою очередь, обусловлена чувством ответственности перед своим народом.

На другой день у нас с нею был интересный разговор об О.А. [Глебовой-Судейкиной]. Улучив удобный момент, я спросила: «А какая по настоящему была О.А.?.. По поэме я внешне ее представляю себе, но»...

— «Ну что вы, Л.К.! Очень неверно. Как это "внешне" вы себе представляете? Будто в поэме я действительно нарисовала свою подругу, как думают некоторые... Я нарисовала не ее, а ее, и себя, и Соломинку Андроникову... Все мы тогда такие были...»

— Ну а какая все-таки О.А. была в действительности? За что вы любили ее?

— «Она была очень острая, своеобразная, умная, образованная... Прекрасно знала искусство, особенно Воз-

рождение. Прищурится издали и скажет: "Филиппо Липпи?" — и всегда верно, ни одной ошибки... Когда мы жили вместе, она была уже увядшей, так что я подозреваю, что ей было не тридцать пять, а уже больше сорока... Потом у нас испортились отношения на семейной почве... Д.[a] рассказывает, что там [в Париже] она была очень одинока, очень нища. Но царственно носила свои лохмотья».

В эти же дни выяснилось, что NN давно уже получила пропуск в магазин, то есть право *на паек*; ее известили — и *она позабыла* об этом, чудовище... Я ужасно счастлива, теперь она будет сыта. О.Р. ходила дважды в магазин, и я с Люшей один раз — когда О.Р. уезжала на Чирчик. — Капуста, желе, вино, пшенная крупа, лапша.

17/II 42

Вчера я была у нее — ее именины. Я пришла пешком из Старого Города, вся в грязи и продрогшая. У нее холодно, никакой еды; сидят: Городецкие (оба) и Липскеров. Нимфа в своем репертуаре: бесконечные рассказы о своих поклонниках, попытки вызвать NN на то же (тщетные) и дурацкие шепоты в сторону: — Посмотрите на ее подбородок — какие очертания... А волосы были черные до синевы... — и пр. Наконец, все ушли — меня NN удержала («Мы не уводим, не уводим Вашу Лидочку»). Я была сонная. Но — много радостей. Я предложила ей кусок «оплывают венчальные свечи» поставить непосредственно перед: «Дом твой как комедьянтская фура» — и она согласилась с благодарностью.[b] Затем я прочла ей «А те, кого я так любила» и «Я — пленница». О первом она отозвалась очень

---

[a] Д. — ?

[b] См. с. 223.

горячо («голос поколения... прекрасно..., это то же, что у меня “уложила сыночка кудрявого” — помните! маленькая китежанка».[a]) — и предложила заменить «дрожащей» — «бесстрастной». [Рукой бесстрастной палача.] Ко второму отнеслась очень равнодушно, чего оно и стоит.[b]

19/II 42

Вчера зашла к ней перед вечером. Она собиралась к Беньяш на рождение. Мылась горячей водой, одевалась. Тут же порхала О.Р. Паек оказался весьма скромным. «Первый дальнобойный» она уже отдала Конторовичу для сборника, не исправив двух грамматически неверных строк — «потому как».[c] Страшно смеялась, до слез, прислонившись к печи, передав мне остроту Штока ... «и борьба с ней» [Ахматова и борьба с ней].[d]

Потом я пошла ее провожать в Националь. [Беньяш.] Стужа. Тьма полная (10 часов). Мы сбились с пути. По дороге NN гневалась на Волькенштейна по обычной линии.

---

[a] «Уложила сыночка кудрявого» — **№ 45**; «Маленькая китежанка» — так Ахматова называла в разговоре это стихотворение, в отличие от просто «Китежанки», то есть поэмы «Путем всея земли».

[b] «А те, кого я так любила» (см. с. 392) и «Я — пленница» — стихотворения Лидии Чуковской. (Не опубликованы).

[c] Л.Конторович (вместе с П.Германом) составил альманах «Мы победим». Альманах был выпущен в Ташкенте, в 1942 году, там были напечатаны три стихотворения Ахматовой: «Первый дальнобойный в Ленинграде», «И та, что сегодня прощается с милым» и «Славно начато славное дело».

[d] Летом 1959 года А.А. так озаглавила один из отрывков автобиографической прозы: «Лекции. Ахматова и борьба с ней» (ЛО, 1989, № 5, с. 6).

«Как страшно видеть голод на таком молодом лице». Мыло. 50 р. [Не о Муре ли?] [a]

21/II 42

Только что вернулась из «Ленинградской Консерватории» — слушала квинтет Шостаковича.[b] В первом ряду Толстые, Тимоша и пр., а также А.А. Тут, на свету, я увидела, как дурно она выглядит, как похудела, постарела, подурнела. Так и полоснуло меня по сердцу.

Последние мои два вечера у нее были увлекательны беспредельно. Я приходила усталая, сонная, замученная рассказами детей и Старым Городом, заходила на минуточку и не могла уйти часами.

Оба раза мы устраивали «пир». Множество догадок и прозрений NN, и упорного ее желания понять все до конца. О башне ею написано раньше, чем она поняла главную тему.[c] (Читает основное впервые.)

Свидание: «как вы могли написать “ребенка и друга”, ведь вы знали уже, что сбудется все написанное?» — «А как вы могли написать “Молодца”?» — «Это только сказка».— «Знаем мы эти сказки». [Я думаю — это о разговоре с М.Цветаевой][d]

---

[a] Мур (Георгий Сергеевич Эфрон,1925 —1944), сын Марины Цветаевой. С конца ноября 1941 года он жил в Ташкенте, один после гибели отца, матери и ареста сестры. Мур учился в девятом классе, бедствовал и голодал. Сохранились его письма из Ташкента и «Ташкентские записки». См.: Георгий Эфрон. Письма. Калининград: Луч—1, 1995.

[b] Квинтет Шостаковича для фортепиано, двух скрипок, альта и виолончели, сочинение 58.

[c] По-видимому, речь идет о «Вступлении» к «Поэме», написанном в августе 41 года. Начинается оно строками: «Из года сорокового / Как с башни на все гляжу» — ББП, с. 355.

[d] Подробнее о встрече Ахматовой с Цветаевой см. «Записки», т. 2, с 448. «Отыми и ребенка и друга» — строка из стихотворения «Молитва» — **№ 85.**

Возмущена безвкусицей и ... [одно слово густо зачеркнуто. - *Е.Ч.*] Но интерес превозмогает все.

Входили, мешали нам, NN уронила книгу, мы много смеялись.

В комнате холод — кончились дрова совсем. Паек — липа, совсем не тот, что папин, дают ерунду.

Из Ленинграда кругом дурные известия, но я щажу NN, и она не заговаривает.

Лампочка горит тускло, NN не может читать. «Все из- за деятельности антифашистов, — объясняет NN, — они выключают приборы только отходя ко сну».[a)]

— «Не дай мне бог написать то, что я сейчас задумала».

— «Мы похожи?» — Нет, NN, совсем не похожи, даже не противоположны. [Это об М.Цветаевой]

Третьего дня вечером она чувствовала себя совсем хорошо, легко, а вчера жаловалась на перебои сердца: выпила у Штоков чашку кофе.

В промежутках между яствами зашел почему то разговор о Шуре. (В последние ночи мне снился Митя; неотступно думаю о Мироне, о Шуре; забываясь, разговариваю с Тамарой на улице вслух... «Между помнить и вспомнить, други...»[b)]) Я рассказала ей Шурин роман с С. и тот страшный вечер в Европейской, которого никогда не забуду.[c)]

— «Это очень страшно, — сказала NN, — а у вас так когда-нибудь было?»

— Нет, — сказала я. (У меня было хуже.)

— «А у меня ведь были все возможные варианты и комбинации; было и так. У Николая Николаевича

---

a) *Антифашисты* — иностранные писатели-антифашисты, которые жили на ул. Карла Маркса, 7 в одном доме с Ахматовой.

b) «Между помнить и вспомнить, други...» — строка из «Решки».

c) С. сказал Шуре, что более с женой не видится. А при мне и Шуре пришел с нею и Лебедевым в Европейскую. — *Примеч. автора.*

начался роман с Тотей [Изергиной].[a] Сначала я ничего не знала, потом знала, но не обращала внимания; потом я переехала к Срезневским. Н.Н. [Пунин] грозил, что убьет Срезневских, если я буду у них жить, умолял, плакал и пр. Я переехала в Царское, жила там в комнате умирающей Валентины Андр. [Щеголевой] и ухаживала за ней. Он приезжал туда; я подходила к окну с полотенцами и компрессами. Мне было очень не до него. Наконец, он поклялся, что с Тотей все кончено, и я вернулась... Через несколько времени я шла по Невскому к вокзалу — помните, там была писательская столовая? И встретила Н.Н. под руку с Тотей. Они шли, очень весело болтая. Я перешла на другую сторону. Они меня увидали и кинулись в какую-то пивную.

... Правда, смешно, что я загнала их в пивную?.. (Она рассмеялась очень сердечно и весело). — Вскоре пришел Н.Н.

... А в последнюю ночь, накануне моего переезда в ту мою комнату, он меня спросил:

— Ты никогда ко мне не вернешься?

— Никогда.

— И никогда не простишь?

— Нет.

— А я все равно тебя люблю».

Опять и опять думаю о природе поэзии, о роли поэта. Конечно, он потому пророк, что поэзия — это постижение тайной связи явлений. Тут не магия, а глаз. NN "пророчица" — но при этом она просто умна + поэт (то есть открыватель связей) и потому так ясно всегда видит будущее. Поэзия занята тем же, чем наука, но

[a] *Тотя Изергина* — Антонина Николаевна Изергина (1906–1984), специалистка по западно-европейской живописи, сотрудница Эрмитажа, ученица Н.Н.Пунина.

метод у нее другой. Впрочем, она родственна деятельности Кювье.[a]

24/II 42

Вчера зашла к ней после бессонницы, между двумя детдомами, с отекшей рукой и ногой. Она лежала, О.Р. стряпала какой-то обед и соус «тартар». У NN мигрень и тоска по случаю двух предстоящих выступлений. Начала писать военное стихотворение и не дописала по случаю мигрени и Штоков. Кругом опять склока: выехала m-me Нович, и все тягаются из-за комнаты.

Пришли Плучек и Рина Зеленая. Сели обедать. Пили вино. NN много смеялась хохмам.

Гюго-отец.

С треском лопаются почки — так мог бы острить Мирон, думала я.[b]

За мной все очень нежно ухаживали — подражая NN — подливали вино и сыпали сахар в чашку.

Потом все ушли, а меня NN не отпустила. Мне очень надо было торопиться, но я, как всегда, не в силах была отказать ей.

Она прочла мне набросок стихотворения о русском слове. [Мужество].

Потом:

— «В сущности, они мечтают совершить путешествие не в пространстве, а во времени». [Уезжающие в Москву.]

---

a) Жорж Кювье (1769—1832), французский зоолог и палеонтолог, который реконструировал строение многих вымерших животных и объяснял смену ископаемых фаун «теорией катастроф».

b) *С треском лопаются почки* — так начинается «Песня пьяных» (музыка Тихона Хренникова, слова П.Антокольского). «Песня» написана для постановки комедии Шекспира «Много шума из ничего» в Вахтанговском театре (1936).

27/II 42

Так как я два дня не поспевала к NN, то вчера бросила все дела и пошла к ней с утра, зная, что она уже и обеспокоена и переполнена материалом для разговора. Я застала ее еще в постели. «Капитан, как это хорошо, что вы пришли с утра. А то мне неприятно: мы с Вами в последнее время встречаемся только в свете». (Были на чтении Толстого в Наркомпросе). Я поила ее чаем, кормила принесенным мною творогом, О.Р. сварила ей кашу. Говорили о пьесе Толстого. — «Я хочу сделать ему одно замечание: у него сказано — многие крестятся и снимают шапки. Разумеется, все, а не многие. А то выходит так: одни крестятся, а другие берут девок и идут в кусты».[a]

Пришла женщина из Ленинграда, дура, нарассказала ужасов. Держалась любезно, но почему-то оставила в нас обеих очень тяжелое чувство. Оторвавшись от грустнейших соображений о В.Г., NN занялась причиной этого чувства и предположила, что оно происходит от презрения дамы к «убежавшим» ленинградцам, которыми ни NN, ни З., ни Ш. не являются.[b] Я сказала, что презрение несправедливо, но понятно, закономерно и к нему нужно быть готовым. NN посердилась на меня за эту мысль.

У NN сильно болел затылок.

Она рассказала мне о тосте Толстого «за первого русского поэта» в Союзе.

Позвонила Л.И. [Людм.Ил.Толстая], пригласила NN читать вечером у Толстых поэму. NN очень не хотелось, но я ее уговорила.

---

[a] Вероятно, речь идет о пьесе А.Толстого «Орел и орлица» — первой части дилогии «Иван Грозный». Толстой читал эту пьесу писателям, историкам и театральным деятелям Ташкента в середине февраля 1942 года.

[b] З. и Ш. — может быть, Зоя Задунайская и Шура Любарская, ленинградские друзья Л.К.

Потом она пошла меня провожать. — «Пойдемте по моей любимой». (Это — Сталинско-Хорезмская.) Мы шли. Она жаловалась на ссоры и склоки Беньяш и О.Р. и Радзинской. Совсем придворные дамы, как я погляжу!

«Капитан, я не могу с Вами сегодня расстаться, посидим в сквере».

Посидели. Упоительное небо, сухо, пыльно, черные тени. Но еще не жарко.

Вечером она зашла за мной, и мы вместе отправились к Толстому.

Левик читал Ленору и Ронсара. Толстой — сказку о Синеглазке.[a] Очень глупый композитор Половинкин исполнял музыку на стихи Уткина, предварительно исполняемые автором.[b] NN читала поэму; Алексей Николаевич заставил ее прочесть поэму дважды, ссылаясь на все ту же знаменитую трудность и непонятность. По моему, он и после двух раз не понял. Говорил об общности с символизмом — неверно. Помянул «Было то в темных Карпатах» — некстати.[c] Одно он сказал верно, что эта поэма будет иметь большую историю.

Я вслушивалась в ее произношение:

«П*и*тербургская кукла...»

Затем:

«И была для меня та́ тема» очень большое ударение на та́.

Вместо "*ую*" в творительном падеже прилагательных всюду "*аю*".

---

[a] *Сказка о Синеглазке* — «Сказка о молодильных яблоках и живой воде». Героиня этой русской народной сказки, печатавшейся в обработке А.Н.Толстого — «сильная, могучая богатырка девица-Синеглазка».

[b] Леонид Алексеевич Половинкин (1894—1949), композитор и дирижер.

[c] «Было то в темных Карпатах» — стихотворение Блока.

Обратно мы шли ночью, при яркой луне: я, она и Левик. Она была весела и остроумна.

28/II 42

Вчера — фантастический вечер у NN. Я зашла ненадолго, рассчитывая, что NN пойдет к Булгаковой — как она собиралась — а я к Зеленой. Но она к Булгаковой не пошла, и я осталась. Ждали Левика, который позвонил [телефон в коридоре], что придет читать переводы и не пришел. Почему-то купили две бутылки вина и выпили их — NN, я и О.Р. О.Р. говорила массу женских пошлостей, рассказывала о своих романах и учила NN уму-разуму — объясняясь в то же время ей в любви. Потом она ушла. NN выпила вторую пиалу вина, и я впервые увидела ее почти пьяной. Она говорила очень много, перескакивая с предмета на предмет, много смеялась, никого не дослушивала. Вдруг зазвала к себе Тараховскую, заставила ее читать стихи. Среди них есть хорошие, но сама Елизавета Яковлевна какая-то туповатая и часто кажется, что она не понимает слов, обращенных к ней. «Не доходит».[a] NN вдруг заставила меня тоже читать — чего никогда раньше при других не делала — и все повторяла Тараховской: «Мы напечатаем Ваши стихи. Правда, Л.К.? Мы попросим Тишеньку... мы его позовем и прочтем ему... И Вам Л.К. пора печататься». Прочла «ребенка», хотя знает, что мне это тяжело. Я сидела без ног, не понимая, как достигну дома. Тараховская ушла, NN не отпускала меня. Говорила без умолку, перебивая свои слова неизвестными мне гениальными четверостишиями. Перечла неоконченное и уже слышанное мною однажды

Ни измен, ни разлук, ни предательств.[b]

---

[a] Елизаваета Яковлевна Тараховская (1895–1968), писательница.

[b] Впоследствии стало: «Больше нет ни измен, ни предательств» — строка из первого стихотворения в цикле «Разрыв» — БВ, Тростник.

— «Я теперь уверена, что В.Г. погиб. Убит или от голода умер. ... Не уговаривайте меня: ведь Тарасенкова получает от мужа регулярно письма...[a] А В.Г. меня никогда не бросил бы. До самой смерти... Если он умер, это хорошо: это для меня освобождение».

— «Козлоногой одета была однажды Ольга».[b]

Еще при О.Р., говоря о Рине, она сказала: «Какая остроумная, умная женщина, прямо бесенок. Она мне очень нравится, но у нее есть один непоправимый недостаток: она страшно льстит мне».

— Почему же льстит? — сказала я, — она, наверное, и в самом деле любит вас и ваши стихи.

— «Последнему я никогда не верю».

Мы с О.Р. возмутились. Почему? А как же вы объясняете постоянное восхищение людей вашими стихами? Все лгут?

— «Я сама понимаю, что это дурно, но я не верю и никогда не верила. А объясняла похвалы тем, что люди хотят доставить мне удовольствие. Еще Коля смеялся над этим. Он говорил: когда какой-нибудь журнал просит твоих стихов, ты тоже воображаешь, что это — для твоего удовольствия. А на самом деле редакторы имеют в виду коммерческую выгоду».

Я сказала, что как я ни люблю NN, но стихи ее люблю больше, чем ее.

Последовало бурное возмущение.

---

[a] *Тарасенкова* — Мария Иосифовна Белкина (р.1916), писательница, жена критика Анатолия Кузьмича Тарасенкова (1909—1956). В своей книге «Скрещение судеб» о последних годах жизни Марины Цветаевой М.Белкина рисует быт Ташкента в 1941/42 году и вспоминает Ахматову в Ташкенте (М.:Благовест. Рудомино, 1992, с. 345—348, 258—261.)

[b] Изображение О.А.Глебовой-Судейкиной в костюме «Козлоногой» см.: Анна Ахматова.Фотобиография, М.: Изд-во МПИ, 1989, с. 43.

— Я же говорила, что ЛК холодный человек, — сказала О.Р.

Я протестовала. — Разве я не люблю людей? Тех, кого люблю?

— «Да, в вас конечно существует высокий культ дружбы, — сказала NN. — Когда я одна очутилась в Москве, я изо всего Союза выехала к Вам в Чистополь. И Вы меня не обманули».

Я говорила о своей одержимости стихами с детства.

Разговор перешел на Пушкина. NN возмущалась очень горячо словами Толстого за столом о "ясности Пушкина".

— «Самый непонятный поэт! Многозначащее слово, пласт на пласте. Покажите мне человека, который понимает "Медного Всадника". Или "Евгения Онегина". Чего только нет в этих вещах... "Руслан и Людмила" понятны, "Кавказский Пленник" — тоже, а "Медный Всадник" и "Евгений Онегин" — это чудовищно сложно. Терпеть не могу обывательских разговоров о поэзии. Я понимаю, когда Томашевский или Гинзбург [a] говорят о стихах — они только что от книг, от рукописей, они сообщают свою последнюю мысль, результат огромной работы»...

Когда мы остались одни, она вдруг сказала мне:

— «Только бы вы не погибли. Как сделать, чтобы вы не погибли». И потом, переведя разговор на грабежи в Ташкенте — «Только бы Вас не убили».

Идя в два часа по пустым и страшным улицам, я начала писать стихи, которые сегодня кончила:

Живу, хранимая стихами
Твоими и твоей мольбой, —
Не умереть, остаться с вами,
Не уходить, побыть с тобой.

---

[a] Лидия Яковлевна.

Сказала: — Только не погибни.
О, выживи! И вот уже
Бессильно солнце, тщетны ливни
И нету на меня ножей.

6/III 42

Вчера — вечер у Пешковых. Рина, уезжая, захотела показать свое искусство NN. Мы с NN шли через черный туман, заблудились. После Рины пили, ели, попросили NN читать. Публика была самая разная. NN все спрашивала меня «что читать» через стол, а я, как всегда, не знала. Прочла «Путем», «Подвал», «Pro domo mea», «Наступление», «Мужество».[a] Толстой сказал:

— Хотите Вы или нет, знаете об этом или нет, но Вы сейчас двигаете вперед русскую поэзию вот этими двумя вещами —«Поэмой» и «Путем». Они совершенно новы и пр.

То есть то самое, что сказала ей я после первого же куска поэмы. И по поводу «Путем».

Харитонов, летчик, в промежутке между стихами вдруг произнес:

— Я лучше расскажу вам о работе духов. Это повеселее будет.[b]

Толстой похож на дикого мужика. Нюхом отличает художество, а когда заговорит — в большинстве чушь, как в прошлый раз о простоте Пушкина и о том, что поэма «воскрешает символизм».

---

[a] Список этот расшифровывается так: «Путем всея земли», «Подвал памяти». «Pro domo mea» — «о своих делах» (*лат.*) — так тогда назывались стихи «Один идет прямым путьем»; «Наступление» — «Славно начато славное дело» — БВ, Седьмая книга.

[b] Возможно речь идет о Петре Тимофеевиче Харитонове (1916—1987), летчике, который в конце июня 1941 года протаранил самолет противника в воздушном бою над Ленинградом и получил за этот бой звание Героя Советского Союза.

Мне было очень грустно на этом вечере. Свет, вино, а кругом не друзья, а «хорошие знакомые». Я никогда со знакомыми не умела общаться.

Меня давил разговор с Беньяш и чудовищная гнусность, о которой мне сообщила Екатерина Павловна. И еще — своя неуместность.

И сердцу вновь наносит хладный свет
Неотразимые обиды.[a]

[Наверное, замечание мне А.Н.Толстого, зачем я прошу читать «Подвал»[b]]

На днях вечером (3/III) зашла к NN. — «Поведите меня гулять. Через площадь». Лицо осунувшееся. Молчит. — Ну что, приготовили для «Правды» то, о чем Вас просили? («Мужество».) — «Нет. Еще не удалось. Писала другое — то, чего так не хотела, так боялась писать». (Она недавно мне сказала: «не дай мне бог написать то, что я сейчас задумала».) Писала всю ночь, и утром был сердечный припадок. (Сказала мне, что дает поэме еще один эпиграф — из себя:

Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.)[c]

Четвертого марта забрела к ней с Лидой. Лида сидела у Штоков, я наедине с NN час. Она открыла «Ардова» и прочла. — «Это — эпилог к Решке».[d] Я была оглушена. Помимо баснословного качества стиха — ведь этот

---

[a] Екатерина Павловна — Пешкова.

Л.К. неточно цитирует Пушкина: «...Вновь сердцу моему наносит хладный свет / Неотразимые обиды» — «Воспоминание». (Из ранних редакций.)

[b] О неудовольствии А.Толстого по поводу чтения «Подвала памяти» см. также «Записки», т. 2, с. 80.

[c] Строки из стихотворения «Тот голос, с тишиной великой споря» — БВ, Белая стая.

[d] «Эпилог к Решке» вскоре стал третьей частью, то есть «Эпилогом» всей «Поэмы». См. ББП, с. 375 и 441.

клен мой знакомый, и светлый слушатель темных бредней, и Кама, и сумасшедший Урал. Это все как письмо мне. Я только могла сказать:

— Это уже опять совсем новое, отличное по тону, чем Решка.

— «Да. Рухляди пестрой нет».[a)]

Она была совсем больна. Вот она — расплата за гениальность. Вчера, пока она мылась перед тем, как идти к Пешковым, она дала мне прочесть стихи Парнок. Задохнувшиеся.[b)]

7/III 42

По-видимому, NN окрылена похвалами Толстого. Она какая-то возбужденная, рассеянная, помолодевшая, взволнованная. Вчера я видела ее немного — она шла к Пугачевой, которая послала за ней Липскерова.[c)] Мне было с ними по дороге.

---

a) *Клен, Светлый слушатель темных бредней, Кама, сумасшедший Урал* — раскавыченные цитаты из «Эпилога», — см. ББП, с. 375—377 и 441.

рухляди пестрой — скрытая цитата из «Решки»: «Не отбиться от рухляди пестрой».

b) Ахматова говорит о стихах Софии Яковлевны Парнок (1885—1933). Последний ее сборник «Вполголоса» вышел в 1928 году, а потом она была оторвана от читателя. С поздними ненапечатанными стихами Парнок Ахматову могла познакомить сестра С.Парнок — Е.Тараховская, которая в это время жила в Ташкенте и бывала у А.А.

По предположению Е.Б.Ефимова «задохнувшееся» стихотворение С.Парнок, о котором идет речь — это стихи «В форточку», где есть такие строки: «...даже настежь распахнув окно / дышать душе отчаявшейся нечем» («Наше наследие», 1989, II, с. 90)

c) Клавдия Васильевна Пугачева (1906—1996), артистка, исполнявшая со сцены стихотворение Анны Ахматовой «Первый дальнобойный в Ленинграде». Опубликованы воспоминания К.Пугачевой о встречах с А.Н.Толстым и о знакомстве с Анной Ахматовой в Ташкенте (сб.: Воспоминания об А.Н.Толстом. М., 1973).

Я сообщила ей предложение Арнштама.[a] Накануне она как раз говорила мне, что в Алма-Ата, по ее сведениям, худо и как хорошо, что она там не поселилась. Я ожидала мгновенного и категорического отрицательного ответа. Но она к моему удивлению сказала, что рада была бы поехать, повидаться с «Черным» — то есть с Харджиевым и с прочими друзьями — хотя, конечно, переводить она не может.

Сегодня я встретилась с NN у Беньяш. Она была очень оживлена и торопилась на вечер в Союз, в Президиум; мы с Беньяш отправились ее провожать. Теплый, даже душноватый, темный вечер.

По дороге NN сговорилась с Беньяш, что возьмет ее в Алма-Ата вместо меня, если поедет. Пожалуй, ей действительно стоит поехать. Ее там будут чествовать и баловать, а Беньяш поможет ей переводить — она, кажется, умеет.

Жаль мне упускать эту честь и эти практические возможности — да что же поделаешь. Я человек подневольный.

Очень хочу к Шуре, к Тамаре, а если в смерть, то с ними и в смерть.

10/III42

8-го вместе с А.А. у Толстых. Левик, Пугачева, Над.Ал. [Пешкова], вначале — папа. Потому ли, что не было Уткиных и Половинкина, но на этот раз гораздо приятнее, чем в первый. Левик читал неприличного Гейне и Лафонтена (мука для меня), плохого Бодлера и вели-

---

[a] Л.О.Арнштам, в письме к Л.К. из Алма-Аты 26 февраля 1942 года, сообщал, что собирается ставить фильм о Джамбуле и что главным содержанием фильма будет песенная поэзия казахского народа. «И вот возникла мысль, — пишет далее Лев Оскарович, — ...пригласить в Алма-Ату на эту работу Ахматову и тебя... Хочется... показать, что можно сделать чистыми руками с поэзией народа, который не виноват в том, что поэзию его излагают разные оберхалтурщики».

колепного Ленау; NN — «ни измен, ни предательств», «Другу» (?), «Лозинскому», [«Все это разгадаешь ты один»].[a] Успешно ходатайствовала о мальчике Марины Цветаевой. [О Муре].[b]

Вчера вечером я была у нее. Она в постели, простужена. За окном — снежная буря.

Я довела до ее сознания, почему мне так больно отказываться от поездки в Алма-Ата. Мы отложили ее решение до свидания с Коварским, который должен быть у нее сегодня.[c] Но она сказала:

— «С Беньяш я не поеду. Ее репутация не такова, чтобы я могла с ней ездить».

Я спросила — писала ли она дальше? — «Ну, где же тут!»

7-го она была в Президиуме Союза; 8-го — у Тамары Ханум.[d] С возмущением рассказала мне о том, как неумело был устроен этот вечер в Союзе.

13/III 42

Третьего дня вечером я пришла к NN, как обещала, чтобы послушать Кочеткова и Державина. Я сидела у Што-

---

a) А. А. прочитала: «Не недели, не месяцы — годы» (из цикла «Разрыв»); *«Другу»* — быть может под этим названием спрятано стихотворение из «Реквиема» — «Уже безумие крылом» (см. с. 99); *Лозинскому* — по-видимому, «Не будем пить из одного стакана» — **№ 32.**

b) В конце марта Мур пишет из Ташкента: «Ахматову всячески протежировал Ал.Толстой. Она через него начала действовать, чтобы меня включили в число "счастливцев" (посетителей столовой Писателей). Это было неимоверно, сказочно сложно». (Г.Эфрон. Письма. М., 1995, с.38)

c) Николай Аронович Коварский (1904—1974), критик, кинодраматург, в юности учился вместе с Л.К. в ленинградском Институте истории искусств.

d) Тамара Ханум организовала в Ташкенте балетную школу, которая с 1935 года носила ее имя. Во время войны в здании ее балетной школы разместились многие институты и организации Академии наук, эвакуированные в Ташкент. *...у Тамары Ханум* — то есть в одном из этих учреждений.

ков, когда за мной зашла усталая и томная после вечера у Бабочкина NN. — Что это? — шутливо сказала Фаина Георгиевна. — Вы пригласили Державина? Это mauvais ton.[a)]

— «Глупости. Он очень талантлив. А что он грязен и пьян — какое мне дело? Хлебников тоже был грязный и опухший».

Мы поднялись наверх, и скоро гости явились. Приглаженный Кочетков и опухший, мутный Державин... В нем что- то наивное и чистое, несмотря на грязь.

Он читал много, жадно, видно было, что изголодался по слушателям.

Баранку и пирожок, предложенные ему NN, завернул и унес для сына.

Стихи читал хорошие, причудливые, очень русские, очень свои.

NN хвалила.

Вчера я по условию пришла к Беньяш слушать вместе с NN ее работу о Ханум. Кроме нас была Слепян — грубая, злая, умная.[b)] Мелькнула Раневская.

Беньяш читала нечто очень ловкое, но трепетно-розовато-волнующее, очень безвкусное по всем очертаниям, очень дурное по языку, очень банальное и дилетантское. «Красота, красота!»

Первой высказалась NN: «Хорошо. Интересно. Создает образ Ханум. Тот, кто не видел — захочет увидеть, а кто видел — припомнит свое ощущение».

Я высказалась всерьез, точно и беспощадно.

NN и Слепян обрушились на меня. Беньяш сказала, что я очень мила, но с моими оценками не согласилась.

Слепян говорила обычности, на которые скучно было возражать.

NN — «Загубил, загубил Вас Маршак...» И отсюда перешла к гневной филиппике против редакторов, которую постараюсь воспроизвести точно:

---

a) *Mauvais ton* — дурной тон (*франц.*)

b) Дориана Сергеевна Слепян (1902—1972), драматург, актриса.

— «Мне рассказывали, что на одном редакционном совещании по поводу одной рукописи было сказано: она плоха, но если дать человеку со вкусом, то будет толк. Да что же это за шарлатанство, в конце концов! Кого же должен любить читатель? Чей портрет вешать на стенку?»

О редакторах в данную минуту речи не было, так что это был просто выпад против меня и моего профессионализма.

Я не спорила. Не хотелось людям равнодушным рассказывать о самом заветном, любимом, мучительном, что было у меня в жизни. NN конечно умнее всех на свете и могла бы все понять — но стоит ли, стоит ли? Зачем?

Потом мы сидели как-то вяло, собирались пить вино, его не было. Мы с NN ушли. Шли в теплой тьме. NN рассказала мне по настоящему о вечере у Бабочкина. Герасимов.[a]

Я проводила ее, она зазвала меня зайти и показала письмо, привезенное ей от Харджиева Коварским.

15/III 42

Застигнута песней военной
Шагаю, не зная куда.
Чей образ, чей профиль бесценный
Сверкнул в незнакомых рядах? [b]

Сегодня провела весь день у нее в комнате. Переписывала один из рассказов. Она не пускала никого к себе, чтобы мне не мешали; подремывала, читала Шекспира,

---

[a] Упомянуты Борис Андреевич Бабочкин (1904—1975), актер, много снимавшийся в кино (наиболее известен он в роли Чапаева) и Сергей Аполлинарьевич Герасимов (1906—1985), кинорежиссер, драматург. В Ташкенте С.Герасимов заканчивал съемку фильма «Непобедимые» (о блокадном Ленинграде). В фильме снимался Борис Бабочкин.

[b] Строфа из стихотворения Лидии Чуковской. Окончательный вариант опубликован в кн.: Лидия Чуковская. По эту сторону смерти. Paris: YMCA-Press, 1978, с. 31.

потом ушла к кому-то из соседей надолго. Я работала часов пять (Петров).[a] Потом она поила меня чаем.

Штоки, Волькенштейны и все соседи сильно встревожены тем, что Толстой устраивает переезд NN в Дом Академиков. Там удобно, сытно, уборная в доме, ванная и прочие прелести. Но зато дорого: комната обходится около 200 р. в месяц. NN колеблется. Все скорбят и отговаривают. Я бы ужасно хотела, чтобы она переехала в человекоподобный дом. Но боюсь дороговизны и отсутствия Ольги Романовны, которая моет, шьет и пр. Правда, быт там легкий.

Разговор о Блоке.

— «Когда я с ним познакомилась — в 1911 году — он уже ничуть не скрывал своего презрения к людям и того, что они ему ни для чего не требуются... И все же, до опубликования дневников, никто не представлял себе, какая в нем жила брезгливость, желчь... Дневники были для нас, как молния, как удар грома. Кроме того, мы не знали, до какой степени он был поглощен семейной трагедией...»

— «Стыдно все же: заблудился в трех соснах — во вражде баб: жены и матери».

После разговор зашел почему-то о телефонных звонках. И NN рассказала об одном очень забавном. Звонок. Ее зовут. Голос: "у вас написано: углем наметил на левом боку. Так это его бок или ее?" — Это ее бок, — ответила NN и повесила трубку.[b]

Потом приехала Толстая и разъяснила присутствующим, что переезд NN уже предложен самим ЦК и отказываться неудобно.

---

[a] *Петров* — рассказ пятнадцатилетнего Толи Петрова из деревни Полесье, который был записан Лидией Чуковской в детском доме № 9. Рассказ вошел в книгу «Слово предоставляется детям» (Ташкент, 1942) под названием «Начальнички».

[b] «Углем наметил на левом боку» — БВ, Четки.

Я шла домой вместе с нею. По дороге я внушала ей, что если издадут только новые стихи NN (предложение Тихонова), то это даст грош, что надо устроить ей побольше денег, что надо раздобыть лечкарточку в Правительственную Клинику и пр. Людмила Ильинична относится к NN пылко и, надеюсь, добьется всего... На иждивение Литфонда NN не перейдет, нужно устроить ей *заработанные* деньги, а для этого издать избранные старые стихи + новые.

Эту идею Л.И. обещала внушить Толстому; пригласить к себе NN и Тихонова и решить все дела.

19/III 42

Сейчас вспомнила, что позабыла описать субботний вечер у NN — когда к ней пожаловал, по ее приглашению, «беднягушка» Соколов.

Я полна жалости к этому человеку, когда не вижу его — больной, слепой, талантливый, умный — но каждое слово меня раздражает.

NN тоже сначала была ласковой, кроткой, почитала ему свои стихи, но потом и ее терпение кончилось, она стала резка и выпроводила его.

Он нудно, настойчиво, упорно расспрашивал о Рождественском, о нынешних теориях бывших формалистов; плохо слушал; перебивал; был нуден.

— «Вот они провинциалы все такие, — говорила мне потом NN. — Его юность совпала с книжечками Рождественского, статьями формалистов, он мечтал быть с ними, войти в их круг. Он говорил о них с двумя друзьями, они противопоставляли эти книжечки всему мещанскому толстозадому быту. Мечта не состоялась; но он уже не в состоянии заинтересоваться ничем и никем, кроме людей и книг того времени».

Не помню, в какой из последних дней она показала мне несколько строф белых стихов о доме, очень страшных.[а)]

Во вторник я застала ее чрезвычайно встревоженной: она получила телеграмму от Пунина, что он, проездом в Самарканд, будет в Ташкенте и просит встречать эшелон 503. Вагон Ленинградской Академии Художеств.

Она уверена, что он везет дурные вести о Вл.Г. Поручила мне справляться о приезде эшелона; сие весьма нелегко.

Она лежала в кровати, вымытая, ослепительно красивая, с распущенными после головомойки волосами.

Сообщила, что ни за что никуда не поедет. — «Здесь я, платя 10 р. за комнату, [могу], на худой конец, и на пенсию жить. Буду выкупать хлеб и макать в кипяток. А там я через два месяца повешусь в роскошных апартаментах».

Весь дом ликует по поводу ее решения. Рассказывают, что Цявловский вдруг кинулся целовать ее руки, когда она несла выливать помои.

Она дала мне прочесть письмо от поклонницы. Сколько я таких писем видела у нее в Ленинграде! Наивное, восторженное, благодарное, милое.

Как я люблю людей, когда они ее любят.

Дальше воспоследовала трагикомедия.

Пришел В.М.Волькенштейн. NN давно уже мне жаловалась, что трудно переносит его визиты. Я ей пеняла за это, мне он кажется не так плох, благодушен и пр. Теперь я не могла с ней не согласиться. Он получил письмо от матери из Ленинграда. И все, что мы знаем уже месяцы — от свидетелей, из писем друзей, все, что рассказывала NN, до него вдруг только вчера дошло. Мы о Ленинграде молчим. Или плачем. А ему захотелось поговорить.

а) По-видимому, речь идет о стихотворении «В том доме было очень страшно жить» — **№ 36.**

«Подумайте, там люди совсем голодают... Неужели же даже кило крупы нельзя послать?» и пр. Все это каким-то идиотски-легкомысленным голосом.

NN молчала, лежа на спине, вытянув руки вдоль тела. И потом вдруг села на кровати, как пружина, и такое ему высказала, чего я никогда от нее не слыхивала — по степени откровенности.

Старик ушел, а у нее сделалось сердцебиение.

Она рассказала, что прочла поэму Благому, а он спросил: «Вы это всерьез написали, или это шуточная вещь?»

Уж эти мне профессора.[a]

24/III 42. *День рождения.*

Все эти дни вижу NN только на людях. «Удар грома; входят все».[b] Видела ее одну только тогда, когда дважды сопровождала ее на вокзал. Проехала Ленинградская Академия Художеств. Пунин; Анна Евгеньевна, Ирочка с Малайкой.

Вокзал; эвакопункт, где достаю для отставших от эшелона Пуниных-женщин хлеб. Страшные лица ленинградцев. Совершенно спокойное лицо NN. Не спала две ночи, глаза опухли. Меня и ее бьют на вокзале дежурные — не пускают на перрон. Костыли. Запасные пути. Трамваи.

О Гаршине ничего не знают. NN уверена, что он умер. Умер Женя Смирнов. Таня, Вовочка и Валя при смерти. Умерла Вера Аникиева. В дороге умер Кибрик.[c] Пунин очень плох.

---

[a] Дмитрий Дмитриевич Благой (1893—1984), литературовед.

[b] «Удар грома, входят все» — измененная цитата из «Грозы» А.Н. Островского. («Вдали удары грома. Входят несколько лиц разного звания и пола». — Действие четвертое, явление третье.)

[c] Слух о смерти художника Евгения Адольфовича Кибрика (1906—1978) оказался ложным.

14—3280

— «Он попросил у меня прощения за всё, за всё...»

Вечером вчера страшный крик на Волькенштейнов за то, что они щебечут про «три дороги». Лживые разговоры о Ленинграде — это единственное, что заставляет NN совершенно терять самообладание. Куда девается ее терпеливость, кротость, светскость, выносливость.

Телефонограмма из «Правды» по поводу «Мужества». Просят еще.

— Вы писали эти ночи?

— «Нет, что Вы. Теперь, наверное, годы не смогу писать».

Толстая, проинструктированная мной, добыла ей пропуск в дивный магазин. Я ей внушила, что книжку NN надо издать большую, чтобы деньги были. NN по этому поводу была приглашена, и это ей было предложено. Накануне Людмила Ильинична звонила мне пять раз. Но тут же небольшая интрига: велено никому об этом не рассказывать, даже мне, чтобы братья-писатели не позавидовали. Так мне передала NN — присовокупив, что выбирать стихи буду я.

Вчера подарила мне карточки.[a]

Раздает она деньги ужасно: Муру, Пуниным и т.д.

Писать не могу, чувствую себя очень плохо. Ноги, сердце, Ленинград. Сегодня пять лет со дня последнего моего рождения.

Митя. Мирон. Шура.

И в день его лицея обратим.[b]

Промокнув до костей, промерзнув, усталая, голодная я зашла на минутку к N.N. Замочек. Я к Штокам. Ме-

---

[a] Среди них, по-видимому, и фотографию с надписью «Моему капитану» . Разговор об этих фотографиях см. «Записки», т. 2, с. 305.

[b] Измененная строка из стихотворения А.С.Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор»).

ня встретил радостный вопль. Шумел и плясал Плучек, целовала и поздравляла NN. Мы ели макароны, принесенные из академической столовой NN, пили вино и по рюмке спирту. Я сразу оттаяла. NN была так добра ко мне, приколола мне маргаритки к костюму. Вспомнила, как в этот день в прошлом году читала «Поэму» Шуре, Тусеньке, Зое. У меня.[a]

Сидела великолепная, красивая, спокойная.

Я попросила прочесть стихи. Она очень охотно поднялась наверх, принесла «Ардова», прочла по моей просьбе пятнадцатилетние руки, В том доме было очень страшно жить, Все души милых, Достоевского.[b]

И междометья были ей ответом.

— «Я тоже думала, что пятнадцатилетние руки хорошо. Но никому, кроме Л.К. и В.Г., они как-то не нравились... А вот тут проза»... сказала NN.

— Почитайте прозу, — закричал Плучек.

— «Маком», — ответила NN, чем повергла всех в неудержимый хохот.

Мне показали «Мои воспоминания о ней» Штока. Очень смешно.

Штоки и Плучек и весь их театр едут в Мурманск. Это очень худо. О.Р. прекрасно обслуживала NN. Правда теперь есть паек и академическая столовая — но все же... Конечно, заместители найдутся. «Лепрозорий» относительно NN ведет себя прекрасно. Все рады накормить, снабдить табаком, вытопить печь, принести воду. Это — настоящее «общественное дело»; настоящее потому, что совершенно добровольное. По этому поводу NN говорила мне, что — «вот видите — я никому не делаю

---

[a] См.с. 229.

[b] А.А. прочла: «Мои молодые руки»— **№ 27**, «В том доме было очень страшно жить» — **№ 36**, «Все души милых на высоких звездах» — **№ 34** и «Предысторию» (см. с.221—222 и «Записки», т. 2, **№ 69**).

добра, я только зла не делаю, не злословлю. Так мало! а результат большой». Но тут она конечно заблуждается. Конечно, у нее бездна такта, но любят ее не только за беззлобие, а прежде всего за стихи и за красоту — и за беспомощность.

Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя...[a]

Потом она позвала меня к себе наверх. Против обыкновения, прежде чем лечь, прибрала что-то, прикрыла, отодвинула, подоткнула.

— «Я вчера опять сама мыла пол. И сегодня весь день чищу и убираю. Это — первый признак того, что мне худо. Когда мне хорошо, когда я пишу стихи, например, мне беспорядок не мешает, и я могу жить в чудовищной грязи». Она сделала широкий жест рукой.

Мы сели и начали говорить об отборе стихов. Но пришел очередной поклонник.

27/III 42

Вчера вечером, собрав последние силы, с опухшими мокрыми ногами пошла к NN. Я знала, что она ждет меня работать над ее сборником.

Она была одна, лежала. Поговорили снова — о событии последнего дня, то есть о комнате, предложенной ей Совнаркомом... Смятение ее улеглось, так как она пошла и отказалась под благовидным предлогом.

(Накануне я ее застала в полном смятении. Когда она отказалась от Пушкинского общежития Академии Наук — и ей отказали, чего она не знает, а я знаю со слов Толстой — СНК прислал человека, чтобы перевезти ее в другую комнату, роскошную и пр. Она была в унынии, смятении, отчаянии, живо напомнившем мне ее состояние духа, когда ей предлагали квартиру в Ленинграде... Мне было немного смешно. Тут, конечно, це-

---

[a] Строки из пушкинских «Цыган».

лая сеть причин сразу: и ее ужас перед бытом, и нелюбовь к переменам, и принципиальное нищенство, и боязнь одиночества.)

Я называла ей подряд стихи «Из шести книг», и мы обсуждали: давать или нет. Я говорила первая, потом она.

Совпадения в оценках очень большие. Оказывается, например, что она так же не любит «Я встречала там», как и я. Некоторая кокетливость ранних стихов раздражает ее так же, как и меня. «Как мой розовый друг какаду». Зато «Соблазна не было» она любит и сказала: «этого Вы не понимаете, потому что целая область христианской догмы для Вас недоступна».[a]

Отбирать очень трудно, потому что столько прекрасного, а листаж маленький.

Я ушла качаясь.

Предыдущий вечер у нее я провела вместе с Раневской. Раневская изображала директора, свою квартирную хозяйку и очень мне понравилась. Это не Рина.

29/III 42

Сегодня меня навестила NN.

Так как тут же была мама, мы ни о чем не поговорили.

NN серая, постаревшая, замученная головной болью. Рассеянна, резка, некрасива. Очень торопится.

Если бы я могла проводить ее, побыть с ней, я узнала бы — что с ней? Что-то новое нехорошее случилось.

От Пуниных из Самарканда нет вестей. Она беспокоится о Николае Николаевиче... Может быть, это?

---

[a] «Я встречала там» — строка из стихотворения «Почернел, искривился бревенчатый мост»; «Соблазна не было. Соблазн в тиши живет» — БВ, Anno Domini. «Как мой розовый друг какаду» — строка из стихотворения «По аллее проводят лошадок» — ББП, с. 26.

Умер Василий Васильевич Гиппиус.[a]

31/III 42

Вчера вечером, сквозь сон и слезы:

Я никогда не вернусь домой.
Никогда, ни за что на свете.
Снова увидеть город мой
После всего, что случилось с тобой
И с ним. Видеть двери эти...

Я никогда не вернусь домой
При жизни. Но из могилы
Равная, мертвая — в город мой
Я притащусь — к двери родной,
Воздух целуя милый.[b]

1/IV 42

Папино рождение.

Вчера вечером я пошла к N.N. — после долгого перерыва.

У двери я услышала чтение стихов — мужской голос — и подождала немного.

Оказалось, это читает Саша Гинзбург, актер, поэт и музыкант, друг Плучека и Штока.[c]

Стихи «способные». На грани между Уткинско-Луговской линией, Багрицким и какой- то собственной

---

[a] Василий Васильевич Гиппиус (1890—1942), поэт, литературовед, переводчик. Был участником «Цеха Поэтов», написал об этом воспоминания (см. Анна Ахматова. Десятые годы. М.: Изд-во МПИ, 1989, с.82—86).

[b] Окончательный вариант см. : Лидия Чуковская. Стихотворения. М., 1992, с. 29.

[c] Саша Гинзбург — Александр Аркадьевич Галич (1918—1977). Перед самой войной В.Плучек поставил в студии Арбузова при участии Галича спектакль «Город на заре». В Ташкенте Галич был недолго вместе со Студией.

лирической волной. NN, как всегда, была чрезвычайно снисходительна... Послушав мальчика, она выгнала нас с Исидором Владимировичем и стала читать ему поэму.

Потом я вернулась к ней, и недолго мы были одни. Она жаловалась, что плохо чувствует себя, жаловалась, что вечером звана к Толстому. — «Телеграммы от Пуниных нет», — сказала она. (Вот тебе и «Последний Тост»! — подумала я.[a] [вырезаны полторы строки. — *Е.Ч.]*)

Я прочла ей «Я никогда не вернусь домой».

— «Время Вам пишет книгу», — сказала NN.

— «Костлявой рукой», — сказала я.[b]

3/IV

Нищие, лежащие на боку.

Два грустных вечера у NN. Ей очень нездоровится, желудок, озноб, больные глаза. Карточка в Клинику обещана, но еще не дана.

Третьего дня вечером, в присутствии Раневской, разговор о книге. — «Мне наплевать». Потом монолог: «Сидит в болоте и ноет о несчастной любви. Но ведь это не так. Если бы мне дали напечатать "Поэму" и пр. — тогда другое дело. А то снова печатать: "Может быть лучше, что я не стала Вашей женой".[c] Стихи это путь, динамика, а для меня это только так. Были косы до колен, парк, двадцать лет и выдуманная несчастная любовь... тридцать лет назад».

---

[a] «Последний тост» — № 28. Стихотворение посвящено разрыву с Н.Н.Пуниным.

[b] Этот краткий диалог интересно сопоставить со строчкой из стихотворения «Лондонцам»: «Пишет время костлявой рукой» (Анна Ахматова. Избранное, Ташкент,1943, с.12). Впоследствии стало: «бесстрастной рукой» — № 51.

[c] Строка из стихотворения «Память о солнце в сердце слабеет» — БВ, Вечер.

Я рассердилась, что она объясняет мне вещи, которые я и без нее понимаю. Но и сквозь это, забыв о своем горе, надо дать людям хлеб: стихи.

О пути я ей сама говорила.

Раневская в тот вечер изумительно показывала девочку, Анну Дмитриевну [Радлову], примеряющую шляпы («богиня»), смешила до слез...[а] NN про нее хорошо сказала:

— «Актерка до мозга костей. Актриса Художественного Театра в быту просто дама, а эта — актерка. Если бы в Шекспировской труппе были женщины, они были бы таковы».

Это верно. Тут и похабство, и тонкость, и слезы об одиночестве, и светскость, и пьянство, и доброта.

Потом я долго сидела у NN — она не отпускала («Я теперь так редко вижу вас одну»).

8/IV 42

Вчера вечером драма Штока о Лейдене и слезы Анны Андреевны.

Сон: я в Ленинграде. Думаю — вот, на самом деле не так страшно, как думалось. Машины и высокие, очень ярко окрашенные дома. И Шура, сероглазая, в серой шубке. Я ищу на ее лице следы голода. Главное чувство: ее отчужденность, немота.

12/IV 42

Вчера — отвратительный, бездельный, длинный день.

[а] *...Радлова, примеряющая шляпы.* — Сюжет для этого небольшого представления относится к 1940 году. После раздела Польши некоторые советские граждане получили возможность съездить туда и купить в магазинах удобные и красивые вещи. По рассказу Л.К., Раневская изображала, как А.Д.Радлова примеряет шляпку, а хозяйка зовет девочку-служанку и восклицает: скажи, эта дама — богиня?

С утра — мы с Лидой организовывали посылки в Ленинград. Ее родным, Шуре и В.Г. Все это потихоньку, потому что.... На минуты меня утешил вид комнаты в Райкоме, заваленной посылками. Но живы ли Шура, В.Г.? И если живы, то как страшно, что, по безденежью, мы можем послать лишь такую малость. И дойдет ли, дойдет ли до них?

Потом — вместо работы над книгой (Тихоновские исправления) и над редактурой для Зильберштейна,[a] пошла к N.N. Меня в последние дни томит физическая тоска — не от того ли, что Шура в больнице? Но и у NN я не утешилась на этот раз. Штоки уже укладываются. Оказалось, что NN дарит им экземпляр поэмы... Я очень люблю Исидора Владимировича, но очень обиделась и огорчилась. Я уже три месяца умоляю NN переписать мне поэму, принесла ей для этого тетрадь, чернила; она обещала ко дню рождения — и вот — Штокам. Разумеется, надо было молчать, как я уже четыре года молчу в подобных случаях, но я не сдержалась. NN сначала ласково оправдывалась, а потом сказала очень зло:

— «Не беспокойтесь, умру — все Вам достанется. Вы душеприказчик».

Затем явились Беньяш, Слепян, Раневская. (В комнате NN теперь очень хорошо: множество цветов, парижский вид на крыши... Если бы выбелить, замазать грязную живопись Городецкого, было бы совсем хорошо). Сидели мы как-то скучно, по обывательски. Раневская рассказывала поха-ха-хабные анекдоты. При всем блеске ее таланта, это невыносимо. N.N. несколько раз звонила к Толстым, которые страшно огорчены — и

---

[a] Илья Самойлович Зильберштейн (1905—1988), один из основателей «Литературного Наследства», литературовед, коллекционер был эвакуирован в Ташкент с Институтом мировой литературы им.М.Горького.

не скрывают — так как премия не ему. N.N. решила сделать визит сочувствия.[a]

— Это правильно, — сказала Беньяш.

— «Я всегда знаю, что следует делать», — сказала NN, и я вновь огорчилась.

Я эти дни не писала своих записок — а между тем за эти дни отобрала стихи NN для книги. Вопреки воле Толстого NN поручила мне это дело. У меня нет уверенности, что отбор мы сделали хорошо — но по нашему, редакционному — во всю. Но NN одобрила выбор и обещала переписать новые стихи, которые должны войти.

Штоки уезжают — нужно вновь налаживать бытовую жизнь NN. Я сговорилась с Марусей из больницы, что она будет через день носить ей паек, хлеб и обед. (Уж через день обед кто-нибудь принесет, или она сама пройдется.) Конечно, сейчас, когда у нее есть обед и паек в Академии, это уже не то, что в первое время, когда она обедала в Узфане гнусно, а пайка не было. И все-таки и сейчас предстоит множество трудностей. Я все нахвалиться не могла домом № 7, но он показал свои когти. Оказывается, там есть целая когорта дам — вязальщиц — во главе с m-me Лидиной — которые возмущены тем, что NN сама не бегает за пирожками, а ей их радостно приносят, что Цявловский носит ей обед, что Волькенштейн кипятит чайник и т. д. Стихов ее они не читали, лично с ней незнакомы, но рабьи души не могут вынести, что кто-то кому-то оказывает почет без принуждения, по собственной воле...[b]

---

[a] Сталинские премии по литературе в 1942 году получили И.Эренбург, В.Ян, С.Бородин и А.Антоновская.

[b] О «вязальщицах» см. также «Записки», т. 2, с. 158—159.

Мария Александровна Лидина (1899—1970), жена писателя Владимира Германовича Лидина (1894—1979).

Ох, тошно писать обо всем этом.

13/IV 42

Сегодня вечером мы (с NN) определили порядок стихов в первой части книги (которую решено назвать «Тростник»).[a]

Беньяш предприняла смелый шаг: втайне от NN дала Толстому поэму с тем, чтобы он решил, можно ли ее напечатать. Если нет — мы дадим три куска: посвящение, Были святки кострами согреты, эпилог.

17/IV 42

Сегодня NN больна — очень кашляет по ночам, t° повышена. Лежит. Я зашла к ней вечером. По дороге встретила Беньяш. Скоро явились: Раневская и Слепян. Сквернословили и похабничали. NN была с ними очень терпелива и любезна. Зато на меня сердилась, когда я мыла посуду: «не надо, вы ничего не видите. Вот у Л.Др[оботовой] это выходит легко».[b] Но я все же вымыла, принесла воды, вынесла помои. Ведь Штока нет.

(Штоки уехали, прибив полки, занавеси, продав электрическую плитку, таз — в комнате у NN теперь отлично.)

Почему-то зашел разговор о Распутине.

— «Я видела его один раз. В поезде. Я ехала из Царского с одним моим приятелем. Вдруг вошел Распутин и сел напротив нас. Он был в обычном пальто и шляпе, но в русских сапогах и с бородой. Глаза у него стоят страшно близко друг к другу, как у Льва Толсто-

---

[a] Отдела «Тростник» в ташкентской книге Ахматовой нет. Цикл с таким заглавием впервые — в урезанном виде — появился в «Стихотворениях, 1961» и в более полном — в «Беге времени». Об этом ахматовском замысле см. с. 220 и «Записки», т. 2. с.146, 148.

[b] Л.Дроботова — жена писателя Виктора Николаевича Дроботова.

го, и когда он смотрит на вас — кажется, что его глаза застревают у вас в мозгу».

О мемуарах-фальшивках.

Все мы поднялись уходить. NN попросила меня остаться.

— «Я теперь с тоской вспоминаю о декабрьских вечерах, когда мы были с вами одни, — сказала она мне. — Сегодня меня навестили пятнадцать человек... Похабность Раневской артистична, как все, что она делает, но непристойности Слепян — такая вялая скука».

Я сидела долго. Она рассказала мне о визите Юфит и Любанского и о том, как Любанский заказал ей стихи, и о том, как Юфит воскликнула, когда Любанский подавал ей зажженную бумажку: «Сотрудник "Красной Нови" подает прикурить Анне Ахматовой»...[a] Мучает ее все то же, знакомое мне. И Ленинград. И В.Г.

А машинистка Беньяш еще не переписала стихов, отобранных нами... Если книга будет напечатана и NN получит десять тысяч — я буду за нее спокойна. А то она уже почти все деньги раздала: Пуниным, Муру, управдому и пр. Хлеб тоже раздает, яблоки раздает детям, все свои мизерные богатства.

18/IV 42

Присутствовала при трагикомической сцене.

Я пришла к NN днем. Она лежит, но кашляет меньше и t° нормальная. Я принесла ей изюму, хлеба с

---

[a] Илья Абрамович Любанский, журналист, руководитель отдела публицистики журнала «Красная Новь». В Ташкент он попал после тяжелого ранения в боях под Москвой. Любанский возглавлял оборонную комиссию Союза писателей.

После того, как он попросил у Ахматовой стихи — в №3—4 «Красной Нови» за 1942 год были напечатаны «Первый дальнобойный в Ленинграде», «И та, что сегодня прощается с милым...» и «Наступление» («Славно начато славное дело»).

маслом, свежего луку. Вымыла посуду. Ухаживает за ней весь день Радзинская, стараясь заменить уехавшую Шток. И при мне пришел старец Басов-Верхоянцев, жена которого считалась вождем антиахматовцев, и предложил вынести ведро (NN конечно не позволила).[a] Я сказала: – Ты победил, Галилеянин!

Оказалось, что кто-то уже дал знать в Литфонд о болезни NN и новое начальство – Джанибеков – на фоне ее нового, созданного Толстым и «Правдой» положения, – желает блеснуть заботой о человеке.[b]

Явилась какая-то девица, справилась о здоровье и принесла десять яиц.

Затем явился доктор с плоским лицом домработницы. И я увидела сцену, которую уже наблюдала в Ленинграде, когда Литфонд переживал приступ забот о NN.

– «Что Вас приковало?» «Почему Вы лежите?» – «Какая зарплата?» «Голодаете?» «Не залеживайтесь!»

Выслушав NN весьма бегло и не дав ей возможности рассказать ни о ногах, ни о сердце, ни о своем давнем tbc, она удалилась.– «Мы всегда думали, – сказала NN, – что врачи существуют для облегчения страданий больных. Оказывается, их призвание – разоблачать симулянтов».

Разумеется, врач не знал фамилии NN.

Я смеялась, а NN очень сердилась. Мысли ее пошли по привычному руслу. «Симулянтку из меня делают... Я говорила, что не хочу врача. Видите? Стоит ходить к Баранову, к крупным врачам, а эти ведь существуют только для разоблачения симулирующих бюллетенщи-

---

[a] Сергей Александрович Басов-Верхоянцев (1869–1952), писатель, его жена – Надежда Ивановна (1879– ?).

[b] 8 марта 1942 года в «Правде» напечатано стихотворение Анны Ахматовой «Мужество». Корреспондентом «Правды» в Ташкенте была Ф.Вигдорова, которая и содействовала этой публикации.

ков... Теперь она доложит, что я притворяюсь. Этого только еще мне не хватало».

Прочла мне две строфы, посвященные Вовочке Смирнову. Сказала:

«С тех пор, как умерли мои мальчики, я совсем не хочу видеть детей».[a)]

21/IV 42

Вчера я целый день провела у NN. Она лежала, я за ней ухаживала. Мы много были одни, так как лил дождь и никто не приходил. NN радовалась этому. NN очень ждет переписанного из книги, волнуется; а деловитость Беньяш оказалась чистой липой: она *потеряла* порядковый список стихов, ее машинистка всё переврала и т. д.

NN еще кашляет и t° повышена.

Заходил, конечно, неизбежный Волькенштейн. NN относительно него переменила воззрение: то она еле сдерживалась в его присутствии, а теперь после того, как Радзинская ей рассказала, сколько людей в доме порицают ее, говорит:

— «Как мне повезло, что мои соседи — Волькенштейны. Она — совсем ангел, добрая; он, конечно, "половина негоже", но и он чудный. Представьте себе, рядом жил бы кто-нибудь другой. Лидина, например, Она кричала бы: "Целый день к Вам ходят! Покоя нет! Стучат! Где ваше помойное ведро"» и т. д.

Очень трогательно расспрашивала Радзинскую: «что я им сделала? ведь я им ничего дурного не сделала».

а) "Щели в саду вырыты" — БВ, Седьмая книга.

Эти стихи, вместе со стихами «Постучи кулачком — я открою», печатались с посвящением «Памяти Вовочки Смирнова, погибшего во время бомбардировки Ленинграда». О судьбе мальчиков Смирновых подробнее см.с. 477 и ББП, с. 484.

22/IV 42

Вчера была вечером у NN для свидания с Баталовым, который хочет выступить в Детдоме. NN нас познакомила. Мы условились.[a] Потом и он, и Дроботовы ушли (девочку NN называет Юнона и очень любит), и мы остались одни.

— «Я этому уже почти не верю, — сказала NN. — Как Вы думаете, почему это здесь все без конца ходят друг к другу?»

В этот вечер мы много говорили о людях. NN была очень резка и откровенна. Иногда входила Раневская, обожающая NN (NN называет ее “Чарли”), иногда Радзинская, очень сложно объясняющая, почему она поссорилась с Габрилович.[b]

— «Не люблю Женю Пастернак, — сказала NN. — Что за паразитическое существование. Борис Леонидович давным-давно бросил ее, у него другая семья, а она до сих пор все “Боря, Боря”, и ходит в Союз, чтобы лишний раз сообщить, что она жена Пастернака, и выслушать: бывшая. Потом плачет и всем рассказывает... И то же самое Ант.[c] Они разошлись 14 лет назад, а она все до сих пор лепечет о нем, и можно подумать, будто это ее муж. Мужики бросают баб, а бабы им на шею вешаются. Мне за женское достоинство обидно».[d]

О Слепян она сказала:

---

[a] Владимир Петрович Баталов — о нем см. «Записки», т.2 , «За сценой»: [37].

[b] «Чарли» — прозвище дано по имени Чарли Чаплина.
Габрилович — Нина Яковлевна (1903—1973), жена драматурга Евгения Иосифовича Габриловича (1899—1993).

[c] Ант[окольская] — Наталия Николаевна Щеглова (1895— ?), первая жена поэта Павла Григорьевича Антокольского (1896—1978). Их сын, Владимир (р. 1923), погиб в начале войны.

[d] Ахматова говорит о первой жене Б.Л.Пастернака, Евгении Владимировне Пастернак.

«Это не женщина, а какая-то сточная труба».

В полночь, как всегда, вошел Волькенштейн — нарядный, самоупоенный: читал пьесу, был триумф. Все подробно доложил.[a] NN схватила мою папку (пустую) и вдруг:

— «Ну, Л.К., давайте работать!» Волькенштейн удалился.

— «Единственное средство», — сказала NN.

Дня два-три тому назад она показала мне письмо из Армии, от очередного незнакомца, благодарящего судьбу, что он живет на земле одновременно с нею. Очень трогательное. Я вспомнила такое же, полученное ею из Армии во время финской войны.

— «Я показала его Нае [Городецкой], — сказала NN. — Она очень зло сообщила: "Папа сотни таких получает..." Потом я прочла ей два четверостишия памяти ленинградского мальчика. Она сказала: очень похоже на "Мурка, не ходи, там сыч"..». [b]

— Как меня ненавидит все семейство, и любит, и завидует мне. Ная оскорблена за отца... Нимфа дня три назад зашла ко мне и сообщила, что перечла "Из шести книг", что это однообразно и очень бедно по языку».

Потом, закрыв дверь на крючок, NN вынула письмо от Пунина и прочла мне вслух. Из больницы. Читала она, опустив руки, своим трогательным тихим нежным и глубоким голосом. Он благодарит ее за доброту (она посылала в Самарканд с оказией посылочку и поручила одному человеку справиться там о здоровье Н.Н.), просит прощения, пишет о смерти и о том, как он, умирая, вспоминал NN и понял всю ее великую жизнь.[c]

---

[a] Возможно, речь идет о пьесе «Подарок».

[b] *Памяти ленинградского мальчика* — по-видимому, «Щели в саду вырыты»); «Мурка, не ходи, там сыч» — БВ, Вечер.

[c] Об этом письме Н.Н.Пунина см. с. 188.

NN требует рукопись, а я очень боюсь, что Беньяш подведет снова. Я уже не верю ей и не понимаю, зачем я с ней связалась. Нужно было все сделать самой, а не полагаться на ее деловитость.

(Дата отрезана. — *Е.Ч.)*

Сегодня отправилась к NN работать над книгой. Беньяш, наконец, принесла рукопись NN, но в совершенно неподобном виде. Я пришла в привычную маршаковскую ярость.

NN была сегодня худа, больна, бледна, измучена. Рано она поднялась. Прочла мне второе стихотворение Вовочке и заплакала.[a] Милая, милая! Сегодня она раздражительна, немилостива. Мы сели читать злополучную книгу, установить порядок стихов. Так как идиотка машинистка под руководством Беньяш переписала стихи не на отдельных страницах и притом в диком беспорядке, то нам все время приходилось резать и клеить. NN делала и то и другое с неожиданным для меня удовольствием. Ставя даты: издательство требует.

— «Правда, я работаю не как сумасшедшая, а как нормальный человек?» — сказала она.

— ?

— «Ну, я вообще сумасшедшая: улицу боюсь переходить, писем не могу писать. (Это я с 1915 года)».

В стихотворении «Дальний голос» — «Неправда, у тебя соперниц нет» — предложила заменить первое слово: «Сказал мне».[b]

— «А то будут говорить, что я — лесбианка».

— Бог с вами!

---

a) «Постучи кулачком — я открою» — БВ, Седьмая книга.

b) Стихотворение, напечатанное в ташкентской книге под названием «Дальний голос», начинается словами: «Неправда, у тебя соперниц нет» (с.104). В последующих ахматовских сборниках стихи опубликованы в новой редакции и без заглавия и начинаются так: «Сказал, что у меня соперниц нет» — БВ,Anno Domini. (Об этом см. также с. 163.)

— «Уже говорят. Вязальщицы. Вот до чего доводит вязанье».

Когда мы установили цикл “Эпических отрывков”, она сказала:

— «Четвертое, конечно: “В том доме было очень страшно жить”».[a]

Сообщила мне, будто в Москве стал издаваться Религиозный журнал (во главе которого, якобы, стоит Вирта, как сын священника), а в Молотове — служили утреню. И потому продиктовала мне «Евдокию», «Исповедь», «А Смоленская...» и просила непременно включить «Из книги Бытия».[b]

Сегодня я сдала весь перепутанный Беньяш материал новой машинистке и завтра, если просидеть день над пагинацией и последней проверкой — можно будет все кончить. Кроме дат: негде взять старые издания NN, а она не помнит.

Для приватного совещания меня пригласила к себе Радзинская. Она решила кормить NN у себя в семье и справлялась, не будет ли NN дорого — 10 р. в день. Я горячо приветствовала эту идею, потому что от столовых обедов NN, конечно, захворает. Кажется, NN, как и других писателей, открепили от хорошего магазина. Радзинская сказала NN обратное, чтоб ее не тревожить; в случае подтверждения — я позвоню Толстой.

---

[a] Цикл «Эпические мотивы» был составлен из трех отрывков (БВ, Anno Domini.) Третий отрывок — «Смеркается, и в небе темносинем» — **№ 37**.

«В том доме было очень страшно жить» — **№ 36**. См. также с. 133.

[b] Перечислены стихотворения «Плотно сомкнуты губы сухие» и «Исповедь» — БВ, Четки; «А Смоленская нынче именинница» — ББП, с. 171; «Из Книги Бытия» — это «Рахиль» и «Лотова жена» — БВ, Anno Domini. Изо всего этого списка в ташкентском «Избранном» были напечатаны только стихи «Из Книги Бытия». Цикл впоследствии был переименован — см. «Записки», т. 3.

26/IV

Два дня — вчера и позавчера — сплошь провела у NN над ее книгой. Более всего времени ушло на исправление мазни машинисток и Беньяш. Но вчера уже NN прочла книжку всю подряд, внеся свои коррективы.

Мы повесили на дверях объявление: «я работаю». Сели за шахматный столик у окна. С пером в руке, задумчивая, NN выглядела очень величаво.

Она приказала вставить: «И в тайную дружбу с высоким», «Бесшумно ходили по дому», «Он длится без конца» — сказав, что это лучшие ее стихи.[a] Перечитывая один отрывок из эпических мотивов, она спросила: «Вы чувствуете, что в глубине этого лежат терцины».[b] Перечитывая «Мужество» — «я хотела: и от срама спасем».

Взяла в руки «Anno Domini» (достала у Слетова): — «Насколько эта книга лучше того, что осталось при отборе! Там — чувствуется время, а тут получились какие-то абстрактные, любовные стишки».

И вдруг произнесла строчки:

коня
И на лугу подснежники белеют
Давным-давно простившие меня.

«Как это чудесно. Это — Колины. Он прислал матери с войны. Я так жалею, что не записала. Она обра-

---

[a] Все три стихотворения (БВ, Подорожник; БВ, Белая Стая; БВ, Четки) — в ташкентской книге напечатаны не были.

Стихам «И в тайную дружбу с высоким», а также «О нет, я не тебя любила» (ББП, 139) посвящена статья Ирины Кравцовой «Об одном адресате стихотворений Анны Ахматовой» («Русская мысль», 10 января 1992).

[b] «В первом цехе [поэтов], — вспоминала впоследствии Ахматова, — кто-то (Лозинский или Мандельштам) заметил, что мое “В то время я гостила на земле...” — тайные терцины». —«Двухтомник, 1990», т. 2, с. 452.

довалась, когда я сказала, что это хорошо. Она ведь сама не понимает, она темная, помраченная».[a]

Если восьмистишия отпечатаны были с пробелом — по четыре строки — NN сердилась: «так никогда нельзя делать. И вообще строф у меня почти не бывает».

Очень беспокоилась о том, что нету дат и не может их вспомнить. Липко обещал достать книги у какой-то дамы, но надул.[b]

27/IV 42

Вечером, поздно, зашла к NN занести и вложить последние перепечатанные страницы. У нее застала Раневскую, которая лежала на постели NN после большого пьянства. NN, по-видимому, тоже выпила много. Она казалась очень красивой, возбужденной и не понравилась мне. Она слишком много говорила — не было ее обычных молчаний, курений — ее обычной сдержанности, тихости. Она говорила не умолкая и как-то не скромно: в похвалу себе. Приехали какие-то с Памира, стояли перед ней на коленях. Зовут туда. Не вставая. Видела когда-то в каком-то журнале свой портрет с подписью «гений» и т.д. И — откровенности — Вовочка был похож на Леву, потому она его так любила. И Пастернак объяснялся, говорил: Вас я мог бы любить.

Я ушла, мне не хотелось видеть ее такой.

Раневская, в пьяном виде, говорят, кричала во дворе писательским стервам: — «Вы гордиться должны, что

---

[a] *Коля* — Н.С.Давиденков. О нем см.[25].

Ахматова цитирует его четверостишие «Подснежники»:

Цветы в снегу! Я ехал мéжду ними,
Не торопил усталого коня...
Подснежники казались мне святыми,
За все грехи простившими меня.

(архив Л.Чуковской)

[b] Владимир Александрович Липко (1912—1980), писатель.

живете в доме, на котором будет набита доска». Не следовало этого кричать в пьяном виде.

Раневская без умолку говорит о своем обожании NN, целует ей руки — и это мне тоже не нравится.

Раневская стала просить у NN книгу в подарок. NN взяла у меня ту, что давала мне на хранение, и подарила Раневской. А я не смела просить ее себе. Могла бы сама догадаться: знает ведь, что моя осталась в Ленинграде. Я опять обиделась.

28/IV 42

В стихотворении Вовочке, NN заменила строку «И домой не вернусь никогда» — строкой: «Но тебя не предам никогда».[a]

— «Я проверила ночью. Это действительно правда», — сказала она.

Как-то на днях она прочла мне «Пятнадцать лет пятнадцатью веками» и т. д. Она и раньше читала мне эту горькую вещь, но тогда — конца не было.[b]

3/V 42

Ная Анне Андреевне:

«Я сегодня говорила с одним Вашим поклонником — он безумно любит Ваши стихи — и защищала Вашу поэму: он говорил, что это просто версификация».

Очаровательно и по существу и по форме. Форма злобы вполне Наина.

5/V 42

На днях, вечером, NN рассказывала мне о вечере у Толстых, на который она была приглашена. Там был по-

---

[a] Речь идет о стихотворении «Постучи кулачком — я открою».

[b] «Пятнадцать лет пятнадцатью веками» — строка из четвертой «Северной элегии» — см. «Узнают...», с. 252. (Об этом цикле см. «Записки», т. 2, с. 152.)

ляк и читались польские стихи — Слонимского и еще чьи-то. Она говорила о них с восторгом, пыталась вспоминать строки.[a)]

Выглядит она очень плохо, похудела, кашляет.

Я послала телеграмму Лидиной сестре насчет Вл.Георг.

6/V

Вечером сидела у NN втроем с Раневской. NN грустна, бледна, худо выглядит. Кроме всего прочего, ее очень волнует история с книгой. Тихонов к ней не идет и ей ничего не докладывает, а слухи уже носятся: что он недоволен составом, что стихов "мало" и т. д. NN нисколько не обольщается насчет того, что значит это "мало".[b)]

Я слышала, что накануне, сидя у Радзинских, NN в шутливой форме предложила основать «общество людей, не говорящих худо о своих ближних». Я затронула эту тему, сказав, что я не смогла бы быть членом этого общества. NN откликнулась очень горячо и строго и произнесла один из своих великолепных грозных монологов, который я постараюсь воспроизвести:

[a)] *Поляк* — Иозеф Чапский.В своей книге «На бесчеловечной земле» он описал этот вечер: «...меня попросили читать и переводить " с листа". Общий дух и отклик присутствовавших русских превзошел все мои самые смелые ожидания. Я вижу, как сейчас, слезы в глазах молчаливой Ахматовой... "Баллада о двух свечах" и "Родина Шопена" Балинского, так же как и "Набат над Варшавой" Слонимского, всех потрясли... Никогда еще я не встречал такого внимания, никогда еще я не чувствовал так сильно ответной реакции, как со стороны русских. Ахматова согласилась перевести "Варшавское Рождество", хотя, как она подчеркнула, она никогда не переводила стихов». («Изд-во МПИ», с.171—172).

О Чапском см. также "Записки", т. 2, с. 366, 444 и "За сценой": [217], а также "Записки", т. 3.

Антони Слонимский (1895—1976) — польский писатель.

[b)] А.Н.Тихонов был главным редактором ташкентского отделения издательства «Советский писатель» и редактором сборника стихотворений Ахматовой, издаваемых в этом издательстве.

«Разумеется, я не намерена организовывать никакого общества. Я просто хотела в деликатной форме намекнуть присутствующим, что я не желаю слышать каждую минуту какую-нибудь гадость об одном из наших коллег — будь то Уткин, П. или Городецкий.[a] Мы здесь все живем так тесно, что нужно принимать специальные меры, чтобы сохранять минимальную чистоту воздуха. Зак говорил, что в эмиграции к каждой фамилии, как у испанцев "дон", механически приставлялось "вор" — до того люди дошли.[b] Вот и у нас скоро будет: воровка Чуковская, воровка Ахматова... Будет, уверяю вас!.. И говорят ведь чушь собачью, невесть что. Это очень легко проверить, если вспомнить, что говорят люди о нас самих. До какой степени это на нас не похоже. Когда я вспоминаю, что говорят обо мне, я всегда думаю: "Бедные Шаляпин и Горький! По-видимому, все, что о них говорят — такая же неправда". У меня был такой случай: в одном доме меня познакомили с дамой. Потом, через несколько дней, узнаю: дама рассказывает, будто она была моей соседкой, когда я была замужем за Островским. Но я никогда ни за каким Островским замужем не была. Оказывается: замужем за Островским была Наталья Грушко. Для дамы женщина-поэт ассоциировалась именно с Грушко. Вот и получилось»...[c]

— С той минуты ко всем вашим мужьям неизменно присчитывался Островский. Плюс Островский, — сказала Раневская.

— «Именно так», — подтвердила NN.

---

[a] П. — возможно, Погодин Николай Федорович (1900—1962), драматург, живший по соседству с Уткиным.

[b] Зак передает содержание рассказа Тэффи (см. с. 494—495).

[c] Поэтесса Наталья Владимировна Грушко (1891—1974) была женой А.А.Островского (ум.1924), племянника драматурга А.Н.Островского. Критика отмечала влияние Ахматовой на ее стихи.

7/V 42

Вчера в начале вечера была Беньяш и по какому-то поводу горячо заговорила о мемуарах. «Нет бульварной литературы, так вот, вместо нее есть мемуарная».

NN очень ее поддерживала. Потом вынула «Ардова», прочла абзац своей прозы — мемуарной — детство, дом, обои.[a] Скоро Беньяш ушла, а меня NN оставила.

На столе стояла бутылка вина, принесенная Радзинской. Мы пили — весьма умеренно — однако NN очень менялась на моих глазах.

Она много говорила — шопотом — говорила без умолку, перескакивая с предмета на предмет. О, теперь, здесь, я должна заменять светлого слушателя темных бредней, а у меня нету уменья, нету сил и уменья. Нет, бредни не темные, они пронзительно светлые и пророческие и трудно, не под силу, быть на уровне их.[b]

«Лева умер, Вова умер, Вл.Г. умер», — голосом полным слез, но слез нет.

Поездка за город.

Мечты о книге.

— «С двух лет бабушка объяснила ему, что мать — божество. Он поверил и до последнего дня верил каждому слову матери. А мать говорила ему: видишь, вот в машине едет Никита Толстой. У тебя никогда не будет машины, у тебя никогда ничего не будет, я могу дать тебе только...» [c]

И рядом с этим — страстные разговоры о Нае, о том, что это она сколотила дамский антиахматовский блок,

---

[a] В автобиографической прозе Ахматовой читаем: «В Ташкенте от “эвакуационной тоски” написала “Дому было сто лет”».

Очерк был утрачен и в 1957—59 годах восстановлен автором — под названием «Дом Шухардиной» («Двухтомник, 1990», т. 2, с. 281, 270.)

[b] «Светлый слушатель темных бредней» — строка из «Эпилога» в ташкентском варианте «Поэмы», обращенная к В.Г.Гаршину.

[c] А.А. говорит о своем сыне. *Бабушка* — Анна Ивановна Гумилева. Пропущенное слово — может быть, «тюрьма».

что она — злое, завистливое существо, воспитанное бесконечно завидующим семейством, что у нее обида за отца выражается в бесконечной ненависти ко всем окружающим.

— «А во всем виновата я. И Вы из-за меня страдаете, и Люша, и я сама вот живу в наказание среди вязальщиц. Мне нужно было взять ту комнату на Уездной, переехать туда с вами и с Люшей. Мы постепенно обросли бы ведрами, и все стало бы хорошо».

Ушла я во втором часу.

Третьего дня Раневская ходила с ней к доктору. Он нашел бронхит — «по-видимому, обойдемся без tbc» — но все-таки велел пойти на рентген. Кашляет она меньше и t° нормальная.

Днем я видела Тихонова. Он мне сказал, что по его мнению книга NN составлена дурно: «новых стихов мало — почему нет Ленинграда, Лондонцам, "Pro domo mea", "Путем" — а старые выбраны неверно».[a] Ему угодно наивничать. Пусть.

10/V 42

Вчера я пришла к NN днем, даже утром. Она при мне прибрала комнату, оделась. Вечером должны были навестить ее Тихонов и Зелинский. Накануне я сдуру показала ей письмо Шнейдера с невнятными порицаниями ее книге.[b]

— «Вот видите, Л.К., это подтверждает мою правоту в споре с Вами. Вы всегда говорите, что лучше хоть немногие мои стихи напечатать... Нет, хуже. Читатели получают право писать такие письма, как это».

---

[a] Перечислены стихотворения «Ленинград в марте 1941 года», «Лондонцам», «Один идет прямым путем» и поэма «Путем всея земли».

[b] Речь идет об М.Я. Шнейдере. О нем см.[103]. Его письмо в архиве Л.Чуковской не сохранилось.

Потом заговорили о Раневской, которая утомляет NN обожанием и настойчивыми предложениями купить у нее — шляпу, платье и пр. «Деньги когда-нибудь потом». А вещи у нее все парижские.

— «Подарков принимать я не желаю, а покупать не могу. У меня вообще осталось двести рублей — ну, почти двести. Если мне за книгу заплатят, то я должна буду жить на них весь остаток жизни, а не покупать приданое. Да и не нужно мне шляпы. Я всю жизнь ходила в платке».

Пришла Раневская — остроумная, грустная, ревнивая как всегда.

NN предложила пройтись в Ботанический сад. Повязала голову шелковым белым платочком, и мы отправились.

Жара, залитая солнцем, зноем площадь.

Я заговорила о соловьях — о том, что теперь по вечерам иду прямо сквозь соловьиный строй.

Оказалось, что Раневская и NN (Раневская сегодня ночевала у NN) слышали ночью соловьев, но не одобрили их.

— «Это не птицы, это какие-то стосильные моторы», — сказала NN.

— «Это был кабацкий разгул», — сказала Раневская.

— «Вот в Ленинграде был соловей, — сказала NN, — нежный, робкий, но смелый. Он все начинал петь между двумя бомбежками».

— А я написала стихи про соловьев, — сказала я.

— «Как! И Вы! Соловей — враг поэтов», — сказала NN.

— Но Вы тоже писали.

— «Да, про серебристую прядь... Кстати, ни одного седого волоса у меня тогда не было».[a]

---

[a] «Как вплелась в мои темные косы / Серебристая нежная прядь, — / Только ты, соловей безголосый,/ Эту муку сумеешь понять». — БВ, Четки.

Мы проникли в сад. (Туда пускают, если сделать вид, что идешь купить цветы.) Сели на скамью под дерево. Дивная прохлада и благоухание. Девушка несла в корзине огромные, неправдоподобные розы. Маки в траве. Желтая река и милый мостик.

— «Прочтите про соловья», — вдруг сказала NN.

Я растерялась сначала, но все же прочла:

Горлышко полощет соловей.
Робкий голос, детский голос друга.
Под чужой луной, среди чужих теней
Скорбь берез и вольный запах луга.

Этот рокот я слыхала там,
Ласковое это трепетанье.
И к иным ночам, иным путям,
Светлое влечет воспоминанье.

— «Прочтите еще что-нибудь,— сказала NN.— Про военную песню. Оно чудесное».

Я прочла.

— «Прекрасно, правда? Очень хорошо. И надо печатать».

Про соловья, видно, ей не понравилось.[a)]

Раневская выпросила красную розу и поднесла NN.

Мы пошли. Я поднялась к ней, чтобы дать отдохнуть ногам.

Сегодня я пришла к ней — тоже днем — надеясь услыхать про вчерашний визит. Но оказалось, Тихонов болен и не был. У нее сидел Шкловский. Он имел наглость спросить меня, как поживает папа.[b)] Впрочем, при NN он очень тих и приличен. NN страшно расхваливала ему книгу (которую не читала [о детях]), же-

---

a) «Про военную песню» см. с. 413. Стихи *про соловья* не вошли ни в один из стихотворных сборников Лидии Чуковской.

b) Об отношениях Шкловского с Чуковским см. с. 112.

лая, по-видимому, чтобы он предпринял что-нибудь в кино в Алма-Ата.[a] Комната понемногу наполнялась: Браганцева,[b] Мур, Хазин, Дроботова. Пили вино.

Да, забыла написать. Вчера Радзинская предложила NN какую-то услугу. NN отказалась и сказала так:

— «Нет, нет, если я позволю сделать это, то я сама перейду в стан вязальщиц, надену очки, возьму спицы, сяду над помойной ямой, как они, и буду осуждать Ахматову».

12/V 42

Вчера, придя вечером, застала у нее Корнелия Зелинского, приведенного Тихоновым в качестве редактора ее книги.

Он быстро ушел.

NN, как всегда после подобных визитов, унижена, горда, ранена.

Предлагают дать: всю вторую главу «Поэмы», весь эпилог, вступление, посвящение (это умно, хотя, впрочем, поэму надо давать целиком или не давать совсем, так как это симфония); настаивают на «Ленинграде», «Но я предупреждаю вас», и «Путем», что крайне глупо. Хотят «кое-что снять».

Тихонов сказал NN: «отдел новых стихов, по сравнению со старыми, "мал и *слаб*"».

Снимают отделы и «Тростник».

Пришли: Раневская, Рина, а потом Шкловский.

---

[a] *книга о детях* — книга Лидии Чуковской и Лидии Жуковой «Слово предоставляется детям», где собраны рассказы детей, потерявших родителей и попавших в детские дома Ташкента. Об этой книге см. «Записки», т. 2, «Немного истории». Книга вышла в Ташкенте в 1942-м, отрывки из нее в том же году в разное время были опубликованы в «Правде», в журнале «Красная новь», в «Огоньке», в альманахе «Родной Ленинград». (О роли Л.Жуковой в создании этой книги см. с. 511.)

[b] Браганцева — вероятно, сотрудница ташкентского радио.

Раневская и Рина «представляли» встречу двух эвакуированных дам, а мы с А.А. плакали от смеха и обе валились в подушку.

Пришел Шкловский, и Радзинская принесла утку! Жареную! И мы все ее ели.

Рина села против Шкловского и рассказывала про людей в ее поездке. Очень умно и смешно (на эстраде я ее не терплю).

Но до прихода Шкловского она рассказывала всякие непристойности, очень противно.

Поправка корректора: «Отелло любило, ревновало и убило Дездемону».

Беседа была вялая и неинтересная. Одно только: когда я сказала, что у каждого человека есть свой постоянный возраст, NN:

«Да, Маяковский и Есенин — оба были подростки, один городской, другой деревенский... Когда мне был 21 год, Вячеслав сказал мне: "Вам всегда 1000 лет". С тех пор, я думаю, вторая тысяча набежала, итого мне две тысячи»...[a]

14/V 42

Вчера полдня — с утра — провела у NN. Накануне она просила меня придти, чтобы переписать стихи, на которых настаивают Тихонов и Зелинский. Они требуют: «Путем», «Но я предупреждаю», «Лондонцам», «Кто идет выручать», вторую главу «Поэмы», кусок из «Решки», Вступление.[b] NN лежала, я села за столик и написала по памяти то, что знала наизусть. Я уже не спорила ни с чем, пусть будет, как они решили. Когда я написала все, кроме «Путем» и «Лондонцам» — NN попросила дать ей проверить. И сказала:

---

[a] Вячеслав Иванов.

[b] «Кто идет выручать Ленинград» — вторая строка в стихотворении «Птицы смерти в зените стоят». Об этих стихах см. «Записки», т. 2, с. 445.

— «Больше ничего не дам».

Со мной в последние дни она говорит раздраженно резко — как всегда, когда ей худо. А ей очень худо: Браганцева уже передала запрос о Владимире Георгиевиче — Инбер, и ответа нет; кроме того — 37.3.[a)]

Я сбегала во «Фрунзевец» и к трем часам все было отпечатано на машинке.[b)]

Сегодня, в Союзе, Радзинский рассказал мне, что вчера вечером за NN прислали машину из ЦК, и там спрашивали о ее здоровье, книге, пайке и пр. NN вероятно объяснит это по-иному, но в действительности это — результат письма, которое Шкловский подал на днях в ЦК.

Я решила непременно поговорить с Раневской о ее истерическом поведении относительно NN, безвкусном и *вредном*, и о пьянстве, которое она постоянно затевает. Уверена, что она обидится.

16/V 42

После того, как NN была приглашена в ЦК, Радзинский с легкостью выхлопотал для нее в издательстве 1000 р. Вечером накануне NN дала мне доверенность, и вчера я отправилась их получать.

Денег мне не выдали: нужно было, чтобы NN самолично зашла подписать соглашение. Я позвонила ей.

---

a) *Запрос о Владимире Георгиевиче — Инбер.* — Муж Веры Михайловны Инбер (1890—1972), Илья Давыдович Страшун в годы блокады был директором 1-го Ленинградского медицинского института. Клинической базой этого института была больница им.Эрисмана, где работал В.Г.Гаршин. Инбер хорошо знала В.Г. Свои записи, сделанные в годы войны, Гаршин впоследствие передал В.М.Инбер.

b) «Фрунзевец» — газета Среднеазиатского военного округа. Редакция помещалась на ул. Карла Маркса, 13, т.е. рядом с домом, где жила Ахматова.

Передала Зелинскому вновь отпечатанные стихи: куски из поэмы и «Но я предупреждаю вас». Не нравится мне этот человек: у него дурные глаза. Говорил он о книге нечто неопределенное, видно, что идей у него нет никаких, а больше страха.

Я ушла (с Лидой). Устав, мы присели среди дороги возле арыка на травку и скоро мимо нас вместе с Муром прошла NN, вся в белом, в парижской шляпе (Раневской), прекрасная, пышная.

Вечером я зашла к ней. Накануне я рычала на Дроботову за поцелуй в руку и в плечико. (Она ответила, что в Англии молоденькие девушки всегда целуют руки пожилым дамам. Гм!) NN, по-видимому с провокационной целью, заговорила об этом при Раневской. Раневская страшно заинтересовалась. Мы вышли с ней в коридор, и я высказала ей свою точку зрения в трех пунктах. Она была пьяна. Сказала: «вы — начетчик». Я смеялась. Раневская, при NN, заявила, что вызывает меня на дуэль на пушках. «Генералы, не ссорьтесь», — сказала NN.[a] Баталов — который был при этом — очень звал Раневскую пройтись, но она ответила: «остаюсь, чтобы позлить ЛК»... Я ушла.

О своем посещении ЦК NN рассказала мне (позавчера) очень подробно. За ней прислали машину. Тов. Ломакин спросил, как она чувствует себя в Ташкенте?

— «Меня в Ташкенте никто не обидел», — сказала она.

— Этого мало — заметил Ломакин.[b]

Затем он спросил ее о ее быте и она, конечно, как ей и надлежит, ответила, что живет отлично и ей ничего не на-

---

[a] Скрытая цитата из «Капитанской дочки» Пушкина: слова Пугачева —«Господа енералы! Полно вам ссориться».

[b] Николай Андреевич Ломакин (1913—1975), второй секретарь ЦК КП(б) Узбекистана (по идеологии) в 1941—1949 годах.

до. Чудовище! У нее никакого пайка, чердак вместо комнаты.

16-го состоялся вечер NN в доме Академиков. Я идти не собиралась, но маленькая Радзинская так многозначительно просила меня непременно пойти, что я отправилась. Мы с Беньяш вошли в зал, когда NN уже читала. Тут я снова увидела ее такой, какой не видала давно: не домашней Анной Андреевной, а Анной Ахматовой. Она была вся в белом, великолепная, с прекрасным лицом — с таким лицом, что все остальные вокруг казались рожами, чем-то нечеловечьим. Академические слушали хорошо. Она читала глубоким, лебединым голосом, без напряжения — только иногда трамвай с налета заглушал ее. Она прочла «Тростник» — весь — потом хотела совсем уйти, но публика запротестовала. В перерыве NN поручила мне написать записку Томашевским — в Тифлис — и передать Фр.Моис., которая туда летит.[a)]

Я спросила: что написать? — «Как что? Вы сами знаете, один вопрос», — ответила она зло.

Во втором отделении она читала старые стихи — что откроется. По книге.

Раневская, Беньяш, я, спускались с нею по лестнице. У нее в руках розы. Бать, сахарно-жеманная, — умоляла зайти к ней, посидеть, выпить вина. Но NN не хотела ни за что.[b)]

Мы вышли в благоуханную тьму. Удалось сесть в довольно пустой трамвай. NN сидела возле меня: — «Какое навозное занятие — выступать», — сказала она.

---

a) Фр.Моис. — возможно, Фредерика Моисеевна Наппельбаум, которая проездом из Алма Аты в Тифлис в это время останавливалась в Ташкенте. Однако Томашевские, эвакуированные из Ленинграда в марте 1942 года, жили не в Тифлисе, а в Москве.

b) Лидия Григорьевна Бать (1900—1980), литератор, жена писателя Александра Иосифовича Дейча (1893—1972).

Мы сошли у сквера, и потом все пошли к ней. Около двенадцати простились и поднялись. Раневская поднялась с нами. Но у ворот она вдруг вспомнила, что оставила у NN какие то вещи [зонтик] — и вернулась. Я не сомневалась, что она пошла ночевать.

Вчера я отправилась к NN днем, вместе с Квитко, который внезапно приехал на один день. Она была рада ему. Вспоминали дорогу. NN прочла «Вовочке» и «Первый дальнобойный».[a] Квитке понравилось второе... По просьбе NN я написала записку Левику, чтобы он задал вопрос Инбер о В.Г.

Мы остались одни. В комнате было очень чистенько прибрано. NN была веселая, легкая, озорная. Разбирая свой ящик, подарила мне чистилочку для ногтей.

— «Ненавижу выступать, — сказала она. — Мне до сих пор со вчера тошно. Совершенно ненужное занятие. Трудно представить себе Пушкина или Баратынского выступающими, не правда ли? Пушкин читал стихи друзьям — Вяземскому, Дельвигу... Даже в свете не читал. Один раз его упросила Зинаида Волконская — тогда он прочел “Чернь”...»

— «И сколько пошлостей приходится выслушивать бесплатно! Вчера Благая все спрашивала меня: почему Вы не прочли хлыстик и перчатку».[b]

— «Кстати, к вопросу о целовании рук: Пушкин и Дельвиг всегда при встрече целовали друг другу руки и меня это трогает».

Затем шел монолог о стихах-однодневках.

— С Пушкиным и Дельвигом — фальшивки, — сказала я.— Они целовали руки *друг другу*.

---

[a] *Вовочке* и «Первый дальнобойный в Ленинграде»— см. с.46 и 234.

[b] «Хлыстик и перчатка» — стихотворение, начинающееся строфою: «Дверь полуоткрыта, / Веют липы сладко... / На столе забыты / Хлыстик и перчатка...» — БВ, Вечер.

15—3280

— «Я и не провожу никаких аналогий, — сказала NN. — Я просто вспомнила».

— У вас странный характер, — сказала я. — Вы бываете бесконечно снисходительны и бесконечно строги. И никогда не угадаешь, в каком случае Вы проявите то или другое.

Я не сказала ей, что я имею в виду. Но меня поражает ее снисходительность к Раневской. Или, действительно, шумное обожание так подкупает? Или она не осведомлена о ее репутации? Я то лично не склонна считаться с репутациями, но NN склонна весьма. Когда Беньяш предлагала ей поехать вместо меня с ней в Алма-Ата переводить Джамбула, NN говорила мне:

— «Я не могу ехать с женщиной такой репутации как Беньяш, хотя очень ее люблю».

Какой скандал был, когда ей пришло в голову, что кто-то может подумать, что она много пьет! (История с Беньяш и Радзинской). А с Раневской она пьет ежедневно на глазах у вязальщиц! И разрешает ей оставаться ночевать.

Сегодня Лидочка объясняла мне, что NN недостаточно меня ценит, любит и пр. Не знаю. Я люблю слушать ее и смотреть на нее. И нужно ли, чтобы гора, или облако, или море любили меня? И — еще — то, чего Лида не знает: всех, кого я любила, я любила сильнее, чем они любили меня. (Меня сильно любили мой Желтков, Цезарь — но это потому, что я их не любила ни секунды.[a])

Лежа на кровати, закинув руки, она прочла:

Заснуть огорченной, проснуться влюбленной,
Увидеть красный мак.
Какая-то сила сегодня входила
В твое святилище, мрак.

---

[a] *мой Желтков* — Желтков, герой рассказа А.Куприна «Гранатовый браслет», безнадежно влюбленный в княгиню Веру; *Цезарь* — первый муж Л.К.

— «Нравится?»

— Очень.

— «Я не знаю, что будет дальше и не знаю еще про что это. Тут какой-то сон».[a]

Потом прочла четыре другие строки — мир, подпруга, упруга — которые мне не понравились.

Сегодня я у нее не была, а она, в мое отсутствие, заходила ко мне — взять свою рукопись, которую обещал занести, но не занес Зелинский.

Вчера утром папа по моей просьбе написал письмо Ломакину об истинных нуждах NN (паек, обеды, поликлиника), и я отнесла его.

20/V 42

Уже ни о чем на свете, пожалуй, нельзя говорить.
Уже обо всем на свете следует помолчать.
Это счастливые люди с горя могли пить
И стонать от боли и стихами кричать.
Трупы молчат величаво на дне земных морей,
Молча в полях разглядывают божьих коровок цветы,
Молчат на дорогах, в канавах — и у родных дверей
В городе Ленинграде — так помолчи и ты.[b]

Вчера Зелинский принес рукопись NN. Когда я зашла к ней, она сразу подала мне его предисловие и стихи. Мы не знали, что будет предисловие. Ужасающее по неграмотности и пошлости. Ни одной грамотной фразы и тут же «звонкий лесной ручей» и пр. Совершенно непонятно, как Тихонов, если он видел это, мог допустить, чтобы эту чушь показали NN... Стихи — лирические стихи! — разложены по тематическим рубрикам: патриотизм, русские города и русские поэты; история и поэмы, любовная лирика. Но и в этих иди-

---

a) «Заснуть огорченной...» — БВ, Седьмая книга.

b) Окончательный вариант см.: Лидия Чуковская.Стихотворения. М., 1992, с.22.

отских рубриках дикие ошибки: стихи — «Как площади эти обширны» — поставлены в отдел о городах! [a)]

NN предложила мне *переписать* предисловие Зелинского с тем, чтобы сохранив все его «мысли» — сделать фразы грамотными и изъять ручьи.

Я исполнила. Решено, что Радзинская перепишет на машинке и NN вручит «свой вариант» издательству.

Я просила разрешения переставить стихи более осмысленно; однако NN сердилась и кричала, что чем глупее, тем лучше и т. д.

Зелинский непременно просит «Лондонцам», начало «Решки», «Путем» — и вставил все стихи, которые NN отвергла по качеству в *нашей* книге: «Рыбак», «Когти неистовей», «Ты письмо мое милый не комкай», «Сероглазый король» и т. д.[b)]

Я ушла очень злая со смутным чувством, что я участвую в каком-то гадостном деле. Утром я позвонила NN с просьбой не отдавать книгу так, разрешить мне привести ее в порядок. Она позволила.

Я долго ждала ее сегодня — она обедала у Раневской. Ключа не было. Я томилась у Радзинских, у Волькенштейнов. Наконец, пришла NN, надела новый халат, поднесенный Раневской, легла и сказала: «делайте с книгой, что хотите». Мне очень мешали посетители. Я перенесла некоторые стихи в более соответствующие места, выкинула кое-что. Последний отдел — любовный — разложила хронологически. NN добавила: «И упало каменное слово» и «С грозных ли площадей».[c)]

---

a) «Как площади эти обширны» — стихи не «о городах», а о любви, о разлуке. Стихи обращены к Б.В.Анрепу: «Не чудо ль, что нынче пробудем / Мы час предразлучный вдвоем» (БВ, Белая Стая).

b) «Когти неистовей» — неполная строка из стихотворения «От любви твоей загадочной» — ББП, с. 153.

c) «И упало каменное слово» — № 3; «С грозных ли площадей Ленинграда»— БВ, Седьмая книга; см. также автограф на с. 453.

С грозных ли площадей
Ленинграда
Ты прислал мне эту прохладу
Или с блещущих летейских
полей
Тополями украсил ограду
И азийских светил мириады
Расстелил над печалью моей

ряду изгнанья
А из рук величайших пика
Не такого с тобой свиданья
Я Россия всегда ждала

1942, Ташкент. Черновой набросок

Она вдруг сказала:

— «Я подарю Вам поэму. Свою тетрадь». И принялась за поиски.

— «Кто-то уже украл ее... Нет, вот она».

Сделáла надпись.

— «Как Вам не стыдно было не понимать, что она всегда была Ваша, от века Ваша»...

Я сказала:

— Вот теперь мне хотелось бы поцеловать Вам руку, но нельзя...

— «Неужели Вы можете обо мне дурно думать? Хоть когда-нибудь? Говорить, что я рычу...»

Забыла написать: я подала папино письмо в ЦК в воскресенье утром, а во вторник NN прислали пропуск в распределитель ЦК и талон на обеды в дом Академиков (откуда ее открепили).

23/V 42

Изнемогши от гостей, NN вывесила на дверях записку: «Работаю».[a] Люди читают и отходят; вхожу я, Раневская, Беньяш, Мур. Так длится уже три дня. NN чувствует себя плохо, жалуется на сердце, кашляет. Очень была обеспокоена предстоящим визитом Зелинского; теперь визит уже позади. Она вручила ему новую редакцию предисловия и спросила почему выкинут Пастернак и нельзя ли вставить обратно «Из книги Бытия».[b]

Я видела ее эти дни очень много. Сидела у нее, прикладывая ей холодное к сердцу; выходила с ней ночью прогуляться, чувствуя ее легкую, повисшую

---

[a] «Записки с ее двери исчезают, потому что — автограф», - пишет в своем ташкентском дневнике Я.З.Черняк («Воспоминания», с. 375).

[b] *...выкинут Пастернак* — то есть снято стихотворение «Борис Пастернак» — **№ 1**.

ручку на своей руке. (Осанка у нее королевская, но в наклоне головы есть что-то кроткое, девичье.)

Монологи и диалоги:

— «Я узнала, что в последний год Марина [Цветаева] была жестоко влюблена в Вильям-Вильмонта. А он над ней издевался. Показывал ее письма знакомым и говорил своей домработнице:

— Когда придет худенькая старушка — меня нет дома.

Она писала ему длинные философски-любовные письма.

Нет, я уверена, что женщина в любви не должна быть активной. Ничего кроме срама из этого никогда не выходит».[a)]

— «Ни к кому я больше не пойду в гости. Страдания хозяев слишком понятны мне. Юнона рассчитала, что я пропускаю четыреста двенадцать человек в месяц. У меня все люди удивительно долго сидят. И я заметила, что чем более я изнемогаю — тем вежливее я становлюсь».

— И я у вас всегда ужасно долго сижу, — сказала я.

— «Это ваше главное хорошее качество», — ответила она.

— «Марина умерла бы вторично, если бы увидела сейчас Мура. Желтый, худой... Чем помочь ему? Я и так отдаю ему весь хлеб».[b)]

Снова о Блоке:

---

a) По рассказу биографа Цветаевой, Марина Ивановна «увлеклась Николаем Николаевичем Вильмонтом в августе-сентябре 1940 года... она писала ему письма. Писала по-немецки, готическим шрифтом. (Письма, по словам Н.Н.Вильмонта, не сохранились.) Она говорила, что Вильмонт похож на Рильке, напоминает ей Рильке, которого, кстати, она никогда не видела». (М.Белкина. Скрещение судеб. М.Благовест; Рудомино, 1992, с.192 и 211.)

Об Н.Н.Вильям-Вильмонте см. «Записки», т. 2, «За сценой»:[22].

b) 25 мая Мур пишет своей тете Елизавете Эфрон: «Замечательно сердечно ко мне относится здесь Ахматова — очень много мне помогает во всех отношениях» (Г.Эфрон. Письма, 1995, с. 45).

— «Этот человек очень не импонировал мне. Презирал, ненавидел людей. Как у него в Дневнике сказано про соседку: кобыла! Уровень коммунальной квартиры. Единственными людьми для него были мама, тетя, Люба. Безвкусные, мещанские... Если уж ты Лара, Манфред — сиди в башне, до́хни, гори и не возись с людьми... Он был типичный падший ангел».

Я сказала, что не люблю его стихов об этом и прочла четыре строки:

Падший ангел, был я встречен
В стане их, как юный бог.
Я царицей был замечен,
Я входил в ее чертог...[a]

— «Да, да, это очень плохо — по брюсовски. Тот всегда так писал: пишет о чем-то волнующем, а читателю наплевать. Вяло, холодно... Я ненавижу у Блока первую главу "Возмездия" — папу, маму, теть, дядь — а Варшава упоительна — и не выношу Города с дежурной проституткой... Я даже в цикле "Кармен" люблю не все».

Вчера вечером у нее долго сидел Мур. Она отдала ему из своего пайка (нашего! выхлопотанного!) очень многое. Они говорили о французских поэтах, забрасывая друг друга цитатами. Поносили стихи Гюго и восхваляли Поля Валери.

— «Когда я шла к Раневской обедать — с нею — мы увидели нищего, который умирал. Я отослала Раневскую вперед и дала ему тридцать рублей. Он посмотрел на меня так издалека, из смерти, из самой смерти...»

Я прочла ей последние свои стихи. Она сказала:
— «Хорошо. Правильно».[b]

---

[a] Неполная строфа из стихотворения Александра Блока «Как свершилось, как случилось».

[b] Л.К., по-видимому, прочла свое стихотворение «Уже ни о чем на свете, пожалуй, нельзя говорить» (см. начало записи 20/V 42, с. 451).

Она очень полюбила для стихов это слово “*правильно*”.

24/V 42

Вчера, мертвая, я пришла к NN.

Она рассказала мне о своих Самаркандских огорчениях: Ира продала ее посылочку, так они голодают.

Открытка Анне Андреевне от Владимира Георгиевича!

28/V 42

После сведений о городских сплетнях, чудовищных по глупости, пошлости и неприятности, сообщенных мне Беньяш, Радзинской и Риной, — я решила, что должна [рассказать], *что уже* говорят о ней в доме № 7 и в Союзе!

Какая слепота, какое помрачение! Не она ли на днях объясняла мне, что если она не возьмет у Мура расписку — подумают, что она присвоила деньги.

— «Кто вам сказал о Раневской?»

— Рина.

— «Как не стыдно. Сплетница. Кто же сообщает о таких вещах?!»

— NN, но Вы сами только что сказали, что уже говорили мне о Раневской, И Вы же говорили мне о Беньяш..

В форме тяжелого препирательства диалог длился долго. Потом мы опять говорили о Марине Ивановне [Цветаевой], читали стихи, но раздражение (с ее стороны) осталось, и я знаю, что это еще не конец неприятному.

29/V 42

А с NN все нехорошо.

С тех пор я ее не видала (вчера ее не было дома), но я уже знаю, что она передала весь разговор наш Ранев-

ской, упомянув и Рину (на которую я сослалась, как на источник). Зачем?

Чем больше думаю я о нашем разговоре, тем больше вижу ее непрямоту. Зачем она не сказала мне: «Да, вы правы, Раневская компрометирует меня в глазах "вязальщиц" и мемуаристов, но я не вижу оснований считаться с мнением сплетников». Это было бы достойно. Вместо этого она сказала мне, что я все «выдумала», упорно отрицала самую возможность «компрометации» (которая несомненна), и все сообщила Раневской.

Я обижена и осуждаю. Но я воздержусь сделать оргвыводы: раз Вл.Георг. нет возле нее, я должна нести свою миссию: NN поручена мне Ленинградцами.

Во всей истории отвратительно еще и то, что она — типично эмигрантская.

31/V 42

Ante lucem... ante lucem...[a] Почему у меня такое чувство, будто меня ждет счастье? Или я прощена?

К NN вчера не ходила. Сегодня была. Она прочла мне великолепное, трогательное, новое: о статуе в Летнем Саду.[b]

— «"Зачем вечор так рано скрылись" — "Капитан" и "мне так хотелось прочесть Вам первой"» — и пошла меня провожать в новом, сшитом Дроботовой сарафане, сидящем на ней, как вечернее платье, ослепительно прекрасная, молодая — но — «что-то кончилось».[c]

---

[a] Ante lucem (перед рассветом.— /лат./) — название одного из ранних блоковских циклов.

[b] «Nox. Статуя "Ночь" в Летнем Саду».

[c] «Зачем вечор так рано скрылись?» — строка из «Евгения Онегина» (глава шестая).

«Что-то кончилось» — название рассказа Эрнста Хемингуэя из книги рассказов «В наше время».

4/VI

Вчера NN прочла мне два новых стихотворения, предупредив, что они недоделаны и еще не нравятся ей. «Между нами теперь три фронта» — и еще одно, о тени. Она говорит, что будет цикл, вместе с «С грозных ли площадей». Мне новые не очень понравились, особенно первое, показались какими-то вялыми. Я сказала:

— Я там не очень понимаю про «азалии».

— «Вы их поймете, когда их не будет».[a)]

(Там азалии рифмовались со словом распечалит.)

Зато она прочла мне прелестное, нигде не печатавшееся старое, 1914 года: (ой, я забыла его)

Как любила и люблю смотреть я
На закованные эти берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала нога.[b)]

О книге ни слуху ни духу: ее читают в ЦК.

Договор не заключен.

NN по этому поводу очень беспокоится.

5/VI 42

Договор с NN заключили. Она довольна.

Письмо от Штоков с настоятельным зовом в Москву. NN не говорит этого прямо, но мне кажется, что она скоро решит ехать.

---

a) Речь идет о стихах, обращенных к В.Г.Гаршину: «Глаз не свожу с горизонта» (со строчкой «Между нами, друг мой, три фронта» — ББП, с.293) и «С грозных ли площадей Ленинграда» (впоследствии оно вошло в цикл «Луна в зените» — БВ, Седьмая книга). Более подробно об этих стихах см. «Записки», т. 2, «За сценой»: [95].

b) Л.К. действительно запомнила неточно. На самом деле: «Как люблю, как любила глядеть я / На закованные берега, / На балконы, куда столетья / Не ступала ничья нога».

...нигде не печатавшееся старое, 1914 года — стихотворение печаталось, но только в журналах. Впоследствие оно вошло в «Бег времени» (Белая Стая). Там оно датировано 1916 годом.

8/VI 42

Сегодня (в постели, утром, кладя холодные платки на голову) NN:

— «Радзинская и Беньяш передавали мне, что Вам не нравится "чардаш" во второй строке... ("Глаз не спускаю"). Не объясняйте, я сама знаю, почему... Уводит от Ленинграда... А вот так Вам нравится?» — и сказала какую-то строчку, где на конце «весна».[a)]

— Нет. Тут нужна полная рифма... А чем Вы, NN, недовольны в «Ноченьке»? Я понять не могу.

— «Там есть слово "покрывали", которое сейчас все воспринимают, как ругательство».

— А я всегда про себя читала «укрывали»...

— «Вот как хорошо. Так и будет, и тогда я его сегодня же сдам Зелинскому. Вот молодец».

Дальше она говорила мне много лестного.

Но я теперь думаю: «покрывали» никто не принял бы за ругательство; «крыли» — другое дело. Однако «укрывали» все равно лучше: трогательнее.[b)]

На днях у Радзинской NN читала «Поэму» Дейч и Бать после их длительного настояния. Я мучилась. Прослушав, они сообщили, что это «хорошо» и «интересно» и немедленно приступили к обсуждению последних высказываний Лежнева на заседании Президиума — полагая, повидимому, что это и есть литература.[c)]

---

a) Речь идет о строке «Где метели пляшут чардаш» в стихотворении «Глаз не свожу с горизонта».

b) С тех пор стихотворение «Ноченька», то есть «Nox», печатается со строкой: «Как мы тебя *укрывали*» — БВ, Седьмая книга.

c) Исай Григорьевич Лежнев (1891—1955), публицист, издательский работник. В Ташкенте он занимал пост секретаря Президиума Союза писателей Узбекистана и входил в редсовет ташкентского отделения издательства «Советский писатель».

11/VI 42

NN была у Зелинского (он болен), продиктовала ему «Ноченьку» и, все-таки, «Лондонцам». Теперь книга пошла в набор.

12/VI

NN вдруг объявила мне третьего дня, что она хочет ехать с подарками ленинградским детям в Ленинград и что она уже возбудила об этом ходатайство.

Справившись с мыслями, я решилась возражать.

— «Какая Вы храбрая», — сказала NN.

— Вам не следует ехать в Ленинград. Ленинградцы снова должны будут вывозить Вас, и тем самым Вы создадите им лишнюю заботу.

— «Поеду. Приду к Алимджану и скажу: в Ленинграде меня любят. Когда здесь в декабре Вы не давали мне дров — в Ленинграде на митинге передавали мою речь, записанную на пластинку».

Мы заговорили о В.Г.: от Томашевских пришли две открытки — ей и мне. Ей сообщалось, что его видели в марте, что он был сравнительно сыт и здоров. Мне — что у него расшатались нервы, что гибель Энгельгардта и Зеленина тяжело отразилась на нем.[a] NN высказывала мрачные предположения о том, что он не писал ей не по болезни, а потому, что не писала она, и он решил, что она не хочет и пр.

— «Вот, Вы меня отговариваете ехать, а если бы Ваш Митя был там, Вы б поехали?»

---

[a] Историк литературы Борис Михайлович Энгельгардт (1887—1942) был женат на родственнице В.Г.Гаршина. Именно он познакомил Гаршина и Ахматову. Жена Б.М.Энгельгардта — Лидия Михайловна Андриевская тоже умерла от голода в первую блокадную зиму, в феврале 1942 года.

Николай Васильевич Зеленин (1900—1942), врач-психиатр, внук актрисы М.Н.Ермоловой. Н.В.Зеленин жил на Кирочной в одном доме с Энгельгардтами.

— Да.

— «Ну, то-то же».

Когда я прихожу, она сердится, если я сижу у Радзинских или говорю по телефону. Но когда мы остаемся одни, она обращается со мной сурово, подчеркивает каждый мой промах и пр.

Прочла мне письмо от Лозинского, в котором он, между прочим, пишет, что захватил с собой из Ленинграда ее портрет.

— «Милый Лозинька! Верный друг. Это портрет, который сделал Судейкин. Карандашный набросок. Мы с ним забежали в редакцию (забыла какую! — *Л.Ч.),* Сережа Судейкин сказал: "как Вы красиво сидите!" и нарисовал на бумажке. Потом бросил бумажку и мы пошли. Лозинский был секретарем редакции, подобрал рисунок, отдал его в рамку и всю жизнь с ним не расставался».[a)]

12/VI 42

Зайдя днем к NN, я застала у нее Державина, такого же немытого, нечесаного, опухшего от пьянства как всегда. NN очень оживленно с ним беседовала. Когда он ушел, она сказала мне: — «До чего похоже на Осипа и на Хлебникова. Он и не знает этого! Как похож!» — Скоро взошла Раневская, которая видела Державина, когда он пришел. Между ней и NN состоялся такой разговор.

— Кто этот человек, который осмелился придти к А.А. таким грязным. Он, верно, вывалялся в арыке и не удосужился почиститься.

— «Поэт».

— Воображаю!

[a)] Рисунок С.Ю.Судейкина (1882—1946), изображающий Ахматову — см. «Ахматовские чтения», с.167. Тот ли это набросок, о котором говорит Ахматова, не установлено.

— «Поэт, и прекрасный. Поэты все такие. Хлебников был такой, Осип был такой. Если видите складку на брюках — не верьте, что поэт. А если такой — верьте».

14/VI 42

Сегодня при мне к NN пришел Липко и в срочном порядке взял у нее «Ночь» и «Вовочку» для альманаха «Ленинград». Ритмический перебой во второй строке явно смутил его (в «Ночи»).

NN очень удерживала меня, собиралась пойти со мной к Хазину, но потом полил дождь, явилась Дроботова, и она осталась.

Она получила письмо от Николая Николаевича из Самарканда и опять расстроилась. Он бедствует.

Упорно говорит о поездке в Ленинград. Надеюсь, что ее не пустят.

19/VI 42

Сегодня я была утром у NN, и, хотя торопилась, просидела долго.

— «Я написала новое начало поэмы... И кусок... Как долго она меня не отпускает... Не приведи, Господи... Это как у Лермонтова "Демон"». [Низ страницы отрезан. — *Е.Ч.*] о гадании, о зеркалах, возникла как догадка, а теперь оно само дано в руки.

— «Я писала вчера весь день. Писала бы и больше, но письмо от Ирины Ник. меня совсем убило.[а)] Я возненавидела сразу и себя, и свои стихи, и поэму... Ничего этого не надо».

Письмо в самом деле страшное: о патологическом аппетите Бор.Викт. А В.Г. по-видимому здоров и светел.

NN с негодованием говорила о Жене Пастернак, которая скомпрометировала Мура («Злодейство... Большой

[а)] Ирина Николаевна — Медведева-Томашевская, жена Б.В.Томашевского. О них обоих и об их дружбе с Ахматовой см. «Записки», т. 2, «За сценой»: [180].

грех»),[a] и о Беньяш, которая полтора месяца обещала Хазину достать разрешение на въезд матери и сестры и, как выяснилось, все *лгала* о своих хлопотах.

Пришел Зелинский, сообщил, что книжка в наборе и «художник, фамилию забыл» делает рисунки.[b]

— «Рисунки?» — удивилась NN.

— Всякие заставки, штучки...

— «Какие же там нужны штучки?»

— Ну, например, Адмиралтейская игла...

— «Этого я не переживу. Пощадите! Никаких игол! Это такой “mauvais gout” — дурной вкус. Ради бога, защитите меня!»

Зелинский обещал «защитить».

— «Вот если бы Тышлер,— сказала NN. — Тогда я позволила бы и иголки и булавки и все, что он захочет».

Зелинский настаивал, чтобы NN сделала эпиграфы к отделам.

Он же сообщил, что «Мужество» появилось в сборнике тридцатилетия «Правды».

Ушел.

22/VI 42

Год.

Были живы еще: Боба, Изя, Михаил Моисеевич, Таничка и — будущий друг и товарищ — Мих.Як., и Коля Давиденков, и родители Мити и Мирона.

---

a) Объяснением этих слов может служить запись в дневнике Л.К. 18 сентября 1977 года: «Помню АА в Ташкенте очень возмущалась Евгенией Владимировной Пастернак, которая (не знаю с чьих слов) утверждала, что в гибели Марины Ивановны виноват Мур. “Большой грех”, — говорила АА о Евг.Вл. и всячески подкармливала Мура, пристраивала его к Толстым на кормежку и пр.».

b) Художником ташкентской книги Ахматовой был Валерий Сергеевич Алфеевский (1906—1989). Он оставил воспоминания об этой своей работе (см.: По памяти и с натуры. М.: Книга, 1991, с.91—92).

«Думали, нищие мы...»[a]

Меня ждал Ленинград, Шмидт, учебник, книги, привычная тоска ленинградской квартиры...[b]

А сейчас все уничтожено, море горя, но почему, почему мне светлее? Что я за урод? Даже страшно от этого.

Вчера вечером с Лидочкой зашла к NN. Она была усталая, разбитая и недобрая. Утром она слушала с Раневской репетицию симфонии Шостаковича.

— «Я так разбита, так устала, что хоть ложками собирай. Какая страшная вещь... Вторую и третью часть нужно слышать несколько раз, чтобы проникнуться ими, а первая доходит сразу. Какой ужас эти гнусные маленькие барабанчики... Там есть место, где скелеты танцуют фокстрот... Радостных нот, победы радости нет никакой: ужас сплошь. Вещь гениальная, Шостакович — гений и наша эпоха, конечно, будет именоваться эпохой Шостаковича... Раневская сказала о симфонии: так страшно, точно ваша поэма... Несколько человек так говорили».[c]

---

a) В первую годовщину от начала войны Л.К. вспоминает и перечисляет родных и друзей, погибших за этот год — на войне или от голода в блокадном Ленинграде. Названы: *Боба* — брат Л.К., убит под Можайском (о нем см. с. 232); *Изя* — Исидор Моисеевич Гликин, умер от голода в Ленинграде (он спас рукопись «Софьи Петровны», см. «Записки» т. 2, с. 540), М.М.Майслер, убит под Ленинградом, Таничка Гуревич, убита бомбой в Ленинграде. Убит М.Я.Розенберг, пропал без вести Коля Давиденков, родители М.П.Бронштейна умерли от сыпняка в дороге, родители Мирона Левина умерли от голода в Ленинграде (о нем см.[24]). Этот печальный мартиролог Л.К. завершает ахматовским стихотворением, из которого записывает лишь первую строчку: «Думали: нищие мы...» — **№ 22.**

b) Накануне войны Л.К. составляла хрестоматию (учебник) для школьников младших классов и вместе с М.Я.Розенбергом работала над сценарием о лейтенанте Шмидте.

c) А.А. говорит о Седьмой симфонии.

Затем она высказала предположение, что книга летала в Москву — пока тут изображали, будто она вычитывается. Очень может быть, и дай бог.

— «С меня Тихонов настойчиво требует эпиграфов. Ну как я придумаю их, если я этой книги не читала и читать не собираюсь!.. Скажите, Л.К., не годится: "но не с тобой я — *с* сердцем говорю"».[a]

Она очень настаивала на этом ошибочном чтении, но потом сдалась.

На зуб попалась Беньяш. Бедняга, NN — с активной помощью Раневской — просто возненавидела ее. Повод — ее поведение в истории Хазина. В конце концов она добыла пропуск, но после разнообразных, разоблачающих ее, лжей и уверток. Гнев NN справедлив, но его настойчивость, разогреваемая Раневской, меня раздражает. Я никогда не принимала Беньяш всерьез, и я ничего не теряю, но NN сначала была с ней очень дружна, а теперь при упоминании ее имени каждый раз произносит что-нибудь унижающее: «такая бездельница», «лгунья» и пр. Недавно она сказала мне:

— «Беньяш сделала мне страшную гадость, но я связана словом и не могу объяснить Вам в чем дело».

Сделать гадость Беньяш могла едва ли; сказать что-нибудь непочтительное могла, а Раневская, по-видимому, сообщила.

Раневская сама по себе не только меня не раздражает, но наоборот: ум и талант ее покорительны. Но рядом с N.N. она меня нервирует. И мне стыдно, что NN ценит ее главным образом за бурность ее обожания, за то, что она весь свой день строит в зависимости от NN, ведет себя рабски. И мне грустно видеть на ногах NN три пары туфель Раневской, на плечах — платок, на голове — шляпу... Сидишь у нее и знаешь, что Раневская ждет в соседней комнате. От этого мне тяжело приходить туда. А сегодня было

---

[a] На самом деле: «Но не с тобой я сердцем говорю» — строка из стихотворения Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю».

тяжело еще и потому, что NN была недобрая — ей так идет благостность и доброта и так не идет злоба.

23/VI 42

Вчера была у NN совсем немного — сначала она была занята с Браганцевой подбором стихов для передачи по радио, потом зашла Раневская и они удалились в гости.

Когда мы вышли вместе, случился такой эпизод, от которого мне тошно. У крыльца стояли Райх, Зак, Волькенштейн, Тараховская. Райх окликнул меня и стал говорить комплименты книжке и предложил перевести на немецкий язык.[a] Я отвечала, что, мне кажется, диалектизмы непереводимы. И вдруг Зак, милый, опрятный и смирный еврей, сказал: — А я бы не перевода хотел, а чтобы немецкие дети написали *о себе* такую книжку... Чтобы они оказались в таком же положении, как эти, записанные Вами.

— А мне хотелось бы, — сказала я, — чтобы никакие, ничьи дети не могли больше писать таких книг.

Это ростки фашизма в сознании людей, которые я ненавижу.[b]

28/VI 42

Новая комната, девять раз с Жуковской обратно: таскаем вещи. Делим имущество — мамина маньяческая скаредность.[c]

---

[a] Бернгард Фердинандович Райх (1894—1972), немецкий театральный режиссер, критик, педагог. В 1933 году принял советское гражданство, в 1941-м — эвакуирован в Ташкент, где избран секретарем группы эвакуированных антифашистских писателей при ташкентском отделении СП СССР.

[b] Зак имеет в виду книгу Лидии Чуковской и Лидии Жуковой «Слово предоставляется детям». О ней см. с. 444 и «Записки», т. 2. «Немного истории».

[c] Л.К. переехала от родителей, живших на ул. Гоголя, 56, в отдельную комнатушку во флигеле писательского дома на ул. Жуковского, 54.

Юноша-танкист у NN, присланный от Ольги Романовны с письмом ко мне и к NN. Двадцать три года, серьезный, измученный. Что-то страшно трогательное и правдивое и строгое. Совсем неинтеллигентный (представляется «Виктор»), но тонкий.

— Как странно, что тут танцуют. Хорошо бы, если бы этого не было. — Сорванный голос. Возвращается на харьковское направление. — Я был в атаке два раза. После первого кажется, что больше уже не пойдешь.

Братское чувство, хочется обнять его и плакать. Усталые, строгие мальчики.

Рождение NN. Я не пошла — не хотелось. Она тревожно звонила. Я была утром 25-го: Раневская подавала ей картошку, духота, полутьма. Тяжело это. NN сказала мне, что Люба Стенич очень зовет в Алма-Ата, а потом, через несколько фраз, сообщила, что Раневская едет на днях... Потом она рассказала мне, что к ней приходил художник с рисунками к книге:

— «Холмы Павловска, решетка Летнего Сада... Скамейка в Павловске и парочка... Это что же? Это значит — я с парнем сижу?..

Я сказала: только через мой труп. Стихи серьезные, время тоже, а это что же? Рождественский какой-то, “Окно в сад”».[a]

Она, видимо, была сильно взволнована этим и поручила мне пойти к Тихонову. Я пошла. Он согласился. Ему все равно.

Вчера вечером, полумертвая от боли в ногах, я пошла к NN. Сначала не застала ее — сидела у Тараховской — по-

[a] Сборник Вс.Рожденственского «Окно в сад» вышел в 1939 году.

На титульном листе нарисовано распахнутое окно с цветами на подоконнике и с видом на залив, а на следующей странице — снова картинка, изображающая гостиницу «Москва» и Кремль. Художник — Д. И. Митрохин.

том она пришла, провожаемая Раневской. Мы остались одни. Обе были вялые, хотя NN красива и приветлива. Подавлена событиями. Сказала:

— «Я пишу сейчас какие-то противные строфы... Нарочно стирала целый день, чтобы не писать, но ничего не сделаешь: пишется».

Прочла мне письмо от Н.Харджиева — ответ на ее письмо. Оказывается, она ему написала — в утешение — «не теряйте отчаянье».[a]

Дала мне прочесть номер «Литературы и Искусства», где статья Кетлинской о Ленинграде (кокетливая и лживая) и отчет о собрании Ленинградских писателей в Москве. Среди имен — имя Г. М. Значит, жив. Значит, загадка 21—22 июня 1940 г. будет когда-нибудь разгадана. Спасибо судьбе и за эту жизнь.[b]

25-го — седьмая симфония.[c] Духота, много ленинградцев. Завывание каждого инструмента гнусным маршем — бьет, как било падение каждой страны.

---

[a] Письмо Ахматовой Харджиеву от 25 мая 1942 года теперь опубликовано. («Ахматовские чтения», с.207).

[b] Статья Веры Кетлинской «Ленинградская тема» помещена в газете «Литература и искусство» 20 июня 1942 года.

Г.М. — возможно, Георгий Макогоненко. Г.Макагоненко в августе 1937 года был в гостях у Л.К., когда в дверь позвонил дворник, и Л.К. поняла, что сейчас придут с обыском (как и случилось). По-видимому, Макагоненко успел унести часть бумаг и книг М.П.Бронштейна и «загадка» может быть связана с этим.

[c] Речь идет о симфонии Шостаковича. Она была исполнена силами оркестра Ленинградской консерватории (которая была эвакуирована в Ташкент) под управлением дирижера Ильи Александровича Мусина. Биограф Д.Шостаковича сообщает: «Для премьеры, приуроченной к 22 июня, к первой годовщине войны, отвели большой зал оперного театра. В день премьеры было сорок четыре градуса в тени... Зал, раскаленный от жары, был переполнен ... В финале... торжественность передавалась

30/VI 42

С трудом выбрала время, пошла вечером к N.N., не была два дня.

Через пятнадцать минут разговора вошла Раневская:

— NN, Вы не передумали идти в парк?..

— Нет.

Поднялась и ушла, не извинившись.

Что это? Нарочно, или просто небрежность? Ведь она такой вежливый человек, может ли она не понимать, что это невежливо?

За что?

По-видимому за то, что я очень сильно ее люблю. Со мной всегда так было, всегда. Если сильно люблю — меня непременно унизят.

Вкрадчивая мягкость Раневской.

Сегодня упала с крючка клетка с попугаями, открылась и попугаи улетели. Люша еще надеется, что они вернутся, а я нет. Очень жаль мне их, веселых, зеленых — и, и кажется, это дурное предзнаменование.

NN очень взволнована отсутствием гранок, неплатежом денег и Египтом.[a]

1/VII 42

Внезапно под моим окном — прилетевший из Алма Аты и летящий в Москву — Леля.[b]

Товарищ юных дней.

залу, который тоже поднимался в едином порыве» (С.Хентова. Шостакович.Жизнь и творчество. Т.2, Л.: Сов.композитор, 1986, с. 94).

[a] В это время 8-я английская армия в Северной Африке сражалась с немецко-итальянскими частями генерала Роммеля, которые рвались в Египет к Суэцу. Поначалу военные сводки сообщали, что англичане терпят поражение.

[b] *Леля* — Л.О.Арнштам, о нем см. с. 362.

Мы не видались год, а до этого — очень редко, годами — и я думаю, не так, как он, — но он навсегда свой.

Верно, нельзя уже потом любить людей так, как любишь в молодости. Новых уже «душа не принимает».

Его рассказ о гибели М.Я.Розенберга.

М.Я. и других комсомольцев взяли, начали было учить разбирать пулемет, и на пятый день обучения послали в Стрельну — десант. Немцы расстреляли транспорты прямой наводкой из артиллерийских орудий.

Больница — через три метра — мертвец на носилках.

Новое военное кладбище — палки, палки, палки с именами.

3/VII 42

Моя болезнь. Надежда Яковлевна Мандельштам.

В ней все привлекательно, интересно, умно; одно только смущает меня — ее желание во чтобы то ни стало быть заместителем бога на земле, римским папой.

Дважды заходила NN — не специально, а от Н.Я. Прочла «новые строфы» — ах, какие! Отповедь вязальщицам всех мастей и оттенков.

Какая есть![a)]

Вчера пришла после лазарета, где выступала в палате. Читала там любовные стихи из «Anno Domini».

— «Ко мне подошел один раненый, спрашивает:

— Скажите, это правда, что Вы когда-то стояли во главе одного направления?

— Да, говорю, правда. Акмеизм.

— А Есенин тоже с Вами был?

— Нет, это позже, это уже имажинизм.

— А теперь ничего такого нет?

— Нет», — и проследовала.

[a)] **Стихи так и начинаются: «Какая есть, желаю вам другую» — о них см. «Записки», т. 2, примеч. на стр. 158—159.**

9–11/VII 42

Помирала. В общем это было бы дельно и своевременно. Однако, глупо не увидеться с Шурой и не передать ей Люшу.

В бреду

И твердые ласточки круглых бровей, —

и слезы.[a]

Приходила NN. Ей заплатили 800 р — только. Теперешней обложкой она довольна. Изъяты три стихотворения: «Все это разгадаешь ты один» , и... ой, забыла! «Август 1940», «Лондонцам».[b]

Получила телеграмму от В.Г., что посылка дошла!!!! Вот. А она спорила, не хотела посылать «мертвому».

Светлана Сомова заходила к ней с каким-то дурным разговором: что она может ехать, но пусть знает, что опасно. К чему? Ведь запрещать умеют и без разговоров, когда надо.[c]

Впрочем, никто не поедет.

1/VIII

NN навещала меня раза четыре. Приносила цветы.

Иногда у Хазиных ее ждала Раневская, и тогда она торопилась. Но чаще сидела долго.

---

[a] «И твердые ласточки круглых бровей» — этой цитатой из Мандельштама начинается одно из ташкентских стихотворений Чуковской. Оно называется «В тифу», так как Л.К. в это время тяжело болела брюшным тифом. Обращены стихи к неизвестной могиле мужа: «Какая отрада — сквозь лютый зной / Схватиться за слово поэта, / Чтоб строки на север вели за собой / К могиле, затерянной где-то». (Лидия Чуковская. Стихотворения. М, 1992, с. 31.)

[b] Из этого перечня в ташкентской книге уцелело лишь стихотворение «Лондонцам» (**№ 51**).

Не включены : «Все это разгадаешь ты один» — **№18** , «Август 1940», — **№ 46**.

[c] Светлана Александровна Сомова (1911–1989), переводчица, поэтесса, в годы войны работала литконсультантом в ташкентском отделении Сюза писателей. Автор очерка «Анна Ахматова в Ташкенте» (см. «Воспоминания»).

Страшный рассказ о Муре. — «Теперь я знаю, что видела убийцу».[a]

Сводки.

Сердилась на меня, если я пыталась сесть: «Ну что ж, хотите умирать — умирайте».

В эти же дни от Над.Як., от Браганцевой чудовищные рассказы об интригах Раневской. [Вырвана почти целиком страница —осталось четыре строки. — *Е.Ч.*]:

Все вздор. NN больна. 39.7. Подозрения на брюшняк. Это как новое направление в сводке. Неужели она от меня заразилась.

[Вырваны две страницы.— *Е.Ч.*]

Я позвала Надежду Яковлевну, Евгения Яковлевича и Лиду. Надо сделать все, чтобы как можно скорее отправить NN в санаторий, в Дурмень, а за этот месяц подготовить ей возвращение не на Маркса, 7.

---

[a] Трудно объяснить, чем вызван столь резкий отзыв А.А. о Муре. В это время с ним случилась новая беда. 21 июля он пишет Е.Эфрон: «В течение июня месяца я находился в почти-абсолютно голодном состоянии... Воля не выдержала; я продал несколько хозяйкиных вещей — рублей на 800 — тайно от нее, конечно. В начале июля, случайно, хозяйка заметила пропажи. — Заявление в милицию, повестка, арест, 28 часов под стражей с уголовниками, допрос, признание... Я дал обязательство хозяйке уплатить ей в течение 4-х месяцев 3000 р. ... Я уже зондировал ташкентские ресурсы, они равны нулю. Ахматова сидит без денег... да и я всем рассказывать о случившемся не намерен; это мне только может повредить» (Г.Эфрон. Письма, с. 50—51).

Очевидно, Ахматова против обыкновения ничем не помогла Муру на этот раз и произошла какая-то ссора. Некоторое время спустя Мур пишет сестре: «... последние стихи Ахматовой — просто слабы, последняя ее поэма — "1913 год" — сюрреализм. Ахматова остановилась раз и навсегда на одной эпохе; она умерла — и умерла более глубоко, чем мама... Было время, когда она мне помогала, это время кончилось. Однажды она себя проявила мелочной, и эта мелочь испортила все предыдущее; итак, мы квиты — никто ничего никому не должен. Она мне разонравилась, я — ей». (Там же, с. 65).

Обе операции крайне трудны ввиду того, что нету папы, нет Толстого; Лежнев, несмотря на прямой выговор из ЦК, ничего для NN делать не станет; с комнатой будет крайне трудно, так как NN столько раз отказывалась от предложений Совнаркома. Это будет трудно, однако и то и другое сделать необходимо. Я живу в мрачном предчувствии беды.

И — не могу встать!

22/VIII 42

NN третьего дня уехала в санаторий.

Н.Я. прочла мне новые вставки в «Эпилог». Не отпускает ее поэма, нет.

Очень мне хочется навестить ее в Дурмени. Да не знаю, удастся ли.

Была Беньяш, жаловалась на обиды и холодность со стороны NN.

И я все вдруг поняла, как озарением. Я убеждена в правильности своей догадки.

NN чувствует, что ее осуждают.

Осуждение началось с ее дружбы с Раневской. До тех пор на знакомство с Беньяш никто внимания не обращал.

Но после моего разговора с ней и, вероятно, намеков от других — она, вместо того, чтобы поставить в рамки Раневскую — *стала осторожничать* с Беньяш. Не приглашать ее. Не ходить к ней. Не позволять сопровождать...

Человеческая душа.

Душа темна, пути лукавы.[a]

27/VIII 42

Энтерит. Опять было 40°. А всё попугаи.

Книжку А.А. вычеркнули из плана. Мы обе давно были к этому готовы. И все же — грустно.

---

[a] *Душа темна, пути лукавы* — строка из стихотворения Ахматовой «О нет, я не тебя любила» — ББП, с. 139.

Она еще не знает. Но догадывается — давно.

Хуже всего, что денег не будет.

Вчера — 39.7 — вдруг пошли стихи (потому что на минуту оторвалась от либретто, укладываясь в постель).

И синие глаза мои
Старушечьи, но молодые,
И руки вольные мои,
Готовые служить России, —

Никто не пожалеет вас...
Всё бил их бог, слезами налил,
от пытки спас
И умирать в Ташкент отправил.

Скоро будет и второе — о хрупкости.[a]

Как я боюсь, что я — Есенин относительно Блока. Лобовое и упрощенное раскрытие того, что у нее сложно.[b]

2/IX 42

Дурной сон, дурной день.

Я в зеленой комнате на Кирочной. За столом — Шуринька в берете и коричневом пальто. Ее подбородок, си-

---

a) Оба стихотворения Лидии Чуковской, о которых идет речь, не опубликованы.

b) Возвращаясь мысленно к своим и ахматовским стихам, Л.К. через четверть века записала в дневнике: «Больше всех поэтов русских я люблю Блока.

Не Ахматову, столь любимую; но это потому, что она — слишком я; из-за нее, например, безусловно из-за нее, я не стала поэтом. Любая моя, мною пережитая, мысль уже высказана ею с такой полнотой и силой, что "тех же щей да пожиже влей" незачем. Когда я хочу что-нибудь про себя рассказать, я могу просто заговорить ее стихами. "И убывающей любови /Звезда восходит для меня". Конечно я и как личность гораздо мельче, потому что для нее существует рост, "Белый, белый Духов день" и пр. Но уж во всяком случае, то малое, что во мне есть (пытка-любовь-смерть), русская природа, Петербург — все это ею выражено. Поэтому сказать: "Ахматова мой любимый поэт" то же, что "я — мой любимый поэт"».

нева под глазами, колечко. И Мирон. Щека — на щеке родинки (проснувшись, поняла: Митины). И тут же я — лишняя при их разговоре.

День: непосильное писание.

Люша, которую надо взять и еще не беру. Сознание, что там запущено и оттуда будет беда. И нет секунды, и нет копейки.

Почтальон не принес ничего.

Радзинская со всей грязью дома № 7 + грязной клеветой Берестинского обо мне. Вот месть этого гада за мой нежеланный въезд.

Объяснение с Лидой.

Звонок с фабрики с любезностями и угрозами Исаева.[a]

Возможность ехать в Дурмень (горы! вон из комнаты!) и мой отказ.

Звонок от NN из Дурменя. Светлый ее голос.

— «Я вас видела в последний раз 29-го июля».

Ее оставили. По-видимому, заговор мой с Радзинской удался: Радзинская ходила к Пешковой, чтобы NN продлили пребывание.

Сейчас главное: выдрать из издательства деньги, следуемые NN за книгу, которую не печатают. Если бы в [нрзб] было не 300, а 3 тысячи — уже можно было бы успокоиться.

Она сказала: «Здесь хорошо, воздух... Я сначала была одна в комнате, сегодня не одна. Мне лучше не одной».

Разговор прервался, насильственно, по-видимому. А вообще она говорила спокойнее и неторопливее, чем обычно по телефону. (Она ведь не выносит говорить по телефону.)

---

[a] Константин Федорович Исаев (1907—1977), драматург, сценарист, в годы войны работал на Ташкентской киностудии, в июле 1942 года назначен уполномоченным сценарной студии Комитета по кинематографии по Средней Азии.

В это время Л.К. работала над сценарием «Аист на крыше» (по рассказам детей) и, очевидно, из-за тяжелой болезни (брюшной тиф) не успела сдать его в срок. О дальнейшей судьбе этого сценария см. с. 511. Сценарий сохранился в архиве Л.К.

7/IX

Сегодня днем, когда мы с Лидой работали, вдруг открылась дверь и вошла NN.

Посвежевшая, похорошевшая. Спокойная и очень грустная.

Я не видела ее очень давно и *наново* поразилась ей, как чуду. Ее наглядно во вне выраженному величию.

Она прочла мне эпилог по-новому. О да, вот теперь поэма окончена.

Прочла синицы — половицы.[a)]

Прочла новое, очень страшное, о корабле. (Написанное в Дурмени.[b)])

Читала, большая, великолепная, прислонившись к моей печке.

Получила письмо от Томашевской, будто Вл. Георг. заговаривается, пораженный смертью Энгельгардтов и Зеленина. Получила письмо от Вл.Георг., противоречащее этим сведеньям... Оказалось, что Вовочка Смирнов, памяти которого она посвятила стихи — жив. А Валя умер. И Женя Смирнов, их отец.

О своей книге, о ее снятии с плана, говорила здраво и спокойно. Согласилась со мной, что, по-видимому, это не носит специального характера, а связано с массовым снятием книг из-за того, что нет бумаги: доказательство — полученное ею предложение из пресс-бюро, написанное в самых высоких тонах.

Она сидела — и лежала — у меня очень долго, часа три. Рассказывала о санатории, о тамошних людях, о своем отъезде. (Когда Радзинская была у меня, мы постановили,

---

[a)] *Синицы-половицы* — в стихотворении «Любо вам под половицей / Перекликнуться с синицей» — ББП, с. 292.

[b)] *Страшное о корабле* — «На этом корабле есть для меня каюта / И ветер в парусах — и страшная минута / Прощания с моей родной страной» — строки из стихотворения «А я уже стою на подступах к чему-то» (второе в цикле «Смерть» — БВ, Седьмая книга).

чтобы она пошла к Пешковой хлопотать о продлении срока NN в Дурмени. Это удалось, но запоздало.)

— «Меня выписали. Я взяла чемоданчик, спустилась вниз. Тут меня вдруг нагнала сестра и говорит, что я оставлена еще на месяц. — Но я как раз не из тех людей, кого можно “выписывать и оставлять, и опять выписывать,” — сказала я и уехала».

Это худо. Еще месяц там, без дома № 7, без суеты, на воздухе, много дал бы ей.

Теперь Радзинская уезжает, и она остается без ухода.

Р.М.Беньяш, как это ни странно, избрана NN в мальчики для битья, в ответчицы.

— «Мною она нисколько не интересуется. Когда я одна. Но она жаждет фигурировать вместе со мной... Когда меня везли в Дурмень, она непременно хотела сопровождать. А пока я лежала больная — ни разу не навестила». (Это неправда: навещала, но ее не допускали к NN. — *Л.Ч.)*

— «Сидит со мной на концерте и кладет руку на спинку моего стула...»

Я защищала Р.М., как могла, вызывая гнев. Но главное я не сказала, струсила: что скомпрометировала-то ее ведь не Беньяш...

9/IX 42

Вечером вчера Браганцева принесла мне «Комсомольскую Правду» с Ленинградской поэмой Берггольц.[а)]

Мы с NN давно ждали ее Ленинградских стихов, слышали о них много.

Я стала читать вслух — Браганцевой и Лиде — и заревела. Я сразу заметила плохие связки, безвкусно рычащих фашистов, неправдоподобного шофера и пр. — но весь простой ее тон, какой-то личный говорок, ее сестра Маша — все это тронуло меня. И мне показалось, что в «Комсомольской Правде» никогда еще не было стихов на этом

[а)] «Ленинградская поэма» Ольги Берггольц напечатана в «Комсомольской правде» 30 августа 1942 года.

уровне правдивости. А так как я все время живу Ante lucem, то у меня и расстучалось сердце.

Я решила пойти с газетой к NN, хотя и очень устала. (Был первый выход на рынок после болезни.)

Там оказались Над.Як. и приехавшая из Сталинобада Раневская. Раневская деятельно чистила туфли NN. Они готовились все вместе идти к Беньяш. («Не удалось отвертеться», — сказала NN.)

Я показала газету.

NN надела очки, начала читать — и бросила.

— «Боже, как плохо, как слабо! Что вам тут может нравиться? Бедная Оля. Такая талантливая, такие прекрасные писала стихи... Что с ней случилось?

— А главное — все неправда, все ложь».

Мы вышли вместе. Я и она некоторое время шли отдельно от Н.Я. и Раневской. NN казалась мне очень оживленной, резкой, подвижной.

— «У меня сегодня годовщина, — сказала NN, — сегодня год как разбомбили ленинградские склады».[а)]

Раневская покинула нас по дороге.

Пришли к Беньяш. Там была скатерть, на столике посуда, какая-то рыба, водка. В номере окно — сплошное, высокое, почти как у меня в Ленинграде.

NN была оживленной, веселой, озорной, резкой. Все время попрекала меня поэмой Берггольц. — «Ну вот, возьмите, покажите, какие строчки вам нравятся? Что вам нравится?» Все с ней соглашались.

— «Теперь я скажу без крика и спокойно, — сказала NN. — В этих стихах личное не сделалось искусством. Это первое. И второе то, что это неправда. Все неправда. Потому и не могло стать искусством».

[а)] Ахматова говорит о Бадаевских складах, которые были подожжены зажигательными бомбами 8 сентября 1941 года во время первого массированного налета на город. Пожар продолжался свыше пяти часов. Сгорело 41 строение и в них 3 тысячи тонн муки и около 2500 тонн сахара.

Все пили, кроме меня. NN была веселой, озорной, много шутила, пересмеивалась с Н.Я.

Прочла «Эпилог». Повторяла упорно, что вещь сырая, и она еще будет работать.

Потом: — «Сегодня я впервые прочла всю поэму целиком, с новым началом и эпилогом. Одному летчику и Радзинской. И услышала сама совсем по-новому».

11/IX 42

Вчера вечером пришла NN. Очень большая, массивная, красивая. Сидела у меня, торопилась домой, ждала Н.Я., которой все не было, — и потому сердилась. (Она не любит ждать.)

Вдруг потребовала «Поэму», чтобы вписать начало.

Сколько я не молила писать на чистом листке — нет, стерла что-то и писала по грязи, еле видно. Теперь не знаю, как и хранить.

Выдрала две строфы «Эпилога», чтобы вставить новые, когда кончит над ними работать.

Вписала в «Эпилог» отсутствовавшую строку:

Нас несчастие не минует.

13/IX 42

В дурной день начинается эта тетрадь. Не боюсь, но не хочу. И некому молиться: «да минует меня чаша сия».

А число — все то же, то же.

Сегодня была у NN. Лежит — слегка простужена.

По-видимому, решила ехать в Москву. Во всяком случае, просила Антокольского, вылетавшего в Москву, поговорить с Фадеевым о вызове.

Нам всем трудно. А ей — вдвое. Так далеко, так зорко видеть. Быть Кассандрой — в наши-то дни!

Я забыла написать интересное: когда мы в прошлый раз шли с ней к Беньяш, она рассказала, что в Дурмени учи-

АННА АХМАТОВА.

Поэма без героя.

„Tout le monde a raison."

Rochefoucault.

Ленинград (1940) – Ташкент (1942)

Дарю эту тетрадь
моему дорогому другу Л.К.Ч.
с любовью и благодарностью

А.

Поэма без героя.
Часть 1-я
Тринадцатый год.
(1913)

"De rider finirai
"Pria dell' aurora."

"Don Giovanni"

Во мне еще, как песня, или горе
Последняя зима перед войной.

"Белая Стая."

Вступление.

Из года сорокового,
Как с башни на все гляжу.
Как будто прощаюсь снова
С тем, с чем давно простилась,
Как будто перекрестилась
И под темные своды схожу.

1941. август.
Ленинград.
(возд. трев.)

Посвящение.

А так как мне бумаги не хватило
Я на твоем пишу черновике.
И вот чужое слово проступает
И, как снежинка на моей руке,
Доверчиво и без упрека тает.
И темные ресницы Антиноя
Вдруг поднялись, и там — зеленый дым,
И ветерком повеяло родным...
Не море ли? — Нет, это только хвоя
Могильная, и в накипаньи пен
Все ближе, ближе... Marche funèbre...
Шопен.

26 дек. 1940

5 4

I

„In my hot youth, when George the Third
was King!"..

Byron.

Я зажгла заветные свечи
И вдвоём с ко мне не пришедшим
Сорок первый встречаю год,
Но Господняя сила с нами,
В хрустале утонуло пламя,
И вино, как отрава, жжёт.
Это всплески жуткой беседы,
Когда все воскресают бреды,
А часы всё еще не бьют...
Нету меры моей тревоге,
Я как тень стою на пороге
Стерегу последний уют.
И я слышу звонок протяжный,
И я чувствую холод влажный.
Каменею, стыну, горю
И как будто припомнив что-то,
Обернувшись в пол оборота
Тихим голосом говорю:
Вы ошиблись, Венеция дожей
Это рядом, но маски в прихожей
Вам сегодня ...

Вы ошиблись, Венеция дожей
Это рядом, но маски в прихожей
И плащи, и жезлы, и венцы
Вам сегодня придется оставить.
Вас я вздумала нынче прославить,
Новогодние сорванцы.
Этот Фаустом, тот Дон-Жуаном,
А какой то еще с тимпаном
Козлоногую приволок.
И для них расступились стены,
Вдалеке завыли сирены
И, как купол, вспух потолок.
Ясно все не ко мне, так к кому же
Не для них здесь готовился ужин
И не их собирались простить.
Этот последний, кашляет сухо,
Я надеюсь нечистого духа
Вы не смели сюда ввести.
Я забыла ваши уроки,
Краснобаи и лжепророки,
Но меня не забыли вы.
[illegible]
Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет
Страшный праздник мертвой листвы.
Только... ряженых ведь я боялась.
Мне всегда почему казалось,

Что какая-то лишняя тень
Среди них без лица и названья
Затесалась. Откроем собранье
В новогодний торжественный день.
Ту полночную гофманиану
Разглашать я по свету не стану
И других бы просила... Постой,
Ты, как будто, не значишься в списках,
В капуцинах, паяцах, лизисках –
Полосатой наряжен верстой,
Размалеванный пестро и грубо –
Ты – ровесник Мамврийского дуба,
Вековой собеседник луны.
Не обманут притворные стоны;
Ты железные пишешь законы, –
Хамураби, ликурги, солоны
У тебя поучиться должны.

Существо это странного нрава.
Он не ждет, чтоб подагра и слава
Впопыхах усадили его
В юбилейные пышные кресла,
А несет по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество.

И ни в чем неповинен,— ни в этом,
Ни в другом, и ни в третьем. Поэтам
Вообще не пристали грехи.
Проплясать пред Ковчегом Завета,
Или сгинуть... да что там! про это
Лучше их рассказали стихи.

• • •

Крик: „Героя на авансцену!"
Не волнуйтесь, дылде на смену
Непременно выйдет сейчас...
Что ж вы все убегаете вместе,
Словно каждый нашел по невесте,
Оставляя с глазу на глаз
Меня в сумраке с этой рамой,
Из которой глядит тот самый
До сих пор неоплаканный час.
Это все наплывает не сразу.
Как одну музыкальную фразу
Слышу несколько сбивчивых
слов.
После... лестницы плоской ступени,

Вспышка газа и в отдалении
Ясный голос: „Я к смерти готов."

II

„Ты сладострастней, ты телесней
Живых, блистательная тень."
Баратынский.

Распахнулась атласная шубка...
Не сердись на меня, голубка,
Не тебя, а себя казню.
Видишь, там, за вьюгой крупчатой,
Театральные арапчата
Затевают опять возню.
Как парадно звенят полозья
И волочится полость козья.
Мимо, тени! Он там один.
На стене его тонкий профиль.
Гавриил, или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?
Ты сбежала ко мне с портрета
И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать —
Так пляши одна без партнера
Я же роль античного хора
На себя согласна принять...
[illegible]

~~Под фатой поцелуйные плечи,~~
~~Храм гремит: Голубица, гряди!~~
[illegible]

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О, мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!
Что глядишь ты так смутно и зорко? —
Петербургская кукла, актерка,
Ты, один из моих двойников.
К прочим титулам надо и этот
Приписать. О, подруга поэтов!
Я — наследница славы твоей.
Здесь под музыку дивного мэтра,
Ленинградского дикого ветра
Вижу танец придворных костей.

. . .

Дом пестрей комедьянтской фуры,
Облупившиеся амуры
Охраняют Венерин алтарь.
Спальню ты убрала, как беседку.
Деревенскую девку — соседку —
Не узнает веселый скобарь. . .
Вспыхивают венчальные свечи,
Под фатой поцелуйные плечи,
Храм гремит: „Голубица, гряди!“

Запах пармских фиалок в апреле
И свиданье в Мальтийской Капелле,
~~Как отрава в твоей груди.~~
И подсвечники золотые,
И на стенах лазурных святые —
Полукрадено это добро.
Вся в цветах, как „Весна" Боттичелли,
Ты друзей принимала в постели,
И томился дежурный Пьеро.
Твоего я не видела мужа,
Я, к стеклу приникавшая стужа,
Или бой крепостных часов.
Ты не бойся, дома не мечу,
Выходи ко мне смело навстречу,
Гороскоп твой давно готов.

III.

„Падают брянские, растут у Манташева.
Нет уже юноши, нет уже нашего."
Велимир Хлебников

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью,
По Неве, иль против теченья, —

Только прочь от своих могил.
В летнем тонко пела флюгарка
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.
И всегда в духоте морозной
Предвоенной, блудной и грозной
Потаенный носился гул.
Но тогда он был слышен глухо,
Он почти не касался слуха
И в сугробах Невских тонул.

. . .

Кто за полночь под окнами бродит,
На кого беспощадно наводит
Тусклый луч угловой фонарь —
Тот и видел, как стройная маска,
На обратном „Пути из Дамаска“
Возвратилась домой не одна.
Уж на лестнице пахнет духами
И гусарский корнет со стихами
И с бессмысленной смертью в груди
Позвонит, если смелости хватит,

Он тебе, от своей Травиате,
Поклониться пришел. Гляди.
Ни в проклятых Мазурских болотах,
Ни на синих Карпатских высотах...
Он на твой порог...
Поперек...
Да простит тебя Бог.

. . .

Это я — твоя старая совесть —
Разыскала сожженную повесть
И на край подоконника
В доме покойника
Положила и на цыпочках ушла.

Послесловие.

Все в порядке; лежит поэма
И, как свойственно ей, молчит.
Ну, а вдруг как вырвется тема,
Кулаком в окно застучит?
И на зов этот издалека
Вдруг откликнется страшный звук —
Клокотание, стон и клекот...
И виденье скрещенных рук.

26 декабря 1940 г.
Ленинград.
Фонтанный Дом.
(Ночь).

Часть II-ая
Решка.
(Intermezzo).

В.Г. Гаршину.

„Я воды Леты пью.
Мне доктором запрещена
унылость"
Пушкин.

Мой редактор был недоволен,
Клялся мне, что занят и болен,
Засекретил свой телефон...
Как же можно! три темы сразу!
Прочитав последнюю фразу,
Не понять, кто в кого влюблен.

Я сначала сдалась. Но снова
Выпадало за словом слово,
Музыкальный ящик гремел.
И над тем надбитым флаконом,

Языком прямым и зеленым,
Неизвестный мне яд горел.

А во сне все казалось, что это
Я пишу для кого-то либретто
И отбоя от музыки нет.
А ведь сон — это тоже вещица!
"Soft embalmer!" Синяя Птица,
"Элсинорских терасс парапет.

И сама я была не рада
Этой адской арлекинаде,
Издалека заслышав вой.
Все надеялась я, что мимо
Пронесется, как хлопья дыма,
Сквозь таинственный сумрак хвой.

Не отбиться от рухляди пестрой!
Это старый чудит Калиостро
За мою к нему нелюбовь.
И мелькают летучие мыши,

И бегут горбуны по крыше,
И цыганочка лижет кровь.

Карнавальной полночью римской
И не пахнет, — напев херувимской
За высоким окном дрожит.
В дверь мою никто не стучится,
Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит.

Но были для меня та тема,
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут.
Между помнить и вспомнить,
други,
Расстояние, как от Луги
До страны атласных баут.

Бес попутал в укладке рыться...
Ну а все же может случиться,
Что во всем виновата я.

Я — тишайшая, я — простая,
„Подорожник", „Белая Стая" —
Оправдаться? но как, друзья!?

Так и знай, обвинят в плагиате...
Разве я других виноватей?..
Правда, это в последний раз...
Я согласна на неудачу
И смущенье свое не прячу
Под укромный противогаз.

Та столетняя чаровница
Вдруг очнулась и веселиться
Захотела. Я ни при чем.
Кружевной роняет платочек,
Томно жмурится из-за строчек
И брюлловским манит плечом.

Я пила ее в капле каждой
И, бесовскою черной жаждой
Одержима, не знала, как

Мне разделиться с бесноватой.
Я грозила ей звездной палатой
И гнала на родной чердак,

В темноту, под Манфредовы ели,
И на берег, где мертвый Шелли
Прямо в небо глядя, лежал,
И все жаворонки всего мира
Разрывали бездну эфира
И факел Георг держал, —

Но она твердила упрямо:
„Я не та английская дама
И совсем не Клара Газуль,
Вовсе нет у меня родословной,
Кроме солнечной и баснословной,
И привел меня сам Июль.

А твоей двусмысленной славе,
Двадцать лет лежавшей в канаве,
Я еще не так [illegible] послужу;
Ты Байрон [illegible]

[illegible]

Мы с тобой еще попируем
И я царским моим поцелуем
Злую полночь твою награжу."

1941. Январь. (3-5ого днем)
Ленинград.
Фонтанный Дом.
переписана в Ташкенте
19 янв. 1942 (ночью во время
легкого землетрясения).

Эпилог.

Городу и Другу.

Так под кровлей Фонтанного Дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей
Я аукалась с дальним эхом
Неуместным тревожа смехом
Непробудную сонь вещей, —
Где свидетель всего на свете
На закате и на рассвете
Смотрит в комнату старый клен
И предвидя нашу разлуку

Мне высокую черную руку,
Как за помощью тянет он.
. . . .

А земля под ногой горела
И такая звезда глядела
В мой еще не брошенный дом
И ждала условного звука...
Это где то там у Тобрука,
Это где то здесь, за углом.
Ты мой грозный и мой последний
Светлый слушатель темных бредней
Упованье, прощенье, честь!
Предо мной ты горишь, как пламя,
Надо мной ты стоишь, как знамя
И целуешь меня, как лесть
Положи мне руку на темя.
Пусть теперь остановится время
На тобою данных часах.
Нас несчастие не минует
И кукушка не закукует
В опаленных наших лесах.
А не ставший моей могилой
Ты гранитный

Побледнел, помертвел, затих.
Разлучение наше мнимо,
Я с тобою неразлучима,
Тень моя на стенах твоих
Отраженье мое в каналах,
Звук шагов в Эрмитажных залах
И на гулких дугах мостов,
И на старом Волковом Поле,
Где могу я плакать на воле
В чаще новых твоих крестов.
Мне казалось, за мной ты гнался,
Ты, что там умирать остался
В блеске шпилей в отблеске вод.
Не дождался желанной вестницы,
Над тобой лишь твоих прелестниц
Белых ночек хоровод.
А веселое слово — дома
Никому теперь незнакомо —
Все в чужое глядят окно
Кто в Ташкенте, кто в Нью-Йорке
И изгнанья воздух горький,

Как отравленное вино.
Все вы мной любоваться могли бы,
Когда в брюхе летучей рыбы
Я от злой погони спаслась
И над Ладогой и над лесом,
Словно та одержимая бесом,
Как на Брокен ночной неслась.
А за мною тайной сверкая
И назвавши себя — Седьмая
На неслыханный мчалась пир
Притворившись нотной тетрадкой
Знаменитая Ленинградка
Возвращалась в родной эфир.

Окончено 19 августа
1942.
Ташкент.

×

× ×

лась узбекскому, разбирала Лютфи и нашла эпиграф для «Последнего тоста», что-то о чаше. Но я забыла, что именно.

Сегодня я сидела у нее долго, по прошлогодне-зимнему. Одна. Она была раздраженной, суховатой, и я ее не просила и сама не читала ей стихов.

Она уедет, а я останусь — одна. Я-то и буду Фирсом. Я уже прощально смотрела на лицо ее, на руки. Расстанемся, да? У нее много таких, как я, а она у меня одна.

16/IX

Паспорт, ватник, подушки, одеяло...

Отнесла рис для Штоков к Радзинской, которая его отвезет. Зашла к NN. Ее обрабатывала педикюрша. В комнате неубрано, грязно. И все уже не по зимнему, все незнакомо мне: NN попросила меня заварить чай, а я не могла найти его.

Пока NN маникюрилась, я пошла к Радзинской. Мы обсудили положение. В Академический дом NN переезжать не хочет. Но надо, чтобы ей оттуда давали питание первого разряда. Решено, что я поговорю об этом — через Журавскую — с m-me Ломакиной, женой секретаря, которая познакомилась с NN в Дурмени и к ней благоволит.[a)]

Когда я вернулась, NN слегка прибрала комнату. Мы сели пить зеленый чай. NN получила письмо от В.Г. — кажется, хорошее, длинное, спокойное.

Я прочла ей свои два стихотворения: «Ты знаешь» и «И синие глаза мои». Читала, очень чувствуя, что плохо. Про первое она сказала:

— «Это Мандельштам? Не только последняя строка».

[a)] Софья Аркадьевна Журавская, сотрудница Наркомпроса. И она, и Анна Ивановна Ломакина (жены ташкентских высокопоставленных партийных работников) — работали в Комиссии помощи эвакуированным детям. Л.К. тоже входила в эту Комиссию.

16—3280

Про второе —

— «Не пойму, нравится мне это или нет».

Значит, не понравились оба.[a]

Рассказала, что у нее был сегодня чешский поэт — фамилию я сейчас же забыла [Сандра Лысогорский] — и она читала ему поэму, и он говорил, что это самая современная вещь, какую он слышал, что впервые так сказано верно о войне: "Это где-то там, у Тобрука — это где-то здесь, за углом", что вещь европейская, что в ней показана вся та культура, которая теперь разрушается.[b]

Прочла стихи, написанные в больнице — о птице, о палате. Когда она кончила, вошла Фаина Георгиевна. Я попросила прочесть еще раз, так как не раскусила, она отказалась:

— «Да нет, не стоит, это — лом, неудача. Не хочется... Не на том уровне».

Ф.Г. решила, что не хотят читать при ней, и принялась устраивать сцену.

Я ушла.

17/IX

Доставать NN первую категорию через Ломакину не надо, так как ей дали «столовую Партактива».

19/IX

Рассказ Лили о Наташе Ростовой.

Я была с Лилей у NN — Лиля звонила оттуда по телефону и ждала у NN. NN расспрашивала ее, но суховато.[c]

---

[a] Оба стихотворения Лидии Чуковской не завершены и не напечатаны. Первое — «Ты знаешь, я думала раньше...», — обращено к погибшему мужу и кончается цитатой из Мандельштама: «И вчерашнее солнце на черных носилках несут» (из его стихотворения «Сестры тяжесть и нежность...»). Второе — см. с. 475.

[b] Ондра Лысогорский (1905—?), чешский поэт, писавший на ляшском диалекте.

[c] *Лиля* - Елена Феликсовна Пуриц, жена математика Г.И.Егуди-

Выглядит хорошо. Когда Лиля вышла — показала мне приглашение, полученное ею, выступать на вечере, устроенном Консерваторией, предупредив:

— «Только не кричите, не бранитесь и не смейтесь».

«Гулянье в пользу танков».[a]

Позвонили по телефону из Союза и очень грубо просили, чтобы NN непременно ехала выступать.

NN как школьница нырнула в постель:

— «Я больна».

Она просила меня и Лилю остаться чай пить. Но пришла Раневская с букетом роз, и мы удалились.

26/IX 42

24-го днем NN была у меня, я провожала ее. Она очень просила зайти, но я торопилась домой. Мы условились, что я приду вчера.

Вчера я была очень усталая и несчастная, пошла с трудом. Мы побыли с ней одни. Она шептала, шептала. Но здорова и психически спокойна. С едой все налажено: обедать она ходит, обед и ужин ей готовит жена Мадераса, готовящая Эдику, пока Радзинская в Москве.[b]

Скоро пришла Над.Як. Мы сидели втроем. Впрочем, NN по своему обыкновению легла. Заговорили о Булгакове.

на. Егудины пережили зиму в блокадном Ленинграде, потеряли родителей и дочку, эвакуировались на Кавказ. После прорыва немцев они вынуждены были оттуда бежать и оказались в Ташкенте, где вначале поселились у Л.К.

[a] *«Гулянье в пользу танков»* — благотворительный концерт, сбор от которого предполагалось передать на строительство танковой колонны.

[b] *Жена Мадераса* — Ирина Мадерас, жена венгерского писателя Эмиля Мадераса (1884—1962), жившего с 1922 года в СССР. В Ташкенте Э.Мадерас одно время возглавлял местное отделение Литфонда. Мадерасы были соседями А.А.

Эдик — Эдуард Станиславович Радзинский (р.1936), сын Радзинских, впоследствии известный драматург.

— «У него, конечно, были совсем другие корни, чем, скажем, у Пастернака, или меня, или Осипа Эмильевича, — сказала NN. — Данта, например, он не знал, потому что не понимал по итальянски, а переводы очень плохи... Но в своей области он человек первоклассный».

Еще до того, как пришла Н.Я. и мы разговаривали о поездке NN в Москву, она сказала:

— «Вы понимаете, конечно, что сама Москва мне ни для какого употребления, и я еду туда, чтобы постараться проехать в Ленинград».

29/IX

Вчера вечером у NN с Над. Як.

— «Читали мы с Надей Эдгара По. Какой умница, подумайте, какой нашел эпиграф у Ларошфуко: "Все правы". По русски это хуже, а по французски очень хорошо... Мудрые слова. Возьму для поэмы».

Заговорили о Меркурьевой, к которой NN звана на именины 30-го (Любовь).

«Старушка — ловец человеков. Способ испытанный (к тому же прибегал, например, Волошин): она каждому открывает, как он замечателен. И со мной пробовала. Помните, Надя, у Чулковых, когда жареную курицу ели? Она мне сказала, что я — душа мира, чистый звук и прочее, что Вы сами легко можете себе представить. Я слушала по-христиански и даже соглашалась, и старушка не догадывалась, что перед нею танк. Слушаю, а сама думаю: "и-и, милая! то ли мне еще говорили!" [а]

[а] Вера Александровна Меркурьева(1876—1942), поэтесса и переводчица, познакомилась с Ахматовой еще в 1933 году. Тогда же в письме к К.Л.Архипповой она рисует такой портрет А.А: «Высокая (не так высокая, как стройная) женщина-птица, руки легкие, в полете, глаза — без цвета, так глубоки и темны (*светлые* глаза) ... это лицо — живой, с нами, Музы, — теперь не уйдет от меня». («Изд-во МПИ», с. 102.)

А Макс поступал так. В Коктебель приезжали перезрелые девицы. Тут море, горы и пр. И Макс вдруг говорил девице: у вас линия шеи совершенно античная. Или: вы нимфа этих мест. Поднимал с четырех ног на две и вводил в храм муз... Ясно, что они его обожали. Это способ простой и верный... Как-то Эмма рассказывала мне, что он приехал в Москву, и она и другие девицы были у него. Я ей все рассказала, что он им говорил. — Да вы разве были там? — Нет, я это сейчас придумала».[a)]

Заговорили об Эмме. Я произнесла, что пишет она слабо. — «Зато верный друг. Это гораздо важнее».

4/X

NN несколько раз приходила узнавать о здоровьи Таты, которая лежит у меня. Принесла ей фрукты и сахар, полученные в Партактиве.[b)]

Вчера я была у нее.

Рина и Зина.

Перед вечером она пришла. Мы посидели во дворе.

Она ушла — а сегодня Ледик пришел и сказал, что встретил ее на улице и она просила мне передать, что книга разрешена и мне угрожает корректура.[c)]

6/X 42

Вечером, в дождь (первый?), закутавшись, я пошла к NN. У нее застала только что приехавшую из Алма-Ата Раневскую, — выпивают и закусывают. (Свет оставили, штепселя запечатали, чаю согреть нельзя).

NN оживленная, веселая, ясная, без обычной ее подспудной печали — просто веселая.

Раневская, против обыкновения, приветлива со мной и любезна. И не очень истерична, потому что еще не очень пьяна.

---

a) *Макс* — Максимилиан Волошин. Похожий рассказ А.А. см. на с. 77–78.

b) *Тата* — дочка Л. Л. Жуковой.

c) *Ледик* — Владимир Григорьевич Адмони.

Сыплет блистательными рассказами.

В трамвае ей женщина-еврейка:

«Позвольте мысленно пожать вашу руку».

Выпала из трамвая. Разбилась. Женщины наклонились над ней, решают: это та, что в «Подкидыше»? Или в другой картине? и, не подняв, но решив, что, действительно, Муля — уходят.

Из под колес вагона вылез мальчик: — «Тетя, это ты на картине подкидышей подбираешь? Тетя, возьми меня... Тетя, ты только на картине их подбираешь?»

Затем следовал ряд рассказов о безумном обжорстве Алма-Атинских киношников и мании запасов, их охватившей.

— Это у вас мешки с песком? Бомбежек ждете?

— Нет, с сахаром.

В соседней комнате такой крик, будто кто-то обварился не кипятком, а чем-то жирным. Оказывается, масло спекулянт понес в другой этаж, не к ним. А у них пятнадцать литров и хотят еще.

Об ужине у Эйзенштейна с икрой и пр. Черная от голода уборщица.

— «Я уже давно думаю, что пора переходить в стан уборщиц. Выбираю момент, чтобы переметнуться», — сказала NN.

Раневская сообщила, что не получающие пайков и денег алма-атинцы мечтают поджечь лауреатник с четырех углов. Ходят бледные, усталые.

— «Но сил, чтобы поджечь, надеюсь, у них хватит?» — спросила NN.

Когда Раневская описывала запасы маньяков, NN несколько раз восклицала:

— «Бедняги! Какую участь они себе готовят!»

Открыв «Ардова», прочла мне новые строки в поэму — да, в поэму, не отпускает она ее никак! Строки о прошлом, которое тлеет и о будущем, которое зреет и еще одни, поразительные, о глазах, которые она еще не знает, куда

вставить. Гениальнейшие — на уровне хризантемы и зеркала.[a]

Раневская показывала снимки с себя в роли тетки Грозного, и NN очень, очень восхищалась.

Раневская рассказала фольклор об NN, бытующий в Алма-Ата.

Жаловалась на Вакара, администратора, который ее угнетал. А он — двоюродный племянник NN.

— Вы не имеете право иметь племянников! Вы не его тетка, а тетка человечества! [b]

Я ушла в двенадцать. NN и Раневская вместе стояли на лестнице, пока я спускалась.

16/X

Боговдохновенные дни. Южная, ласковая, наивная погода.

NN заходит иногда — по дороге на обед (партактив) или с обеда.

Ходит она теперь легко, не то что я! у меня грипп, и я еле волочу ноги. Кроме того, я занята. (Я — Соня. Вот никогда не предполагала!)

---

[a] Речь идет о строках «Как в прошедшем грядущее зреет / Так в грядущем прошлое тлеет» (строфа «Я забыла ваши уроки»); строки *о глазах* — вероятно: «Или вправду там кто-то снова / Между печкой и шкафом стоит? / Бледен лоб и глаза открыты...»— обе строфы в первой главе первой части. *Хризантема и зеркало* — «И была для меня та тема, / Как раздавленная хризантема / На полу, когда гроб несут»; строфу о зеркале — см. с. 361. Все перечисленные строки и строфы, их первоначальные и окончательные варианты — см. ББП, с. 358, 360, 361, 372, 434 и 439.

[b] Раневская говорит об Игоре Владимировиче Вакаре (1906—1977), ближайшем сотруднике С.Эйзенштейна. Его имя, как директора фильма, значится в титрах многих знаменитых картин: «Ленин в Октябре», «Александр Невский», «Летят журавли» и др.

Игорь Вакар — двоюродный внучатый племянник А.А., внук Анны Эразмовны (родной сестры матери А.А.), которая была замужем за Виктором Модестовичем Вакаром.

NN обещала придти вечером прочесть поэму Лиле и Геше — мы накупили винограду и пр. — но Раневская позвонила, что NN нездорова и не придет. Так я и чувствовала. Но вчера днем она вдруг пришла — прекрасная, сосредоточенная, ясная, благостная. В кольцах и ожерелье, которое, было, сняла.

Она пришла, когда я была дома одна. Полежала. (У нее тоже гриппок.) Попила чаю. И вручила мне тетрадь, которую уносила на несколько дней. Вписала туда строки о прошлом и будущем, конец эпилога, новый эпиграф ко всей поэме («все правы»); по другому название (поэма теперь называется «Поэма без героя», а первая часть — «Тринадцатый год»);[a] по другому разбила на части («Решка» теперь — одна из частей)...[b] Намазала снова страшно и, надев очки, принялась наводить неразборчивые места пером. Попросила у меня томик Пушкина, чтобы понять, как поставить знаки в эпиграфе «Я воды Леты пью...» Но вошли Лиля и Геша, и она захлопнула тетрадь.

Да, приписала еще «Дарю эту тетрадь...». Почему? Не потому ли, чтоб не думали «посвящаю»?

Прочла поэму Лиле и Геше. Читала хуже обычного, торопясь и гриппозно.

Прочла ленинградский цикл (без детей: вспомнила, милая, что слушатели потеряли ребенка) и с новыми вводными строками ко всему вместе: кровавые громады, которые мне не очень понравились.[c]

Поднялась обедать к Булгаковой. Потом Геша пошел ее провожать.

---

[a] Но и это еще не окончательное название. Окончательное — «Часть первая. Девятьсот тринадцатый год. Петербургская повесть» — установилось в пятидесятые годы. См. «Записки», т. 2, с. 92.

[b] *Одна из частей* — а именно: «Часть вторая. Решка».

[c] *Ленинградский цикл без детей* (то есть без стихов, посвященных Вове Смирнову), по-видимому: «Первый дальнобойный в Ленинграде», «Птицы смерти в зените стоят» и «Nox» — БВ, Седьмая книга.

Рассказывала, что эпилог — новые строфы — написала почти весь 19-го августа, в жару, в комнате полной народу.

20/X 42

Не выдержав длительного перерыва, с обычной тревогой в душе, я пошла к ней днем.

Она лежала очень бледная, с мигренью, в синем в полоску халате — не то чтобы молодая, а юная, восемнадцатилетняя какая-то. Халат струился, как ручей.

Расспросила меня обо мне, а потом вдруг:

— «Полчаса назад я получила телеграмму. Скоропостижно скончалась Тат.Влад.Гаршина».[a]

Видно, известие это потрясло ее. Но больше о нем она не говорила и сразу перешла на другие темы.

— «Вчера ко мне вдруг явился некий профессор Зуммер. Пригласил меня на лекцию об Александре Иванове. Тут же сообщил мне, что Александр Иванов был связан с Герценом и пр.[b] Вообще, я вижу, что без высшего образования меня из этого города не выпустят... А кончил он так: "Я провел год у ног Вячеслава [Иванова] в Баку. Здесь я услышал Вас в Педагогическом Институте. К Вам меня привел Эрос".

Ф.Г., которая была при этом визите, сразу по уходе сделала замечательный скетч. Я в старости. (Ну, очевидно такая, как теперь.) Глухая. Ко мне входит старичок. — "А.А. меня к Вам привел Эрос". — "Кто? Эфрос? Разве этот старый халтурщик еще жив?" — "Эрос, а не Эфрос!" — "Ах,

---

[a] Татьяна Владимировна Гаршина — жена Владимира Георгиевича Гаршина.

[b] Всеволод Михайлович Зуммер (1885—1970), историк искусства, археолог, ориенталист. С февраля 1940 года он оказался в Ташкенте и читал лекции в местном училище изобразительных искусств. Главным предметом его исследований было творчество художника Александра Андреевича Иванова (1806—1858), автора картины «Явление Христа народу». Зуммер посвятил ему свою диссертацию, многочисленные научные и популярные статьи, лекции.

эпос! Нет, я пишу только лирику"... — "Да нет же, Э-рос"... Тогда я наконец понимаю и — смотрите... »

NN порывисто села на постели, схватила зеркало, пудреницу и напудрилась.

Я спросила, как у нее с Москвой, есть ли вызов.

— Нет, вызова нет и, по-видимому не будет.

— Значит, зимуете здесь?

— «Нет. Вызов пустяки. Если я решусь уехать, то уеду... Правда, друзей у меня там почти нет... Одна Эмма...»

— Так Вы решили ехать или нет?

«Решу совсем скоро, на днях... Так, подбираю кое-какие справки».

Не захотела сказать, от чего зависит решение. Думаю, от В.Г., а может быть от Ф.Г. отчасти.

Она попросила подать ей толстую американскую антологию, лежащую на столе, и стала гневно бранить ее.

— «Кашкину следует запретить переводить стихи... Чудовищно... Клевета на поэзию, совершенно нельзя понять, что стоит за этим... И в подбор не верю... Ни из чего не следует, что это именно передовая поэзия Америки, что это — известные поэты... Лучше других, кажется, эпитафии... Впрочем, ни о чем судить нельзя».

Я рассматривала портреты и сказала, что у Хемингуэя очень прямое лицо, правдивое.

— «Циничное скорее... Есть еще портрет в берете... Там тоже циник, люмпен».

Я показала ей портрет поэтессы.

— «Челка... такая же, как у меня... и, может быть, тот же парижский парикмахер ее так постриг... Она года на два меня старше... Параллельность жизней в одном времени».[a]

---

[a] Ахматова говорит об антологии: М.А.Зенкевич, И.А.Кашкин. Поэты Америки. XX век. (М., Гослитиздат, 1939).

Каждому автору, представленному в книге, предпослан портрет и небольшая статья о нем. Среди авторов — Хилда Дулитл (р.1886), поэтесса, работала над лирикой Сафо. В 1911 году, как и Ахматова, путешествовала по Италии и Франции. Жена писателя Ричарда Олдингтона. На фотографии в книге — женщина с челкой, внешне напоминающая Ахматову (с.142).

Рассказала, что Тышлер собирается делать с нее наброски.

23/X 42

Вчера днем, мучаясь с пропиской, мы с Е.Ф. [Лиля Егудина] зашли к NN. Лежит — «сердце». Выглядит худо — главным образом потому, что без челки. Скоро пришла Вишневская, потом Раневская.[a] Мы быстро ушли. Раневская кормила ее яйцами, вела себя как хозяйка. Вишневская сообщила о болезни Черняка.[b]

— «Вчера я весь день писала, — сказала NN. — И вечер. Погас свет, граждане пришли в мою комнату обсуждать эту неприятность, а я работала».

Сегодня вечером ко мне зашла Н.Я. и сообщила, что приехал Зелинский, звонил, привез разрешение на печатание книги, данное в очень высоких инстанциях.

NN писала опять поэму: впаяла строки о глазах и написала новую строфу о редакторе в «Решку».

Очень интересно, надо скорее идти слушать и отнести тетрадь.[c]

26/X 42

Вечером пришла к ней — без предупреждения, как бывало. И, как бывало, она обрадовалась, и мы просидели вместе много часов. В комнате очень чисто, очень вымыто — это Настя какая-то делает теперь. Когда я пришла, NN лежала и читала «Записки Покойника».[d]

---

[a] Наталья Александровна Вишневская, актриса, выступала в концертах с чтением стихов и прозы, в Ташкенте читала со сцены рассказы Чехова и поэму Лермонтова «Демон».

Н.А.Вишневская — дочь актера А.Л.Вишневского, одного из основателей Художественного театра.

[b] Черняк — Яков Захарович. О нем см. «Записки», т. 2, «За сценой»: [71].

[c] Строфа, начинающаяся строкой «Мой редактор был недоволен», стала первой строфой в «Решке».

[d] «Записки Покойника» — первоначальное название «Театрального романа» М.Булгакова. Очевидно Елена Сергеевна Булга-

Я попросила ее прочесть мне новые вставки в «Поэму» — и была ошеломлена, убита, потрясена:

Победившее смерть слово...[a]

О других стихах я могу говорить, об этой вещи — не могу. Молчу, немею — так повелось с первого того раза, с «Ты в Россию пришла ниоткуда». Теперь все голоса многоголосого хора — звучат явственно, твердо.

Новая строфа в «Решке», новые куски в поэме («Победившее смерть слово» и еще «Вздор, вздор, вздор».)[b] Я сказала, что новая книга без поэмы, это Всадник без головы.

Она ответила раздраженно, как всегда при упоминании о книге:

— «Ее судьба ни в малой мере меня не интересует. Выйдет-не выйдет — все равно. Зелинский звонил мне и что-то объяснял, но я не слушала. Что же касается денег, то я на них смогу приобрести разве что головку лука».

Опять разговор о поколении Мура, о племяннике Тышлера и пр. — «Они не виноваты, они ни в чем, конечно, не виноваты».

С большим удовольствием рассказала о том, как патруль задержал Раневскую, но узнал и отпустил. Она всегда с гордостью говорит о ее гении и славе.

А я радовалась, что Раневской нет и мы сидим *тихо* — без водки и анекдотов и зато со стихами.

История с Львовой, ее мужем и чуланом А.А.

кова, которая жила в Ташкенте и дружила с А.А., дала ей рукопись этого произведения.

[a] Речь идет об отрывке, начинающемся строками «А теперь бы домой скорее / Камероновой галереей» (ББП, с. 367), — отрывке, о котором Л.К. позднее, в пятидесятые годы, говорит: «Это мое самое любимое место. Вершина вершин» («Записки», т. 2, с. 122—123).

[b] Строфа, начинающаяся строкой «Вздор, вздор, вздор! — от такого вздора», позднее стала заключительной строфой первой главы первой части — ББП, с. 361.

Входила Ася, девушка, живущая у Цявловских, рассказывала о болезни Черняка.[a]

N.N. очень просила меня узнать, в Алма-Ата ли Николай Иванович.

Я ушла поздно с миром в душе.

Победившее смерть слово.

2/XI

У А.А. брюшняк или паратиф.

Три дня тому назад, выйдя на улицу после двухдневного моего лежания, я встретила Браганцеву, которая сказала мне, что у NN 37.3. «Разыгрывается базед».

На следующий день я пошла к ней (то есть, третьего дня). Она лежит с плохим, плохим лицом, желто-серым, опавшим. t° около 38. Был врач из Совнаркомовской поликлиники, предполагают — грипп.

Всем заправляет Раневская.

Вчера днем я была снова. Раневская и Над.Як. NN раздражительна, суха. Вид плохой. Врачи из поликлиники были, прописали всякие лекарства, велели вспрыснуть камфару, но лекарств в аптеках нет, шприца тоже нет.

NN дремала. t° около 39. Я взяла рецепт и в ярости помчалась в Правительственную Поликлинику. Воскресенье. Поливанова нету. Я узнала адрес, пошла на дом. Он рубит дрова, благодушен. Переписал рецепт и обещал на следующее утро быть непременно.

Лекарства мне дали в одну минуту. Не в силах идти обратно, я зашла напротив и послала их с Адмони.

Сегодня утром пошла туда, чтобы присутствовать при визите Поливанова.

NN одна. (Над. Як. ночевала, но ушла, а Ф.Г. нездорова и не явилась.) Кругом хаос, грязь, ибо чудесная Н.Я. —

---

[a] Писательница Ксения Сергеевна Львова (1897—1968) и ее муж Леонид Алексеевич Егоров были соседями А.А.

Ася, девушка, живущая у Цявловских, — Ася Петровна Сухомлинова, автор воспоминаний «Простите нас, Анна Андреевна...» («Книжное обозрение», 23 июня 1989).

страшная неряха. t° 37.7. NN — злая, раздраженная. Я попыталась навести порядок:

— «Не подметайте. Вы только поднимаете пыль... Очень прошу вас, не мойте посуду».

— Но я дома все делаю, А.А.

— «Ну и хватит с вас».

Пробую поднять бумажки с пола.

— «Не поднимайте, Л.К. Это меня раздражает».

Скоро пришла Дроботова. Вымыла посуду. Отправилась на рынок.

Мне NN велела прочесть стихи Берггольц, напечатанные в «Знамени».[a)]

— «Ну, как?»

Я сказала, что худо, но мне понравились некоторые строки во втором. — «Никаких там нет строк. Такие стихи можно писать только по приказу. Ни один ленинградец так чувствовать не мог и не может».

Пришла Над.Як. С ней тоже NN была резка, но позволила прибрать кругом. t° через час была уже 38.5.

Мы с Над.Як. легкомысленно-осуждающе заговорили о Елене Михайловне.[b)]

— «Слушаю вас и огорчаюсь. Ни в Ленинграде, ни в Москве, я вас помню, вы обе так никогда не говорили. Зачем так говорить о людях? Это типично-эмигрантское занятие. Тэффи писала когда-то, что в эмиграции ко всем фамилиям стали прибавлять "вор", как у испанцев "дон"... Надо остерегаться этого, надо воспитывать себя».[c)]

Затем она сказала:

---

a) В «Знамени» № 8 за 1942 год напечатаны четыре стихотворения Ольги Берггольц: «Стихи женщинам Ленинграда (1. Слово матери. 2. Разговор с соседкой. 3. Сестре)» и «Москве».

b) Речь идет об Е.М.Фрадкиной (1901—1981), художнице, жене Е.Я.Хазина.

c) В рассказе «Ке фер?» (от французского «que faire?» — что делать?) Тэффи пишет: «Каждый ле рюсс ненавидит всех остальных столь же определенно, сколь все остальные ненавидят

— «Тараховская сейчас переводит замечательные стихи, одной еврейской поэтессы. Ах, какие! Замечательные, первоклассные. Я очень хотела показать подстрочники Л.К.».

Я спустилась к Тараховской.

Лучшего стихотворения там не оказалось, но было второе, которое очень понравилось N.N. — "Оглядываюсь", о мальчике. Я сказала, что стихи — как-то родственны Квитко, так же материален мир и так же все наивно.

— «Нет, не наивно, по моему, — сказала NN, — а с нарочитым примитивизмом. Этакий Шагал».[a]

Пришел Поливанов. Расспрашивал ее подробно. NN выслала нас. Диагноз Поливанова — брюшняк или паратиф...

Обещал придти, когда будет анализ крови.

То-то воронья слободка завопит. Они уже вопят, по одному подозрению. Радзинский рассказывал, что Бродский уже вчера скандалил...[b]

Лучше бы уборную вычистили, клоаку эту.

Поливанов нашел, что сердце работает вполне исправно, что форма средняя.

Я помчалась в аптеку, заказала. Мне очень было важно привести к ней именно Поливанова, так как только по его рецептам будут давать лекарства.

его...Настроение это вызвало некоторые новообразования в русской речи. Так, например, вошла в обиход частица "вор", которую ставят перед именем каждого ле рюсса. Частица эта давно утратила свое первоначальное значение и носит характер не то французского "Le" для обозначения пола именуемого лица, не то испанской приставки "дон"...» (цит. по сб.:Тэффи. Ностальгия. Л.,1989, с.180).

[a] Ахматова говорит о стихах поэтессы и детской писательницы Рахиль Баумволь (р.1914). Ее стихи переводила не только Е.Тараховская, но и Ахматова. «Я оглядываюсь» в переводе Е.Тараховской см.: Рахиль Баумволь. Стихотворения (пер. с евр.). М., 1958, с.205.

В 70-е годы Р.Баумволь уехала в Израиль.

[b] Упомянут Николай Леонтьевич Бродский (1881—1951), историк литературы.

Сижу, жду Люшу, которая пошла за лекарством. Хазин обещал вечером отнести.

Сегодня ночевать будет Над.Як. А завтра с утра, если не выздоровеет и не придет Ф.Г., сидеть нужно будет мне. По правде сказать, думаю об этом без радости. Все мои хозяйственные попытки ее раздражают теперь, а сидеть, сложа руки, противно. Кроме того, я люблю видеть ее кроткой, доброй, благостной, а в болезни она раздражительна и несправедлива.

Третьего дня, когда я пришла к ней и она уже лежала очень больная, она сказала мне в смятении:

«Из “Правды” вдруг перевели мне 1000 рублей. Это — заказ».

Отправлять ее в больницу, конечно, страшно. В больницах нет кипяченой воды и очень много тараканов. Но до́ма ведь нечем топить, то есть разогревать, варить, штепселя запечатаны. И до́ма — нет Ольги Ром., нет Радзинской, которые ухаживали за А.А. разумно, а есть шумная и неумелая Раневская, истеричная и экстравагантная, и Над.Як. — умная, ответственная, преданная, но — неряха. И, кроме того, дома NN никого не слушается.

4/ XI 42

Послав накануне вечером с Хазиным заказанные мною и принесенные Люшей лекарства — вчера я отправилась, еле волоча ноги, к ней. Шла я к четырем, договорившись сменить Дроботову, но застала там выздоровевшую Раневскую. Значит, в смысле дежурства — зря.

— «Зачем вы вчера привели ко мне этого болвана? — криком встретила меня NN. — Невежа, не понимает ничего, кроме одного слова: больница. Зачем надо было его ко мне тащить?.. Какой стыд, — русский врач, ему говорят, что в больнице нет кипяченой воды, а он на это только улыбается... У меня от него t° поднялась».

— Я его привела, чтобы добыть лекарства, которые имеются только в его аптеке, — сказала я. — И он хороший врач.

— «Вовсе не только в его аптеке! Все таскают ко мне лекарства!»

Я грубости вообще не выношу, а от любимых людей тем паче. И несправедливости. Поливанов — опытный, хороший врач, смотрел ее очень внимательно, на больнице вовсе не настаивал... Я понимаю, что она страшно больна, быть может — смертельно, и все же я не могла подавить в себе возмущения. Она, мужественная, негнущаяся — а как дает себя согнуть болезни, как *боится* смерти (как *боялась* дороги).

t° — 38.5, 39.1. Приходили брать кровь из вены, но за неимением кипяченой воды — ушли, не взяв. (Без меня.) t° почему-то мерят и обсуждают каждый час. Сердечных капель она не пьет («Шервинский говорил»... «Влад.Георг. говорил»...), salol принимает еле-еле, не во время. Фаина, вытаращив глаза и вздыхая, суетится вокруг.

Говорю без самоуверенности: беда для NN, что я теперь там только визитер, а не капитан. Я бы наладила за ней уход, как за Люшей: научно, пунктуально.

Раневская плакалась, что нету денег, занять не у кого и пр.

Меня вызвал к себе — через Раневскую — Радзинский и сказал, что надо пойти к Толстому, устроить деньги.

Я пошла. Толстые обедали. Тут же Тихонов. Я оторвала от обеда Людмилу Ильиничну. Она выслушала и пошла выяснять. Оказалось, что издательство не платит потому, что разрешение Зелинский привез только на словах. Толстой сказал, что Ломакин сказал, что Александров хвалит — и этого должно быть достаточно. Тихонов обещал выудить деньги у прохвоста Зозовского.[a]

---

[a] Георгий Федорович Александров (1908—1961), в 1940—1947 годах — начальник управления пропаганды и агитации ЦК ВКП/б/.

Моисей Натанович Зозовский — директор Ташкентского отделения издательства «Советский писатель».

Сегодня зашла ко мне Н.Я., которая там ночевала. Она настроена очень мрачно, говорит, что NN может умереть. Продолжает раздражаться из-за всего, из-за каждого пустяка. На всех кричит. Боится смерти, все время думает о ней.

Я сегодня не была, так как ногам моим с каждым днем все хуже. Да и не тянет меня. «Лакеем не буду и у царя небесного».[a] И бесполезны мои визиты, так как хозяйничаю там не я, а лишние люди только мешают.

5/XI 42

Вчера, не выдержав тревоги и надеясь сменить дежурящую там и падающую с ног Н.Як., — я поддалась искушению и пошла к NN.

Нет, забыла. Утром я пошла к Над.Ал.Пешковой. Разнюхать, не может ли она добиться для NN привилегированной больницы. (Военной? или какого-то правительственного корпуса?) Застала Надежду Алексеевну, которая была весьма приветлива и обещала поговорить с Ломакиным, чуть он приедет, а ждали его к вечеру.

Потом я отправилась к NN. Обрадовалась, услышав изза двери смех. (Ф.Г. показывала, как NN рассматривает свой температурный листок.) Но смех был недолог. Оказалось, что Беньяш звонила Толстому по поводу денег. Монолог NN по этому поводу был самый гневный и увы! очень грубый.

— «Кто смеет бегать и клянчить от моего имени? Да не желаю я этих денег, они мне не нужны. Как она смела пойти без моего разрешения? Делают из меня такую же свинью, как сами! Неужели я прожила такую страшную жизнь, чтобы потом *так* кончать? И почему Р.М.Беньяш должна быть моим представителем?»

---

[a] Перефразированы слова из письма М.В.Ломоносова графу И.И.Шувалову: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но нижé у самого Господа Бога...» (19 января 1761 г.)

Я молчала, не желая с ней спорить (t° 39). Что Беньяш пошла к Толстому мне тоже не понравилось просто потому, что незачем действовать вдвоем; но ничего преступного в ее действиях увидеть не могу. Ведь это не пособие, ведь издательство должно NN гонорар, а Толстой — шеф издательства.

Раневская (инициатор похода) молчала.

Н.Я. старалась перевести разговор на другое.

На столике стоял одеколон Беньяш и на другом — дивные яблоки, обмененные ею на колбасу.

Потом разговор был безразличный, и я скоро ушла, раненая.

Над.Як., разведя на дворе костер из щепочек, пыталась согреть воду.

Сегодня я решила идти.

Дважды звонила. (три строки густо зачеркнуты. — Е.Ч.). Потом — через час — сообщил, что за NN на легковой машине приехал директор клиники с сестрой; провожали ее Раневская и Беньяш. Повезли в Ташми, но в особую какую-то палату.

Я позвонила Беньяш. Она только что вошла в комнату, промокшая. Сообщила, что t° 39.5. Отвезли. Всю дорогу сердилась. (И на меня; узнав что я была у Толстого.)

Когда я пришла домой, меня ждала у Хазиных Над.Як., очень расстроенная.

Сообщила нечто, чего я не хотела бы слышать:

— «NN объявила мне, что так как она помещена в Правительственной палате, то она не считает возможным, чтобы я ее посещала. Не думаете ли Вы, что такая осторожность излишня? Я думаю, Осип на такое способен не был».

О, бедная моя. Ведь я не сумею «забыть и простить».[а)]

[а)] *Ведь я не сумею «забыть и простить»*. — Может быть, Л.К. припомнила ахматовские строки: «Скажи: ты простить не можешь? / И я сказала: “могу”». («Бесшумно ходили по дому» — БВ, Седьмая книга.)

8/XI 42

Вчера я пошла к ней. Возле нашего дома столкнулась с Раневской. Пошли вместе. Раневская, как всегда, поражает пьяным возбуждением и какой-то грубостью и тонкостью вместе. У ворот больницы — толпа; вышибалы никого не пускают по случаю праздника. Мы ходили к кому-то высшему, Раневская щеголяла заслуженностью. Через огромный золотой сад куда-то в конец мира.

Квадратная голубая палата, сверкающее окно — и на постели какая-то жалкая, маленькая — NN.

Лицо страшно переменилось за те сутки, что я ее не видала. Желто-серое. Глядит, не мигая, в стену. Плохо слышит. Сначала она с нами не говорила, лежала, как отдельно, потом разговорилась. Расспрашивала Раневскую о комнате, о вещах, целы ли книги, кому что отдали. Обо всех мелочах. При нас ей принесли обед из Правительственной поликлиники: бульон, манная каша на молоке, молоко. Я грела на электрической плитке, стоящей в коридоре, а Раневская кормила ее с ложечки. Сестра сказала, что ей нужна отдельная кастрюлька, чайничек. Я пошла за посудой домой. Когда я вернулась — NN диктовала Раневской телеграмму Пуниным:

— «Лежу больнице больна брюшным тифом желаю всем долгой счастливой жизни».

Раневская сделала в мою сторону круглые глаза, а я сказала:

— NN, дорогая, не посылайте такую телеграмму!

Она закричала:

— «Я еле на ладан дышу, а вы все еще когтите меня! Дайте уж мне самой делать, что я знаю! А вы мучаете меня все».

— Я не мучаю Вас, А. А., мне только жалко.

— «Кого вам жалко? Меня, их или телеграфное агентство? »

— Их.

Она сердито рассмеялась.

— «Господь с вами, Л.К., что это вы вдруг стали такой христианкой!»

А что это она перестала вдруг быть христианкой? Я с ужасом думала о том, что такую же телеграмму она закатила Гаршину.

Но по дороге назад (мы шли вместе с Раневской, путаясь в темном парке), Раневская сообщила мне текст телеграммы в Ленинград, Лидии Гинзбург:

«Больна брюшным тифом подготовьте Гаршина».

Очень безжалостно все-таки. Ведь в Ленинград!

9/XI 42

Вчера я была у нее недолго. t° утром 38.6. Выглядит немного лучше. Со мной разговаривала как-то сухо — не знаю, недовольна мною или просто от бессилия. У нее был профессор Кацанович, выслушал, нашел, что состояние хорошее, но велел обстричь волосы. Я высказала сожаление о челке.

— «Ах, в гробу все равно — бритая или небритая», — сказала NN.

Говорили (я — нарочно) о Пастернаке и Мандельштаме. Я спросила, правда ли, что [не дописано.— *Е.Ч.*]

Скоро пришла Фаина. Я увидала ее из окошка и пошла к ней навстречу. Ярко нарумяненная, глаза блестят и в руках большой букет. Принесла также лимонный сок от бедной Беньяш, которая из кожи лезет вон и о которой NN отзывается так:

— «Не пускайте ее ко мне, она смотрит на меня глазами душеприказчика».

— Что это вы такая удалая сегодня? — спросила я Раневскую.

— Пьяная.

Она принесла письмо от В.Г.

— Передать? — спросила она меня. (В последнее время она что-то полюбила со мной советоваться.)

— Передать.

Докторша потребовала, чтобы мы предварительно прочитали письмо. Я ушла, Ф.Г. осталась читать. Бредя садом, я подумала, что ушла напрасно, так как NN наверно захочет продиктовать письмо *мне* — ведь Гаршин мне верит, а о существовании Раневской не знает. Так и оказалось. Вечером Ф.Г. зашла ко мне домой с просьбой переписать письмо и отнести его Пешковой, которая летит в Москву.

Я исполнила.

Письмо отнюдь не паническое, наоборот. Текст, насколько я помню, такой:

«Милый друг, с того дня, как я получила телеграмму (очевидно о смерти его жены,— *Л.Ч.),* я не перестаю тревожиться о Вас и посылаю запросы в Ленинград. Я очень ценю, что в такую минуту Вы нашли в себе силы мне написать. Я лежу в больнице. У меня брюшной тиф. Форма не тяжелая, уход первоклассный. Пишите мне пока на адрес Л.К.Ч. Жму руку, Ваша... »

Раневская поручила мне сделать пюре из яблок, и я так долго их сегодня терла, что попала к NN только к двум часам дня. Она спала. Когда проснулась, я согрела ей чаю, потом принесли обед — я разогрела и накормила. Выглядит она лучше, держится спокойнее. Но все же сердится по пустякам: неустанно подчеркивает, что я не умею хозяйничать, так .как слепа, в пюре обнаружила комки и т. д. После одного долгого молчания сказала:

— «Я вчера объяснила Фаине свою телеграмму в Самарканд, чтобы она поняла. Я ответила Н.Н. как православному, как христианину. В моей телеграмме он прочтет ответ: прощение. Что и требуется... А остальные? Ира ко мне равнодушна совсем, ей все равно — есть я или нет. Анна Евгеньевна дико меня ненавидит. Кого же там жалеть?

А смерти бояться не надо, и слова этого бояться не надо. В жизни есть много такого, что гораздо страшнее, чем

смерть. Вся грязь, вся мерзость происходят от боязни смерти. А эти интеллигентские штучки, что умирает кто-то другой, плохой, а не мы, — надо бросить. Именно мы погибаем, мы умираем, а ни кто другой».

Потом говорили о нашем приезде сюда год назад — ведь завтра год.

Не подсчитывала я ложек.[a]

Я забыла написать. Сегодня NN рассказала мне сон, который видела ночью:

— «Я видела земной шар — такой большой глобус. Земля летит вся в снегу. И на тех местах, где встречаются два фронта — лежат две огромные тени — от двух бронзовых символических статуй».

15/XI 42

Несколько раз навещала NN. Фаина в эти дни не приходит — снимается, NN скучно, и она встречает меня более приветливо и милостиво, даже просит иногда посидеть подольше и благодарит за приход — чего уж давно не бывало.

Нет, нет — я уйду. Уйду совсем.

Ей лучше. t° 37.5 — 38. Свободнее движется, лицо не такое желтое. О смерти не говорит. Ни от Пунина, ни от Гаршина нет никакого ответа на телеграммы.

Очень интересуется — как и мы все — африканскими делами. Страстно и строго расспрашивает обо всем, не прощая сбивчивого или неполного рассказа.[b]

---

[a] «Не считала серебряных ложек» — начало незавершенного стихотворения Лидии Чуковской.

[b] 7 ноября началась высадка американских войск во Французской Северной Африке и наступление английской 8-й армии на египетско-ливийском фронте. Американцы высадили три группы войск, быстро заняли Алжир и продвигались к Тунису. На Ливийском фронте англичане громили немецко-итальянскую

Уход за ней отличный, директор правительственной поликлиники прислал особую сиделку и звонок. (А то раньше надо было стучать ложечкой.) Сиделка — деревенская дуреха, но это неважно. Кацанович слушает NN каждый день. Каждый день — стрихнин, камфора и банки — по-видимому, чтобы предотвратить пневмонию.

Одно нехорошо — в палате прохладно, а дни дождливые и холодные.

NN очень беспокоится, чтобы Ф.Г. не заразилась тифом и, как всегда, настойчиво говорит о ее гениальности.

(— «Она гениально изображает меня. Вы видели? Как у гения — в одном фокусе собрано все. Прозрение какое-то».)

Над. Як. рвется к ней в больницу и просила меня позондировать почву. Я зондировала — нет, не просит придти ее. Н.Я. написала записочку («Ануш! Очень хочу Вас видеть»...), но ответа не последовало, ни письменного, ни устного.

Очень, очень NN бережет А.А. И это мне неприятно. Кроме того: в больнице ни один человек даже ее-то фамилии не знает, а уж фамилии Н.Я. — тем более.

Вчера, умученная Кинокомитетом, я зашла в дом № 7 к Радзинской — приехала Софа и NN просила взять у нее французскую библию, очки и пр. Ушла я от Софы отравленная. Там сидела Раневская (продает очередную шубу). Потом она ушла, сообщив, что сегодня зайдет к NN, свезет ей яблоки и яйца. Когда она ушла, Софа стала жаловаться, что Раневская ноет — «я устала», «я не могу больше» (!?!) и просит, чтобы Софа меняла булки, получаемые по карточкам NN, на яйца и яблоки для нее, но в то же время одну булку берет себе.

армию Роммеля. В качестве ответного шага немцы 11-го ноября вторглись в зону неоккупированной Франции и 12-го ноября заняли Марсель. Сводки «Операции союзных войск в Африке» ежедневно печатались в газетах.

Меня тошнило.

Софа рассказала, что она уж и комнату приготовила для NN в Москве, у себя в квартире, где тепло, газ и пр.

— Я бы ее увезла, и вот — тиф... А потом ее Фаина не пустит.

Да, верно, NN надо в Москву — подальше от эмигрантской грязищи. Но ведь верно: Фаина ее не пустит.

Одна у меня надежда — на Гаршина.

В каком отчаяньи он был бы, если бы увидал это окружение, этот грязный кабак. Он и в Ленинграде часто жаловался мне, что вокруг NN заводятся какие-то совсем чужие ненужные люди — но там это были просто бессловесные, скучные, «не под стать». А тут — тут — совершенно растленная Фаина, интриганка, алкоголичка, насквозь нечистое существо; сумасшедшая Дроботова, ничтожная Беньяш. И А.А. не только допускает этот двор, но и радуется ему.

Нет, нет, пусть едет в Москву. Авось там покрупнее будет жить.

Раневская и Радзинская сегодня должны быть у NN, и потому я решила не идти. (В больнице строгости, да и не хочется мне в этот хор.)

Да, Софа сообщила под секретом, что Чагин ей сказал, что книга NN не пропущена (вопреки уверениям Зелинского, говорившего с Александровым).[а]

Бестия Зозовский. Знает, когда можно не выплачивать денег.

20/XI 42

Третьего дня к вечеру я вырвалась (из сценария, радикулита, визитеров) к NN. Шла по лужам в темноте. У NN сидела Раневская, которая торопилась и любезно уступила мне халат и место.

[а] *Чагин* — Петр Иванович (1898—1967), партийный и издательский деятель, в это время — директор Гослитиздата.

NN была тиха, спокойна, очень приветлива и ровна. Дурно отозвалась только о Беньяш («Дама из Националя почему-то рвется ко мне»). t° 37.3. Сказала, что накануне была уже 36.9, а сейчас небольшое повышение. Ни на что не жаловалась, кроме дурного сна. Говорила о речи Черчилля, которую ей прочла Фаина.[a] Сказала, что послала Гаршину еще телеграмму, где упоминается «строгая диета»:

— «Это, если в предыдущей телеграмме не пропустят слова тиф, так чтобы он догадался».

(Я тоже получила телеграмму от Гаршина, которая три дня валялась на Гоголевской).

Вчера днем зашла на Маркса, 7 (к Радзинской и за мясом). Там Волькенштейн и Радзинская сообщили, что была Фаина, в истерике: «у NN повысился жар, осложнение, ей хуже, никто ничем не хочет помочь» и т. д. Я была напугана несколько минут, пока не догадалась, что это все чушь и выдумки: Ф.Г. была вместе со мной; после меня она NN не видала... Просто нужно было для чего-то всем сообщить сенсацию. Для чего бы?

21/XI 42

Вчера вечером ходила в больницу, но поздно: не пустили.

Пошла сегодня. t° 36.6. Нормальная! Слава богу. Сидела я мало, так как там была Фаина.

От В.Г. несколько телеграмм.

Интрига Ф.Г. разъяснилась вполне. NN произнесла следующую речь:

---

[a] 10 ноября Черчилль выступил с речью на ежегодном приеме у лорд-мэра Лондона. Касаясь операции в Африке, Черчилль сказал: «Перед нами новое явление — замечательная, несомненная победа. Армия Роммеля обращена в бегство и в весьма значительной степени уничтожена как боевая сила... Отныне нацистам придется встретиться с тем самым превосходством в воздухе, которым они так часто беспощадно пользовались против других». («Правда», 11 ноября 1942, с. 4.)

— «У меня было осложнение, так как меня два дня кормили бараньим супом. К счастью, Ф.Г. это обнаружила. Теперь она принесет мне куриный: сама покупает куру, сама ее варит.. Она меня спасла».

Ф.Г. скромно потупляет глаза. — Ну что Вы, NN...

Не знаю почему, но NN сегодня несколько раз давала понять, что была «не в себе».

— «Страшная болезнь тиф. *Мозговая* болезнь».

Форма извинения своей грубости?

От Пуниных нет ответа на телеграмму — ту, прощальную. По-видимому, не получили.

Сегодня утром мне позвонил Радзинский, что в издательство пришла телеграмма от Ярцева: «верстку высылаем печатайте книгу».[а] Я рассказала об этом NN и попросила разрешения добиваться, чтобы мне дали корректуру. Она разрешила.

Значит, уже сверстали под шумок.

27/XI 42

Сегодня ходила в больницу. Но не видала NN — строгости, не пускают. Я написала ей записочку с вопросом, не нужно ли чего. Мне принесли ответ. Переписываю:

«Милая Лидия Корнеевна, узнайте про мою книгу и когда уезжают Радзинск. Очень жаль, что не увижу Вас — никого не пускают. Ахм».

Врачи говорят, что t° нормальная уже пять дней.

Интересно, не значит ли вопрос о Радзинских, что она хочет с ними в Москву?

28/XI 42

Сегодня, среди дня, меня вдруг по телефону вызвал Лежнев. Оказывается — как здоровье NN и не следует ли переселить ее в Дом Академиков.

[а] Георгий Алексеевич Ярцев (1904–1955), в 1938–1949 годах — директор издательства «Советский писатель».

«Ей уже раз предлагали, не правда ли? но она отказалась. Я не хочу оказаться в глупом положении и хотел бы знать заранее, согласится ли она?»

Я объяснила, что там было бы идеально — но у нее мало денег, а там надо много платить.

...«Да. А почему, если у нее трудно с деньгами, она не займется переводами?»

Экземпляра рукописи (или верстки) из Москвы еще нет.

Корректура Толстым мне обещана.

Телеграмму о разрешении я видела.

Радзинские едут 3-го—5-го.

Разузнав все это, я написала А.А. письмо — с подробным отчетом о запросе Лежнева. Отнесла письмо в больницу. Прошу, чтобы в понедельник она мне ответила.

Думаю, ей не понравится все. Она не любит давать прямые ответы на прямые вопросы, да еще в письменной форме.

Неужели без осложнений у нее пройдет тиф? Хоть бы.

1/XII 42

Вчера я пошла в больницу, чтобы получить ответ на квартирный вопрос.

У нее сидела Ф.Г. Она уступила мне свой халат, вышла, и я воровски вошла.

NN сидела на кровати, с распущенными волосами, юная и «будто вымытая, будто из бани». Приветливая, простая и веселая.

Я так обрадовалась ей такой, что даже сама от себя не ожидала. Она будет здорова, будет жива.

Была я у нее совсем мало, так как Раневская ворвалась и грубо заторопила.

Мы успели поговорить о комнате и о военных новостях. Она очень расспрашивала о Тулони, о Ржеве и о Сталинграде.

Милая Лидия Корнеевна,
узнайте про мою книгу
и когда уезжает Радзинск.
Очень жаль, что не
увижу Вас – никого не
пускают. Ахм.

27/XI 42, Ташкент, ТАШМИ

27 ноября 1942 года. Ташкент.
Записка из больницы

— «Молодцы французы», — сказала она, узнав о потоплении флота.[a]

О комнате просила передать Лежневу, что если она будет в первом этаже — согласна. — «Но это не сахар, — сказала она мне. — Мы знаем по 1919-му году, что в случае бытовых затруднений — так называемые благоустроенные дома первыми становятся непригодны для жилья».

4/XII 42

Очень противно писать.

Третьего дня ко мне спустилась Булгакова и сообщила, что у нее Раневская со страшным известием: Львова получила бумажку от Лежнева, в которой он разрешает ей занять комнату NN «вплоть до выздоровления».

Я удивилась. Поднялась наверх. Фаина очень оживленно мне все это изложила и просила пойти к Лежневу, выяснить. Охала, ахала: «NN переезжает, а я так занята съемками, как же она будет одна» и пр.

Вчера я уже собиралась отправиться к Лежневу, когда Лида передала мне телеграмму для NN от Гаршина (ей дали Радзинские), и мы решили зайти в больницу.

Пошли. Увидели в окно палаты, что NN на ногах. Передали телеграмму.

В саду нас нагнала Раневская.

Обращаясь исключительно к Лиде,[b] она рассказала, что надо устраивать NN в стационар, что Ломакина обеща-

---

[a] Тулон оставался неоккупированным, так как там находился французский флот, который немцы хотели заставить служить своим целям. Однако, когда они ворвались в город 20 ноября, французский адмирал де Лаборд отдал приказ о потоплении флота. Команда линкора «Страсбург» первая взорвала корабль. На мостике стоял командир, он погиб вместе с кораблем. Вслед за «Страсбургом» были взорваны другие линкоры, крейсеры, эсминцы. Взрывы в Тулоне показали, что французы не солидарны с коллаборантским правительством Виши.

[b] Имя Лидии Жуковой в последний раз встречается в Ташкентских тетрадях. Вскоре Л.К. поссорилась с ней. Через 25 лет в

ла, но нет мест, и надо звонить Ломакиной, а ей, Раневской, неоткуда, и она снимается, а тут надо идти приводить в порядок комнату NN, а она замучена и пр.

своем дневнике Л.К. дала ей такую характеристику: «Лидия Львовна Жукова. Это поэма. Я знала ее еще в Ленинграде (она и ее муж, Жуков, японовед, ездивший в Японию — лучшие друзья Коли и Марины). С ее братом, С.Цимбалом, я училась в Институте. Она приехала в Ташкент с дочкой и племянником, нищая, голодная. Мать и сестры погибали в Ленинграде. Жуков был расстрелян, второй муж тоже арестован. Я ее полюбила. Меня от нее предостерегала Люша ("она тебя обманывает"). К.И-чу она тоже не понравилась, но он 1) добился ее прописки 2) устроил племянника в детсад ЦК, о чем она молила. Она голодала: не член Союза (как и я). Со мною Тихонов заключил договор на книгу детских рассказов; я решила делать вместе, чтобы и ей давали карточку на обед в Союзе. К.И. умолял меня не заключать договор на два имени, я не послушалась, заключила на два, деньги пополам, а писала я *одна* (Лида собрала матерьял на два или три рассказа, но писала все я). Рассказы печатались в газетах и журналах, вышли книжкой — все деньги пополам. Затем с помощью Лели Арнштама, который был с киностудией в Алма-Ата, я заключила договор на сценарий; опять на два имени и деньги пополам. Кое-что мы придумывали вместе, но опять писала *я одна*. Заболела Тата, Лидина дочка, не то тиф, не то воспаление легких. А жили они в ужасной проходной веранде, зима. Я взяла Тату к себе в свой чулан: теплее и выхаживала ее. Но участковый врач, которому кто-то донес, будто тиф, стал требовать, чтобы Тату отправили в тифозный барак; Лида испугалась (естественно) и взяла девочку домой к себе. Но потом говорила, что я выбросила ее на улицу. Ни одной моей вещи мне не отдала, хотя тогда добыть ведро или чайник было немыслимо. О комнате ни звука.(Л.К. на время отдала Л.Жуковой свою комнату со всеми вещами и переехала к родителеям. Однако, позже Л.Жукова отказалась освободить комнату и вернуть вещи. — *Е.Ч.)* И последняя низость: когда она решила ехать в Москву и ей понадобились деньги, она продала *кусок написанного мною сценария* в сборник, редактируемый Надеждой Яковлевной... Когда я вернулась в Москву, Лиде понадобилась в чем-то помощь К.И. Она позвонила. Я сухо с ней по телефону. Она: "Неужели, Лида вы еще помните ташкентские дрязги". — Никаких

Черт дернул меня ляпнуть, что позвонить Ломакину могу я.

Фаина вцепилась: «так значит вы это сделаете».

Я обещала.

Пришла к Лежневу. У него сидел в кресле бурбон — Тихонов.

Лежнев позвонил при мне секретарю ЦК Матвееву, который обещал комнату на Пушкинской. Положил трубку очень довольный.

«Оказывается, Л.К., Матвеев говорил с Ломакиным, и тот устроил NN в стационар. Так что комната будет позже».

— Удивительно, — сказал Тихонов — жены-мироносицы бегают, жалуются, а перевезти А.А. на Пушкинскую не могут. Ведь ЦК давно готов ее там устроить, все для нее сделать.

— Да, но NN не хотела, потому что ей дорого. 200 р. А у нее пенсия — 150 и редкий литературный заработок.

— Ахматова не может заработать в Ташкенте 200 р.? — Ну что вы! Написала стихотворение — вот и 200 р. — очень грубо и глупо сказал Тихонов.

Относительно Львовой Лежнев сказал, что все это недоразумение и она ему дала неверные сведения. Записка аннулируется.

Я пошла обедать. Обедала за одним столом с Марией Мих.Волькенштейн.

— Вы знаете, — сказала она мне, — Ф.Г. поручила мне к завтрему прибрать комнату NN. Я очень тороплюсь.

Молодец, Фаина!

И к вечеру я решила постепенно, что звонить Ломакиной я не буду. В самом деле, зачем хоровое пение перед

дрязг не было, — сказала я. — Была ваша ложь, низость и предательство. А Ташкент или Москва, это мне все равно". Потом я позвала К.И. к телефону, и он опять все сделал для Лиды... Такую законченную подлость я встречала редко».

Лидия Жукова — автор воспоминаний «Эпилоги» (Книга первая. New York: Chalidze Publications, 1983).

властью? Ф.Г. с ней уже говорила — пусть дальше сама и говорит... Тем более, что там очевидно все уже сказано.

По-видимому, NN просила Ф.Г. не надоедать Ломакиной и Ф.Г. хочет, чтобы надоедала я. Так я понимаю... О, придворный интриган!

Сегодня утром я пошла к NN.

Она вышла ко мне в переднюю. В буром халате, голова повязана полотенцем, на ногах — что-то вроде мужских кальсон. Лицо неприветливое, злое.

Я передала ей записку для Ф.Г., в которой сообщаю, что Ломакиной *не* звонила.

NN вынесла стул, и мы вышли на крыльцо.

— «Как тепло! Какая весна», — повторяла NN.

Сегодня — и вчера — тут очередная весна. Днем жарко.

Очевидно, NN очень озабочена тем — возьмут ее в стационар или нет.

Пока мы сидели — на том берегу реки палили: киносъемка.

Расспрашивала об Африке.

На прощание сказала:

— «Как Надя? Очень я соскучилась по ней... Ну вот, скоро буду дома — тогда увидимся... »

Я передам это Н.Я. Но вряд ли она обрадуется.

Когда вечером я пришла домой из гостей, оказалось, что была Раневская, которая сообщила, что завтра перевозит NN на ул.Карла Маркса: в обещанном стационаре не оказалось места.

Итак, снова у разбитого корыта.

6/XII 42

Вчера с утра я отправилась в Союз к Лежневу — попытаться все же сделать дело со стационаром.

Неожиданно для меня оно удалось.

Лежнев позвонил Матвееву, звонила я, Сомова; и Раневская на машине отвезла NN в стационар.

17—3280

Все это было, конечно, по-ташкентски: машина приехала, а шофер не знал, куда везти; Матвеев (секретарь ЦК) не знал, что Дурмень закрыт и стационар на Жуковской и т. д. Но в конце концов все устроилось.

Теперь только бы за это время устроить Пушкинскую.

Тихонов продолжает свою странную линию. Вчера, когда мы с Сомовой — очень горячо отозвавшейся — волновались у телефона, он вдруг сказал на всю комнату:

— Хорошо быть беспомощной или казаться такой. Очень удобно.

11/XII 42

Последняя моя запись об NN — о человеке. Как человек она мне больше неинтересна. [Несколько строк вырезано. — *Е.Ч.*]. Что же осталось? Красота, ум и гений. Немало — но человечески это уже неинтересно мне. Могу читать стихи и любоваться на портреты.

Сегодня я пошла к ней в стационар. Она вышла ко мне — в нарядном синем халате, с пушистыми, только что вымытыми волосами.

Разговор, который мы вели, был странен — по злости с ее стороны, по какой-то упорной маниакальности. Сначала мы поговорили о письме — она два дня назад получила письмо от Левы. Разговор был довольно ровен и спокоен, потом вдруг:

— «А знаете, Радзинские-то ведь оказались бандитами. Он сам признался, что брал все время себе мой паек — весь мой паек.. Вы подумайте! Холодные, спокойные бандиты. Это после стольких демонстраций заботы и преданности».

— Кому же он признался?

— «Фаине Георгиевне».

Я молчала. По-видимому, раздраженная этим молчанием, она несколько раз повторила слова о бандитизме.

Потом:

— «Как я скучаю по Наде... Очень хочу ее видеть. *Почему-то* она ни разу не пришла... »

В ответ на мой удивленный взгляд:

— «Да, в ту больницу я не хотела, чтобы она пришла, та уж была слишком страшная... (Зачем она лжет мне? Ведь я *знаю*, почему она не хотела.) А здесь нарядно, хорошо... Пусть она придет в воскресенье... Ведь она и Ф.Г. и Ломакина спасли мне жизнь. Иначе я давно лежала бы на кладбище. Особенно после того, как Ваш убийца врач, которого Вы привели [зачеркнуто полторы строки. — *Е.Ч.*] Скажите, зачем Вы его тогда привели? Для чего?»

— По-видимому для того, чтобы убить Вас, NN. Для чего же еще!

Затем — от полной растерянности перед этой настойчивой грубостью, непостижимой и непристойной [продолжение отрезано. — *Е.Ч.*]

Скоро пришла Ф.Г. Я встала. NN радостно подошла к ней:

— «Я сама мыла голову!»

«Ну NN, разве можно самой!»

[вырезана половина страницы. — *Е.Ч.*]

Тихонов говорил мне, что экземпляр рукописи уже получен. Многое вымарано. В частности — «Тринадцатый год».

Конец.

Сохранились шесть Ташкентских тетрадей Лидии Чуковской за 1941-42 годы. Бóльшая часть записей в этих тетрадях касаются Анны Ахматовой, но есть и другие —стихи этого времени, написанные самой Л.К., случайные разговоры, услышанные на улице, домашние события. Одна из этих шести тетрадей подарена Анной Андреевной.

Первое время после разрыва с Ахматовой Л.К. возвращалась мысленно к его причинам.

Вот некоторые записи 1943 года:

«Целый день думаю, думаю об Анне Андреевне. Ищу свою ошибку, свою неправоту. Мне легче было бы быть неправой, чем видеть ее — недоброй, несправедливой, ошибающейся, непонимающей...».

«И у меня вдруг страшно сжалось сердце. За что они все предали и оскорбили меня. И А.А. — такая умница. Неужели она не видит, что во мне нет ничего, кроме нежности к ней?»

«Глупый разговор об А.А. (с Н.С.Родичевой. - *Е.Ч.)*

— Я всегда чувствую себя с ней напряженно, нелегко.

— Это вполне естественно. Чувствовали бы Вы себя легко и свободно с Лермонтовым, например?

— Что вы, что вы, Л.К.? .. Вы преувеличиваете.

Как безнадежно близоруки люди».

«...гениальность стихов затмевает все». (Записано, когда Л.К. получила ташкентскую книжку Ахматовой в издательстве. - *Е.Ч.)*

В 1965-68 годах Л.К. перечла свои ахматовские и общие дневники. Позже она много раз к ним возвращалась, работая над «Записками об Анне Ахматовой».

Судя по ее дневнику, она прочла «Ташкентские тетради» несколько раз. Но не успела приготовить их для печати. Сомневалась, колебалась, откладывала. Лучше всего передают ее отношение к этим страницам ее собственные строки в дневнике, написанные в разные годы, на протяжении более четверти века:

«Я кинулась в холодную воду — читаю свои Дневники 1942 года. Свой мученический Ташкент. Боль — но уже не кровавая». *(12 января 1968)*

«Продолжаю читать свой ташкентский дневник. Еще не вижу, в каком размере надо это давать, в прежней ли форме, и в каком виде коснуться, и коснуться ли ссоры и дурных, некрасивых черт жизни АА» *(13 января 1968)*

«Перечла помаленьку Ташкентский Дневник. Как быть — еще не знаю, но бездна интереснейшего». *(15 января 1968)*

«Какая жизнь кидается на меня из них, когда я перечитываю эти старые, грязные, шершавые, сшитые тетради! Я все забыла — и вдруг сразу все мне навстречу». *(9 апреля 1968)*

«Перечитываю Ташкентский Дневник. Тяжело. Но очень манит писать». *(21 сентября 73)*

«...кое-как конспектировала свои 40-ые годы. Это нужно для предисловия ко второму тому. Но как же писать... как...» *(11 июня 1979)*

«С ужасом и отвращением перечитываю свои Дневники 40-х годов... Какое мое ничтожество, какая постоянная немощь перед жизнью, всегда поражение — денег нет, жилья нет... себя спасти от безоплатной работы, от лохмотьев — тоже не могу. Беспомощно, беззащитно, тщетно, бездарно». *(11 июня 1979)*

«Работали с Финой — конспектировали “красную тетрадь” 1941 года, оказавшуюся необычайно важной, важнее, чем я думала и помнила... — главное — Ташкент 1941 года, АА и “Поэма”, АА и мои стихи, “это ён на ону́ пошел

или ена на яво" — как я могла забыть это?..Там и многие стихи мои, и слова о них АА, и ее поправки, и когда какие строфы возникали в "Поэме". Но *когда* я напишу все это? (Многое вспоминается важное не записанное, когда читаешь эти записи, и очень точно.)» *(8 июля 1979)*

«Вспоминать Ташкент мне вредно. Город предательств... После Ташкента я десять лет не видела АА; потом подружилась с нею снова и дружила до гроба, но не забывала о ее ташкентских поступках никогда. Простить можно, но *забыть* (то есть видеть человека прежним, до проступка) нельзя никак». *(15 декабря 1979)*

«... читала ташкентский свой дневник. Пока совершенно не знаю, что мне с ним делать. Люша говорит: продолжить им первый том. Нет. По логике так, а по музыке нет. Ввести после конца третьего тома? Нет, после смерти АА уже ничего нельзя. Надо бы сделать отдельную книгу "Из ташкентских тетрадей" или "В зазеркалье". Но дело в том, что я не в силах окунуться в ташкентские ужасы — самый ужасный период моей жизни после 1937-го — измены, предательство, воровство... некрасивое, неблагородное поведение АА, нищета, торговля и покупка на рынке, страшные детские дома, недоедание, мой тиф... ». *(20 февраля 1982)*

«Ах, придется мне, придется писать Ташкентский период, а я хотела обойтись без». *(12 сентября 1985)*

«... совершенно не дают работать. А в ночные страшные часы так много мыслей! Написать бы, например, о проезде Пуниных через Ташкент, о встрече АА с НН, о вокзале, сборе хлеба и пр. — что и вызвало столь знаменитое покаянное письмо НН к АА... Но и думать нечего». *(29 января 1990)*

« Нет, надо, надо мне расшифровать свой Ташкент, умирать еще нельзя». *(18 мая 1991)*

« Фина привезла домой тетрадь 1967 года (об А.А. после смерти) и 1942-43. Ташкент. Как я боюсь их!» *(2 сентября 1992)*

« Да, еще — необходимо прочесть мою Ташкентскую тетрадь, ведь о 1942 году в Ташкенте никто ничего не написал. Да там и много лишнего, что надо было бы уничтожить». *(1 апреля 1993)*

« ... я с головой погрузилась в Ташкентские Записные книжки. Они такие страшные! Какой Двор Чудес с ними сравнится.

“Записная книжка” ташкентская ничуть не похожа на мои ленинградские и московские Дневники. Надо будет — если доживу — искать для них совсем новую форму. Скажем, выписки о ее литературных мнениях, может быть. Потому что там все мельком, на ходу. Когда я переписывала свои Дневники — оказывалось, что я помню гораздо меньше, чем там написано; а когда читаю Записные Книжки — *помню* гораздо больше, полнее. Впрочем впереди еще толстая тетрадь... Может быть, там полнее... Вообще, если займусь, трудно будет: обваливается на меня вся моя неумелая, жестокая и беспощадная жизнь. Я так была ошарашена Ташкентом, что читала Записные книжки даже ночью, не могла оторваться. Как там АА нуждалась во мне, как хвалила мои стихи! “Главное, чтобы вы не погибли!” Или “Что было бы со мною без вас”. Если я два дня не приходила, она посылала за мной гонцов или являлась сама... Когда мне срочно надо было окончить работу — устраивала мне у себя рабочее место и никому не позволяла входить и мешать... Рассказывала о себе, об Ольге Афанасьевне, о своих романах... И все это рухнуло — и как и что мне еще предстоит читать». *(22 апреля 1993)*

« Я решила заглянуть в Ташкентские записи. Боже мой! Боже мой! Сколько мучений, трудовых, сколько болезней, какая нищета, какая бездомность! Сколько предательств!

Стыдно, конечно, жалеть себя, но каюсь: жалею». *(28 апреля 1993)*

«Вожусь — недостаточно с Ташкентскими тетрадями... оставить эти тетради без себя в таком виде нельзя». *(7 мая 1993)*

«Читала свои Ташкентские записки. АА выглядит там так, что многое вырезываю... Так оставить нельзя. Я думаю, что если бы я перечла эти строки в 52-м — я не вернулась бы к ней». *(9 мая 1993)*

«Наступает на пятки 3-й том... И Ташкент. (Хочу дать его в обрывках)». *(12 января1994)*

Это последняя запись в дневниках Л.К. о Ташкентских тетрадях. Она успела уничтожить некоторые слова, строки, страницы, но не успела приготовить свои записи для печати. Ей явно не хотелось писать об этом времени.

В дневнике Л.К. сохранилось и одно суждение Ахматовой об их ссоре, записанное в 1943 году, по свежим следам:

«Волькенштейн мне сказал:

— У меня был о вас разговор с А.А. Я ей говорю: “Почему это вы не встречаетесь с Л.К.? Она так любит Вас. И Вы так дружили с ней. И она такая славная и пр.”. А.А.: “Так бывает в жизни...”

Бывает — но должно ли быть?»

К сказанному остается только добавить, что в отличие от всех трех томов «Записок», подготовленных к печати автором, «Ташкентские тетради» представляют собой необработанный, беглый дневник для себя, не предназначавшийся для печати.

Мною отобраны для публикации лишь записи, касающиеся Ахматовой, нами расшифрованы многие имена и фамилии, записанные сокращенно. Л.К. писала обычно лишь первую букву фамилии, а Ахматову называла — NN. В разгадывании имен помогли позднейшие заметки Л.К.

на полях или вставки развернутого имени карандашом.

Помогли и некоторые подготовительные материалы, которые накопились за годы работы над «Записками». В частности, в 1982 году Л.К. продиктовала своей помощнице Ж.Хавкиной и мне вопросы, которые она хотела бы затронуть в будущих пояснениях к «Ташкентским тетрадям».

Как видно по записям, сделанным почти сразу после ссоры, обида не помешала Лидии Чуковской восхищаться гениальностью ахматовской поэзии, сравнивать ее с Лермонтовым. Видно также, что с годами эта обида притупилась и подробности ташкентских неурядиц всплыли в памяти Л.К. лишь в конце шестидесятых годов, уже после смерти Ахматовой, когда Лидия Корнеевна начала перечитывать свои дневники.

Как будет видно из второго и третьего тома этих «Записок» дружба, драматично прерванная в Ташкенте, возобновилась в 1952-м году и продолжалась до самой смерти Ахматовой.

«Так бывает в жизни».

Елена Чуковская
июнь 1996

Список сокращенных названий

Произведения Анны Ахматовой

«Из шести книг» — Анна Ахматова. Из шести книг. Л.: Сов. писатель, 1940

БВ — Анна Ахматова. Бег времени. М.; Л.: Сов. писатель, 1965

«Сочинения» — Анна Ахматова. Сочинения / Общая редакция Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. [Вашингтон]: Международное литературное содружество.
Т. 1 (2-е изд., пересмотренное и дополненное), 1967
Т. 2, 1968

«Памяти А. А.» — Анна Ахматова. Стихи. В сб.: Памяти Анны Ахматовой. Paris: YMCA-Press, 1974

ББП — Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы / Составление, подготовка текста и примечания Б.М.Жирмунского. Л.: Сов. писатель, 1976. (Б-ка поэта. Большая серия)

ОП — Анна Ахматова. О Пушкине. Статьи и заметки / Составление, послесловие и примечания Э.Г.Герштейн. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Книга, 1989

«Узнают...» — Анна Ахматова. «Узнают голос мой...» Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта / Сост. Н.Н.Глен, Л.А.Озеров. М.: Педагогика, 1989

Об Анне Ахматовой

«Ахматова. Ардис» — Анна Ахматова. Стихи, переписка, воспоминания, иконография / Сост. Э.Проффер. Анн Арбор: Ардис, 1977

«Воспоминания» — сб.: Воспоминания об Анне Ахматовой / Составители В.Я.Виленкин и В.А.Черных. Комментарии А.В.Курт и К.М.Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991

«Встречи» — П.Н.Лукницкий. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Том 1. 1924—25 гг. Paris: YMCA-Press, 1991

«Изд-во МПИ» — сб.: Анна Ахматова. Requiem. М.: Изд-во МПИ, 1989

«Посвящается Ахматовой» — сб.: Посвящается Ахматовой. Стихи разных поэтов, посвященные Ахматовой / Составление П.Дэвидсон и И.Тласти. Вступительная статья, подготовка текста и примечания П.Дэвидсон. [США]: Эрмитаж, 1991

«Ахматовские чтения» — сб.: Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Выпуск 2. М.: Наследие, 1992

«Лишняя любовь» — Эмма Герштейн. Лишняя любовь // Новый мир, 1993, № 11 и № 12.

«Записки» — Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой Т. 1—3 настоящего издания (М.: Согласие, 1997)

Разное

ББП-П — Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы / Составление, подготовка текста и примечания Л.А.Озерова. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. (Б-ка поэта. Большая серия)

ББП-М — О. Мандельштам. Стихотворения / Составление, подготовка текста и примечания Н.И.Харджиева. Л.: Сов. писатель, 1973. (Б-ка поэта. Большая серия)

«Лица» — сб.: Лица. Биографический альманах, 1. Редактор-составитель А.В.Лавров. М.; СПб.: Феникс — Atheneum, 1992

«Пятитомник-П» — Борис Пастернак. Собрание сочинений в 5-ти томах / Составление, подготовка текста и комментарии В.М.Борисова, Е.Б.Пастернака, Е.В.Пастернак и др. М.: Худож. лит., 1989—1992

Словари, журналы, газеты

БСЭ — Большая советская энциклопедия

ВЛ — журнал «Вопросы литературы»

КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия в 8-ми томах. М.: Сов. энциклопедия, 1962—1975
Т. 9 (дополнительный), 1978

ЛГ — «Литературная газета»

ЛО — журнал «Литературное обозрение»

НМ — журнал «Новый мир»

Список иллюстраций

Автографы Анны Ахматовой

с. 157 Дарственная надпись, сделанная Ахматовой на обороте одной из своих фотографий 20-х годов

Между с. 480–481 «Поэма без героя». Карандашный автограф Один из первых вариантов поэмы

с. 453 1942, Ташкент. Черновой набросок

с. 509 27 ноября 1942 года. Ташкент. Записка из больницы

Фотографии

с. I Аня Горенко. 1904. Царское село

Анна Ахматова. 1911. Севастополь

Николай Степанович Гумилев, Анна Андреевна Ахматова и маленький Лева. 1916. Царское село

с. II Ахматова и Пунин. 1927. Ленинград. Снимал П.Лукницкий

Фонтанный Дом — бывший дворец Шереметевых, в одном из флигелей которого Анна Ахматова прожила, с 1921 года, почти тридцать лет. В этом здании в 30-е годы помещался «Дом Занимательной Науки»

с. III Анна Ахматова. Лето 1936. Старки. Снимал Л.Горнунг

с. IV Дом у Пяти Углов — Загородный проспект, 11, где в квартире № 4 жили Л.К.Чуковская и М.П. Бронштейн

с. V Лидия Чуковская. 1938. Киев. Снимал Исидор Петрович Бронштейн

с. VI Дом Предварительного Заключения в Ленинграде. Шпалерная, 25

Лениградская тюрьма «Кресты» (Арсенальная, 5) — где в конце 1938 года находился в заключении Лев Гумилев

с. VII Лев Николаевич Гумилев. 1938

с. VIII «Большой Дом» — здание Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД). Ленинград, Литейный пр., 4

с. IX Матвей Петрович Бронштейн. Середина 30-х годов. Ленинград

с. X Люша и Таня Валова в Летнем Саду. 27 июня 1938

Люша. 6 мая 1937. Ленинград

с. XI Лидия Корнеевна Чуковская с Люшей. 1943. Москва

с. XII Владимир Георгиевич Гаршин. 1936

Юрий Николаевич Тынянов

с. XIII «Белая ночь» — портрет Анны Ахматовой, исполненный А.А.Осмеркиным (1940)

с. XIV Корней Чуковский. Конец 30-х годов

XIV Тамара Григорьевна Габбе. Конец 20-х годов. Ленинград

XIV Александра Иосифона Любарская за два месяца до ареста. Июль 1937. Москва

с. XV Анна Андреевна с сыном соседки Тани Смирновой — маленьким Вовой («Шакаликом»). 1940. Ленинград

с. XVI Анна Ахматова. 1942. Ташкент

Анна Ахматова. 1942. Ташкент. На обороте фотографии дарственная надпись: *«Моему Капитану ЛКЧ от Ахм.»*

*Указатель имен**

Аввакум, протопоп 156
Адмони В.Г. 485, 493
Азадовский М.К. *24*
Аксаковы *309*
Александров А. *317*
Александров Г.Ф. *220;* 497, 505
Алимджан Хамид 356, 369, 372, 374, 461
Алфеевский В.С. 464
Альтман Н.И. 34, 154 ; *324*
Алянский С.М. 387
Андерсен Г.-Х. 158; *315*
Андриевская Л.М. 461
Андроников И.Л. 350
Андроникова-Гальперн С.Н. 395
Аникиева В.Н. 57—58, 91—92, 98, 145, 148; *91, 145,* ***305;*** 417
Анна Евгеньевна — *см.* Аренс А.Е.
Анненков Ю.П. 45
Анненский И.Ф. 122, 155—157, 176; *322— 323, 325, 329—330, 334;* 364
Анреп Б.В. 354, 452
Антокольский В.П. 431
Антокольский П.Г. 401, 431, 480
Антоновская А.А. 426
Арбузов А.Н. 367, 422
Арбузова Т.А. *338*
Ардов В.Е. *314;* 350, 372, 408, 419, 440, 486
Ардовы *314*
Аренс А.Е. 48—49, 51, 88, 115, 139, 188; *164,* ***303;*** 417, 502
Аренс С.И. 164; *164*
Ариосто Л. 86
Арнштам Л.О. 362, 410, 470—471, 511
Артамонов М.И. *279—280*
Архипов Е.Я. *330*
Архиппова К.Л. 484
Арцыбашев М.П. 213
Асбьёрнсен П.-К. *291*
Асеев Н.Н. 65, 104, 112; *29, 326*
Афиногенов А.Н. 369
Афиногенова А.В. 369
Афиногенова С.А. 369

Бабаев Э.Г. *59, 288*
Бабочкин Б.А. 412—413
Багрицкий Э.Г. 205; *333;*422
Байрон Дж.-Н.-Г. 35, 89, 226—227; 456

---

* Указатель составила Ж.О. Хавкина.
Номера страниц, относящихся к пояснениям под строкой или к отделу «За сценой» даны курсивом. Полужирным курсивом выделен номер страницы с основными сведениями о данном лице.
Страницы «Приложения» даны другим шрифтом.

Балинский Ст. 438
Бальмонт К.Д. 130, 181; *308, 318*
Банников Н.В. *151—152*
Баранов В.Г. 55, 145, 159—162, 213; ***305;*** 429
Бараташвили Н. *290*
Баратынский Е.А. 133, 135, 164; *320, 322;* 449
Барклай-де-Толли М.Б. 112
Басов-Верхоянцев С.А. 429
Басова-Верхоянцева Н.И. 429
Баталов В.П. 431, 447
Бать Л.Г. 448, 460
Батюшков К.Н. 87
Баумволь Р.Л. 495
Беатриче 194
Безбородов С.К. *298*
Бекетова М.А. 456
Белинский В.Г. 82; 388—389
Белкина М.И., *см.* Тарасенкова М.И.
Белый Андрей 205, 216—217; *304*
Бенедиктов В.Г. 50; *303*
Беньяш Р.М. 393—394, 397, 403, 408, 410—412, 425—428, 430, 433—435, 440, 448, 450, 454, 457, 460, 463—464, 466, 474, 478—480, 498—499, 501, 505—506
Берггольц М.Ф. 478
Берггольц О.Ф. 34, 195; *195,315, 319;* 358, 478—479, 494
Бергельсон Д.Р. *338*
Берестинский М.И. 351, 384, 476
Бизе Ж. 375
Бичер-Стоу Г. 216
Благая 449
Благинина Е.А. 120; *120, 338*
Благой Д.Д. 417
Блок А.А. 15, 28, 40, 45, 47,77, 119, 122, 131—132, 135, 139, 160, 170—172, 174, 183—186, 202, 205, 209, 213, 217—218; *290, 304, 318—319, 322, 330—332, 334—335;* 348, 355, 364, 375, 379, 391—392, 403, 414, 455—456, 458, 475
Блок Л.Д. 40, 172, 184—185, 190; 375, 414, 456,
Блох Я.Н. 137; ***321***
Блейк В. 346
Блюм В.И. 368
Блюм М.М. 368—370, 372—374
Богданович Т.А. 191; ***332***
Бодлер Ш. 151; 410
Болдырев А.Н. (Сандрик) 71, 117; ***117, 310***
Болотов А.Т. 48
Большинцова Л.Д. 468
Бонди С.М. 212; *24*
Бонч-Бруевич В.Д. 89, 174; *89*
Боттичелли Сандро *223*
Браганцева 444, 446, 467, 473, 478, 493
Брауде Р.А. 51—52; ***303***
Браун Н.Л. 175; *329*
Браунинг Р. 21, 94
Браунинг Э. — *см.* Browning E.
Брик Л.Ю. 79, 118
Брик О.М. 118; *299*
Брики Л.Ю. и О.М. 118—119; *297*
Бродский Н.Л. 495
Брокгауз Ф.А. *314*
Бронштейн Матвей Петрович 9—12, 20, 40, 57, 166, 231; *10, 31, 36, 44, 62, 165, 216,* ***280—282,*** *291, 298, 300, 303, 307;* 376, 418, 461, 464—465, 469, 472, 476, 482

Бронштейны П.О. и Ф.М. 10; *165;* 464—465
Брыкин Н.А. 166
Брюсов В.Я. 51—52, 176, 205; *303—304, 335—336;* 343, 456
Брюсов Н.Я. 52; *304*
Буало-Депрео Н. 51
Булгаков М.А. 369, 377, 483, 491
Булгакова Е.С. *17;* 377, 385, 404, 488, 491—492, 510
Бунин И.А. 154; 363—364
Бурлюк Д.Д. 86
Бухштаб Б.Я. 82—83; *311*

Вавилов С.И. *282*
Вакар А.Э. 197; 487
Вакар В.М. 487
Вакар И.В. 487
Валери П. 456
Валов В.И. *318*
Валова Т.В.(Таня) 123, 128,130, 134, 165, 191; ***318***
Ван Дейк А. *335*
Варшавская М.Я. 210—211; *210,* ***335***
Васильева Е.И. 176; *329—330*
Васнецов Ю.А. *324*
Великовский С.И. *28*
Величкин *326*
Вересаев В.В. 182
Верлен П. 151, 226; 357
Вигдорова Ф.А. 429
Вигель Ф.Ф. 174; *174*
Виктор 468
Виленкин В.Я. *29, 294*
Виллон (Вийон) Ф. 192
Вильям-Вильмонт Н.Н. 455
Винокур Г.О. *24*
Вирта Н.Е. 359, 434
Вишневская Н.А. 491
Вишневский А.Л. 491
Владимир II Мономах *254*
Воинов В.В. 206
Волков А.А. 70; ***309—310***
Волконская З.А. 449
Волохова Н.Н. 172, 185
Волошин М.А. 77—78, 176; *77, 329—330;* 484—485
Волькенштейн В.М. 345—346, 358, 367, 388—389, 397, 416—417, 426, 430, 432, 467, 506, 510
Волькенштейн М.М. 354, 373, 384, 430, 512
Волькенштейны В.М. и М.М. 348—349, 367—368, 373, 414, 418, 430, 452
Вольпе Ц.С. 54, 96; *96,* ***304—305;*** 450
Вольтер 28, 86
Высотская О.Н. 35—36, 38, 47—48, 50, 53; ***296***
Высотский О.Н. 36; *50,* ***296***
Вышинский А.Я. 12; *325—326*
Вяземский П.А. 81, 101, 224; *123, 306—307, 309, 334*; 449

Габбе Т.Г. 62, 106—107, 109—114, 117, 120,126—128, 131, 135, 163—164, 184, 193, 229, 233, 238; *62, 106, 236, 291, 297—298,* ***315—316,*** *338;* 346, 376, 399, 410, 419
Габрилович Н.Я. 431
Габрилович Е.И. 431
Гайдабура В. *328*
Гартевельд М. *295*

Гаршин В.Г. 29—30, 36, 39—40, 43, 46—47, 49—50, 55, 58, 67, 70, 72, 74, 81—82, 87, 89, 90, 96, 98, 108—109, 117, 119, 126, 130, 145, 148, 152—153, 155—156, 158, 160—161, 165—167, 169, 171, 177—180, 186, 190, 199, 206, 219, 221; *29, 153, 305;* 344, 355, 357—358, 360, 390, 402, 405, 416, 419, 425, 428, 438, 440, 446, 449, 457—459, 461, 463, 472, 477, 481, 489—490, 497, 501—503, 505—506, 510

Гаршин Вс.М. *29*

Гаршина Т.В. 489, 502

Гейне Г. 379, 410

Герасимов С.А. 413

Герман П. 397

Герцен А.И. 22, 27, 82; *74, 306—307;* 376, 388

Герцен Н.А. 22

Герштейн Э.Г. 60; *17, 60, 70, 105, 208, 224, 280, 284, 303,* ***306,*** *314;* 485, 490

Гессе Н.В. *297*

Гете И.-В. 172; *290*

Гильденбрант О.Н. *328*

Гинзбург И.И. 237; ***338;***

Гинзбург Л.Я. 50, 52, 55, 60, 226; *52, 55, 60—61, 303,* ***306—307,*** *337;* 406, 501

Гинзбург Саша (Галич А.А.) 422

Гиппиус В.В. 422—423

Гиппиус З.Н. 12, 29, 78; *78—80*

Гитлер А. 225, 240; *302, 315, 338*

Глебова-Судейкина О.А. 15, 23, 49, 86, 137, 174; *15, 86, 174,* ***288—289,*** *331*; 366, 381, 395—396, 405, 519

Глен Н.Н. *284*

Гликин И.М. 464—465

Глоцер В.И. *317, 329*

Гоголь Н.В. 27; *290, 309*

Гойя *328*

Голенищев-Кутузов А.А. 174

Голлербах Е.А. *334*

Голлербах Э.Ф. 207—208,210; ***334***

Голубева М.А. («новая жена» Н.Н. Пунина) 50

Гомер 84, 92; *84, 253*

Гончаров И.А. 90, 194

Горелик Г.Е. *282*

Горенко (семья) *333*

Горенко Андрей Андреевич 52, 93,156; ***304***

Горенко Андрей Антонович 94, 127, 150—151,156, 209; ***304***

Горенко Виктор Андреевич ***304***

Горенко Инна Андреевна 150, 208; ***304***

Горенко Инна Эразмовна 52, 94, 150—151, 156, 197, 208, 215; ***304;*** 344, 368

Горенко Ирина Андреевна ***304***

Горенко Ия Андреевна 150, 156; ***304***

Горенко М.А. (жена Андрея Андреевича Горенко) 94

Горнунг Л.В. *109*;349

Городецкая А.А. (Нимфа) 355, 376—377, 396, 432

Городецкая Р.С. (Ная) 354, 359, 373—375, 383, 386, 391, 432, 437, 440—441

Городецкие 373, 396

Городецкий С.М. 348—349, 354—356, 376—377, 425, 432, 439, 441

Горький М. (А.М.Пешков) *281, 300, 306, 309;* 365, 439
Гофман Э.Т.А. *256*
Грибачев Н.М. *308*
Григорьев Б.Д. 58, 91
Грильпарцер Ф. *318*
Гримм, братья Я. и В. *315*
Гринберг И.Л. 205; *333*
Гриц Т.С. *288*
Гросс П.О. (Паллада) 33—34; ***295***
Груздев И.А. *331*
Грушко Н.В. 439
Гуковский Г.А. *307*
Гумилёв Л.Н. 12, 20, 31, 36, 44, 46, 48, 51—52, 66, 83, 119, 139, 166, 171, 187, 206—207, 221, 229; *16, 31, 37, 42, 58, 70, 80, 99, 106, 114, 144, 146, 204,* ***279— 280,*** *296*; 350, 375, 436, 440, 514
Гумилёв Н.С. 30, 34, 36, 40, 51, 79, 81, 85, 90, 113—114, 119, 122, 133—134, 138, 173—174, 181, 186—187, 208—210; *16, 30, 85, 113, 122, 133, 138, 146, 163, 279, 293, 296, 302—303, 306, 310, 318, 321—323, 325, 327, 330, 333—336;* 348—349, 368, 405
Гумилёва А.И. («свекровь», «бабушка») 138, 187, 208; *146;* 440
Гумилёвы 90
Гуревич Т.Е. 106—107, 109; ***314—315***; 464—465
Гюго В.-М. 196; 401, 456

Давид Жак Луи 76
Давиденков Н.С. 37, 42—44, 46, 200—201, 204, 206; *37, 42, 80,* ***302—303,*** *305;* 435—436, 464—465
Давиденков С.Н. 55; *302,* ***305***
Давиденкова К.Г. 80—81, 117, 199, 201; *80, 199;* 435—436
Давиденковы 148
Данин Д.С. *282*
Данте Алигьери 25—26, 92, 97, 134, 194, 196, 225; *246, 253, 290;* 484
Дантес Ж.-Ш. 217
Данько Е.Я. *86,* ***293–294***
Данько Н.Я. 33; ***293–294***, *334*
Дарвин Ч. 302
Дейч А.И. 448, 460
Дельвиг А.А. 449
Дельмас Л.А. 184—185; 375
Державин В.В. 351, 411—412, 462—463
Джамбул Джабаев 410, 450
Джанибеков 429
Джибиан Дж. *317*
Джойс Дж. 20, 211; *286;* 347
Дикий А.Д. *313*
Диккенс Ч. 120
Дирак П.-А.-М. *281*
Дмитриев И.И. 214
Добин Е.С. 393
Добролюбов Н.А. 82; *311*; 388
Добычин Л.И. *306*
Дос Пассос Дж. 211
Достоевский Ф.М. 16, 27, 101, 194, 221; *222;* 355, 419
Дроботов В.Н. 427
Дроботова («Юнона») 427, 431, 455, 463
Дроботова Л. 444, 447, 458, 494, 496, 505

Дроботовы 431
Друзин В.П. 66—67; ***308***
Дулитл Х. 490
Дюбуше Е.К. 186; *330*
Дягилев С.П. *331*
Дядичев Вл. *299*

Евгения (жена Наполеона III) 209
Евреинов Н.Н. *295*
Егоров Л.А. 493
Егудин Г.И. (Геша) 29; ***291;*** 482—483, 488
Егудина-Пуриц Е.Ф. (Лила) 482—483, 488, 491
Ежов Н.И. 12, 228; *297, 307*
Ермолова М.Н. 461
Есенин С.А. 93—94, 145; *145, 292, 309;* 395, 445, 471, 475
Ефимов Е.Б. *284;* 409

Жанна д'Арк 344
Жданов А.А. *16, 220*
Железнова 368, 372, 374
Женичка (Соколова-Жемчужная Е. Г.) 118
Жирмунский В.М. *40, 125, 152, 284, 289, 332*
Житков Б.С. *305*
Жуков Д.П. 511
Жукова Л.Л. 380—382, 386, 389, 408, 425, 444, 447, 450, 465, 467, 473, 476—478, 510—512
Жукова Тата 485, 511
Жуковский В.А. 182, 214; *290, 304, 309, 325, 334;* 344
Журавлев Д.Н. 24; ***290***
Журавская С.А. 481

Заболоцкий Н.А. *121*
Задунайская З.М. 36—37, 120, 123; *36, 291,* ***297,*** *318;* 376, 402, 419
Зак В.Г. 390, 439, 467
Замятин Е.И. *306;* 387
Зеленин Н.В. 461, 477
Зелёная Р.В. (Рина) 362—364, 401, 404—405, 407, 421, 444—445, 457—458, 485
Зелинский К.Л. 164; 441, 444—445, 447, 451—452, 454, 460, 464, 491—492, 497, 505
Зенкевич М.А. 490
Зильберштейн И.С. 425
Зина 485
Зозовский М.Н. 497, 505
Зозуля Е.Д. 377
Зозуля Н.Е. 377
Зощенко М.М. 65, 205, 210; *29, 304, 326, 333*
Зуммер Вс.М. 489

И. — *см.* Иогансон Б.В.
Иван IV Грозный 487
Иванов А.А. 489
Иванов Вяч.Вс. *85, 121, 296, 303—304,*
Иванов Вяч.Ив. 51—52, 77—78, 138, 181, 192; *303—304;* 445, 489
Иванов-Разумник Р.В. 124; *318*
Ида (Куппонен Ида Петровна) 10—11, 25, 44, 63, 85, 87, 96, 108, 128, 230—232, 234—236, 240; 390
Изергина А.Н. (Тотя) 400
Измайлов Н.В. 212
Ильин М.Я. *238*

Инбер В.М. *287*; 446, 449
Иогансон Б.В. 91—92; *312*
Иоффе А.Ф. *280–282*
Исаев К.Ф. 476

Казанский Б.В. *304*
Каминская А.Г.(Аня, Малайка) 191; *191;* 417
Каминская Э.М. 131, 138; *319*
Кант И. 191
Караваева А.А. *326*
Карамзины *309*
Катулл Гай Валерий 65, 78
Катышев В.П. 11; *44, 216*
Катышева М.П. (сестра В.П. Катышева) *44*
Кац Б.А. *331*
Кацанович 501, 504
Кашкин И.А. 490
Квитко Л.М. 236, 238; *238, 338;* 449, 495
Кейзер 357
Кетлинская В.К. 469
Кибрик Е.А. 417
Киплинг Дж.-Р. *290*
Киселев Я.С. 62; *62, 307*
Китс Дж. 226—227
Кичанов М. 353
Клодт П.К. *324*
Князев В.В. 17; *286*
Князев Вс.Г. 393
Кобринский А. *317*
Коварский Н.А. 411, 413
Козлов И.И. *304*
Козловский М.И. *324*
Комаровский В.А. 161—162; *324, 325, 334*
Комиссаржевская В.Ф. *305*
Конашевич В.М. *324*
Конрад Н.И. *280*
Конторович Л.А. 361, 397
Кончаловский П.П. *311*
Корнель П. *290*
Корнилов В.Н. *284*
Кочетков А.С. 349, 356, 411—412
Кочетов Вс.А. *308*
Кошут Л. 376
Кр. 68, 85; *85*
Кравцова И. 435
Кралин М.М. *74, 295*; 354
Крандиевская-Толстая Н.В. 69; *69, 309*
Крестова Л.В. *309*
Криволапов Л.Я. *300*
Крупин Д.В. *220*
Крученых А.Е. 140
Крылов И.А. 66
Ктеренциан Мавр *339*
Кублицкая-Пиоттух А.А. 414, 456
Кузмин М.А. 77, 138, 173–175, 177, 192, 221; *174, 295, 321, 327–328, 334*
Кузнецов И. *302*
Кукрыниксы *238*
Куприн А.И. *309;* 450
Курдов В.И. *324*
Курдюмов В. *295*
Кэрролл Л. *239*; 380
Кювье Ж. 401

Лаборд де 510
Лавренев Б.А. 352–353, 359
Лавров А.В. *329*
Лагерлёф С. *291, 297*

Ламартин А.-М.-Л. де *123*
Ландау Л.Д. *281*
Ларошфуко Франсуа де 484, 488
Лафонтен Ж. де 410
Лебедев В.В. *298–299, 305;* 399
Лебедев-Кумач В.И. 65; *326*
Левик В.В. 352, 379, 403—404, 410, 449
Левин К.Я. 369
Левин М.П. 42, 118; *55, 297–299,* ***300—302;*** 399, 401, 418, 464—465, 476
Левины (родители М.П.Левина) 464—465
Ледрю-Роллен А.-О. 376
Лежнев И.Г. 460, 474, 507—508, 510, 512—513
Леконт де Лиль Ш. *290*
Ленау Николаус 411
Лентулов А.В. *311*
Леонардо да Винчи 144; *144*
Лермонтов М.Ю. 27, 60, 172, 182, 188, 197, 226; *60, 188, 306, 309, 335, 337;* 463, 466, 491, 516, 521
Лесман М.С. *337*
Лидин В.Г. 426
Лидина М.А. 426, 430
Липко В.А. 436, 463
Липпи Филиппо (Фра Филиппо) 396
Липскеров К.А. 345, 351, 360, 370, 381—382, 396, 409
Лифшиц В.А. 139
Лозинский М.Л. 24—25, 65, 82, 99—100, 102, 106—108, 119, 194; *24, 109, 264,* ***289—290,*** *318—319;* 356, 411, 435, 462
Ломакин Н.А. 447, 451, 481, 497—498, 512
Ломакина А.И. 481—482, 510—513, 515
Ломоносов М.В. 498
Лопе де Вега (Вега Карпьо Л.-Ф.) *290*
Лохвицкая М.А. *322*
Луговской В.А. 373—374, 422
Лукницкая В.К. *120*
Лукницкий П.Н. *28, 74, 120, 332*
Лунц Е.Н. 122; ***317—318***
Лунц Л.Н. *318*
Лурье А.С. 174; *174, 289, 330,* ***331—332***
Лысогорский Ондра (Сандра) 482
Львова К.С. 492—493, 510, 512
Любанский И.А. 428
Любарская А.И. (Шура) 43, 62, 80, 84, 94, 109—110, 123, 164, 170, 229, 233; *28, 43, 236,* ***291,*** *297—299, 311, 315;* 376, 399, 402, 410, 418—419, 424—425, 472, 475—476
Любарская Е.С. 123
Любочка 374
Лютфи 356, 481
Люша — *см.* Чуковская Е.Ц.

Мадерас И. 483
Мадерас Э. 483
Майков А.Н. 82
Майслер М.М. 464—465
Маковский С.К. 176; *329—330*
Макогоненко Г.П. 469
Макридин Н.В. 349
Максимов Д.Е. 214; ***335—336***
Малкина Е.Р. 129, 131; *129,* ***318—319***

Мальский М. *317*
Мандельштам Л.И. *282*
Мандельштам Н.Я. 105; *105, 314;* 351, 464, 471, 473—474, 479—480, 483—484, 491, 493—494, 496, 498—499, 504, 511, 513, 515
Мандельштам О.Э. 21, 49, 103—105, 129, 157, 160, 176, 198, 239; *21, 49, 73, 84, 105, 153, 271, 276, 288, 294, 306, 314, 321—322, 325, 334;* 349, 356, 372, 382, 435, 462—463, 472, 481—482, 484, 499, 501
Мандельштамы Н.Я. и О.М. *306, 314*
Мария Стюарт 89
Маркиш П.Д. *338*
Маркс К. 360
Маруся 426
Маршак С.Я. 102, 104, 162—163, 235—236, 238; *163, 235, 238, 281—282, 287, 291, 297—298, 300, 315—316, 338;* 346, 352, 412, 433
Матвеев А.А. 512—514
Матвеев А.Т. *312*
Мафрог С. *326*
Маццини Дж. 376
Машков И.И. *311*
Маяковский В.В. 37, 41, 84—86, 118—120, 135—136, 146, 157, 160, 169, 197, 214; *84, 112, 252, 287—288, 290— 292, 297—300, 317, 322;* 381, 445
Медведева-Томашевская И.Н. 463, 477
Медичи Дж. *288*
Мейерхольд Вс.Э. *296, 328, 338;* 369, 391
Мейзенбуг М.-А. фон 388
Мейлах М.Б. *317*
Менделеевы 40
Мережковские 28—29, 78; *78*
Мериме П. *290*
Меркурьева В.А. 484
Микеланджело Буонарроти *288*
Милашевский В.А. *295*
Миллер Е. *290*
Митрохин Д.И. 468
Михайлов М.Л. 74; *74*
Михалков С.В. *316*
Мицкевич А. 54, 223; *224*
Мишкевич Г.И. 37; ***297—300***
Модзалевский Б.Л. 69
Модзалевский Л.Б. 69
Модильяни А. 12, 38—39, 146; *288*
Мок-Бикер Э. *289*
Молок Ю.А. *289*
Мольер *290*
Мопассан Ги де 32—33; *290, 293*
Мордерер В.Я. *125*
Мориак Ф. 159—160, 162
Морозов С.Т. *305*
Морозова О.Г. *295*
Муравьев 360
Мусин И.А. 469

Нагорный С. *333*
Надсон С.Я. *321*
Найман А.Г. *284, 333*
Наполеон I (Бонапарт) *123*
Наполеон III 209
Наппельбаум Ф.М. 448
Нарбут В.И. *261*
Недоброво Н.В. 116, 124—125; *125, 334*

Нейгауз А.Г. *337*
Нейгауз Г.Г. 201
Некрасов Н.А. 52, 151, 174, 197; *308*
Немировская О. *304*
Непомнящий В.С. *28*
Нечкина М.В. 359—361, 365, 387
Николай I 27
Нилин П.Ф. 367
Новиков Н.И. *294*
Нович (жена И.С.Новича) 369, 401
Нович И.С. 369, 372

Овидий Публий Назон *320;* 368
Овсяников Ю.М. *294*
Огарев Н.П. *307*
Огарева (Тучкова) М.Л. 388
Окладников А.П. *280*
Оксман Ю.Г. 24; *24*
Олдингтон Р. 39; 490
Олдрич Т.-Б. *297*
Ольшевская Н.А. 101, 219; *284, 314*
Орбели И.А. 206
Орлов В.Н. 185
Осетров Е.И. *322—323*
Осмёркин А.А. 31, 91—93, 145—146, 158; *311—313*
Островский А.А. 439
Островский А.Н. 417, 439
Острой О.С. *334*
Остроумова-Лебедева А.П. 117
Остужев А.А. *60*

Павел I 23
Павлова А.П. *294*
Павлова М.М. *294*
Паллада — *см.* Гросс П.О.
Панаева А. Я. 388
Панфёров Ф.И. *287*
Панченко А.М. *280*
Парнок С.Я. 409
Парнис А.Е. *295*
Пастернак Б.Л. 18, 22, 31, 58, 64, 77, 84, 88—89, 98, 101—105, 107, 110—111, 144, 149—150, 154—155, 157, 160, 169—170, 189—190, 201, 210, 214, 217—219, 221, 225—227, 233; *18, 22, 59, 170, 189, 222, 243, 293, 306, 311, 313—314, 322—323, 336—337;* 357, 365, 369, 382, 391, 431, 436, 454, 484, 501
Пастернак Евг.Бор. *284*
Пастернак Евг.Вл. 155; 369, 391, 431, 463—464
Пастернак Ел.Вл. *284*
Пастернак З.Н. 22, 101—102, 155, 190; *22, 313—314, 337*
Пастернак Л.О. *313*
Пастернак Л.Б. (Леня) 101—102
Паустовский К.Г. *338*
Пахомов А.Ф. *305, 324*
Перро Ш. *315*
Перцов В.О. 130,164; *130, 164*
Петрарка Ф. 197
Петров В.Н. 158; *324*
Петровых М.С. *189, 208, 284*
Пешкова Е.П. 408
Пешкова Н.А.(Тимоша) 365, 373, 398, 410, 476—477, 498, 502
Пешковы 370, 407, 409
Пикассо Пабло 130
Пильняк Б.А. *17, 89, 94, 252, 306*

Писарев Д.И. 182
Плучек В.Н. 367, 401, 419, 422
По Э.-А. 484
Погодин Н.Ф. 439
Ползунов И.И. *287*
Поливанов 493, 495—497, 515
Поликарпов Д.А. *220*
Половинкин Л.А. 403, 410
Полонский Я.П. 364
Полякова С.В. *302*
Попков П.С. *326*
Попова Н.И. *289*
Поскребышев А.Н. *17*
Примаков В.М. 118; *317*
Пруст М. 33; 347
Пугачев Е.И. 224; 447
Пугачева К.В. 409—410
Пунин А.Н. 49
Пунин Н.Н. 17, 25, 28, 34, 39, 41, 49—51, 57, 80, 83, 87—88, 96, 102, 115, 128, 132, 184, 186—188, 195, 211—212, 215—216; *16, 164, 187—188, 191, 285—286, 303, 318, 324, 326;* 399—400, 416—418, 421, 423, 432, 463, 502—503, 518
Пунина И.Н. 34, 39, 51, 56, 115; *191, 286;* 417, 457, 502
Пунины 25, 32, 110, 166, 171, 192, 198, 202, 204; 417—418, 421, 423, 428, 457, 500, 507, 518

Пушкин А.С. 18, 24—25, 27—28, 31, 47, 54, 69, 73, 83, 86—87, 89, 100—101, 112, 120, 122—123, 127, 132, 134—135, 160, 173, 193—194, 212, 214, 217, 223—224, 226; *24, 28, 40, 66, 73, 83, 86, 120, 122—123, 127, 174, 187, 194, 224, 248, 250, 285, 290, 293—294, 304, 306, 308—309, 313, 320, 325, 331—332, 334;* 356, 361, 367, 373, 406—408, 447, 449, 458, 488
Пушкин В.Л. 87
Пушкин Л.С. 68, 69

Радзинская С.Ю. (Софа) 354, 357—359, 361, 386, 393—394, 403, 418, 420, 429—431, 434, 440, 444—445, 447, 450, 452, 457, 460, 476—478, 480—481, 483, 496, 504—506
Радзинские С.Ю. и С.А. 354, 438, 452, 462, 507—508, 510, 514
Радзинский С.А. 354, 382, 446, 495, 497, 507
Радзинский Э.С. (Эдик) 483
Радлов Н.Э. 79; *79*
Радлов С.Э. *328*
Радлова А.Д. 79—80, 175; *59—61, 175, 327—328;* 424
Радловы А.Д. и С.Э. *328*
Райх Б.Ф. 467
Раневская Ф.Г. 363, 412, 421, 423—425, 427—428, 431, 436—439, 441—450, 452, 454, 456—458, 462, 465—470, 472—474, 479, 482, 485—487, 489—493, 496—508, 510, 512—515
Расин Ж. 129, 196; *196*
Раскольников Ф.Ф. 34
Распутин Г. Е. 427—428
Рахмилевич Л. *145*
Рейснер Л.М. 12, 34, 79—80; *79*
Рембрант Х. ван Рейн 102
Ремизов А.М. 215; *294*
Ренуар П.-О. 347

Ренье А.-Ф.-Ж. де *325*
Репин И.Е. 158
Риббентроп И. 225
Рикэ 49
Рильке Р.-М. 455
Родичева Н.С. 516
Рождественский Вс.Ал. 103; 415, 468
Розанов В.В. 12, 29, 69—70; *309, 334*
Розанова (Верещагина-Розанова) Н.В. 69
Розенберг М.Я. 362, 376, 464—465, 471
Розенгейм М.П. 182
Роллан Р. *290, 332*
Роммель Э. 470, 504, 506
Ронсар 403
Ростопчин Ф.В. 375
Рубенс П.-П. *335*
Рублёв Андрей *285*
Руденко С.И. *279*
Руднев Л.В. *280*
Русланова Л.А. 379
Рыбаков И.И. ***324***
Рыбаковы Л.Я. и О.И.81—82, 135, 139, 158; *81, **324***
Рыкова Над.Ян. 140; *140*
Рыкова Нат.Викт. *270, 307*

Садовской Б.А. *295*
Сазонова-Слонимская Ю.С. *125*
Салтыков-Щедрин М.Е. *27*
Саргиджан (жена А. Саргиджана) 369
Саргиджан Амир 369
Сафо 77; 490
Сахаров А.Д. *282*
Саят-Нова *290*
Сверчкова А.С. 146; *146*
Светлов М.А. *338*
Святополк-Мирский Д.П. 17; ***286***
Северянин И.В. 154, 169; *321*
Сегал Д.М. *79*
Сейфуллина Л.Н. *17, 280*
Сервантес Сааведра М. де 62
Симеон Столпник ***314***
Симонов К.М. 175, 210; *29, 329*
Скотт В. 64; *320*
Слепян Д.С. 412, 425, 427—428, 431—432
Слетов П.В. 345, 377, 380, 435
Слонимский А. 438
Слонимский М.Л. 65
Случевский К.К. 364, 392
Смирницкая Е.М. 353
Смирнов Валя 20, 46, 64, 98, 114, 167, 178, 180, 191, 197, 202—203, 217; *20,46, 135, 197;* 417, 477
Смирнов Вова («Шакалик») 46, 59, 62, 64, 66—67, 81, 91, 98, 114, 148—149, 156, 167, 191, 202, 216; *46, 135, 197;* 417, 430, 433, 436—437, 440, 449, 463, 477, 488
Смирнов Е. (Женя) 197; *197;* 417, 477
Смирнов Н.М. *309*
Смирнова (Россет) А.О. 69; ***308—309***
Смирнова В.В. *315*
Смирнова Т. (Таня) 20, 81, 85, 87, 91, 93, 98, 104, 128, 148—149, 151, 156, 166, 178, 180, 192, 196—198, 203, 216—217; *20, 135;* 374, 417

Смирновы 64, 66, 72; *46*
Смоллетт Т.-Дж. *286*
Соколов Б.Д. 386—387, 415
Солженицын А.И. *303;*
Сологуб Ф.К. 76—77, 86, 136—138, 198, 205, 213; *76, 86, 136, 294, 296, 321, 334;* 386
Соминский М.С. *281*
Сомова С.А. 472, 513—514
Сосинский В.Б. *331—332*
Софья Ивановна 148
Спасский С.Д. 103
Срезневская В.С. 161, 168, 201, 207—210, 224—225; *161,187, 333—334;* 355
Срезневские 366, 400
Срезневский В.В. 187; *187,333*
Сталин И.В. 12; *16—17, 279—280, 315*
Степанов Н.Л. 118; *118, 317*
Стеффенс Л. 347
Столыпин П.А. *310*
Страшун И.Д. 446
Стриндберг Ю.-А. 211
Струве В.В. *280*
Струве Н.А. *105, 322—323, 336*
Суворин А.С. *69*
Судейкин С.Ю. 91; 462
Сурков А.А. *280*
Сухомлинова А.С. 493

Тамара Ханум 385, 411—412
Тамм И.Е. *282*
Тарасенков А.К. 405
Тарасенкова (Белкина) М.И. 405, 455
Тараховская Е.Я. 404, 409, 467—468, 495
Тассо Т. 87, 197
Татлин В.Е. 158; *285*
Твен Марк 47, 62
Тименчик Р.Д. *67, 121, 125, 295, 320, 329, 331*; 393
Тирсо де Молина *290*
Тихонов (Серебров) А.Н. («Тишенька») 58, 98, 111; *58, 98, 111, 305—306;* 363—364, 370, 381, 404, 415, 425, 438, 441, 443—445, 451, 466, 468, 497, 511—512, 514—515
Тихонов Н.С. 362
Толстая Л.И. 373, 402, 414—415, 418, 434, 497
Толстая С.А. 142; *143*
Толстая-Есенина С.А. 25; *294*
Толстой А.К. *292*
Толстой А.Н. *309;* 373, 402—403, 406—409, 411, 414—415, 420, 423, 426—427, 429, 474, 497—499, 508
Толстой И.Н. *290*
Толстой Л.Н. 17, 25, 27, 141—143, 203; *143;* 427—428, 482
Толстой Н.А. 440
Толстые А.Н. и Л.И. 370, 398, 402, 410, 425, 437, 464, 497
Томашевские Б.В. и И.Н. 448, 461
Томашевский Б.В. 132; *143, 315, 320;* 406, 463
Топелиус Ц. *291*
Топоров В.Н. *325*
Травье Шарль *337*
Тренин В.В. *287*
Туманский В.И. *309*
Тургенев И.С. 22, 27, 90, 194
Тынянов Ю.Н. 68, 95, 107; *109, 125, 306*
Тырса Н.А. 100; *324*

Тышлер А.Г. 464, 491—492
Тэффи Н.А. 439, 494—495
Тюльпановы *333*
Тютчев Ф.И. 135, 164, 183, 197; *322*

Уитмен У. 189
Устинов А.Б. *317*
Уткин И.П. 352, 403, 410, 422, 439

Фадеев А.А. 189, 235; *29, 280, 287, 326;* 376, 384—385, 480
Федин К.А. 58, 103, 189, 233; *58, 326*
Федина Д.С. 189
Федотов П.А. *287*
Фейхтвангер Л. 225
Фет А.А. 203; *203, 322*
Фефер И.С. *338*
Фина, *см.* Хавкина Ж.О.
Финк В.Г. 189
Фирдоуси Абулькасим *290*
Фирсов В.И. *308*
Флетчер Дж. *290*
Фок В.А. *282*
Форш О.Д. *287, 319*
Фрадкина Е.М. 494
Фрейд З. 39, 144; *144*
Френкель В.Я. *281—282*
Френкель Я.И. *281*

Хавкина Ж.О. *284;* 517, 519, 521
Хазин Е.Я. 351, 356, 358—359, 379, 444, 463—464, 466, 473, 494, 496
Хазины Е.М. и Е.Я. 373, 472, 499
Хай Р.М. 101, 114—116, 196, 198, 221; *221,* ***313***
Хаксли О.-Л. *286*
Халатов Н. *316*
Харджиев Н.И. 22, 54—55, 59, 84, 96—97, 100, 113, 153, 173, 190, 195, 213; *59, 153,* ***287—288, 305;*** 346, 410, 413, 469, 493
Харитонов П.Т. 407
Хармс Д.И. 108, 111; ***315—317***
Хейт А. *304*
Хемингуэй Э.-М. 57, 211; 458, 490
Хентова С. 470
Хлебников В.В. 59, 108, 118—119, 205, 213—216; *288, 317, 322—323, 336;* 381, 412, 462—463
Хлопуша А.Т. 224
Ходасевич В.Ф. *331*
Хомяков А.С. *309*
Хренников Т.Н. 401

Цвейг Ст. 144; *144*
Цветаева М.И. 28, 76, 217, 232. 234, 239; *28, 235, 306, 338;* 349—352, 365, 367, 381, 398—399, 405, 411, 455, 457, 464, 473
Цимбал С.Л. 511
Цявловские 493
Цявловский М.А. 193—194; *24, 309;* 382, 416, 426

Чагин П.И. 505
Чаплин Ч.-С. 431
Чапский И. 437—438
Чарская Л.А. 120—121
Чеботаревская Александра Н. 137
Чеботаревская Анастасия Н. 136—137; *136*
Челлини Б. *290*
Чернявский В.С. 193; ***332***

Черняк Я.З. 454, 491, 493
Черубина де Габриак — *см.* Васильева Е.И.
Черчилль У.-Л.-С. 506
Чехов А.П. 210—211; *291, 305, 332;* 383, 481, 491
Чехов М.А. 211
Чуковская Е.Ц. (Люша) 10—11. 22—23. 25. 43—44, 46—47, 52, 63, 72, 84—87, 96, 117, 120, 123, 128, 130, 134, 165, 169, 191, 203—204, 215—216, 229—232, 235—236, 238, 240; *22,44, 284, 305, 318;* 353, 371, 373, 376—377, 379—380, 386, 396, 441, 470, 472, 476, 496—497, 511, 518
Чуковская М.Б. 371, 375, 421, 468
Чуковская М.Н. 511
Чуковский Б.К. *232;* 464—465
Чуковский Е.Б. (Женя) 232, 235—236, 238, 240; *232;* 365
Чуковский К.И. 10—11, 15, 27—28, 49, 59, 90, 104, 112, 166, 189—190, 194, 211, 213, 216, 232—233, 235, 239—240; *59—60, 62, 152, 282, 287, 289, 298, 306—307, 316, 317, 330—331, 338;* 348, 353, 356, 371, 389—390, 410, 422, 443, 451, 474, 511—512
Чуковский Н.К. 103; *103;* 511
Чулковы 484

Шагал М. 495
Шагинян М.С. 70, 172, 183; *309*
Шаляпин Ф.И. 439
Швейцер 53
Шевченко Т.Г. 54
Шекспир У. 82, 102, 134, 190, 202, 211, 226; *59, 277, 290, 312, 320;* 401, 413, 424, 445
Щервинские *109;* 349
Шервинский В.Д. 497
Шервинский С.В. 381—382
Шефнер В.С. 117, 139, 175; *176*
Шилейко В.К. 34, 46, 85, 88, 90, 137, 207, 211; *85, 295—296, 324;* 366
Шилейко Т.В. *296, 324*
Шиллер И.-Ф. 228; *290;* 344
Шильдкрет К.Г. 377—378
Шишмарева Т.В. *324*
Шкловский В.Б. 110, 112—113; *112, 317;* 385, 443—446
Шмидт П.П. 219; 362, 465
Шнейдер М.Я. *338;* 441
Шнейдеры 234; *338*
Шопен Ф. 438
Шостакович Д.Д. 377, 398, 465, 469—470
Штейн С.В. 208; *208,303*
Штерн Л.С. *238*
Шток И.В. 355, 359, 366—367, 372, 376, 378, 386, 389, 397, 419, 422—425, 427
Шток О.Р. 366—367, 373, 376—379, 381, 383—384, 386, 389, 393—394, 396—397, 401, 403—406, 414, 419, 429, 468, 496
Штоки И.В. и О.Р. 366, 368—369, 373, 376—377, 380—381, 383—385, 389, 393, 399, 401, 408, 411—412, 414, 418—419, 425—427, 459, 481
Шувалов И.И. 498
Шухардина Е.И. *333;* 440

Щеглова Н.Н. 431
Щёголев П.Е. 182
Щёголева В.А. 185; *185;* 400

Эйзенштейн С.М. 486
Эйнштейн Альберт *281—282*
Эйхенбаум Б.М. 82, 140; *82, 337*
Элиот Т.-С. *286*
Энгельгардт А.Н. 134, 138; *134*
Энгельгардт Б.М. 461
Энгельгардты 477
Эренбург И.Г. *280, 311;* 426
Эрль В. *317*
Эфрон А.С. (Аля) 398
Эфрон Г.С. (Мур) 398, 411, 418, 428, 444, 447, 454—457, 463—464, 473, 492
Эфрон Е.Я. 455, 473
Эфрон И.А. *314*
Эфрон И.С. 351
Эфрон С.Я. 351, 398
Эфрос А.М. *306;* 377—378, 381—383

Юниверг Л.И. *334*
Юнона — *см.* Дроботова
Юркун Ю.И. *328*
Юфит М.О. 367, 428

Якубович Д.П. 132; *24, 320*
Ярослав Мудрый 26
Ярцев Г.А. 507
Яхонтов В.Н. 25

Иностранные имена

Browning Elizabeth 20–21
Moch-Bickert E. — *см.* Мок-Бикер Э.

Лидия Чуковская.
Ч88 **Записки** об **Анне Ахматовой**. 1938-1941. Том 1.
М.: Согласие, 1997 — 544 с.
ISBN 5-86884-050-х
ISBN 5-86884-051-8 (т.1)

Книга Лидии Чуковской об Анне Ахматовой — не воспоминания. Это — дневник, записи для себя, по живому следу событий. В записях отчетливо проступают приметы ахматовского быта, круг ее друзей, черты ее личности, характер ее литературных интересов. Записи ведутся «в страшные годы ежовщины». В тюрьме расстрелян муж Лидии Чуковской, в тюрьме ждет приговора и получает «срок» сын Анны Ахматовой. Как раз в эти годы Ахматова создает свой «Реквием»; начинается работа над «Поэмой без героя»... А вслед за ежовщиной — война...

В качестве «Приложения» впервые печатаются «Ташкентские тетради» Лидии Чуковской — достоверный, подробный дневник о жизни Ахматовой в Ташкенте в 1941-1942 годах. Впервые факсимильно воспроизводится ахматовский автограф «Поэмы без героя» (1942).

ББК 84.3Р7

Издательство «СОГЛАСИЕ»
в ближайшее время выпускает следующие тома
первого полного трехтомного издания
книги **Лидии Чуковской**
«Записки об **Анне Ахматовой»**

«Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962». Том 2.
Во втором томе рассказано о десятилетии, вместившем смерть Сталина, возвращение из лагеря сына Ахматовой, посмертную реабилитацию мужа Чуковской, издание ахматовских стихотворных сборников 1958 и 1961 года.
Многие страницы книги посвящены Борису Пастернаку, травле, развязанной против него после выхода за границей романа «Доктор Живаго», нобелевским дням, его кончине в 1960 году.
Воспроизведены автографы Анны Ахматовой из архива Лидии Чуковской — надписи на книгах, потаенные строфы «Поэмы без героя», варианты стихотворений.

«Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966». Том 3.
Третий и последний том «Записок» впервые выходит отдельным изданием и печатается посмертно. Лидия Чуковская работала над ним до последних дней своей жизни. Она скончалась 7 февраля 1996 года.
Книга охватывает три года: с января 1963 — до 5 марта 1966-го, до дня смерти Анны Ахматовой.
Не удаются попытки Анны Ахматовой напечатать «Реквием» и «Поэму без героя». Терпит неудачу Лидия Чуковская, пытаясь опубликовать свою повесть «Софья Петровна». Арестовывают, судят и ссылают поэта Иосифа Бродского... Хлопотам о нем посвящены многие страницы этой книги.
В приложении впервые печатаются документы из архива Лидии Чуковской, ее статья «Голая арифметика», а также статья немецкого публициста Ганса Вернера Рихтера «Эвтерпа с берегов Невы», не выходившая по-русски.
Воспроизведены ахматовские автографы «Черепков», страниц «Реквиема» и других «запретных» стихов.

Лидия Корнеевна Чуковская

Записки об **Анне Ахматовой**
Том первый
1938–1941

Редактор *Т. В. Глазкова*
Компьютерная вёрстка *Д. М. Ершов*
Корректор *Ж. О. Хавкина*

Текст набран шрифтами
«Гарамон» и «Петербург»
фирмы ParaGraph International

Сдано в набор 18.05.96
Подписано к печати 30.09.96
Формат 84x108/32. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,66
Тираж 15 000 экз.
Заказ №3280

АО «СОГЛАСИЕ»
113054, Москва, ул. Бахрушина, 28

АО Типография «НОВОСТИ»
107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Лидия Чуковская. 1938 год

Нельзя не вспомнить, что дружба Анны Андреевны, у которой был арестован сын, и Лидии Корнеевны —родилась в страшных тюремных очередях. Этой дружбе мы обязаны *«Записками об Анне Ахматовой»*, лучшим из всего, написанного о великом поэте.

Владимир Корнилов

Документальный роман о двух женщинах — не менее художественный, чем «Доктор Живаго», не менее поразительный, чем сюжеты Флобера...

Борис Минаев